

ВЛАД
СИЛИН

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

МОНОПОЛИЯ НА ЧУДЕСА

Влад Силин

Монополия на чудеса

<http://www.fenzin.org>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160958

Монополия на чудеса: Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-22950-5

Аннотация

Черные тени сгущаются над безмятежным восточноевропейским городом. Неведомый маг-злоумышленник играет судьбами жителей Ведена, шантажируя их, убивая, обрекая на жуткое посмертие и отправляя по их следу адские создания. В ходе запутанного расследования частному детективу Игорю Колесничему придется столкнуться со смертельными интригами древнего магического ордена, члены которого становятся жертвами преступного колдуна. А помогут ему в этом инспектор маголовки Винченцо и бесшабашная студентка Света – ночная фурия Ведена и ходячее стихийное бедствие.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	25
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.	43
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	71
ГЛАВА ПЯТАЯ	109
ГЛАВА ШЕСТАЯ	127
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.	143
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	160
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	172
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.	192
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	206
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	223
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	260
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	274
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.	313
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	346
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	394
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.	424
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	446
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ	465
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ	483
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ,	497

Влад Силин

Монополия на чудеса

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*(Пятница, 10.30,
рассказывает Игорь Колеснический)*

Когда я, прикрывая голову от дождя сумкой, вбежал в подъезд, видок у меня был тот еще. Вахтер оторвался от желто-черного в глянце «Буду для чайников» и грозно сдвинул брови:

– Ваше удостоверение, гражданин?

Я опешил:

– Леонид Степанович, вы чего? Я же Игорь! Игорь Колеснический, частный детектив!

Глаза у дяди Лени сделались оловянные, словно две блесны.

– Ничего не знаю. Объект режимный, положено. У вас там секретарша, сейф с оружием, дела приватные, Интернет... Повынесут все – с кого будут спрашивать? С Лонгфелло?

Против Лонгфелло не поперешь, так что пришлось лезть за удостоверением. Пока я рылся в карманах, вахтер сверлил меня немигающим «авгурским» взглядом. И что за муха его

укусила?

По изразцам вахтерочьей будки змеились золотые блики чар. Те плитки, что от сглаза и порчи, растрескались, другие сияли первозданной чистотой. Ясно дело, боевые дзайаны здесь редко ходят... А обычных посетителей дядя Леня гоняет с девяти до шести с перерывом на обед. Может, и свободное время прихватывает. Я попытался отыскать два секретных изразца (от ревизий и начальничьего самодурства), но не нашел. В уголок, наверное, вмазаны, чтобы проверяющие не наткнулись.

Наконец удостоверение нашлось. Я протянул вахтеру красную книжечку, и тот надолго зарылся в нее носом, временами поднимая взгляд, чтобы сличить фотографию.

– Не похож, – выдал наконец. – Игоря вижу, Колесниченко тоже... А вот фейс-контроль не тот.

– Да побойтесь бога, дядь Леня!..

– Ладно, шучу, шучу... На вот зеркальце, дыхни.

В полной прострации я дыхнул на сверкающую гладь. Стекло затуманилось, и Степаныч кивнул одобрительно:

– Не кадавр, вижу. Чего мокрый-то?..

– Студенты куролесят, – равнодушно пожал я плечами. – Погодники синоптичную базу данных хакнули. Выходной на дождь приходился, вот перенесли.

– Флеш-моб устроили, – задумчиво пробасил дядя Леня. Аскавское слово вышло у него вкусным, словно шоколадный батончик. – А у нас, понимаешь, свои флеш-мобы. На тебе

вот иголочку серебряную. Не бойсь, я ее коньяком протер.

Все интереснее да интереснее. Сперва проверка на кадавровость, теперь на ликантропию... Тыча иглой в палец, я поинтересовался:

– Дядь Лень, не томи. Что случилось-то?.. Доппельгангер в Ведене? Джек-потрошитель?

– Да не... – поморщился тот досадливо. – В гильдии вахтеров вакансия приключилась. Ну, вакансия-то не про наше рыло – Мастер Турникета на пенсию вышел. Но говорят, чтобы его место занять, три квеста надо выполнить.

– И каких же?

– Принести подстаканник Силы, – начал бодро перечислять тот, – отдежурить сутки в мавзолее Всех Святых и поймать восемь вахтеров при исполнении халатности. Сам понимаешь, радеть приходится.

– Понимаю.

Мне стало весело. Шуршит наш цербер, старается... Оказаться среди квестовых восьми вахтеров – это позор на всю жизнь!

– Ладно, Игорек, иди... – Дядя Леня с грустью протянул мне удостоверение. – Лихом не поминай. Вижу, не кадавр ты, а, наоборот, работник дедуктивного фронта. И вот что... Уважь, старика. Черкни в гильдию писульку благодарственную: так, мол, и так, старается Леонид Степанович, радеет. Бдит неустанно. Емейлом, как ты умеешь.

– Обязательно, дядь Лень! – согласился я с неожиданной

покладистостью. И поинтересовался, уходя: – Дядь Лень, а зачем вам вуду? Вы ж не дзайан, колдовать все равно не умеете.

– А это без разницы: дзайан, не дзайан... Враг, Игорек, он ведь не дремлет. А ну как я на вахте, а тут барон Самеди со своими скелетами? И этот, – вахтер скопился в книгу, – Дшб-халах-Уедо? Степаныча-то голыми ручонками не возьмешь! Степаныч – он в теории силен! Сам кого угодно зомбирует.

– Ясно.

Чувствуя, что еще немного и меня придется размораживать, я зашлепал в офис. Вода хлюпала в кроссовках, джинсы липли к телу. Белевшая на лестничной площадке статуя фраваша проводила меня задумчивым взглядом. Я коснулся мраморного крыла (на счастье) и взлетел по лестнице вверх, к дверям родного офиса.

– Даш, привет! – крикнул еще с порога. – Чаю, чаю, чаю! Умираю, пить хочу!

На ходу сдирая куртку и свитер, я помчался в кабинет. Разноцветные осенние листья в вазе укоризненно зашелестели мне вслед.

– Явился, ага, – хмыкнула Дашка. – Воронушек. Начальство не опаздывает, начальство задерживается.

– Не нуди, слушай! – весело отозвался я. – Я тут чуть не погиб. Хочешь вселенскую тайну открою?

– Ну?..

Я придал своему лицу заговорщицкий вид.

– Степаныч изучает вуду! – драматическим шепотом объявил я. – Проклял меня для профилактики, хорошо в зомби не превратил.

– Воро-онушек! – потрясенно выдохнула Дашка и помчалась кипятить воду.

В кабинете моем стояла зимняя тьма. Окна затянуло мутной пленкой, по стеклу гремели градины. На ходу выпрыгивая из хлюпающих кроссовок, я включил компьютер.

Кстати, господа... Проходя через приемную (Дашкину берложку, как она ее сама называет), я заметил кое-что странное. На экране компьютера зеленело поле пасьянса. «Паук» или «Солитер», понятия не имею.

Тут надо объяснить: Даша – манара... ой, ладно, это я объясню позже. В общем, половина пасьянсов из стандартного офисного набора у нее сходится всегда, а другая – так же стопроцентно не сходится.

А вот теперь начинается дедукция. Пасьянсы Дашке складывать неинтересно, однако на компьютере у нее «Паук». Зачем?.. Очень просто: это демонстрация. Для меня. Вот, мол, великий злой начальник-рабовладелец, обрати внимание: дел у агентства никаких, а я в офисе день-деньской, в пятничный выходной жизнь свою молодую-девичью гублю.

Я пошарил по столу взглядом. Где-то должен валяться такой смешной белый прямоугольничек с закорючками и линеечками. Заявление на отпуск называется.

Ничего. Стол сиял чистотой и порядком. В клавиатуре

сдох бы самый неприхотливый в еде таракан. Это лишь подтверждало мой диагноз.

– Дашук!.. – позвал я.

– Если ищешь свитер, он в коробке из-под принтера!

– Ага, спасибо.

– Носки шерстяные надень! Воронушек.

Чайник забурлил, и моя секретарша стремглав бросилась его выключать. Электронике она не доверяет, за те два года, что я ее знаю, чайнику ни разу не удалось выключиться самому.

– Кроссовки на батарею сунь!.. Не высохнут же!

Вообще-то Дашка на четыре года меня младше. Но опекает, как мама, первая любовь и охотник за головами, которому обещали миллион за мои уши. И при этом – никаких планов на мой счет. Как она сама говорит, хорошая охотница в своем огороде слонов не гоняет.

На самом деле она сокровище, моя Дашка. Знает наизусть все кодексы, помнит уйму телефонов и адресов, держит в голове бухгалтерию. Психов распознает за версту. Чай заваривает – все синские императоры за чашку бы удавились.

Потупив взгляд с видом малолетней гейши, Дашка поставила на стол поднос. Я с аппетитом принялся:

– Оулонг?

– Джарджелинг, бестолочь! – притворно обиделась та. – Сорт «Три дзайана», красно-золотая коробочка за десять алеманов. Пора бы уже различать.

– Учту и исправлюсь, солнце!

Я отхлебнул из пиалы и, чтобы не терять времени, свободной рукой взялся за мышь. Курсор ткнулся в конвертик почтового клиента; тот помигал и накрылся крестом.

– Интернет вытек, – резюмировал я.

– Дай гляну. – Дашка изогнулась, заглядывая через мое плечо. – Ага! Погодь, я сейчас.

Она отобрала у меня мышку и радостно полезла в закладки. Щелчок в ссылку «Лечить больную зверюшку»; на экране раскрылась серо-серебряная дзайанская янтра.

– Подруга посоветовала, – бодро отрапортовала Дашка. – У нее парень из хакеров. Говорит, зануда страшный, просто тридцатая серия «Ночного раздора», но в компьютерах се-чет.

Нет, я люблю Дашку! Додуматься же – магией лечить Интернет. Однако клиент мигнул белым, показывая, что новых писем нет. В браузере замелькали заголовки новостей: «Глава гильдии поваров под поводком», «Трехлетний дзайан парализовал воспитательницу в детском саду», «Нужна ли нам инквизиция?»

– Класс! – восхитился я. – А если кабель выдернуть, будет работать? Ну-ка, ну-ка... Эй!

Кабель валялся на полу – в трогательном соседстве с полплиткой шоколадки и счастливым листом клевера.

– Я же говорила! – задрала нос Дашка. – Теперь можно провайдера на фиг послать. У вас, сказать, Интернет хрено-

вый и янтры не грузятся. Дай я тебе шоколадку достану.

Шоколадка оказалась неожиданно съедобной. И вкусной. Я подумал-подумал и решил кабель пока не трогать. Чего, спрашивается, из кресла вылезать? Только разнежился, под пледом пригрелся – нате вам!

Дашка стояла рядом и стригла хитрющими глазами. Руки она прятала за спиной. Я пятой точкой чувствовал ее нетерпение.

– Ну вот, солнце, – сообщил я, допивая чай, – твой шеф подобрел. Можешь начинать.

На стол передо мной легло заявление.

– Игорешик, – торжественно объявила моя неподражаемая секретарша, – я хочу в отпуск.

– Новая любовь? – меланхолично поинтересовался я.

– Это не то, что ты думаешь. – Даша с притворным смущением потеребила край кофточки. – Он обо мне всю жизнь мечтал.

– А ты что? Даш, ты же манара! Ты всегда знаешь, сложится у тебя с человеком или нет.

Моя гордая леди презрительно наморщила носик. Я понял: шутки шутит. Поразвлечься захотелось, в любовь поиграть. Девчонке двадцать три, кровь бушует – просто тра-ля-ля.

– Не пущу.

– Ну воро-онушек! Пожа-алуйста! У меня зимняя депрессия начнется.

– Не начнется, – веско объявил я. – Сейчас октябрь, через двадцать дней переводят часы. Будешь приходить на работу часом позже, уходить часом раньше. Для личной жизни времени – за-ва-лись.

Дашка надулась и уселась на подлокотник кресла. Взъерошила мне волосы:

– Воронушек, давай серьезно. Это ты у нас супермен, а я ужасно устаю на работе, – и добавила с женской непоследовательностью: – Тем более у нас и дел-то никаких нет!

– Нет, так появятся.

– Воро-онушек!..

Опа! Сейчас в ход пойдет тяжелая артиллерия. Секундой раньше, чем Дашка начала реветь, я объявил:

– Хорошо, хорошо! Сейчас половина первого. Если до часа не появится клиент, подписываю. Нет – значит, нет.

– До без четверти! – заупрямилась та.

– Идет! Время пошло.

Обманутая моей мнимой покладистостью, Дашка только сейчас сообразила глянуть на часы. В уголке монитора горело «10.54».

– Обманул! – взвизгнула она, вцепляясь мне в волосы. – Мерзавец!

– Ау-у! Только не по голове! Я ею думаю!

Яростно закусив губу, Даша вызвала окно установки времени. Переставила часы на без двадцати час.

– Вот тебе!

– Уволю! – продолжал завывать я. – Прокляну! Вычеркну из завещания!

– Ну воронушек, ну пожалуйста!.. А потом, хочешь, я к тебе в рабство поступлю?

– Сексуальное? – оживился я.

– Как потребует мой господин!

После такого оставалось лишь согласиться. Мы придвинулись к экрану, азартно следя, как одна цифра сменяет другую. Когда до назначенного срока оставалась минута, почтовый агент пикнул, и его конвертик налился красным.

– Клиент! – обрадовался я. – Ты остаешься.

– Мя-ау! – заныла Дашка. – Вот так всегда... Нет в жизни личного счастья.

С торжествующим видом я полез в ящик. Рано радовался... Письмо выглядело так:

«Родственники пьют вашу кровь? Начальство заказало на вас приворот к работе? У вас аллергия на шерсть и вы хотите завести ручного василиска?

Грандмастер Людей поможет вам!

Глава Веденского ковена, представитель известнейшего дзайанского рода, маг-профессионал, Станислав Людей, магистр дзайанов! Десятая степень в школах фантомии, коннекции и хаосной вакханалии. Не поддавайтесь на дешевый гипноз, идите к профессионалам!»

Слишком поздно я сообразил, что без сетевого кабеля компьютер сможет принимать только спам от дзайанов.

Дашка запрыгала по кабинету, выкидывая па, которым позавидовала бы сама Бернадетт Флинн¹:

– Ур-ра! Красавица Дашуля свободна, как три гуля!

– Как пуля, – проворчал я, ставя подпись на заявлении. Как назло, по закону подлости плед выскользнул из-под руки и зацепил пиалу. Чай хлынул на стол, чудом не залив клавиатуру. Тонкая струйка закапелила по ковролину.

– Все, уже собираюсь! Счета в левом ящике, письма в правом. – Дашка оглядела устроенный мной свинарник и скорчила непередаваемую гримаску: – Как поешь, не забудь вымыть пол. И не скучай без меня!

– Угу... – с кислым видом я полез за тряпкой. – С тобой действительно не соскучишься.

Тут-то оно и произошло. Все замечательные вещи всегда случаются неожиданно.

В дверь позвонили.

Я замер с тряпкой в руках. Клиент! Мысленным взором окинул себя: волосы мокрые, взъерошенные, сам в клетчатом пледе и вязаных носках. Ангел-хранитель с шерстяными крыльями. Детектив называется!

– Трево-о-ога!

Плед и носки полетели в ящик шкафа. Пока Дашка щебе-

¹ Бернадетт Флинн – легендарная исполнительница ирландских танцев, лучшая танцовщица всех времен, миров и народов.

тала в приемной, я влез в неудобные клетчатые брюки и натянул жилет. Картуз с пуговкой бросил на стол. Вообще-то наш гильдейский дресс-код – это что-то, кадавры со смеху дохнут, но иногда приходится. Когда любимые джинсы насквозь вымокли, а в кроссовках хлюпает.

Надо отдать Дашке должное: мой кабинет она защищала, как триста спартанцев Фермопилы.

– Нет-нет, – доносилось до меня, – он занят! Консультирует магистра внутренних дел. Да. И его величество тоже. И Заотара Римского, если понадобится.

Когда гость добрался до дверной ручки, он порядком вымок и подустал.

– Э-э... Игорь Анатольевич? – умоляюще заглянул он в дверь. – К вам можно?..

– Входите, – я сделал приглашающий жест. – С кем имею честь?

– Вениамин Серафимович я. Литницкий. Дзайан в некотором роде...

– Очень приятно. Подождите, – добавил я жизнерадостно, – сейчас закончу с делами.

Вообще-то дзайанам врать не стоит. Мастера фантомии и церковной магии ложь за километр чувствуют. А дел у меня никаких особенных-то и нет... Но врываться без приглашения нехорошо. Очень нехорошо, особенно ко мне.

Похоже, гость это чувствовал. Он сконфуженно шлепнул-

ся в кресло и принялся разглядывать свои руки.

Та-ак. Клиент на дозревании.

Я заглянул в еженедельник. Ни с каким Литницким Даша о встрече не договаривалась. Да и вряд ли бы она затихарила клиента... Она хоть и взбалмошная девица, но порядок знает. В базе данных за Литницким ничего не числилось. Запретной магией, значит, не балуемся...

– Чудно тут у вас, – сообщил вдруг гость, оглядывая маски на стенах. – Спокойно как-то и... и... уверенно. Знаете, у меня предчувствие, что именно вы мне поможете.

– Это уж само собой, – кивнул я, не отрываясь от экрана. – Как ваши дела огородные?

– Не понял?

Дзайан заморгал – похоже, я попал в точку. На лице его отразилось такое восхищение, что мне стало неловко.

– Но как... как вы догадались?!

– Элементарно, Ватсон. Дедукция.

– Дедукция! – с трепетом повторил тот.

Тоже мне бином Ньютона... И не дедукция вовсе, а индукция. Одет Вениамин в яркий китайский пуховик, на голове старомодная шляпа. Лицо в морщинах, ладони корявые, из портфеля ручка грабель торчит. Кто как не огородник?

Но на Литницкого моя проницательность оказала шокирующее воздействие. Прошло несколько секунд, прежде чем морщины на его лице разгладились.

– Хорошо, благодарствую... – поклонился он. – Малинка

вот отплодоносила ремонтантная. Бананы колосятся, киви гроздьями. Кислые, правда. – Старик аккуратно придвинул портфель к креслу. – Попробовать не желаете?

– Спасибо, позже. Лучше вы сразу к делу. С чем пожаловали?

Старичок пожевал губами.

– Я слышал, – медленно начал он, – что в вашем ведении были... кхе-кхе... не совсем обычные расследования. Это правда?

– Об этом лучше не распространяться. Сами понимаете, конфиденциальность.

– Да, да, понимаю. Я и сам бы... того... не хотел. Но, дело в том, что мой случай особенный. Ручаюсь, у вас такого не было.

Все так говорят. И, самое удивительное, никогда не ошибаются. Обычных дел не бывает – по крайней мере у нас, в Ведене.

– Вот и прекрасно, Вениамин Серафимович. – Я улыбнулся. – Может, вам чаю заварить? Даша!

– Чай подождет. – Старичок придвинулся поближе: – Скажите, у вас крепкие нервы?

Я кивнул.

– Хорошо. – Он принялся лихорадочно рыться в портфеле. – Это очень хорошо... Сейчас, сейчас, подождите... Вот она!

В первый миг я даже не сообразил, что это. На стол плюх-

нулась неопрятная, топорщащаяся перьями грязная куча. Потом до меня дошло.

Елки-палки!

– Умоляю спасти от чупакообразов! – с жаром зашептал Вениамин Серафимович. – Дачно-огородный участок площадью шесть соток! Дом, сарай, будка типа сортир...

Я посмотрел на кучу с интересом:

– От кого, говорите, спасти?

– От них, родимых! Вот, смотрите. – Старик перевернул куриный трупик. – Голова разгрызена, потом...

– Вижу. Ну и что?.. Собака постаралась.

Старик всплеснул руками:

– Игорь Анатольевич! Ну при чем же здесь собачка?! Канис, так сказать, вульгарис?! – Он раздвинул пальцами перья, открывая набрякшую синим рану. – Вот след от клыков. И здесь. Смерть наступила вследствие кровавой недостаточности. Перед нами последствия жизнедеятельности дэва, сиречь злобного чупакообраза.

Почтовый агент пикнул – пришли новые письма со спамом. Я удалил их, не заглядывая. Повезло мне... Принесло на голову сумасшедшего.

– Хорошо, – с бесконечным терпением отозвался я. – Давайте подробнее: кто, как, когда, почему.

В дверь постучали. Просунулась любопытная Дашина мордашка:

– Воронушек, а я чай принесла.

– Замечательно! Ставь сюда.

Это я зря, конечно... Психологии Дашкиной не учел. Поднос она плюхнула прямиком на куриный трупик, лишь потом сообразив, что наделала.

От Дашкиного визга перегрузился компьютер.

– Что ЭТО???!!! Воронушек, что это???!!! А-а-а-а-а!!!!

– Ничего особенного, Дашук, – невозмутимо отозвался я. – Наше новое расследование, вещдок.

– Она что, – глаза секретарши округлились, – *дохлая*??!

Я пожал плечами. Ну а что, лучше, если она была бы живая?.. Дашку вынесло из кабинета, как тойтерьеря пылесосом. Вениамин проводил ее неодобрительным взглядом:

– Жена-покойница тоже нервами чудила... Всеми силами вас, так сказать, понимаю и сочувствую.

– Да ладно, – отмахнулся я с веселой бесшабашностью, – все равно она в отпуске. Подождите секундочку.

Уже ничего не стесняясь, я полез с тряпкой под стол. Чайник отстрелявшейся mortarой дымил под креслом. Вытащив его, я заозирался в поисках ложечки. Зловещие тайны зловещими тайнами, а чай все равно заварить надо. Курица укоризненно косилась на меня пыльным глазом. Я притащил из приемной подставку, подключил к розетке. Лихо сдвинув трупик в сторону, шлепнул поднос на изгаженную перьями столешницу.

– Ну вот, – сообщил я бодро, – сейчас все будет. Где, кстати, ваш участок находится?

– Где?.. А в «Светоче». Минут двадцать электричкой. Моложе был, в «Солнцегорье» мотался... Но там, сами знаете, сорок минут рельсами и семь километров пехом. Никаких ног в наличии не предвидится. Разве что телепортацией лететь.

– В «Светоче», – с сомнением протянул я. Это ж во сколько вставать придется, чтобы туда ехать? – Ладно. Вы рассказывайте, рассказывайте. Давно твари появились?..

– Твари-то? Прошлой неделей. Серые такие, пушистые. На зайцев похожи. Я чего удивился, когда вы собачку-то гипотезой приплели. Викуха моя чупакообразов ужас как боится. А вы говорите – собака!

Вода возмущенно забурлила. Я вытряхнул старую заварку в мусорник, залил кипятком новую и оставил чайник под полотенцем – доходить. Гость тем временем продолжал свою удивительную повесть:

– ...смотрю, а Викуха под крыльцом сидит. И воеет, воеет. Жалостливо так воеет. Жена-покойница очень собачьего плача не любила... Как услышит, сразу за сердце. В осмыслении недостаточности.

– Ясно.

– И перья вокруг.

– Понятно. Курицу сразу нашли? – Я протянул пиалу бухгалтеру: – Вы пейте, не стесняйтесь.

– Курицу-то?.. Курицу нет, благодарствую. Пацаны откопали. У них в лесу чисто масонская ложа. Нет чтобы школу

осваивать, уроки изучать. – Старик деликатно отпил из пилалы и зажмурился от удовольствия: – М-м! Грузинский?..

– Оулонг. Из Китая.

– То-то гляжу, не наш чаек... Не индийский, не краснодарский. Жена-покойница любила настои почаевничать.

Понемногу этот замечательный старик разговорился. Правда, полезную информацию из него приходилось выколачивать только что не монтировкой. По всему выходило, что дзайан вел ангельское существование. Ни с кем не ссорился, завещаний не писал, книг с запретными заклинаниями в доме не держал. Будь я мастером дзайанов, уж точно устроил бы себе жизнь поинтереснее.

– К Ясне обращались? – деловито спросил я. – Все-таки дела чудесные в ведении церкви. Вызвали бы инквизицию, те участочек почистили, туалет типа сортир святым пламенем...

– Благодарю покорно! В мой дом – аснатара патлатого?!

– А к дзайанам?

Вениамин замкнулся в мрачном молчании. Он же сам дзайан! – вспомнил я. Ему у коллег помощи просить хуже бриллианта в почку.

– Ладно, ладно, хорошо. – Утопая в океанах раскаяния, я достал бланк договора. – Заполните, пожалуйста. Цена – три тысячи алеманов. Вас устраивает?

Судя по тому, как торопливо кивнул старичок, я мог просить и триста тысяч. Законную треть он выдал без разгово-

ров и даже не потребовал расписку. Эх его приперло!

– Оставьте ваш телефончик и координаты, – предложил я. – Пока же заедем к вам, посмотрим на месте.

– Прошу прощения, дражайший Игорь Анатольевич! – отчего-то испугался тот. – Не сегодня, не сегодня!.. Послезавтра – в любое время, с утра до вечера. Буду на даче безвыходно!

– Ладно. Послезавтра, значит, послезавтра, – согласился я. Мне тоже не улыбалось срываться куда-то в «Светоч» к Ариману на кулички.

Дрожащей рукой старик вывел на отрывном листке календаря несколько строк.

– Тут еще адресок в городе... – робко проблеял он. – Будете мимо – всегда рад! И зелени вам оставлю, – достал из портфеля пакет с пучками травы и выложил на стол. – Базилик, слизун, укропчику, любисточку опять же. Со своего огорода. Огурчики там тепличные. А курицу...

– Курицу заберите. Что мне ее – в суп класть прикажете?

– Хорошо, хорошо! Как прикажете, милейший Игорь Анатольевич. Всего вам доброго!

Меленько кланяясь, дзайан заспешил к двери. Через несколько секунд его шаги раздробились на лестнице, затихая. Дзайан умчался из моего кабинета сломя голову, словно орды Дшбхалах-Уедо преследовали его. Таинственный старик!

Проводив гостя, я прошелся от окна к столу. Оскаленные

морды монгольских богов сочувственно пялились со стены.

Дэвы, значит...

Чем-то старик-огородник меня смущал. Замечательная история с чупакаброй, которую маг упорно звал чупакобразом, звенела фальшивой нотой. Где-то этот неповторимый мастер магистров хотел меня надуть.

Где?..

Поразмыслив, я решил в частном порядке проконсультироваться у дзайанов. Спам, что свалился, пока мы спорили с Дашкой, пришелся очень кстати.

Я открыл почтовый ящик, отыскал письмо и нажал кнопку «ответить». Компьютерные гуру в один голос утверждают, что делать этого нельзя. Но я-то знаю, что маги мэйл-роботами не пользуются! Для этого они слишком возвышенно мыслят.

«Уважаемый господин Людей! – меланхолично настучал я. – Возникла насущная необходимость прояснить...»

Тут я задумался. Магам следует писать четко, коротко, по существу. Они это любят. Так что я стер все, кроме первого предложения, и напечатал: «Нужна консультация». Подпись – и в путь.

Ответ пришел сразу же.

«Буду рад знакомству. Приходите через сорок минут в «Ксанаду». Пропуск в сейфе. Станислав Людей».

«Ксанаду»? Элитный ресторан магов-дзайанов, куда обычному человеку в жизни не попасть?!

Все интереснее и интереснее.

Что ж. Некоторые проблемы решаются сами собой. Я открыл сейф, где у меня хранились кое-какие документы и оружие. Перевинченная из сувенирного яйто катана и «эфа» – старенький восемнадцатизарядный пистолет. Магии в нем почти никакой: «умный» предохранитель, чара от гремлинов, защита от «малого шепота». Зато почти не фонит, и дзайаны его не видят.

Повертев пистолет в руках, я спрятал его обратно. Время разбрасывать камни еще не пришло.

Карточка, о которой говорил Людей, лежала тут же – кокетливо засунутая под шнурок меча. Я мельком осмотрел ее. Обычная ресторанный визитка. В уголке тиснение золотом: «Игорь Анатольевич Колесничий, гость ковена». Логично. «Ксанаду» – ресторан дзайанский. Он меняет свое положение, так что отыскать его могут лишь сильные маги или их гости. Вряд ли господин Людей так встречает всех своих клиентов.

Чем-то я для него важен.

Сняв с батареи высохшие джинсы и свитер, я переоделся, а потом отправился в город.

ГЛАВА ВТОРАЯ

(Пятница, 13.30,

рассказывает Игорь Колеснический)

Где и как искать «Ксанаду», я не имел ни малейшего понятия. Просто брел нога за ногу по улицам Ведена, наслаждаясь осенью и хорошей погодой. Магические тучи над головой рассеялись, и небо сияло умытой акварельной голубизной. Под ногами шуршали опавшие листья. Обожаю, когда листья засыпают старинные чугунные решетки... Что-то при этом просыпается в душе – детское, мечтательное.

Хотел бы я знать, трогает ли Дашу листопад? Она ведь у нас манара...

Пора вам, пожалуй, рассказать, кто такие манары. Дело в том, что у людей и дзайанов строгое разделение обязанностей. Дзайаны могут колдовать, но у них нет на это маны – магической энергии. А у нас энергии завались, вот только использовать мы ее не умеем. Чтобы найти силы для заклятий, маг накидывает на человека так называемый «поводок». На одного, другого, третьего... слишком много поводков набрасывать нельзя: сила и безумие всегда ходят рука об руку.

Говорят, монахи Ясны – те, что прячутся по монастырям, – носят поводок самого Заратустры. Это выходит, пророк живет уже шесть тысяч лет. А мир до сих пор цел. На-

верное, с долгой жизнью маги становятся мудрыми, спокойными и ироничными. Потопы, чумные поветрия и огненные горы с небес теряют для них свою неизъяснимую прелесть.

Люди же под поводком (их называют «манарами» или «поведенными») здорово меняются. Они перестают мечтать. Просто живут себе как живется... Нет, им хорошо живется: ни болезней тебе, ни мыслей дурных. То, что Даша про депрессию языком трепала, – это она кокетничала. Случайности напрочь исчезают из жизни. То, что тебе положено, само в руки придет, а не положено, так хоть в лепешку разбейся, ничего не будет.

Вот только это скучно... собственно, потому Дашка у меня и работает. Еще есть у нее развлечение – романы крутить. Дело в том, что манар всегда наперед знает, сложится у него с человеком или нет. Иногда влюбленные, чтобы проверить свои чувства, отправляются к дзайанам. На коленях умоляют о поводке, «дабы явить миру их вселенскую любовь и нерушимую крепость уз». Случается, правда, что «крепости уз» и в помине нет. Неудачливые влюбленные выходят потом из ковенских храмов – глаза в землю, щеки красные. И друг на друга не глядят, словно незнакомы.

Но это редко. Обычно все-таки остаются друзьями.

Некоторым такая жизнь нравится. Они бы в поведенные за любые деньги, да вот маги не хотят... Маны-то с каждого манара («обманутого» на их жаргоне) по-разному выходят. У одного столько, что горы мизинцем свернешь, а у другого

– песчинку чихом не передвинуть.

Это как-то связано с творчеством – потому что творить манары не умеют. Если манар пишет песню, помидоры со смеху вянут. Картины, книги тоже выходят не очень, хотя на вкус и цвет товарищей нет.

А еще из манаров получаются отличные друзья.

Как из Дашки, например.

Так вот, неспешно размышляя, я дошел до Веронских садов. К чугунной ограде сада прислонилась заляпанная краской доска. Один ее конец упирался в землю, другой нависал над садом реей пиратского корабля.

Ага, вот и приглашение! Просто и доходчиво.

Я пробежался по доске, показал метрдотелю карточку (тот сонно прикрыл веки) и с воодушевлением вынырнул на выложенную разноцветным мрамором площадь.

Место сразу же влюбляло в себя. Я отлично понимаю магов, что прячут такое чудо от непосвященных.

Кое-где стояли столики. Их было мало: от одного до другого пришлось бы кричать, надрывая горло. Дзайяны обедали с таким видом, будто, кроме них, во всем мире никого нет. Дальний край площади обрывался в море; в синем небе покачивались мачты пинасс, белели паруса фрегатов; море баюкало в кружевной пене узкие стручки гондол. Что там, за морем, интересно?

Долго размышлять не пришлось. Пухленькая Коломбина – с рыжими кудряшками и кукольным удивленным лицом –

с энтузиазмом вцепилась в мой локоть.

– Гость?! Вы – гость!

Говорила она так, словно сама идея речи приводила ее в восторг.

– Что будете заказывать?! – воскликнула она. – Только единорожины нет! И печной василисятины – угольные ямы не работают!

Некрасивое лицо Коломбины дышало счастьем. Отчего-то ее восторг передался и мне. В тот миг я мог поклясться, что неработающие угольные ямы – это прекрасно.

– У нас чудесный салат-бар! Недавно открыли! Всего два алемана, и ешьте сколько влезет! Хотите, я вам о нем расскажу?!

– Солнце, я не хочу салата.

– А Шевелящего Щупальцами Глубинного Ужаса?!

– И морепродуктов тоже.

– Тогда я принесу вам воды! Минеральной! У нас очень вкусная вода!

Ветер плеснул в лицо ароматами моря. Того моря, что бывает во снах: пахнущего солью, раскаленными под солнцем досками, смолой и парусиной. Здесь, среди мачт и башен, я чувствовал себя дома. Словно долго-долго путешествовал, а потом вернулся и оказался среди добрых друзей.

Один из гондольеров помахал мне, и я ответил на приветствие.

– Где я найду Людея? – поинтересовался я у Коломбины.

– Грандмастер сказал – выбирать вам! – счастливо выпалила та. – Где хотите! Любое место!

Что ж... Я огляделся. Сидеть за столиком, пожалуй, скучно. Не обращая внимания на предупреждающие крики Коломбины, я побрел вдоль причала.

Возле укутанной в золотисто-зеленый бархат гондолы меня накрыло предчувствием. Вот оно – мое место. И гондола эта покачивалась на волнах целых двадцать семь лет – с самого моего рождения, ожидая, когда я наконец появлюсь. Я храбро шагнул через борт и опустился на вытертую до бронзового блеска скамью.

Кадавр-гондольер уставился на меня белыми яшмовыми глазами.

– Наконец-то, – усмехнулся он, коверкая слова на невообразимый манер. – Я уж решил, что ты «кайрэ косэ» – человек без приюта. Но Людей не ошибся. Отсюда начнется твой новый путь.

На причале испуганным зверьком застыла Коломбина. В глазках-пуговках плескались восхищение и страх.

– Ой! – восторженно прошептала она. – Он заговорил с вами! Они ведь ни с кем не говорят, да! А я... я тоже это слышала!

– Вот и прекрасно. – Я шаловливо усмехнулся и повернулся к гондольеру: – Может, скажешь ей что-нибудь? Обрадуешь девчонку на всю жизнь.

Кадавр заколебался. Похоже, им действительно не все

равно, с кем говорить... Решившись наконец, он повернул к официантке слепое лицо:

– Слушай, торопыга. Один клиент оставит тебе на чай фальшивую монетку. Догони его. Скажи, что он оставил свой талисман. И сама станешь его талисманом.

Коломбина задохнулась от счастья. Пользуясь мгновениями тишины, я заказал ризотто с трюфелями в белом вине и бокал испанского. На экзотику меня не тянуло. Попрыгунья унеслась, а я вздохнул спокойно.

Но ненадолго.

Вернулась болтушка спустя несколько минут. Чуть не сверзившись в воду, протянула мне бокал, истекая волнами обожания.

– Вкусно?!

– Очень.

– Сейчас будет ризотто! Подождите!

И вновь убежала. Я глянул на часы. М-да... Минут через сорок и через сорок минут – две большие разницы. Необязательность магов – это, конечно, притча во языцех, но не настолько же. К счастью, тут появилась Коломбина, крича:

– А вот и ваш друг! Спасибо вам!

К столику действительно шел Станислав Людей. Длинный, худой, сутулый – эта сутулость придавала ему особенный экстравагантный шарм. Седые виски, крючковатый нос, борода-эспаньолка. В юности я завидовал бородачам. У меня самого, как ни старался, росла лишь трехцветная смеш-

ная мочалка.

– Игорь Анатольевич? Здравствуйте, дорогой! – Дзайан протянул руку.

– Здравствуйте, Станислав.

– Я смотрю, вы со вкусом устроились.

– С ним кадавры разговаривают! – восхищенно наябедничала официантка. – И запросто!

– Это правда?

Я пожал плечами. Правда, нет, какая разница?.. Людей рассеянно взял из моей руки бокал. Понюхал, посмотрел на свет.

– Позвольте?

Я кивнул. Он отпил маленький глоточек, поморщился и выплюнул.

– Акта Лапута... Чернила, полусухое прошлого века. И как вы это пьете?

– Ну, я до вин небольшой охотник.

– Еще бы! Вы не охотник, вы траппер. – Людей махнул рукой. – Эй, балаболка! Сюда немедленно. В каталоге, – он обернулся ко мне, – об этой дряни пишут «имеет аромат виноградного изюма». Действительно «виногадного», лучше не скажешь.

Официантка с собачьей преданностью подбежала к Людею. Тот поманил пальцем и, когда Коломбина придвинулась, о чем-то спросил. Девушка обрадованно закивала:

– Сухого?!

– Полусухое – это полумеры, – отрезал Людей. – Бодяга из Риохи, запомнила? Год смотри не перепутай!

– Хорошо!

– Постой. – Станислав бросил плащ на скамью и уселся. – Дай сюда меню.

Читал он долго, шевеля губами и морща лоб. Все это время официантка стояла подле столика. Наконец он заказал жаркое из мяса василиска. Подробно объяснил, как оно должно жариться и во что он превратит шеф-повара, если не заработают угольные ямы.

Когда официантка умчалась, Людей похлопал кадавра по плечу:

– Можете отправляться, друг.

Тот молча кивнул. До разговора с Людеем он так и не снизошел.

Весло прочертило воду пенным зигзагом. Причал неспешно уходил вдаль. Мне стало интересно, как бедняжка Коломбина принесет заказ. Поплывет кролем с подносом на вытянутой руке? Или у них бочонки на шее, как у сенбернаров? Представив эту картину, я рассмеялся. Людей с недоумением покосился на меня.

– Да так, – весело отозвался я. – Не обращайтесь внимания. Мысль одна пришла в голову.

– Вы жизнерадостный человек, – одобрительно кивнул грандмастер. – Что ж, тем больше у нас шансов столкнуться.

Солнце припекало совершенно по-летнему. Я бросил

куртку на дно гондолы. Брызги с весла гондольера обдавали кожу приятной прохладой.

– О чем вы хотели говорить со мной?

– О тварях. Похоже, мне предстоит охотиться на нечисть.

– Созданную, вызванную, трансформированную? – деловито поинтересовался Людей. – Нежить? Имейте в виду: чтобы убить аспида, нужна громкая музыка. Мои студенты используют «Ночной шепот». Если встретите грима, его нужно обляять.

– Обляять?!

– Да. Эта кладбищенская тварь боится собак. Упыря можно упокоить, полив могилу «Волко-Лакой». Можно использовать «Пепси-Лаку», но результат много хуже...

– Господин Людей, не будем вилять. Я собираюсь встретиться с чупакаброй.

Людей восхитился:

– Да вы парень не промах! Как насчет небольшого перформанса?.. Вы не против одного дзайанского чудачества?

И, не дожидаясь ответа, прищелкнул пальцами. Кадавр со вздохом протянул ему гитару.

– Эль чупакабрас, значит... – задумчивым голосом произнес Людей. – Ужас мексиканских долин, убийца коз, кур и любви к бифштексам с кровью. В Сан-Педро и Ла-Флориде о нем складывают удивительные баллады.

И, ударив по струнам, запел:

Если встретишь чупакообра,
Попрощайся со всей родней.
Это мерзость, кошмар, зараза,
Словно мизер сыграть без одной.

Он твои ботинки сгложет,
Он понюхает твой пиджак,
И ничто тебе не поможет,
Не спастись от него никак.

Эль-чупакабра, ай! эль-чупакабра!
Эль-чупакабра, ай! чупакабрас!

Я улыбнулся. Маги трепетно лелеют свою экстравагантность и непредсказуемость – считается, что это помогает в хаосных заклинаниях. Людей пел замечательно, и я не смог удержаться. Из-под скамьи торчали плетеные ручки маракасов. Поймав мелодию, я принялся отбивать такт.

Синьорита в красном сомбреро
На фазенду несла обед.
Но явился ей ужас прерий,
Есть сомбреро, мучачи же нет.

Если ты настоящий мачо,
Если чили горит в крови,
Дай кошмару каньонов сдачи,
Ужас прерий в шмотье порви.

Эль-чупакабру, ай! эль-чупакабру!

Эль-чупакабру, ай! чупакабрас!

Маг отложил гитару в сторону.

– Это грустная история, друг мой... Многие храбрецы сложили головы, пытаясь справиться с чудовищем. Как я понимаю, вы... Слушайте, Игорь, – обычным голосом продолжил он, – а давайте на «ты»? – И, не дожидаясь согласия, продолжил: – Ты ведь не просто так меня разыскивал. Дела с Литницким, да?

– Да. Но как вы... ты догадался?

– Игорек, запомни: встречаешься с магом – никаких документов. Спрячь, порви, выброси. У тебя в кармане договор с Литницким. А я глава Веденского ковена, и неприятности мне не нужны. Поэтому я хочу тебя кое о чем предупредить.

– Слушаю внимательно.

Я протянул пустой бокал, и Станислав плеснул мне вина. «Бодяга» оказалась не в пример мягче того, что заказал я, но большой разницы все равно не чувствовалось.

– Литницкий – один из сильнейших магов Ведена. По силе он многократно меня превосходит.

– Грандмастера и главу ковена?!

Дзайан грустно усмехнулся. Так усмеваются разжалованные из правительственных магистров политики. Интриги, интриги...

– Сила Литницкого в поводках. Я подозреваю, что он опутал сетями сотню манаров или больше. Естественно, это не могло не сказаться. Даже дзайаны боятся безумного Вениамина, что уж говорить о людях?

Над бортом возникло сверкающее облачко. Из него вынырнула девчоночья рука со сколотым на ногтях лаком и принялась расставлять миски. Один раз она промахнулась и поставила соус мне на колени. Я едва успел подхватить чашку.

– История безумия Вениамина, – принялся рассказывать Людей, – уходит своими корнями в Средние века. В девятьсот девяносто шестом² году римский заатар Урбан II объявил Крылатый поход против мусульман. Рыцари-крылоносцы со всей Европы ринулись на Восток. В их числе был один из

² Для особых зануд: существуют два календаря – церковный и дзайанский. Церковный очень сложен, отсчет времени идет со дня рождения Заратустры (это около шести тысяч лет тому назад), а дни обозначаются примерно так: «день Гош месяца Михра» или того хлеше: «день Дайя при дне Дэн месяца Дайя». Пользоваться им без страха свернуть мозги невозможно. Дзайанский же родился случайно. Три дзайана-волхва заблудились в пустыне. Силы у них кончились, но, на их счастье, в небе проглянула звезда. Идя за ней следом, дзайаны выбрали к дому некоего простолюдина. У того как раз родился ребенок. Счастливым отец накормил гостей, а узнав, что тем нужна магическая энергия, предложил своего новорожденного сына в манары. Наброшенный поводок дал невообразимо много маны: ребенка ждала удивительная судьба, теперь, правда, уже никто не знает какая... Дзайаны щедро расплатились с хозяином. Впоследствии, когда один из них создал новый календарь, в качестве точки отсчета он взял дату рождения этого мальчишки. И это при том, что толпа королей, императоров, святых и пророков на коленях умоляла об этой чести.

предков Литницкого. Да, последователи дзайана Мухаммеда сражались храбро... Но кто мог противостоять этой замечательной крылатой своре? Ислам потерпел безоговорочное поражение.

Из мусульманских земель рыцари привезли много сокровищ. Золотые блюда-микроволновки, мечи-маньяки, цепи Гименя, многосерийные остросюжетные гобелены, зеркала-стилисты. Потомки старого мародера до сих пор живут на деньги, вывезенные из арабских волшебных пещер. За крохотное колечко на аукционе Сотсби дают полтора миллиона алеманов или пожизненную лицензию на отстрел попсовиков. Некоторые вещи, правда, старый рыцарь продавать запретил. В том числе аль-Бариу – мистический кинжал, наделенный непознаваемой магией.

– И что, – заинтересовался я, – никто не знает, как он действует?

– О да! Кинжал есть, магия тоже... сильная, могущественная, но для чего она? Загадка. Известно только, что сосредоточена она в рубине, что украшает рукоять аль-Бариу. Вениамин дни и ночи проводил в библиотеках. Он досконально изучил историю Средних веков, он бредил Крылатыми походами и суфийскими магами. Старик часами просиживал в сокровищнице, любуясь на переливы тузасской стали. Но тайна не давалась ему. А однажды он обнаружил в хранилище мышь. Ну, сам понимаешь, какая тут безопасность, когда мышь! В поисках магической защиты Вениамин поднял

на ноги весь ковен. Мы устроили конкурс, однако контракт уплыл в руки нахального выскочки – без степени и диплома. Позорному дилетанту, чье единственное достоинство заключается в хорошо подвешенном языке.

– Бывает, – с воодушевлением перебил я. – Помню, один клиент...

Но Людея оказалось не так просто сбить с толку.

– Выскочке, – продолжал он твердо, – поначалу возмутительно везло. Совершенно случайно его защита работала на высочайшем уровне. Но однажды она дала сбой. Когда в сокровищницу забрался вор, аль-Бариу выскочил из витрины и пронзил его сердце. Вот только, – маг поморщился, – дилетант есть дилетант. Он использовал мое заклятие «Умри v1.23», но не поставил все необходимые патчи. А в магорите был баг. Вор бежал из сокровищницы, унося кинжал в своем теле. Хорошо хоть, это была лицензионная, а не пиратская версия, а то не видать Литницкому техподдержки, как своих гланд. Наши ребята проконсультировали его, как убрать пятна на полу и расставить опрокинутые стулья. Похитителя, правда, не нашли... но не все же сразу!

– А дальше? – жадно поинтересовался я. История меня впечатлила.

– Дальше... Вениамина этот случай вверг в депрессию. Он зачудесил и присвоил все белые листы дома Литницких. Это правительственные разрешения на поводки, – пояснил Людей, видя непонимание в моих глазах. – Дело в том, что

Вениамин – глава рода. Как обычно бывает в таких случаях, жуткий деспот и самодур. Посадил родственников на безманый паек, а сам стал приманивать на дарманшинку разных обманщиков и манаферистов. Говорит, собирается построить абсолютную защиту. Таковую, чтобы и самому спрятаться, и сокровища укрыть.

– А чупакабры...

– Не знаю. Возможно, и нет никаких чупакабр. Возможно, у Литницкого просто манаакальный синдром от избытка маны. Знаешь, Игорек, я бы не советовал идти к старику... Кто знает, для чего ты ему понадобился?

Хорошо поговорить с мудрым, знающим человеком! Я думал совершенно так же. Вот только дело это насквозь провоняло тайнами, а я люблю загадки.

– Извини, – развел я руками. – Вопрос профессиональной чести. Не обсуждается. Ты лучше скажи, чем можешь помочь? Какой-нибудь талисман, заклятие?

– Талисман... – Людей задумался. – Та-ли-сман. Знаешь... Есть один талисман, точно! Света.

– Талисман света?! Это уже интересно.

– Да нет! – поморщился маг. – Не света, а Света. Девчонка у меня в студентках, такая забавненькая. Хорошая дзайана, между прочим. Пока в звании знатока, но лет через пять-семь может и на мастера³ вытянуть.

³ Степени дзайанов по возрастанию: неофит, знаток, мастер, грандмастер, аватар магии.

Я покачал головой:

– Станислав... Может, побережем девчонку, а? Дело, ты же говоришь, опасное.

Дзайан посмотрел на меня с симпатией:

– Ну, во-первых, она не девчонка, а дзайана. Во-вторых, она знает и умеет очень многое. А в-третьих, Света придется Вениамину дальней родственницей. Старик повернут на семейных узах. Если он стал манааком, это дает шанс. Другого шанса я не вижу. – И, порывшись в карманах, протянул мне пистолетную обойму: – Возьми на всякий случай. У тебя «эфа», я знаю. Должно подойти.

Я подбросил обойму в ладони.

– Против чего пули?

Грандмастер пожал плечами:

– Сразу и не скажешь... Против тварей фантомии: найт-мары, спектры, полтергейсты. Против призванных монстров тоже пойдут. Кадавра сможешь завалить, – правда, не такого сильного, как ксанадский. – Он покосился на гондольера. – Против нежити бесполезно: скелеты лучше руками разбивать, а зомби упокаивать холодной сталью. Вот, в общем, и все. Ну как?

– Спасибо тебе!

– Помощь Светы примешь?

– Если она согласится.

– Согласится. Я ей практику зачту и экзамен по вызыванию.

Мне стало смешно. За экзамен любой студент Ариману душу продаст и друджвантом станет. Я ощутил к незнакомой студентке симпатию.

– Хорошо. Тогда передай ей, что завтра встречаемся на Бастионной горке. В девять, пусть не опаздывает.

– Бастионная, в девять. Отлично.

Горизонт вскипел кремовой дымкой: приближалась земля. Я поворошил ложкой забытое ризотто. Надо же, столько времени прошло, а до сих пор не остыло... Поварская магия, не помню, какая ступень. Заклятие «Горшочек грей».

– Кстати, – вспомнил я, – сколько с меня за консультацию?

– Нисколько, – вздохнул Людей. – Видишь ли, какое дело... Сто лет назад произошло одно недоразумение. Веденский грандмастер поссорился с кадаврами-перевозчиками «Ксанаду». В результате мы лишились очень удобного вида транспорта. Всех, кто пытался подойти к краю причала, перевозчики испепеляли на месте. Не знаю, чем ты их так паразил, но эти непостижимые ребята сменили гнев на милость. Земля на горизонте – остров их гуру. Уж конечно, я не упущу случая извиниться за своего предшественника. И, – он нарочно повысил голос, глядя на перевозчика, – принести богатые дары.

– Бесценные дары, – отозвался тот сварливо. – И не вздумай откупиться бусами и зеркалами! Наша харонида несколько лет проработала в одном из ваших банков гипсовой девушкой с веслом. Слова «инвестиции» и «обшир-

ное кредитование» отныне не являются для нас мистической тайной!

Людей помрачнел. Не всем, оказывается, разговоры с ка-
даврами приносят счастье...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ИНТЕРЛЮДИЯ

*(Отдохновение, 17.50,
рассказывает Алексей Озерский)*

Пока я зачищал кухню, в комнате отдыха успела натечь лужа. Ковер скукожился, и края его загнулись внутрь высохшими апельсиновыми корками. Эти фокусы я помню: победишь – обязательно цепанешься за край. Да и лужа в кислотной зелени не радуется. Еще выпрыгнет какая-нибудь зараза.

Стараясь держать лужу в поле зрения, я выглянул в коридор. Темнота выплюнула психоделическую красно-оранжевую амебу. Я проследил ее траекторию до момента, как она врезалась в стенку, превратившись в плесневелую крысу. Та нырнула под батарею.

Весело. Дэвы шалят, а на всех меня не хватит. Хорош бы я был, сунься просто так... Там наверняка парень с мечом. Его только из подствольника и возьмешь. Еще можно бросить гранату, но их не так много. А гаденыш слишком хорошо знает окрестности.

Жаль, город я упустил. Центр полыхает, туда не сунуться. Река отравлена, друджванты держат мост. Эти твари даже аснатаров не боятся! Но если бы аснатары не путались под

ногами, ух бы я зажег! Дэвам бы тошно стало.

Поставив переключатель фонарика на максимум, я стрейфанул в опасный проем. На этот раз сюрпризов не было. Мечник умотал по своим неблагим делам, сдав мне полуразрушенную лестницу и открыв путь к дэвовой молельне. На всякий случай я помаячил в проеме, вызывая огонь на себя.

Никого. А в стене еще и тайник – с двадцатипроцентной аптечкой и двумя винтовочными обоймами! Везет мне сегодня!

Раз так, пора идти дальше. Винтовку на инфракрасный прицел и вниз – по разгромленной лестнице. Косая тень прыгает по ступенькам, цепляя заржавленные прутья арматуры. Стальные искры горят на свежих сколах. На круглой стене возникает силуэт чупакабраса, и я снимаю тварь влет, не задумываясь.

Я – Брави! Жаль, дэвам не выучить моего имени... Я мщу за город! Быть может, меня запомнят те, кого я спасу. Должны запомнить, что я, зря стараюсь?

Везения мне хватило минуты на три. Потом лестница кончилась, и под ногами раскрылась бездна. Когда башню взрывали, ее бок лопнул вдоль, как сосисочная кожура. Серпантин лестницы продолжается метрах в пяти ниже того места, где я стою. Замечательно, правда?! Для дэвов это не проблема: у многих есть крылья. Мне же придется хорошенько подумать, как спускаться.

Я сел на иззубренный край пола и свесил ноги вниз. У

подножия башни пульсировало оранжевое сияние и кричали заблудшие души. Там начинался неблагодой крематорий.

Лучше туда не падать...

Поводив фонариком по стене, я обнаружил еще один путь. Разорванная арматура свисала, словно ключья паутины, почти касаясь бетонного пяточка спецкоридора. От взрыва тонкая скорлупка стены обрушилась. За ней из груды бетонных обломков торчал унитаз.

Совершенно целый. И туалетная бумага сохранилась.

М-да... Юморок у ребят.

Никогда не задумывался о том, что в башнях безмолвия есть туалеты. А также кухни и комнаты отдыха. Но ведь должен же где-то отдыхать персонал? Не все же время они над трупами молитвы читают.

Я встал на сверкающую серебром нить. Мир качнулся, на миг накренившись, и вновь выровнялся. Аттракцион, блин! Сюда бы Светку рыжую, эту сумасшедшую из «Лесного ко-та». Интересно, прошла бы?

Может, и прошла бы. Она отчаянная, а судьба таких лю-бит.

Подошвы заскользили по арматуре. Идти приходилось «скрадом» – медленнее, но надежнее. После каждого ша-га «паутина» качалась, и мне приходилось останавливаться, чтобы восстановить равновесие.

На трещины в стене напозил силуэт чупакабраса. Здравствуй, голубчик! Умница ты моя. Стрелять с паутины – вер-

ный способ загреметь вниз, в неблагой крематорий. А у меня нет девяти жизней, как у кошки.

Но я знаю один смешной фокус, и он...

В этот момент зазвонил телефон. Я прошипел сквозь зубы проклятие.

Когда до края площадки осталось чуть-чуть, нога соскользнула. Ни на что не надеясь, я прыгнул.

Чуя поживу, чупакабрас метнулся навстречу.

Ну, держись, зверюшка!

Полумрак озарили вспышки выстрелов. Голова твари разлеталась в кровавые брызги, а меня отдачей сбило вниз. Стены башни прыгнули вверх, размазываясь. Их место заняли огненные кишки крематория.

Отточенные прутья арматуры прорвали тело. Камера повернулась вокруг своей оси, показывая оскаленные черепа неблагих аснатаров и герцогов друджа. Твари трудолюбиво маршировали на месте, оскальзываясь в кипящей лаве.

Я стянул с головы наушники и барским жестом поднес трубку к уху.

– Алло, Алексей? – поинтересовалась та охранничьим голосом. – Закругляйтесь, пожалуйста. У нас заявочка ваша – написано до шести.

– Не может быть! – бодро отозвался я. – Посмотрите: Ферад Васильевич говорил, есть другая. До полвосьмого.

– Извините. Сейчас поищем.

В трубке клацнуло; охранник полез рыться в заявках.

Смешной народ! Ну сидит человек на работе, ну вечером, ну в выходной. Монстров отстреливает. Им-то что?

«Ескейп». Хватит на сегодня. Я сладко потянулся, похрустывая косточками. В менюшке высветилось «Выход в Windows», и программа с идиотской дотошностью осведомилась: «Сохранить текущую игру? (да/нет)». Ага, щас! Я развеселился. Меня убили, я ж еще и сохраняться буду! Спасибо огромное! Одно прохождение я уже и так запарол.

Откинувшись в кресле, я с наслаждением потер глаза. Правая рука ныла – профессиональная болезнь фрашера. Вот интересно: вроде бы и на гитаре упражняюсь, кисть должна быть разработана, а все равно болит. Наверное, при игре и монстромом расколбасе разные мышцы работают... Или положение пальцев на мышке неестественное.

Хватит на работе киснуть. Впереди отдохновенный вечер, можно завалиться на «Белый маскарад» или в «Башню криков». Наесться от пуза, потанцевать...

С такими благими мыслями я поднял зад из кресла.

Ага, щас! Знаете, когда все идет замечательно, всегда отыщется какая-то мерзость, что вознамерится исправить ситуацию. Дверь открылась, и заглянула Мамуля... ну, в смысле, Танька Некатина из корпоративного. Увидев меня, она вскинула выщипанные брови:

– Озерский, и ты здесь? Выходной же!

– А что такое? – Я беззаботно пожал плечами. – На полчаса всего, тесты прогнать.

– Тесты? Понятно, – протянула она с деланным равнодушием. И тут же без паузы выпалила: – Яблоко хочешь?! Лови!

Дура! Я едва ушел стрэйфом. Кувыркнулась на пол кружка с остатками кофе, радугой брызнули компакт-диски. Любый игрок в «Фрашокерети» меня поймет. После трех часов игры рефлексy и не такие чудеса откальывают.

– Озерский, ты чего? – округлила глаза Мамуля. – Простудился?

– Перенервничал. Звонка важного жду, – соврал я. – Сама-то чего на работе?

– А я за неблагие дни отрабатываю, – гордо сообщила она. – Шеф приказал.

Нашла чем хвастаться... От Мамулиной бесхитростности меня передернуло.

– Я, между прочим, сюда из «Лесного кота» приехал.

– Да ну?!

Слишком поздно я понял свою ошибку. Надо было сразу попрощаться и уходить. А так, Мамуля – человек общительный. Подобрав яблоко, она обтерла его о кофточку и подала мне, сама же уселась на краешек стола. Пластиковая столешница скрипуче возмутилась. Танюха у нас тощая, но длинная – метр восемьдесят, а то и больше. Мой стол таких фамильярностей не любит.

– «Лесной кот» – это чего?

– Аттракцион. Знаешь Кошачью гору? Ну, которая возле заповедника. Там тросы натянуты и всякое такое. Платишь

десятку, тебе выдают пояс... который для страховки... и вперед! Четыре трассы, зеленая самая простая.

– Об-балдеть! – покачала головой Мамуля. – Озерский, ты ведешь неприлично интересную жизнь. И до сих пор не женился, слышишь, Озерский?

– Не называй меня по фамилии, пожалуйста.

– Извини.

– Ничего. Так вот. Там девчонка была. Рыжая. Она без страховки пошла, представляешь?

В глазах Мамули проснулся интерес:

– Сорвалась?

– Угу. В больницу отвезли. Она дзайанка, наверное... выжить после такого.

– Кошмар! Озерский, ты ходишь по лезвию бритвы. Кстати, у меня PDF не открывается. Может, помотришь?

Вот. С этого и надо было начинать. Я нехотя поплелся смотреть Танькин PDF. Мамулей Некатину прозвал ее муж, наш бывший программист, еще когда длилась пора ухаживания. От его телефонного: «Мамуля, привет! Заглянешь сегодня баиньки?» – работа в офисе прекращалась. Потом мы привыкли, но прозвище прикипело к Таньке навсегда.

Замужняя женщина, торчащая на работе в отдохновенье, – это нонсенс. Но тут совпали неблагие случайности. Танька – единственная женщина на весь «Ай-Ти»-департамент. А шеф наш, Ферад Васильевич – единственный пра-

воверный ясниец⁴ на весь банк. В кабинете у него алтарь с негасимым пламенем, в ящике стола – флакон с освященным дезодорантом «Бычья моча». Однажды администратор сети загасил окурок в кадке с фикусом. Иначе говоря, осквернил первоэлемент земли. Ферад Васильевич прочитал всем ай-тишникам проповедь, а нечестивца уволил. Уборщице пришлось менять землю во всех цветочных горшках.

У них, фанатиков, все с бзиками. Например, когда у женщины «такие» дни, к ним даже прикасаться нельзя. Поэтому Танька каждый месяц несколько дней гуляет, отработывая сверхурочно.

Если честно, «Фрашокерети» тоже запрещен. Узнай Ферад, что монитор моего компьютера отображает нечестивые образы друджвантов, а жесткий диск хранит их алгоритмику – уволит на... Совсем уволит, в общем. Он же чудик! Таньку я не боюсь, не стукнет. Но все равно играю только по выходным и вечерами, когда не надо на репетицию.

А сейчас пора уматывать. Я выключил компьютер и принялся переобуваться. Настроение немного потеряло солнечность, и неудивительно: перед глазами стояла Светка.

Я ведь ее давно знаю. Помню, как брала у нас интервью – еще когда мы у «Братьев» играли. Вся такая строгонькая, официальная... Потом мы всей компанией завалились в кафе: Сашка, Катерина, Фархад, я и она. Все меня изводила какими-то колкостями. И кофе джинсы зачем-то облила...

⁴ Ясниец – государственная религия такая, – аналог нашего зороастризма.

Ну вот чего, скажите, она меня так ненавидит? Дура в кудряшках!

Я накинул куртку, перебросил через плечо ремень сумки и побрел к выходу. Охранник приветливо кивнул, прощаясь. Понятно: для него чем меньше людей на объекте, тем спокойнее. Сам когда-то стоянку охранял, знаю.

А вот и мой «Фольксваген». Ключ в зажигание, пошел! Я вырулил на площадку и остановился. Блин! Ворота заперты – хочешь не хочешь надо вылезать.

Уродливая скоба проржавела от сырости и пачкала руки. В царапинах на асфальте скапливалась вода и мокли желтые тополиные листья. Говорят, женщины различают больше оттенков, чем мужчины. Светка наверняка сказала бы, какого цвета эти листья. Лимонные, цвета пшеницы, канареечные... А волосы у нее вовсе не рыжие – золотистые. Чуть светлее, чем этот лист.

Я вытер руки о джинсы и вернулся к машине. Зеркало отразило мое лицо – вполне симпатичное, но уж больно мальчишечьё. Волосы собраны в хвостик, карие удивленные глаза...

Катерина говорит, я очень красивый.

Мамуля тоже.

А вот Светке почему-то не нравлюсь...

Когда машина выезжала за ворота, руль вильнул в сторону. В последний момент я сообразил: не хочу ехать по луже с листьями, что напоминают о ней. Что за сумасшествие?!

Тут надо кое-что объяснить. Дело в том, что я – манар. Вернее, был им еще вчера... это сумасшедшая история, и когда-нибудь я ее расскажу.

В общем, я точно знаю, что со Светкой у нас не сладится. Но все равно почему-то думаю о ней...

Стараясь не глядеть на лужу, я выбрался из машины, чтобы закрыть ворота. И вот тут начались фортеля. Едва я задвинул скобу, откуда-то вынырнул Ленька Матрик – словно черт из коробочки.

Знаете Леньку? Он пидарас. Ну, не в том смысле, конечно. Просто он такой... в общем, сами увидите.

Увидев меня, Ленька остановился:

– Авекс? Пхивет, Авекс!!

Он еще и картавит. И «л» проглатывает, но не как японец, а... а как дэв знает кто.

– Ну, здравствуй, – хмуро отозвался я.

– Блин, знобски, что тебя заметив! Мог бы мимо пхобежать! Пвикинь, да?!

– Ну.

Пухлый, круглоголовый, губастый – Ленька похож на пингвина. Если, конечно, бывают буланые пингвины с башкой крест-накрест в пластыре. Пластырь – это что-то новенькое. Кто-то Матрика знатно отметелил.

– Свышь, Авекс, одовжи пагу агеманчиков, – бесхитростно просит он. – Я хвебушка купвию. Очень кушать хочется. Пожавуйста!

Заглядываю Матрику в глаза. Вот ведь натура: искренне верит, что на хлеб. И что отдаст, верит. Пьяницы и наркоманы всегда так, они дети другого мира.

Мягко беру его за подбородок. Поворачиваю голову, как Гамлет череп бедного Йорика:

– Кто ж это тебя так, беднягу?

– Бвя буду, Авекс, не повехишь! У нас бизнес один в подъезде шуствит. Типа бвокер-хувокер. Меня с ним вэкеты пехепутали! – И жалобно: – У меня свед на животе остався... От утюга. Бвя буду, дыхища – во! Пхикинь, да?

Он задирает свитер и, сопя, начинает вытягивать из штанов грязный подол рубашки. О господи!.. Мне ж сейчас на его пузо любоваться придется!

– Стоп! Я верю, верю! Слышь, голодающий Аскании, – сообщаю почти ласково. – У меня в машине буханка есть. Хочешь?

– Мне бы агеманчиков...

– Черный с сухофруктами. Элитный хлебушек, соглашайся!

И вот тут он меня убил.

Стал на колени и человеческим голосом молвил:

– Авекс, как человека пхошу. Жена умирает. Ей-богу! Она больная у меня, жена-то!

Это у него «жена-то»?! У придурка малахольного?! От злости я даже не нашелся что сказать. Хлопнул дверцей машины – и мотать. Матрик так и остался на коленях – одино-

кий, потерянный.

Вот же козел-то! Ненавижу уродов. Чем он ширяется, не знаю, но Сашка всех наших предупреждал, чтобы денег Метрику не давали.

Я притормозил на светофоре, пропуская поток пешеходов.

И с хлебом как по-дурачки... «Подайте алеманчик Ормазда ради! Хлебушка хочется!» За пару алеманов можно мешок хлеба купить. Еще и жену приплел, урод!

Светофор выдал зеленый, и я стронулся с места. Понемногу былая жизнерадостность возвращалась. Я даже похихикивать начал, вспоминая самые патетические места.

И тут мое веселье прервало самым неделикатным способом.

Грохнула сталь. Машину подбросило и развернуло; стекла выплеснулись наружу, словно колотый лед из ведра.

Ни х...

Визжа тормозами, на перекрестке закрутился черный «Кайен-Турбо». Дверцу пересекал шрам битого металла.

...рена себе!!

Оборвалась тишина.

Смолкли моторы, растворился белый шум пешеходов, даже воронье в небе притихло, выжидая. В «Кайене» залихватски гремела аскавская попса. Она лишь оттеняла безмолвие улицы.

Дрожащими руками я открыл дверцу. Сердце толчками

перегоняло адреналин.

Да-а... Хана «фольку»... Верная лошадка Брави превратилась в бульдога. Похоже, я от Метрика непрухой заразился. Это ему зачтется.

Из «Кайена» помаленьку выбирались люди. Я вновь развеселился: вот повезло так повезло! Это же аскавские варвары! Ну где еще такой цирк увидишь?! Сухонький человек в синем костюме с бронеблестками, парень в рыжем рыцарском вельвете и красном кашне. Бинты на голове делали его похожим на полураспакованный чупа-чупс. За ними, держась поодаль, выбрался жирдяй с печальным лицом. Охранник, наверное. Только рыхлый он какой-то.

– Так, – надменным голосом объявил человек в костюме. – Авария, значит... Надо платить.

Я хрюкнул, не в силах справиться с бурлящей в жилах жизнерадостностью. Впилиться в машину варваров – это везение. Почтище, чем трубочиста встретить! Они же из Аскава своего почти не вылазят. Будет о чем завтра порассказать.

– Ну? – горестным тоном протянул жирдяй. – Лыбиться будем? И долго?

– Да хоть всю жизнь.

Это жирдяя добило.

– Бабло гони, урод! – взорвался тот. – Попал ты на алеманы нехилые!

– Ой, хватит меня пугать, – поморщился я. – Вы же на красный ехали. Проскочить хотели небось!

– Пацан борзый, – повернулся жирдяй к сухопарому. – Выкормыш мажий. Объясни ему, Валерыч. Только ласково, не калечь.

Человечек в костюме деликатно обнял меня за плечи.

– Ну, что ты бычишь, паря? – задушевно начал он. – Жить остохрамело? Думаешь, мы свидетелей не найдем? Найдем. Мы ж тебя на такие алеманы загнем, что... что... Сам не рад будешь, в общем.

Ну да, ну да... Варвары из Аскава – ребята безбашенные. В багажнике двуручники валяются, у каждого на родине по замку со скелетами в подвале. Вот только я – гражданин Ведына, и это звучит гордо!

– Руку убери, – посоветовал я. – С реверансами и извинениями.

– Чего-о-о? Зубы жмут, пацан?

Борт моей машины рванулся к лицу. Полыхнули искры, по щеке скатилась теплая струйка.

Такого я не ожидал:

– Ах ты, сволочь!!

Вывернулся из-под руки, ткнул кулаком. Попал, ура! От неожиданности сухопарый выпустил волосы. Развивая успех, я врезал ему в колено.

– Эй, он дерется! – донесся до меня обиженный крик.

Тут я допустил ошибку. Вместо того чтобы вмазать ему хорошенько, полез в багажник за битой. А зря. Нога сухопарого врезалась мне в живот. Я кувыркнулся через капот,

на ходу вспоминая, как дышать. Что сперва, интересно, вдох или выдох? А если выдох, то чем?

Зловещая тень накрыла асфальт. Аскавец пер на меня, растопырив лапищи. Рожа у него была злющая-презлющая, словно у бульдога в вегетарианском ресторане.

Так, Брави. Пора вставать. Нет, можно, конечно, поваляться, а завтра на работу не идти. Но, елки-палки, компьютера ж в больнице нет! Я там со скуки помру. Особенно если медсестер красивых не будет.

И тут...

– Именем господа, – услышал я повелительный голос, – остановитесь, дети мои. Кровопролития неуютны Ормазду!

К нам семенил монах в рясе аснатара. Завязки кушти неряшливо болтались, холщовый мешок свисал на бок... Лямки надо регулировать, святой отец. Я такие рюкзаки знаю: ужасно неудобная конструкция.

При виде его сухопарый недоуменно вскинул брови:

– Че?..

– Путем друджа идешь, сын мой? – с затаенной надеждой поинтересовался аснатар.

– Че?..

Все-таки варвары – тупые ребята... У нас в конторе только и разговоров, что об отмене инквизиции. Последнего друджванта аснатары лет двести как уговорили. А оно нам надо – инквизицию просто так содержать? Друджванты – их последняя надежда.

– Слышь, Ясна, – предложил забинтованный без особого энтузиазма. – Шел бы своей дорогой, а? Без тебя тошно.

– Ну как же я уйду? – удивился тот. – Я уйду, а вы души бессмертные погубите. Не-ет! Знаю я эти фокусы.

– Ну, батя, тогда жди благих терок.

Я сел поудобнее, устраиваясь с комфортом. Захрустело стекло; вокруг машины собиралась толпа благодарных зрителей.

Откуда-то появился мальчишка лет тринадцати – в дражных джинсах, черной рубашке с закатанными рукавами. Парень словно вынырнул из лета. На загорелой коже – царапины, волосы выцвели, за спиной деревянный меч.

– Крепко он тебя приложил. – Мальчишка опустил на корточки рядом со мной. – Надо было по яйцам дать.

– Не успел. – Я с гордостью вытер кровь, капающую из носа. – Он без предупреждения напал. Аскавец, блин!

– Ниче. Иштван им вломит.

Я покачал головой. Пока что-то не очень на то походило. Бандиты орали на монаха; тот кротко втирал о Ясне, борьбе добра со злом.

– Слышь, пацан, – приказал мне жирдяй, не оборачиваясь. – Чтоб никуда не шел. Со святым батей добазарим, тобой займемся!

Синий достал пистолет и покачал стволом перед лицом монаха:

– Церковь, отче, отделена от государства. Благие понятия,

благой базар, благие терки – это все в задницу засунь. Доступно излагаю?

– Более чем, сын мой.

Не переставая улыбаться, аснатар хлопнул охранника по запястью – будничным, деловитым движением. От хруста костей меня передернуло. Охранник побелел и осел на землю.

Взмах, удар! Монах ринулся на варваров. Те не приняли боя и сразу побежали к машине. Взревел мотор. Аскавцы втащили раненого охранника в салон и газанули прочь.

– Ну вот, теперь все в порядке, – важно кивнул мальчишка. Вид у него был, словно это он все устроил.

Тут у меня глаза полезли на лоб. Мальчишка отошел на несколько шагов и исчез! Взял и исчез! На том месте, где он стоял, прокисшим тестом вспухли пряди плесени. Я потерял глаза рукой.

Показалось?! Так ведь был мальчик, был! Мамой клянусь! Монах стоял посреди дороги, озадаченно косясь на плесень.

– Что, сбежал отрок неблагой?

– Сбежал, – машинально ответил я. Ощущение чужой тайны – теплое, щекочущее и невыразимо приятное накатило на меня. Ну и денек сегодня выдался!

Монах смотрел на меня с ожиданием. Опомнившись, я неловко опустился на одно колено:

– Спасибо вам, святой отец, выручили. С этой сволочью...

– Вот и отлично, паства, – перебил инквизитор. И поинтересовался: – Как машина? Побита?

– Не очень. Чинить придется, а так на ходу.

– Славно! – оживился тот. – Благостно сие и велелепно.

А скажи, сыне... – Взгляд аснатара затуманился: – Обрадуешься ли помочь святой нашей матери-церкви? Ну так, чисто по-родственному?

– По-родственному? – удивился я. – В смысле?

– Ты по существу отвечай, паства. Без мумления неблагого.

– Так это смотря в чем.

– Резонно. Мне, сыне, в Болотное село нужно, по надобностям высокодуховным. И тебя это тоже касается. Вникаешь?

Я вникал. Варвары, друджванты, мальчишка, расплзшийся горкой плесени... Наверное, так чувствует себя мотылек, перед которым вспыхнула соблазнительная газовая конфорка тайны.

– Ладно, отче. Только помогите стекла вымести.

Монаха звали Иштваном. Всю дорогу я искоса поглядывал на него. Мне казалось, что, стоит отвернуться, он превратится во что-нибудь... такое, странное. Отрастит нос на пол-лица или уши остроконечные. Я не сумасшедший, просто иногда так хочется чуда! Не все же жить скучной, приятной и спокойной до отвращения жизнью.

А вдруг действительно в Ведене друджванты завелись? И этот их ловит?! Вот бы хоть глазком глянуть!.. Говорят, друджвант может кем угодно обернуться. Живет, скажем,

обычный человек... или там сенбернар, или рыбка в аквариуме. А на самом деле – не рыбка это, а пиранья-друджвант, воплощение зла. Отвернешься, а тебе зубами в горло!

– Сюда, пожалуйста, – меланхолично приказал монах, – заезжай и сразу налево. Сейчас покажу, где машину поставить.

Служка-аберетар распахнул ворота. Мы въехали во двор и свернули на площадку. Иштван обменялся с аберетаром несколькими фразами.

– Теперь пойдем, – повернулся он ко мне. – Его преосвященство, хаванан Никодим Кей-Кобад хочет с тобой поговорить.

Сам хаванан?! Высший глава веденских церковников?! Чего-то примерно такого я и ожидал, но все равно растерялся:

– Зачем это? Мы же...

– Зачем – это уж он сам скажет.

Намеренно или случайно, монах стал так, чтобы загородить дорогу обратно. Служки смотрели на меня сочувственно, пряча глаза.

– А если я не захочу?

Иштван посмотрел на меня с интересом:

– Ты никак душу погубить жаждешь? Или к матери-церкви того... без почтения должного? Ты только скажи, паства.

Аснатары придвинулись. Я посмотрел на их рожи и покорно зашлепал следом за аснатаром.

В Ведене много Домов Огня. Болотносельский из них считается лучшим. И святость тут особенная, и аша прет по самое не могу, и монахи благостные – не в пример Южной Огневице, где молится новое поколение.

Вообще-то пи... (молчок! в святом храме нельзя!) уродов из нового поколения я тоже не люблю. Но здесь действительно хорошо. Вон боль в разбитом носу прошла, даже, кажется, ссадина затянулась. И ребра не ноют.

Интересно, мне через пару дней к зубному... Может, и дырка того?.. Вот здорово было бы!

Мы вышли в храмовый коридор. Я сориентировался: по левой стороне фрески изображали Аримана, сволочню всякую, друджвантов, а справа – святых, травки, огоньки. Слева – еретик и лжепророк Ницше (который «Так отжигал Заратустра» сочинил), а справа – ашо Бахрам, святой. Этому Бахраму, если честно, я бы горшок с геранью не доверил. Рожа у парня, словно тот триста лет запором страдает.

Иштвану я, конечно, ничего такого не сказал. Чего хорошего человека зря обижать? Он же не виноват, что тупой фанатик и мракобес. Тем более мы уже пришли. Иштван отправился в покои хаванана докладывать, а я остался скучать на диванчике.

Скучать пришлось недолго. Мобильник выдал трель из «God of Absolute Evil», и отовсюду попкорном повыскакивали обозленные физиономии аберетаров. Гос-споди! Кажет-

ся, я оскорбил чувства верующих. Ну что за жизнь такая!

Чтобы не нервировать бедолаг, я поспешно поднес телефон к уху.

– Алло?

– Ауво? Авекс?!

Кажется, я снова чего-то оскорбил... В храме божьем матом не разговаривают.

– Откуда у тебя мой номер, придурок?

– Не свись, Авекс! – В голосе Метрика переливалась вся гамма раскаяния. – Дево есть. На миввион дево!

– Ну?

– Мне деньги нужны... да постой ты! Сехъезно! Я гитаху пходаю!

– Гитару? – сердце радостно ухнуло в груди. – Какую?

– Мою. Ибанез. Пятьсот семидесятый!

– Да ты что?! И за сколько?!

– Двести тхидцать.

Я осторожно укусил себя за руку. Вроде нет, не сплю. «Ibanez RG 570». За двести тридцать. Не сплю. Больно. Ага.

– Ну так что? Бехешь?

– Посмотреть надо, – с деланным равнодушием отозвался я, молясь, чтобы сердце не устроило счастливый пляс на полу. – Струны потрогать, всякое такое.

– Само собой. Ты завтха можешь подъехать?

– К тебе? Давай на вокзале встретимся. Чего там!

На вокзале Ленька не хотел. Договорились сбодаться воз-

ле «Велотрека» на Свободе.

Выключив телефон, я обнаружил, что Иштван уже вышел и ждет, пока я закончу разговор.

– Вставай, сыне, – объявил он с забавной торжественностью. – Его преосвященство ожидает тебя.

Охренеть! Я пожал плечами и вытащил зад из кресла.

Нет, положительно, день сегодня удался!

От обилия огня в покоях хаванана пришлось зажмуриться. Маслянистое пламя качалось над серебряными треножниками. Крылатые быки держали чаши, наполненные «чистым» огнем; под потолком плясали золотистые облачка, похожие на бикини Люси Ли. Летом тут, наверное, ад крошечный. Хотя нет, вряд ли. Вон, я слышу, кондиционер пожужживает. И вообще, кабинет обставляли щегольски, с любовью. Шкафы красного дерева, стол на витых дулечках, автоматические кресла на колесиках – тоже под дерево. У окна кровать – простенькая, но удобная. Матрас тонкий, подушки нет, покрывало поблескивает золотыми спиральками. На столе ноутбук, в нише – телевизор и DVD-проигрыватель. А патриарх у нас ничего, прогрессивный. Интересно, у него аська есть? Вот бы сконнектиться!

Я вздрогнул.

Хаванан возник передо мной совершенно бесшумно; вынырнул из тьмы веков, древний и таинственный, не похожий ни на ратвишкар Достоевского, ни на хаванана Ришелье из

«Трех мушкетеров». Невысокого роста, худой, словно высохший. Волосы белые, ломкие, неживые. Глаза смотрят в далекую даль – будто хаванан слеп от рождения. Алая ряса выцвела от времени, и сам он размыт светом и огнем.

– Здравствуйте, – неловко поклонился я.

– Благой путь, сын мой. – Священник ожил; так оживает ящерка, на которую упали солнечные лучи. – Присаживайся, где тебе удобнее.

У меня возникло искушение плюхнуться на пол. Или на кровать хаванана, тоже неплохо. Но – проклятое воспитание! – я пододвинул кресло на колесиках и устроился в нем. Сиденье едва заметно сместилось, уютно принимая в свои объятия мой зад.

– Ты программист? – поинтересовался патриарх.

– Да, ваше преосвященство.

– Зови меня отцом Никодимом. Я вижу, ты чувствуешь некоторое стеснение.

– Ну... есть немножко, – храбро признался я.

– А между тем, сыне, разница между нами не так велика. Ты хотел сесть на пол, но почему-то устроился в кресле. Моя спина желает, чтобы я принимал посетителей лежа, а приходится сидеть. Мы оба рабы приличий.

У меня словно памятник Пушкину с сердца упал. Нет, все-таки наш хаванан – замечательный дядька!

– Брат Иштван рассказывал, будто ты попал в аварию.

– Ага. Козлы одни подрезали. Они...

– Не надо, сыне, я все знаю. Аберетары починят твою машину. Пока же прошу принять мое гостеприимство. Кофе, чай? Вино?

Когда священник предлагает выпить или курнуть травки, отказываться друдж. Это древняя традиция, еще с тех времен, когда рыцари-крылоносцы отвоевывали Святую землю и огненные храмы Персии у мусульман.

Но во мне заиграли комплексы:

– Вообще-то я за рулем.

– Пустое... Попрошу секретаря, чтобы отвез тебя.

Отец Никодим вызвал служку и распорядился о винах и закусках. Я разулся и устроился на ковре. Чего стесняться-то?! Хаванан подсел рядом.

– Вижу, ты не можешь понять, зачем вызвали тебя, – вкрадчиво начал он. – А дело между тем серьезное. Брат Иштван...

Тут ему пришлось прерваться: появился служка, принес еду. Миска с рубленой зеленью, три тарелочки с разными видами сыра, плетеная корзинка с лепешками, соусы и кувшин травяного вина.

Отец Никодим разлил вино по глиняным чашкам. Пододвинул ко мне тарелочку с сыром.

– Угощайся.

Служка поклонился и исчез. Я с жадностью отломил кусок горячей лепешки. Вкуснотища! Только сейчас вспомнил, что с самого утра ничего не ел.

– Все это очень неприятно, сын мой, – с самым обыденным видом сообщил хаванан. – Знаешь, брат Иштван объявил тебя друджвантом.

– Друджвантом?! – Кусок застрял в горле.

– Да. По спине похлопать? Сейчас пройдет, сыне. Он вообще-то тебя хотел на месте убить, но его смутил пустяк. Божьего благословения не было.

Машинально, не чувствуя вкуса, я отпил из чашки. Помогло. Во мне словно рассыпались невидимые якоря, державшие предметы. Стол, медные быки, шкафы – все заиграло, задышало жизнью. Комната весело затанцевала.

Оба-на! Я – друджвант, значит. Рогатая трехметровая скотина из «Фрашокерети»! Охренеть!

– И что теперь?

Хаванан свернул лепешку в трубочку и обмакнул в соус. Рука его остановилась в задумчивости. Капли соуса скатывались на ковер, застывая крохотными изумрудиками; пламя играло в них, как огонь свечей в наврузовых игрушках.

– В Средневековье тебя отправили бы на костер. Да, это выход, пожалуй... – Он тяжело вздохнул, словно его лишили непередаваемого удовольствия: – Но нет, не получится... Резонанс в прессе, то-се... Может, тебя в подвале сгноить?

– Эй, эй! – встревожился я. – Полегче!

– Вот я и думаю, – задумчиво продолжил хаванан. – Похоже, единственный выход – обряд границы.

– Что еще за обряд?

– Наша церковная магия. Она растормошит твою внутреннюю суть. Два дня ты будешь творить благие дела. Затем два дня всякую мерзость. После этого брат Иштван даст тебе задание, которое придется выполнить, хочешь ты этого или не хочешь. Тогда станет ясно, кто ты: друджвант или обычный человек.

– А это... ну, с благими делами туда-сюда. Понятно. А со злыми? Я что же – и убивать буду?

Хаванан сторбился. Лицо у него сделалось старым и мудрым:

– Все может быть... Это опасный обряд.

Ни фига себе! И тут я понял. Хаванан – он действительно правильный. У него спина болит, а он сидит и со мной беседует. Потому что положено. И с обрядом – ведь наверняка проще сделать, чтобы я пропал! Хотя нет, не проще... Если все, кто аснатарам не нравится, пропадать начнут, бардак наступит.

В общем, я хаванана сильно зауважал в этот момент.

А когда начнется злое время, я просто дома засяду. Закуплю еды побольше, перестану на улицу выходить. И очень даже просто. Так что живем!

Отец Никодим проницательно усмехнулся:

– Отсидеться тебе не удастся. Магия границы жестока: если ты не дашь ей реализоваться, она выплеснется наружу сама. И кто знает, что хуже.

Вот так вот.

Размечтался.

Не чувствуя вкуса, я допил вино. Иштван уже ждал у дверей. Убедившись, что я в курсе событий, он достал из кармана костяной шарик.

– Это, сыне, глаз Вайю. Он защитит тебя во время обряда. И постарайся, чтобы он не попал в руки дзайанов. – В голосе его промелькнуло сочувствие: – Да ты нос не вешай, паства! В случае чего – умрешь быстро и безболезненно. Захочешь – так под наркозом, но это отдельные деньги. У тебя на анестезию аллергии нет?

– Не надо анестезии, – хмуро ответил я. – Потом голова тяжелая, да и для здоровья вредно.

Машину аберетары починили на славу. Служка-секретарь, которому предстояло довести меня до дома, обращался со мной трепетно, как с наследным принцем. В торжественном молчании мы подъехали к моей родной девятиэтажке. У подъезда произошла забавная сцена – служка все порывался припасть к руке и испросить благословения.

Я остановился у газона, собираясь с мыслями. Как быстро свалилась ночь... В небе широкое лезвие луны рвет облачные пряди. Шторы в окнах светятся уютом; сквозь щели пробиваются белые вспышки.

Телевизор смотрят, наверное...

Я прислушался: шли старые добрые «Три мушкетера». Терехова и Клюев распевали песенку о Ришелье:

Хаванан был влюблен
В госпожу Д'Огильон,
Повезло и ему...
Откопать шампиньон.

Долго стоять не получилось: вечерняя сырость лезла под куртку. Я поежился. Ладно, пойду домой. Голема-уборщика растолкать, одежду в стиралку сунуть. Завтра ведь на работу.

А представляю, мелькнула злорадная мысль, какой кондратий хватил бы Ферада, узнай он, с кем я разговаривал!
Жаль, что он не узнает. По крайней мере от меня.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*(Отдохновение, раннее утро,
часов за двенадцать до описанных событий,
рассказывает Игорь Колесничий)*

Ночной дождь вымыл осенние улицы до блеска, а сам растаял дэвовым наваждением. Наступило отдохновение, и в небе вновь засияло солнце.

Наслаждаясь тишиной и покоем утра, я отправился в парк. По серпантину взобрался на пяточок обзорного бастиона и уселся на скамейке под рыжими кленами. Старый Веден отсюда как на ладони. У меня есть полчаса, так что гостью-дзайану я увижу раньше, чем она меня.

Чтобы не скучать, я развернул газету и углубился в чтение.

«Чудеса градостроительства опозорили Ночмарию

Скандалом закончилась в Ночмарии установка статуи Предвечной жуты. События, последовавшие за открытием памятника, повергли в шок многочисленных зрителей.

«Мы, конечно, ожидали чего угодно, но такого невыносимого позора предвидеть не могли», – сообщил нашему корреспонденту Василисе Карфагенян ночмарский мэр Николай Оганесович Сфератов.

Напомним подробности: в начале прошлого года был

объявлен конкурс на монумент, наиболее точно выражающий дух Ночмари. Конкурс выиграл никому не известный скульптор Рацацели. По скромному признанию автора, образ, вдохновивший его на творчество, явился ваятелю во сне, назвавшись Негуляй-послезакатлем – ацтекским богом ужаса и одинокой молодости.

Каково же было разочарование горожан, когда группа экспертов установила жуткую истину. Самозванец оказался богом Ути-путли – покровителем ацтекских дошкольных учреждений.

«Нас обмануло выражение его лица», – оправдывались потом члены комиссии по благоустройству города».

Мельчают новости, подумалось мне. В мире, где вот уже сотню лет не было войн, а преступность почти на нуле, быть журналистом не самая простая и доходная профессия на свете. Я перелистал газету, просматривая объявления. Ничего интересного не нашлось. Какой-то дзайан Тепех предлагал свои услуги. «Спиритический пересмотр завещания, общение с окончательно недоступными родственниками, временное супружество с урезанными правами, неограниченное продление пенсионных льгот и выплат». Бредятина какая-то...

– Здравсьте, – услышал я жизнерадостный девичий голос. – Сидите-скучаете, да? А я вас разыскиваю, между прочим!

Я оторвал взгляд от газеты. Никого. Парочка тинейджеров сосредоточенно тискается на парапете, старушка конво-

ирует лупоглазое чадо в шерстяной шапке с рожками, да студент-ботаник завтракает гамбургером и пивом.

В траве под ногами зашуршало. На скамейку прыгнула рыжая кошка и принялась умываться. Я заметил в палой листве клетчатый зеленый зонтик и кожаный рюкзачок.

– Вы – Света? – спросил я у кошки. – Если не трудно, пожалуйста, примите человеческий облик.

– Легко!

– Спасибо.

Кошка разлетелась ворохом цветных искр. Я с интересом пригляделся к материализовавшейся дзайане.

На вид ей лет двадцать. Стройенькая подтянутая девушка в рыжем пальто. Черты лица тонкие, аристократичные. Прическа примечательная – копна золотистых кучеряшек. И энергии через край: умудряется подпрыгивать, даже сидя на скамейке.

– Светлана Литницкая к вашим услугам! – выпалила она. – Знаток дзайанов, кровавая ведьма-оборотень, ужас ночного Ведена!

– Очень приятно. Игорь Колесничий.

– А я вас сразу вычислила! У нас, безжалостных фурий, это легко.

– Безжалостных фурий?

Наши глаза встретились. Света отчего-то смутилась, отвела взгляд.

– Извините. Я со вчерашнего взвинченная. Поцапалась

кое с кем...

– С дзайаном?

– Нет. Так, парень один знакомый, программист... А я – дура набитая!

– Понятно. С кем не бывает!

Ох, я и сморозил!.. Светины зрачки по-кошачьи вытянулись; следовало быстро спасти ситуацию.

– Извините, – улыбнулся я. – У меня вчера тоже был тяжелый день. Ваш родственник брякнул мне на стол дохлую курицу.

– Да вы что?!? Расскажите!

Света придвинулась поближе, и я начал врать. Ну, не совсем врать – так, излагать сухие четкие факты в художественной версии. Светино присутствие действовало на меня вдохновляюще.

– ...и жить ему, говорит, осталось всего сутки, – подытожил я. – Если не приедем сейчас, завтра найдем хладный труп, объединенный чупакабрасами.

– Обалдеть! – Девушка с восхищением завертела головой. – Я ведь старика Серафимыча знаю. Он с тараканами, но не думала, что настолько чароватыми.

– Так вы... послушайте, Света, давайте на «ты»? Нам дело расследовать, лишние церемонии ни к чему.

– Согласна. Мы, безумные оборотни и фурии, всегда «за».

– Отлично. Значит, отправляемся в «Светоч»!

Билеты мы купили с замечательной легкостью. Электричка неслась сквозь пылающий багрянцем лес в царство сосен и садовых участков. Жизнерадостно постукивали колеса, отбивая ритм пути. В приоткрытое окно тянуло осенней прохладцей и смолистым запахом леса.

Скоро поезд замедлил ход, и бабки-огородницы потянулись к тамбуру. Под протяжную песню колес выплыла клумба с чахлыми георгинами. Зеленая будка гордо несла вывеску «Светоч»; к ней прилепился шатер «МС-блинчика» – последний рубеж цивилизации.

Мы спрыгнули на оплывший асфальт перрона, а электричка, свистнув, покатила дальше. Шулер-ветер россыпью швырнул под ноги тузы: тrefфы-каштаны, березы-пики, бубны-тополя...

– Хорошо как, – огляделся я. – И всего в каких-то двадцати минутах от города!

– Ага. Здесь поселение манаров. Только ты молчок, хорошо?.. Они не любят, когда о них языком треплют.

От перрона в лес убегала усыпанная хвоей дорожка. Огородницы шумной гурьбой замаршировали по ней, мы двинулись следом.

– Странно, – сказала Света через некоторое время, когда вокруг замелькали живые изгороди из жимолости и алычи. – Где же Викуха?

– Кто?

– Дворняга Бенина. Всегда меня за версту чуяла, а тут

молчок. Вон уже избушка наша, а ее все нет...

Мы подошли к сетчатому забору, выкрашенному в камуфляжно-зеленый цвет. Калитка неприятно отсвечивала черным, отчего я насторожился.

– Вениамин здесь живет? Понятно. Ты это... калитку не трогай, окрашено.

– Ой! – Света запоздало отдернула руку. На ладони насмешливо расплылись черные полосы. Возмущенно пискнув, Дзайана достала носовой платок и принялась оттирать краску.

Из домика так до сих пор никто и не вышел.

Я нагнулся к калитке, чтобы осмотреть сетку.

– Эге, – проворчал я себе под нос. – Похоже, у Вениамина недавно умерла жена.

Дзайана посмотрела на меня с восхищением:

– Неделю назад. Он, что, тебе рассказывал?

– Нет, но... – Я забрал у Светы изгаженный платок, обернул черный прут и подергал. – Но забор ухожен, петли смазаны, грядки по линеечке. А калитку вчера красили водоэмульсионкой. Знаешь, перед тем, как соваться с кисточкой, краску перемешать надо. Тот, кто красил, собрал всю олифу сверху и размазал по прутьям. Значит, никогда этим раньше не занимался.

Восхищение в Светкином взгляде зашкаливало все мыслимые границы:

– Здорово! Круче Шерлока Холмса!

– Стараемся. – Придав себе скромный вид, я распахнул калитку. – Прощу, сударыня!

Мы двинулись к садовому домику. Поникие хризантемы качались нам вслед, стряхивая с растрепанных лепестков росу. Пахло яблоками и разрытой сухой землей. В компостной яме зеленела изломанная кабачковая ботва.

Взявшись за ручку двери, Света в нерешительности остановилась.

– Все-таки странно... Куда же Викуха запропастилась? Вон ее ошейник лежит...

Действительно странно! Сердце подсказывало мне, что дело неладно. Да и сгустившаяся над участком тишина начала действовать на нервы.

– Подожди здесь, – я отстранил свою спутницу, – я пойду первым.

– Нет, я!

Но было поздно: я уже взялся за ручку. Дверь широко распахнулась, впуская нас в обиталище дзайана.

В домике стоял тот особенный удивительный дух, что накапливается в местах, где живут старики. Вонь лекарств и старой ветоши, ароматы сушеных трав и древней пыли. Спроси меня, как пахнет время, я не колеблясь назвал бы этот запах.

Сама обстановка располагала к поиску кладов. Круглый оловянный бок печки, газовая плита, заставленная выскобленными до царапин алюминиевыми кастрюлями. Стол у

окна, заваленный тряпьем диван, древний шкаф. Шкаф заполняли подшивки журналов прошлого тысячелетия, ветхие книги, пустые лекарственные пузырьки в липких потеках.

На полу свивались длинные пряди тонких волос. Если присмотреться, становилось ясно, что шерстью усыпано все: плита, подоконник, шкаф. Собаку здесь вычесывали, что ли?..

Я присел на корточки и коснулся одной пряди. Та растаяла прямо в пальцах, оставив после себя поблескивающую слизь.

– Ну что? Что там?! – приплясывала от нетерпения Света.

– Плесень. – Я вытер руки о штаны. – Следы искать бесполезно: она скоро исчезнет.

Куча тряпья на диване заворочалась, застонала. Мы бросились к ней:

– Деда! Ты?!

– Вениамин Серафимович?!

Куча отозвалась протяжным вздохом, сделавшим бы честь самому Кентервильскому привидению. Неудивительно, что я принял старика за тряпье... Со дня нашей встречи для меня прошел день. Для Вениамина – лет двадцать. Удивительно, как он вообще протянул до нашего появления.

– Дед Вень, что случилось?!

От одежды огородника несло заброшенным подвалом. Полуоторванный воротник завернулся, обнажая серповидную рану на старческой груди. Края ее успели набухнуть и

почернеть. От раны во все стороны расплывалось багровое пятно.

Так, так... Непостижимый и загадочный зверь чупакабрас побывал здесь раньше нас. Я почувствовал, как меня охватило веселое возбуждение, означавшее, что я встал на след.

– Света, водички, – приказал я. – И быстренько!

Та опрометью бросилась к плите. Загрели, ссыпаясь со стола, кастрюли. Пластиковый стаканчик в ее пальцах смялся, выплескивая колу на мои джинсы; ткань сразу же прилипла к телу.

Пить Вениамин Серафимович оказался не в состоянии. Я поддерживал ему голову, а Света тыкала в губы пластиковым стаканчиком, бестолково разливая питье. Руки ее дрожали. Я отобрал стакан и принялся поить старика сам.

– Звери... – прошелестел тихий голос. – Звери из тени...

– Подушку! – решительно приказал я Свете. – Одеял!

Подушка скоро нашлась: она завалилась в щель между диваном и стеной. Я устроил старика поудобнее, укутал несколькими одеялами. Его колотила дрожь, несмотря на то что печка еще не успела остыть.

– А теперь вызывай «Скорую», милая. И побыстрее.

Света кивнула и отчаянным жестом, словно делая характерный жест, рванула застежку рюкзака. На стол полетели книги, косметичка, трамвайные билеты, ручки, разномастные фломастеры. Отыскав мобильник и крохотный бубен, девушка бросилась вон из домика.

– Викуху съели... – прошептал старик. – Игорь, на вас надежда... Таблеточка... в кармашке...

Я деловито приступил к мародерству. В кармане старого дзайана нашлась лишь измочаленная пачка валидола. Увидев ее, Литницкий страдальчески прикрыл глаза. Ладно, попробуем еще. Ага. Квитанция, сложенный вчетверо тетрадный лист, пергаментный пакетик. В нем – что-то круглое, белое.

Таблетку пришлось размочить в коле. Умеют же устроиться господа маги! На серой коже умирающего вспыхнул румянец. Глаза заблестели, морщины разгладились – дзайан выглядел свежим и цветущим, как манго на ветке! Я с восхищением покрутил головой.

С улицы доносились шаманские завывания и грохот бубна.

– «Скорая» сейчас будет, – отрапортовала Светка, заглядывая в дверь. – Я ее по школе вызывания хастнула! У меня девятый уровень!

И укоризненно посмотрела на старика:

– Ну что, дед Вень, допрыгался?! А ведь говорила тебе!

– Прости, внуча, дурака старого!.. – пробормотал тот. –

Отныне буду тебя слушать.

– Ладно, – смягчилась та. – Листы при тебе?

– В бумажнике... Остальные у Марченко...

– У Алексея Петровича? – уточнила девушка. В глазах ее горел азарт охоты.

Старик дернулся:

– Внучка! Все отдам, только спаси!

«Вениамин – глава рода, – вспомнилось мне кстати. –

Присвоил белые листы дома Литницких...»

Так-так-так... Разрешения на поводки, фактически монополия на силу и чудеса... А девчонка молодец! Не так проста, как могло бы показаться!

Света зыркнула на меня разозленной кошкой. Ладно, решил я, у моей замечательной спутницы дела родственные, семейные, чужим вступать не след.

– Пойду, гляну, не приехала ли «Скорая», – сообщил я деликатно, выходя из домика.

Естественно, далеко уходить я не собирался. Настало время со вкусом расположиться под окнами и подслушать милую семейную воркотню. К сожалению, судьба распорядилась иначе. У калитки мне повстречались две старушки – высокая в выцветшей сиреневой кофте, и низенькая в телогрейке и платке цвета хаки. Мрачно смоля сигарету, низенькая разглядывала изгаженные олифой прутья.

– Здравστε, – с энтузиазмом объявила она, едва меня завидев. – Ты, что ли, Светкин хахаль будешь?

– Уймись, Верунь, – прогудела высокая укоризненно, – нонеча не хахаль говорят, а бойфренд.

– Ничего не знаю. Хренд, редька там... Девчонка ревмя ревет, а он...

– Детектив Колесничий, – с обезоруживающей улыбкой

достал я удостоверение. – У меня к вам несколько вопросов, сударыни. Найдется пара минут?

– Детектив? – впечатлялись гости. – Ах ти ж господи, Ормазд преблагой! Это с милиции што ль?!

– Ну, вроде того, прекрасные госпожи. Только это сейчас неважно.

Не прошло и нескольких минут, как мы с почтенными матриархинями болтали, словно закадычные подружки. Из их слов выяснилось много важного и интересного.

Как оказалось, я не первый посоветовал старому дзайану обратиться к аснатарам. Визит священника спланировали давно. Вот только Вениамин Серафимович безбожно с этим тянул. Старушки и так его уговаривали, и сяк – все впустую. Лишь вчера он решился и приехал на огород с аснатаром.

Священник старушечьему конгрессу не понравился. Не святой какой-то! Жилистый, сухощавый, круглоголовый... Сам плюгавенький, а выправка военная и «в груди крутая сажень», – как выразилась высокая. В общем, не инквизитор – бывший боксер.

Дело, впрочем, боксер-инквизитор знал. Запалил священные огни, споро и с молитовкой очистил первоэлементы. Интересный факт: когда отец Иштван кропил святым огнем курятник, птицы орали, словно резаные. Даже словно бы какое-то адское ржание из-под земли доносилось. Не иначе знак благой. Не по нутру дэвам святость аснатарова.

А вот дальше пошла ерунда. На бесплатное представле-

ние собрались местные мальчишки. И ладно бы просто глазели! Святому отцу не мешают, так и Вениамин Серафимович помалкивает. Терпит, значит, с молитовкой благостной. Только вот один паренек – вроде скрипача, со шпажкой деревянную – возьми да кувыркнись с забора. Прямо в любимую мушмуллу покойной.

Тут уж старик не выдержал. Такое началось, хоть святых ашаванов выноси! Аснатар орет, пацанва орет, малец брыкается, чисто кот помоечный. И всего-то ему уши надрали, скажите! Велика важность.

– ...Простите, простите, – перебил я. – Мальчишку как звали?

– А дэв его знает... Артемом вроде. Вот Димка должен помнить. – Низенькая со значением посмотрела на меня: – Сосед Светкин по площадке. Дальше рассказывать?

– Сударыня, – проникновенно объявил я, – умоляю, не упускайте ничего! Я весь внимание.

...Дальше ничего особенного не произошло. Проводив аснатара, Вениамин Серафимович решил заночевать на даче. Бедная собачка Викуха, узнав, что придется провести ночь в дэвятнике, затосковала. Видимо, тосковала она правильно, потому что утром Вениамин ее не нашел. А потом и сам устал, заперся в домике и отказался кого-либо пускать.

Больше старушки ничего толкового не рассказали. А вскоре мне стало не до болтовни: подъехала «Скорая», и у нас появились другие дела.

Стукнула дверца машины. Света с готовностью придержала калитку; врач учтиво поклонился ей и зашагал к дому – коренастый, добродушный, в квадратных очках. С первого взгляда на него становилось ясно, что теперь судьба Вениамина в надежных руках. Следом семенила фельдшерица лет двадцати, крашеная блондинка с робким болоночьим личиком.

Войдя в комнату, врач окинул старика благодушным взглядом и обернулся к фельдшерице:

– Мариночка, дорогуша, достань корглизончику. Колоть будешь.

– Я? Почему я? – испугалась та.

– Давай, милая. Не спорь.

Фельдшерица распаковала экспресс-лабораторию и принялась возиться с инструментами, способными вызвать ночные кошмары даже у бывалого палача. Врач же вплотную занялся больным. В глазах его плескалось радостное волнение, какое бывает у людей, искренне любящих свое дело.

– Как я и думал! – воскликнул врач. – Ах, как хорошо! Ах, как это замечательно! – И, обернувшись к фельдшерице, сообщил: – Осчастливь этого сударика полкубиком, дорогуша. А потом кебузончику. Договорились? !

И принялся восторженно щебетать что-то о «декомпенсации» и «тахисистолической форме».

Забавно ссутулившись, девчонка приготовила шприц. Никогда не видел, чтобы лекарство кололи так долго – навер-

ное, ставили рекорд для книги Гиннеса. Старика мучили, пожалуй, минут пять. Врач смотрел на это безобразие, благодушно улыбаясь и что-то одобрительно бормоча себе под нос, так что я успокоился.

Потом мы с водителем бережно, словно вазу эпохи Цин, переложили старика на носилки и унесли в машину. Когда я вернулся, фельдшерица заполняла бумаги, а врач что-то радостно втолковывал Свете. До меня доносились лишь обрывки фраз:

– Анафилактический шок... ну это просто чудо какое-то! Можно сказать, великолепная аллергия на старость. Нет, не лечится... замечательно! Просто чудесно! Будет восхитительный гемодиализ... Однако в таком хорошем состоянии... вы наследница?! Поздравляю!

Марина оторвалась от карточки и сердито поинтересовалась у меня:

– Родственник вы будете?

Я помотал головой.

– Родственники нужны обязательно, – сообщила она. – Чтобы в больницу везти. Кто здесь родственник?

– Я! – дэвчиком из табакерки выскочила баба Вера. – Я Серафимычу первая родственница, надежа и опора! – Она с вызовом посмотрела на юную дзайану. – Не то что некоторые, которые раз в три месяца за наследством приезжают!

– Ах, ты, борсетка старая! – взвилась Светка.

Фельдшерица равнодушно кивнула и вновь уткнулась в

форму. Строчки выходили у нее ровные, опрятные. Писала она округлым девичьим почерком, так не похожим на каракули в рецептах. Интересно, это сколько же лет надо учиться, а потом не покладая рук работать по специальности, чтобы профессионально угробить почерк?!

Вскоре с формальностями было покончено. Водитель захлопнул дверь, и «Скорая» умчалась, унося старого дзайана навстречу новой жизни. Мы со Светой остались на дороге, глядя машине вслед.

– Главное, чтобы чара не сдохла, – озабоченно проговорила дзайана. – А то забудут, куда ехали...

– Чара? А что за чара?

– Да так, магия вызывания. Тут глушь, сами они б сюда часа три добирались. Вот только от силы многое зависит. А у меня силенок пока маловато.

– Ясно. Значит, магия вызывания... Ну что ж, пойдём улики собирать.

...Где-то в глубинах сознания раздалось громкое «ти-рям-пам-пам!» – интуиция напомнила о себе. Светкина девятая ступень в магии вызывания недвусмысленно связывалась с происходящим.

Первая улика досталась мне. Света ее проглядела, потому что знала дачу куда лучше меня. Она искала Викуху там, где ее следовало искать, я же положился на удачу, и, конечно же, та меня не подвела.

Вытащив из-за компостной кучи лестницу, я приставил ее к стене. К стрехе шоколадными трюфелями прибились ласточкины гнезда. На заляпанном птичьим пометом брус висела Викуха, похожая на набитый сеном гигантский носок.

Чупакабрас – сильная тварь. Я осторожно разворошил шерсть на собачьем загравке. Вот и след от укуса. Выдран клоч шерсти, на коже – багровое пятно, напоминающее цветков гибискуса.

С крыши открылось много чего интересного. Я спустился и прогулялся к забору. Там угрюмо чернела старая компостная куча; несколько чурбаков из разоренной поленницы валялись в траве. Над ними извивалась сорванная со шпалер лоза малинника, среди белесых листьев поблескивали ягоды. Я машинально отщипнул одну, попробовал. Немного водянистая, но сладкая. Поздний сорт, что ли?..

Через миг сломанный малинник великодушно открыл мне то, что я искал. На заборе у поленницы дотлевали пряди плесени. Если чупакабрасу где и перебираться через забор, то именно здесь. Конечно, он мог просто прибежать сюда, чтобы поточить когти о сетку, но это вряд ли. Итак, зверюга пришла из леса.

К домику я вернулся с просветленным лицом.

– Ну? – Света посмотрела на меня с надеждой.

– Помаленьку проясняется, – сообщил я бодро. – Ну, студентка, устроим тебе маленький экзамен. Припомни-ка мне какую-нибудь тварь, чтобы оставляла плесневелый след.

Дзайана присвистнула и вытаращилась на меня с некоторой даже обидой:

– Лапа! Да ты знаешь, сколько таких тварей?! Сотни! Это очень важно?

– Очень, – заверил я ее.

– Тогда я в справочнике посмотрю, ладно?

– Хорошо. А сейчас пойдем в дом.

В доме я первым делом двинулся к столу. Бумаги, которые я вытащил из кармана Литницкого, лежали там же, где я их оставил. Заинтересовали они меня куда больше, чем след плесневелой твари.

Первая оказалась квитанцией из башни безмолвия⁵. Выдан труп женщины, одна штука, подпись зрителя неразборчивая, начинается на «Те...». То ли «Телех», то ли «Тепех».

Вторая – лист в клеточку, выданный из ученической тетради, – заинтересовала меня еще больше. Развернув ее, я прочел:

«В суффиксах полных страдательных причастий пишется две буквы Н, например, ЗАГРЫЗЕННЫЕ ВЕНИАМИНЫ. В суффиксах кратких страдательных причастий пишется одна буква Н, например, ВЕНИАМИНЫ ЗАГРЫЗЕНЫ».

Так-так-так... На четыре пятых уверенный в том, что уви-

⁵ По ясныйским канонам, тело умершего человека нельзя закапывать в землю, бросать в воду или сжигать, чтобы не осквернить одну из первостихий. В башнях безмолвия над покойниками проводят ритуалы, после которых тело считается «чистым» и его можно хоронить на кладбище.

жу, я вторично перечитал записку.

Конечно же текст стал другим:

«Чтобы правильно написать безударные окончания существительных, в большинстве случаев (кроме слов, оканчивающихся на -ИЯ, -ИЕ, -ИЙ) достаточно определить, к какому склонению относится слово, и посмотреть, как пишутся слова с ударными окончаниями из этого же склонения в такой же форме.

При проверке для первого склонения удобно пользоваться словом **ВИНА**, для второго – **ШАНТАЖ**, для третьего – **КРОВЬ**. В этих словах все окончания ударные.

Например, мы сомневаемся, что писать на конце словосочетания «САРАЙ В СЫРОСТ...». Слово **СЫРОСТЬ** третьего склонения. Подставляем проверочное слово «В КРОВИ». Следовательно, писать надо «САРАЙ В КРОВИ», с буквой **И** на конце».

Магия! К сожалению, больше ничего интересного узнать не удалось. Еще раз раскрыв лист, я обнаружил на нем правила решения каких-то магических уравнений. Затем – схему устройства замка, навешенного на подвальный люк.

Сомнений не было – я держал в руках легендарную вещь. Запредельный артефакт, мечту любого школьника всех времен и народов – Абсолютную Шпаргалку. Вопрос только: как она попала к Вениамину?

Хм... А не связан ли с этим милым предметом некий свалившийся в сад мальчик? «Вроде скрипача, со шпажкой де-

ревянную... Артемом зовут». И тут еще какой-то Димка, Светин сосед по лестничной клетке...

Судьба великодушно посылает мне в руки нить. Друдж будет не воспользоваться ее щедростью.

– Игорек! – донесся с улицы отчаянный Светкин голос. – Тебя спрашивают! Дуй сюда!

Я сунул лист в карман и поспешил на улицу.

У ворот стояли двое гостей, один неожиданней другого. Монах в черно-белой рясе аснатара – жилистый, сухощавый... словом, тот самый, о котором говорили старушки, и рядом с ним кривоногий усач в милицейском мундире и расстегнутом кожаном пальто.

– Игорек! – взревел усач, бросаясь ко мне. – Вот так, а?! Что ж вас из Виттенберга принесло?!

Сердце екнуло. Я попал в руки самого отчаянного и непредсказуемого из веденских оперативников.

– Ишь, дэвяка! – с энтузиазмом облапил меня усач. – Исхудал-то, исхудал на вольных харчах! Что, Гертруда, не естся, не пьется Гамлету?!

– Полегче, Сема, – я попытался вырваться из его объятий, – естся великолепно, пьется – дай боже! Беготни просто больше, чем на казенщине. Знакомься, кстати: Светлана Литницкая. – И, морщась от боли в ребрах, представил уса-ча дзайане: – Коллега мой бывший, с Булочной, семь. Капитан милиции Семен Винченцо, живая легенда. Оперуполномоченный отдела по борьбе с преступлениями, – тут воздух

в легких закончился, и скороговорка моя призамедлилась, – совершенными с применением магических техник.

– Отдел СоПриМаТ??!?! – поразила Света. В глазах ее светилось благоговение: – Маголовный розыск?!

– Так точно, сударыня. Будем знакомы!

Дзайана вспыхнула и потупилась. Впрочем, Семен на всех женщин оказывает такое воздействие. Ему за сорок, однако энергии его может позавидовать двадцатилетний биатлонист. Он играет в драмкружке, Шекспира может часами цитировать, женщины ему на шею вешаются. Рубака, хохотун, непоседа. Но, к сожалению, дурак. Впрочем, должен же быть у человека хоть один маленький недостаток?

– А где эксперты твои? – поинтересовался я. – Галочка, Люсенька?!

– Какие там эксперты! – жизнерадостно объявил тот. – Скомандуйте дать залп! В отпусках наша экспертня... Крутимся, как можем, а Можем – это ночмарская фамилия.

Пока мы хохотали (как это обычно бывает, совершенно по разным поводам), аснатар стоял с непередаваемо мрачным видом. Наконец он схватил Винченцо за плечи, встряхнул и рявкнул тому в ухо:

– Давай к делу, сыне! Побалаболить всегда успеем.

Продолжая хихикать, Семен развел руками:

– Видал?! Папаня выискался на мою голову! У-у, попская морда! Тут друга встретил, лет пять как потерянного, а он... Поди поспи, Франциско!

– Прошу простить нас, святой отец, – я учтиво поклонился инквизитору, – мы действительно давно не виделись. Так это вы, значит, отец Иштван?

– Истинно так, сын мой.

– Вчера обряд проводили?

– Проводил, паства. Мы в своем праве – друдж бить и в хвост, и в гриву! Как здоровье подпаствуемого?

– Плохо. Не впрок ему ваши молитвы пошли. Насколько я знаю, бедняга при смерти.

Это заявление оказало примерно то же воздействие, что пуля, попавшая в гору воздушных шариков.

– Как при смерти?! – подскочил Иштван.

– Офелия, вы порядочная девушка?! – это уже Винченцо.

В нескольких словах я рассказал то, что знаю. Упомянул о контракте, о мертвой курице, о дэвовском звере чупакабра-се.

– Зажгите ароматные куренья, – пробормотал Семен с печальной задумчивостью. – Опять ты меня опередил... Я здесь по сигналу. Думал, врут, кошелки старые... Ан нет, Офелия – девушка порядочная. Ну давайте посмотрим место происшествия.

Я сводил Винченцо к трупам собаки, к следам плесени на заборе (никаких следов, впрочем, уже не осталось) и показал место, где мы нашли старика. Семен слушал рассеянно. Это наводило на жуткие подозрения: похоже, у него появилась ВЕРСИЯ.

Так оно и оказалось.

– Вы все арестованы, – после минутного раздумья объявил он. – Все, кроме Светланы.

– Можно поинтересоваться, почему, сын мой? – меланхолично поинтересовался аснатар. Похоже, он уже понял, с кем имеет дело.

– Молчать! Вы натравили на старика чудовище! Впрочем, нет... Не сходитя... Ах, дэв возьми! Вы же не дзайаны.

– У меня алиби, – деловито сообщила Света. – Я была на дискотеке в «Трансильвании». Можете проверить регистрационную чару.

Это расстроило капитана до глубины души. Он окинул дзайану взглядом человека, обнаружившего вдруг, что его семья пала жертвой кровавой вендетты:

– Плохо, сударыня! Из-за вас версия рушится. А органам надо оказывать содействие. Значит, так, предлагаю другую версию. В убийстве виноват мальчик! Мотив есть. *Con tutto il cuore ben trovato!*

Я-то к семеновским методам привык... Но Света и аснатар впечатлялись:

– Позвольте, но какой же мотив у мальчика?!

– Уши. Уши его мотив! Во время обряда мальчик... как его зовут, кстати?..

– Артем, – подсказал инквизитор, с каким-то болезненным любопытством глядя на инспектора.

– Великолепно! Артем – он ведь упал с забора, так? Вот

и мотив! Потерпевший ему уши надрал, а мальчишка – он, естественно, в совершенстве владеет боевой магией высоких степеней – затаил обиду. Мы ж понимаем, сами дзайяны... Прикрываясь безобидностью детского вида, мальчик навел чару. Магическая тварь, призванная им, сожрала потерпевшего с потрохами. Все просто. – И, не в силах сдержаться, добавил: – Он отозвался б, но запел петух.

– Ладно, – без энтузиазма согласился я. – Как рабочая версия пойдет. – И вполголоса добавил: – Молитесь, отец Иштван, чтобы она оказалась последней.

Инквизитор ответил мне понимающим взглядом. Светка раздраженно закатила глаза.

– Ерничать, Игорь Анатольевич, не надо! – надулся инспектор. – Семен Винченцо себя окажет. Значит, так. Вы остаетесь. Ничего не трогаете. Я допрашиваю соседей. Не трогать первую – моя! И – оп-ля-ля – дело фактически закрыто!

Он подпорхнул к калитке, но тут его окликнул аснатар:

– Один момент, благой товарищ Винченцо. Не хотите выслушать кое-какие соображения со стороны церкви?

– Ну что еще?!

– Дело в том, сыне, что вчерашний обряд закончить не удалось. Подпаствуемый запретил освящать одну постройку... понимаете?

Мы переглянулись.

– Какую именно? – осторожно поинтересовался он.

– Сарай. Между тем оттуда исходят явственные миазмы друджа.

– Хм... – Винченцо с надеждой потер подбородок. – Пожалуй, свидетели подождут.

Мы вопросительно посмотрели на сарай. Тот поспешил притвориться совершенно безобидной развалюхой.

«САРАЙ В КРОВИ», – всплыло в памяти. Заколдованный листок шевельнулся в кармане. Мы семимильными шагами приближались к разгадке.

Увы, зловещее строение нас разочаровало. В нем витал дух запустения. Земляной пол устилало свежее сено; в углу противотанковым ежом топорщились инструменты: вилы, коса, тяпка. Я заметил разоренные кроличьи клетки, пустой насест... Все грязное, сломанное. Домашняя живность в стариковом хозяйстве повывелась уже года как четыре.

– Так-так. – Винченцо прошелся к клеткам и обратно. – Это очень важно, прошу занести в протокол. Сарай пуст. Как говорится, угомонись, кормилица, и ты.

– Семен, осторожно, – заметил я небрежно. – Лоб побереги.

– Не понял?!

– Среди инструментов есть все, что угодно, кроме грабель. Скорее всего они закопаны в сене.

Винченцо запнулся. Походка его сделалась вкрадчивой, как у мыши, разминирующей мышеловку. Балетным шагом

он провальсировал к двери.

– Животины у Литницкого нет, – продолжал я задумчиво, – значит, сено заготавливать не для кого... Однако, – я нагнулся и вытянул клочок, – сено свежее. Это не бурьян, не болотные травы – мышиный горошек, чина, полевица. Первосортное сенцо. Зачем оно?..

– Может, чтобы спать? – предположила Света. И тут же сама себе ответила: – Нет, жестковато будет... Да и дед комфорт любит.

– Вот именно. Сено скрывает люк в полу. А находится этот люк...

– ...вон там, – показал аснатар. – Оттуда дружем больше всего тянет.

Семен прикусил губу. Инициатива уплывала из рук, и следовало срочно что-то делать.

– Прекрасно! – потер он ладони. – Скомандуйте дать залп! А теперь, товарищи посторонние, пропустите профессионала магрозыска. Потому что пара нормальных мужиков не заменит одного паранормального.

И капитан решительно двинулся к указанному Иштваном месту. Не дойдя нескольких шагов, он остановился:

– Здесь охранные заклятия! Сударыня, подойдите сюда. Чувствуете?

Света стала рядом с капитаном. Лицо ее сделалось задумчивым.

– Ой... Чувствую!

– К счастью, – небрежно продолжал тот, доставая инструменты, – ломать – не строить. Развеивать чары моя прямая обязанность. Как говорится, я буду грызть ноготь по их адресу, и они будут опозорены, если смолчат!

Я присел на скамеечку. Теперь все сладится само собой... Присутствие Светы окрыляло Винченцо. Тот с ходу вывалил весь свой шекспировский репертуар, впрочем, следует отдать капитану должное: дело от этого не пострадало.

Как выяснилось, Литницкий защитил люк четырьмя чарами: защитной «Не плюй в колодец», капканом «Волка ноги кормят», раритетной сигналкой «Чужие здесь не ходят» и сомнительной полезности «На воре шапка горит». Винченцо сломал все. Минут через десять, сбросив сено залихватским телекинетическим ударом, Семен открыл люк.

Деревянные ступени, таинственно поблескивая, уходили в темноту. Из подвала несло мокрой известкой и пометом. Мы переглянулись.

– Хорошенькое дело. – Света наморщила лоб. – Деда бункер отрыл – пол-Ведена спрятать можно... Ну, что, спускаемся?

И, наколдовав «Елочка, зажгись», храбро двинулась вниз. Мы зашагали следом.

Шпаргалка врала. Кровью в этом удивительном подвале и не пахло. Пахло... ну, я уже говорил чем. Литницкий оборудовал лабораторию по последнему слову ночмарской техники: длинный коридор с решетками в стенах, пол кафельный,

за спиной – дверь с рулевым колесом... и жуть, жуть повсюду разлита – не передать! Откуда-то издалека доносился рвущий душу скулеж.

Иштван воодушевился. Подбородок вверх, глаза горят – печатая шаг, аснатар двинулся к двери. В голосе его прорезались профессиональные окающие басы:

– Эт-то что еще за скотомолельня?! Вот оно, гнездо друджево!

Пронзительно заскрипело колесо. Мы навалились в шесть рук, и дверь распахнулась. Сгорая от нетерпения, мы ворвались в лабораторию.

Ну, гнездо не гнездо, но что-то дэвовское в этом месте чувствовалось... Может, засохшие астры на столе вызывали это томящее ощущение, может, картина «Утро в сосновом бору». Но скорее всего распятый на хромированной дыбе скелет химеры. Трехглазый череп смотрел мутными, затянутыми льдом глазницами, словно моля о помощи.

Я бегло осмотрелся. Хирургический стол, стол лабораторный, два верстака, холодильник во всю стену, компьютеры. Забытый бутерброд, газетка с анекдотами. Тарелочка с раскисшей малиной.

– А-а, – на лице Светы промелькнуло разочарование. – Я-то думала...

– Да, – подтвердил Винченцо, поскучнев, – никакой крамолы. – Он подошел к скелету и подергал шаткую раму устройства. – Потерпевший bestiарий обустройства. Закля-

тие «Кадавр Севера», десятый – высший, заметьте! – уровень магии созидания. Вполне безобидное хобби. Можно идти. Идемте, отец Иштван.

На Семена жалко было смотреть. Все мыслимые версии рухнули, словно курс акций «Титаник судостроэйтшн». Однако Иштван так быстро сдаваться не собирался.

– Поговори мне, паства, – нахмурился он. – Чую друдж поганый! Пока не вычищу, не уйду!

– Как хотите, товарищ понятой, – пожал плечами Винченко. – Только ничего не трогайте, мне еще протокол составлять.

– Церкви указуешь, нечестивец?! На путь друджа стал?!

– Товарищ понятой, выбирайте выражения!

Мы тихонечко вышли из лаборатории. Пусть себе собачатся... Светина «елочка» почти выдохлась, и коридор медленно, но верно сползал во тьму. Я нащупал на стене выключатель. На стенах вспыхнули тусклые факельные огни.

– Ну что? Поглядим, что деда натворил? – жизнерадостно предложила дзайана. – «Кадавр Севера» – редкая чара. Веня ею лучше любого гранда владеет!

– А почему он сам не грандмастер?

Света посмотрела на меня с удивлением:

– Для гранда надо минимум три школы по высшему разряду знать! А для аватара магии – все до единой. Ну что, идешь?

Я последовал за ней, меня и самого интересовало, чем на

досуге занимался чудак-дзайан. За решетками ворочались темные туши: химеры, эмпусы, эринии. Белел изгаженный насест с гарпиями, вздыхала во сне мантикора. Сон разума плодит чудовищ...

За углом нам впервые встретилось что-то знакомое. Из стойла выглядывала грустная лошадиная морда. Во лбу звездочка, глаза умные, челка, словно у китайской девочки.

– Лошадь! – обрадовалась Света. – Лапуля ты моя!

Лошадь фыркнула, обнюхала лицо дзайаны (та смешно зажмурилась) и потянулась ко мне теплыми бархатистыми губами.

– Хорошая моя... славная. – Я потрепал лошадь по холке. – Ну, хватит, хватит! Всю ладонь облизывала. Тебя что, хозяин не кормит?

В соседнем стойле тоже послышалось фыркание. Второй конь переступил копытами по дощатому полу и потянулся ко мне, требуя свою долю внимания.

– Я сейчас! – Света с готовностью полезла в рюкзачок: – У меня, кажется, булочка была!

Лошадей люблю... Не стань я когда-то на путь закона, подался бы, может, в конюхи. Я гладил обеих зверюг по холке, поражаясь, как таких замечательных созданий можно было упрятать под землю. Да еще и небось впроголодь держать!

– Зверюга симпатичная, – не переставая чесать жмурящуюся от удовольствия лошадь за ушком, я нагнулся к яслям, – а как у тебя с овсом?

С овсом дело обстояло плохо... Из яслей выглядывала спутанная грязная мочалка. Трогать ее руками я не решился, перевернул скребком.

И не зря.

С бильярдным стуком мочалка скатилась на дно кормушки. Не обращая внимания на тошноту, я выкатил череп из яслей. Волосы есть лошадь побрезговала, зато лицо слизнула начисто. Корабельным каркасом белели обглоданные ребра; на плечах скелета еще сохранились остатки симпатичной красной кофточки с пионами.

«Что ж вы хотите, – вспомнился давний студенческий анекдот, – колбаска четвертого сорта. Собаку даже из будки не вынимают».

Раздеть жертву перед тем, как скормить лошадям, Вениамин явно поленился.

– Ой! – Дзайана присела на корточки, разглядывая череп. Глаза ее горели восхищением: – Вот это да! Ну, дед Веник дает! Это же кони Диомеда из легенды! – Она повернулась ко мне: – Их еще называют «кони привередливые». Геракл когда-то плавал за ними к царю Диомеду.

– Их кормят человеческим мясом?

Видно, все, что я в тот момент думал, отразилось на моем лице. Дзайана пожала плечами:

– Ну да. Реш, ты чего?! Созданные твари почти все людоеды, не знал? Дзайаны покупают для них трупы в башнях безмолвия.

Вот и объяснилась квитанция, найденная в кармане старика. Из башни безмолвия Вениамину Серафимовичу выдали не жену, как я до сих пор думал, а неизвестную побродяжку – на прокорм привередливых лошадок.

Впрочем, я не угадал... Света склонилась над яслями.

– Ой... – хихикнула она. – Это же кофточка баб-Надина! Ну, деда, ну, затейник! То-то они так ругались весь год!

И я окончательно понял. Не было никакой чупакабры. Вернее, нет, была... может, и сейчас есть – где-то в своей клетке, созданная дзайаном-умельцем. Людей прав: мой клиент перешел границу безумия. Потеряв бесценный кинжал, он принялся создавать абсолютную защиту.

Идеального сторожевого пса.

Если поискать, мы найдем здесь многих кадавров-сторожей... Кони Диомеда – лишь шаг к созданию совершенного охранника. Представляю, сколько здесь могущественных тварей!

Со временем чудовищам требовалось все больше и больше мяса. Поставщик из башни безмолвия не справлялся – слишком много заказов. И тогда Вениамин отправился на охоту. Первой жертвой стала его жена, может, были и другие жертвы. А потом он придумал замечательный ход. Принес мне куриный трупик, рассказал историю о преследователях-ненавистниках...

Он хотел инсценировать нападение чупакабраса и в ожидании меня выпустил его из клетки. Вот только случилось

все несколько не так, как он рассчитывал. Тварь оголодала и напала на своего создателя. Это, кстати, объясняет «зверей из тени», о которых лопотал старик.

Не окажись я таким до безобразия везучим – лежать мне сейчас в кормушке проклятых тварей.

Я поднял глаза к небу. Где-то там сияет моя путеводная звезда... А еще там сидят великолепные парни, единственная цель жизни которых оберегать мою задницу от неприятностей вроде этой. Спасибо вам огромное, ребята!

– Пойдем, солнце. – Я тронул Свету за плечо. – Похоже, все, что могли, мы выяснили.

– Ага, – согласилась она весело. – Ну и ладно!

«Елочка» доживала последние мгновения. Горестно мигнув, заклятие распалось. В следующий миг от Светкиного визга кони шарахнулись по дальним углам стойл.

Мы рано расслабились. Из-за угла выплывали три пары огоньков: золотые, красные и багровые. Тварь вступила в световой круг, обретая очертания цербера – три волчьи башки, змеиная шерсть и кольчатый хвост с пастью на конце.

– Берегись!!

Пистолет сам прыгнул мне в руку. От грохота, многократно спрессованного арками перекрытий, я на мгновение оглох. Брызнули алые рубинчики крови.

– Реш, я прикрою! – азартно крикнула Света. Она торопливо расчертила воздух огненной монограммой, слепила в

комок и бросила в тварь. «Пламенный глагол» зашипел, прогрызая шкуру.

Закрытие это убивало наверняка, воспламеняя сердце противника. Вот только у цербера не было сердца. Он помотал единственной уцелевшей головой и прыгнул.

Отчаянно заржали лошади; твари в клетках завывали, захрипели, залаяли. Когтистая лапа снесла меня в сторону. Когти склизнули по плитке пола, и цербер, проехав на зад, вращаясь, уткнулся мордой в живот дзайаны.

Ошалелыми глазами зверь и человек смотрели друг на друга.

– Он меня нюхает! – завизжала Светка. – Реш, спаси-и!!

– Не шевелись!

«Эфа» голодно клацнула в руке. Та-ак! Обойму милейший Людей подsunул мне неполную. Сэкономил святые патрончики, гад!

Оставалось одно: бить тварь врукопашную.

Чудовище раззявило пасть, хватая девчонку за руку. Та даже колдовать не пыталась: визжала и молотила цербера рюкзачком. Я прыгнул зверю на хребтину, но тот свалил меня ударом змееглавого хвоста.

И тут... Поверите ли: никогда не думал, что так обрадуюсь святоше-инквизитору!

– Паства, держись! – разнеслось под сводами подвала. – Семпер друдге перкутиатур!

Черно-белый вихрь просвистел по коридору. От чудища в

разные стороны брызнули ошметки: оторванные лапы, кольчатые сегменты хвоста. Зверь взвыл дурным голосом, пытается вырваться. Не тут-то было! Вихрь втянул его в себя и разметал ключьями сухой соломы.

Повисла легкая тишина.

Черно-белый волчок сжался, принимая очертания человеческой фигуры. Иштван стоял на одной ноге, сложив ладони перед грудью. Вот он развел руки в стороны, становясь похожим на святую птицу-фарохара.

Я с трудом поднялся на ноги. В ушах звенело.

– Благодарю вас, отец Иштван. Вы... вы очень вовремя!

– Господа благодарите, – скривился священник. Он хмуро рассматривал свою рясу. Выглядела та так, будто по ней размазали пару килограммов мясного фарша. – Вот же огорчение дружево... – бормотал Иштван, – Новенькая же ряса, а?.. На неделе пошил!.. А химчистки божественные нонеча того... в алеманчик...

– Да не беспокойтесь вы, отче! – Света тяжело оперлась о пол, поднимаясь. – Я вам постираю.

От взгляда священника можно было зарядить аккумулятор:

– За глаголом следи, паства! – рявкнул он. – Постираю!.. Рясу божескую, соплистка хренова. Однако, – добавил он, смягчившись, – господь в моем лице не откажется от пожертвования.

– Щедрого?

– Щедрого мало. Тут обильное более уместно.

– А я только умеренное могу... – огорчилась Света. – Студентка я.

Настала пора мне вмешаться:

– Я добавлю. В складчину, может, даже и на достойное наскребем.

– Достойное... Пфе!.. Вы учитывайте, паства: мне еще с богом делиться.

Поторговавшись, сошлись на солидном. Половина Вениного задатка (все, что имел с собой) отпраздновала новоселье в сандалиях священника. Света сбегала к оторванной голове цербера, выдрала из зубов рюкзачок и достала двадцать алеманов.

– Больше нету, отче. Стипуха через неделю, я занесу.

– Путем дружба идешь, дочка!

– Да что мне, – обиделась та, – натурой отдавать?! Нету, блин! Нету!

– А отработать?

– Ну я же сразу предложила рясу постирать!

Аснатар умолк. В Светкины прачечные таланты он почему-то не верил.

Мы вернулись в коридор, ведущий к лаборатории, там уже крутился инспектор. Похоже, о недавней бойне Винченцо великолепный и не подозревал.

– А, голубчики-соколы! – обрадовался он. – Бегемоты-крокодилы! А я-то думаю, куда вы запропалились?

– Мы определяли меру мирской любви к господу, – кротко сообщил аснатар. – Желаете подискутировать?

– Нет, товарищи понятые. Я господу люблю совершенно бескорыстно. Что с вами случилось?

Я рассказал о нападении цербера. Винченцо слушал внимательно. Морщины на его лбу то собирались в гармошку, то разглаживались, словно играя «Подведенские вечера».

– Тварь пряталась где-то здесь, – уверенно объявил он. – Где именно? А! Здесь много клеток! Она сидела в клетке!

– Гениально. – Мы не удержались от аплодисментов.

Винченцо раскланялся. Его вдохновляла новая версия:

– В какой же клетке сидел цербер? – бормотал он. – Клеток много, надо вызывать экспертов... Но! Путем умозаключений я прихожу к выводу, что ныне эта клетка пуста. Вот оно! Моя Гертруда, удались и ты! Надо найти пустую клетку!

– Эта, – указала Светка на решетку, возле которой мы стояли.

– Сударыня, надо подходить системно. Разобьем коридор на квадраты, начнем с самого начала.

– Так она открыта! И вот... следы когтей, шерсть... он недавно линял! – Света подняла за хвост дохлую змею.

– О, эта женская логика! – Винченцо в раздражении закатил глаза. – Только из уважения к прекрасной даме. Офелия, ты честная девушка? – и, открыв решетку, шагнул внутрь.

В молчании мы последовали за ним.

– Как, интересно, Вениамина раньше не съели? – . провор-

чал я, рассматривая замок. – Такая безалаберность... Замки только что зубами не открываются.

– Может, он сам открылся? – предположила Света.

– Да нет, не сам... И не ломал его наш дружок. Замок отперт ключом. Или отмычкой, – добавил я вполголоса, разглядывая замочную скважину.

Отмычкой... Какому же сумасшедшему пришло в голову выпустить чудовище на волю? И зачем?

На всякий случай мы осмотрели камеру. Выяснилось, что чербера действительно готовили на роль сторожа. В клетке стоял отпертый сейф. В нем мы нашли старую туфлю, стакан с тухлой водой и пачку денег. Все это Семен забрал с собой в качестве вещественных доказательств.

Перед тем как уйти, я попросил дзайану еще раз посветить в камере. Она заговорщицки мне подмигнула, и яркое «елочное» сияние распутало тени по пыльным углам сейфа.

Ха! Вот она – деталь, которую проглядели Винченцо и аснатар. Я склонился над сейфом. Судя по тому, как лежала пыль, кроме найденных «вещдоков», в сейфе раньше лежало еще кое-что.

Коробка.

Или большая книга.

ГЛАВА ПЯТАЯ

*(Отдохновение, 12.10,
рассказывает Игорь Колесникий)*

Как и все хорошее, расследование наконец закончилось. Настала пора прощания. Тяжелее всего оказалось избавиться от Семена. Он все порывался нас подвезти – для того, по его словам, чтоб не «остаться старой девой и из-за нас в аду мартышек нянчить». На самом деле, я подозреваю, ему страстно хотелось вымочить мою жилетку слезами, рассказать все новости отдела за последние пять лет... в общем, проделать все те вещи, что обычно проделывают потерявшие старые друзья.

Меня это не устраивало. Винченцо и так слишком много. Кроме того, выяснилось, что он не только болтун, но и растеряха. Квитанция из башни безмолвия подевалась неведомо куда. Семен клялся, что у него все учтено и оприходовано, однако, сколько ни рылся в портфеле, так ее отыскать и не смог.

Это наводило на мысли.

Задумчивые.

Ладно, если Семен действительно сунул ее за подкладку... А ну как посеял? Где прикажете искать торговца трупами? Номер башни я не запомнил, а перетряхивать все ве-

денские похоронные конторы жизни не хватит.

Впрочем, теперь это не мое дело. На Вениаминов гонорар я могу не облизываться, а значит, дальше заниматься этим расследованием никакого резона. Все равно для профилактики я устроил капитану роскошный нагоняй. Он в отместку выписал мне повестку на Булочную, семь.

– Приходи завтра, чаю поьем, – и подмигнул загадочно. – У меня к тебе непристойный интерес есть.

– Ну какой интерес, – усмехнулся я, – крыса ты соприма-
товая? Ты ведь даже до примата не дорос, малахольный.

– Следствие попрошу не оскорблять! – обиделся он. – И вообще, моя Гертруда, удались и ты.

На том и порешили. Иштван отправился «делиться с богом», а мы вернулись на станцию, где уселись на скамейку ждать поезда. Огненный боярышник склонился над нами, качая унизанными перстнями ягод ветвями.

– Нищета, – весело резюмировал я. – А ведь еще вчера был солидным обеспеченным красавцем, с надеждами на будущее.

– Ну, ты и сейчас красавец, лапа. А надежды – большие были?

– Две тысячи алеманов.

– Ого! Дед Вень не мелочился. – Дзайана задумалась. – Слушай, – объявила она после недолгого молчания, – а давай я тебя найму?

– На что? Очередную лабораторку сдавать?

– Не-е... Слухай сюды, солнце.

Она полезла в карман изжеванного рюкзака и достала листок бумаги – тот самый, что выщганила у Вениамина.

– Вот, любуйся, – протянула мне. – Это дзайанский белый лист.

Я с интересом повертел его в руках. Дзайаны не обманывали – действительно, ни пятнышка, ни буковки. Совершенная белизна.

– Соблазняешь меня в манары? Учти, я продаюсь со вкусом и задорого.

– Что ты, лапа! Я пред тобой преклоняюсь и благоговею. Нет, без шуток! – добавила она, заливаясь краской. – У меня к тебе другое дело. Помнишь, как Вениамин отдал мне этот лист? – Я кивнул. – А остальные, сказал, у Марченко... Так вот, Марченко – это дедов закадычный друг. Веня ему доверяет как самому себе. Он и листы, которые наши, все отдал ему. Вкастовываешь?

– И очень даже хорошо. А ты, значит, собираешься вернуть фамильные богатства.

– Ну да! Только Алексей Петрович мне не поверит. Я же дзайана! А вот ты человек, он тебя под «Чистосердечным признанием» расспросит. Это чара такая специальная. И ты всю правду расскажешь. Ой, лучше бы не всю!..

– А на тебя «Чистосердечное» не подействует?

– Подействует. Просто я Алексея Петровича считаю существом наинижайших моральных качеств, анфан терриблем,

моветоном и... мудаком, короче. Под чарой я чистосердечно все это ему выскажу.

– Ясненько. Ну, значит, разовый контракт на охрану. Отдавать будешь со стипендии. Пожизненно.

– Да ты что, Решик! – Она засмеялась. – Когда у меня листы будут, мне за них столько денег отвалят! Ты дзайанов не знаешь! – И добавила с неожиданной горечью: – Они за лишнюю ману удавятся... Вот и предки мои тоже... Ай, ладно...

Мне очень хотелось выяснить, что же у нее случилось в семье, но тут подошла электричка. Вообще, смешная ситуация: два почти миллионера, а на билет ни сента. К счастью, наши несчастные мордашки растрогали кондукторшу до глубины души⁶. В результате мы комфортабельно устроились на ступеньках вагона, с аппетитом жуя горячие яблочные пирожки. Пирожками нас угостила та же кондукторша, сбегав за ними на остановке в привокзальный ресторанчик.

Мы отправлялись навстречу новым приключениям... Правда, в тот миг я совершенно не представлял, в какое грандиозное дело впутался.

Жил Алексей Петрович неподалеку от вокзала. Я и не подозревал, что в городе есть такие идиллические места, словно вынырнувшие из позапрошлого века. Мы спустились по парковому косоугору, пересекли перламутровые отмели мо-

⁶ Позднее выяснилось, что это моя спутница кинула одну из мощнейших чар школы вызывания: «Вызвать сочувствие».

стовой и вышли к средневековым бастионам в стиле поздней летящей готики.

За чугунной оградой задорной яблоневого листовой светился уютный садик. Здесь размещался питомник мохнатых мишек-кавказцев. Щенята почуяли прохожих и собрались у забора, просовывая между прутьями любопытные черные носы. За деревьями сорванно лаяла их мать.

– Нам сюда? – спросил я.

– Нет, дальше.

Путь вывел нас к арке-подворотне с заржавелой решеткой. Знаю я такие арки... Ведут они в глухой пыльный двор, крест-накрест исчерканный бельевыми веревками, с бурьяном и старыми пластиковыми ящиками. Жить в таких местах мило и скучно. Однако есть в этих двориках и свое очарование. Например...

– Стоп! – сказала Света. – Дальше не идем!

– Что случилось?

– На, держи!

Она порылась в рюкзачке и протянула мне бинокль. Хороший, разведчицкий, и как только умещался в тощих просторах Светкиного рюкзака?

Заглянув в него, я присвистнул:

– Надо же!

У подъезда болтался дэв. Зажравшийся такой младенец тонны на полторы – серый, в морщинистой слоновьей коже, с масляными карими глазками. На макушке плешь, волосы

набок зачесаны, чтобы лысину скрыть. А в пасти – золото. И зубы, что сосульки на зимней крыше... если бывают золотые сосульки, конечно.

Я вернул дзайане бинокль.

– Да-а... Итак, госпожа волшебница, какие будут соображения?

– Ну...

– Могу его из «эфы» достать. Но пули только обычные остались.

– Его сейчас и магические не возьмут... Он висит как перманент чара... в смысле заклинание с условием. Если условие выполнится, дэв вылезет во двор. А нет – так его как будто и нету.

– Ты можешь эту чару развеять?

– Диспельнуть в смысле? Нет, не могу. – Дзайана с сожалением поглядела во двор. – Разве только сорвать его и бить, как цербера. – При воспоминании о недавней драке Свету передернуло. – Лучше мы по классике сделаем.

– Рассказывай.

– Дэвы... в общем, они боятся взгляда собаки. Лучше всего – щенка до года. Нам надо тузика украсть.

И мы отправились к собачьему питомнику.

Там нам не передать как обрадовались. Из кустов вынырнула счастливая морда – щенок кавказца, медвежонок медвежонком. Не веря своему везению, он прыгнул на решетку и принялся меня облаивать. Забаву подхватили. Его братья

и сестры носились кругами, самозабвенно твякая. Старшие псы пока не появлялись.

– Какие хорошенькие! – Дзайана присела у забора и просунула руку сквозь прутья.

– Ты поосторожней. Кавказцы – звери солидные, хоть и щенята.

«Солидные звери» тыкались в ладошку черными носами. Света поймала рыжего малыша за загривок и принялась почесывать за ухом. Тот плюхнулся на спину, подставляя живот.

– Хороший... лапуля... ух, какой зверюга! – приговаривала она. Щенок визжал от восторга.

– Хочешь погладить? – предложила мне. – Он смирный!

Я поймал щенка за лапу и легонько потянул. Тот выкатил блестящий карий глаз и радостно ухватил меня зубами за пальцы.

– Все, я хочу этого. – Света вытянула руку из-за решетки. «Солидные звери» требовательно затявкали: игрушка, вернись! – На, поддержи. – Дзайана размотала шарф и передала мне. Затем расстегнула пальто. – Это вот тоже!

Оставшись в джинсах и легком свитерке, она несколько раз присела и подпрыгнула. Изогнувшись, посмотрела себе за спину.

– Блин, ну я растолстела. Вот корова!

– Угу, лань. Сторожа зачаруй, если что?.. Мы все-таки на страже закона.

– Обязательно!

Подтянувшись, она вскарабкалась на забор. Чугунные прутья решетки хищно посверкивали остриями. «Безжалостная фурия ночи» забалансировала на грани падения.

Щенята воодушевленно взвыли. Света чудом держалась на тонкой полосе, приваренной к прутьям. Отпустить руки она не решалась. Наконец собралась с духом и спрыгнула в парк.

Лай дошел до апофеоза. Псы прыгали вокруг дзайаны, захлебываясь в неудержном счастьеизъявлении.

– Держи. – Света передала через забор того самого смельчака, что кусал ее за пальцы. – И руку дай!

Я помог ей выбраться обратно.

– Вот и лапа. – Дзайана отобрала у меня пальто и запрыгала, пытаясь попасть в рукав.

Я положил щенка на плечо и, придерживая левой рукой, помог Свете одеться.

Пес вопросительно тьякнул. Его братья и сестры отозвались встревоженным лаем.

– Будешь дэвов гонять, – сообщила Света щенку. – А потом мы зверюшку домой вернем, не думай!

Я был уверен, что пес, когда его унесут от питомника, начнет скулить и вырываться. Ничего подобного. Он все порывался лизнуть меня в ухо. Видимо, чуял, что его ждет приключение.

– Жаль, мне собаку нельзя... – вздохнула дзайана. – А то

бы мы подружались. Назвала бы его Килаб – это «пес» на одном древнем языке. Вот только я безответственная. Он меня быстро до белого каления доведет.

Когда мы проходили мимо полувysохшей лужи, из-за поворота выскочил щегольской «Кайен-Турбо». Нас обдало грязью со щедростью репортера, напавшего на рок-звезду. Джип немного занесло, и он чиркнул колесом по бордюру.

Я не успел даже выругаться, как в заднее стекло джипа влетела мусорная урна. Уж не знаю как. Видимо, телекинезом.

– Козлы! – заорала Светка, вытирая пальто. – Уроды!

Завизжали тормоза. На улочке стало как-то очень-очень тихо. Джип мягко, почти деликатно сдал задом.

Ишь, крадется...

Я сунул щенка Светке и шагнул к машине. Аскавские номера, так-так... Гости чужеземные пожаловали. Наши водители и в кошмарном сне себе такого не позволяют.

Похоже, аскавцы еще не знали, почему в Ведене такие дисциплинированные водители. Синхронно щелкнули передние дверцы. Водитель замешкался; охранник уже стоял на проезжей части, а он все еще кряхтел, вылезая из машины. Слишком медленно... Светкин ровесник, а двигается, как коза на льду.

Вот с него и начнем.

Я слегка толкнул дверь юноше навстречу. Тот недоуменно придержал ее:

– Эй, пейзажник, ты чего?! Трепет утратил?

– Да нет, – весело оскалился я. – Дверь у вас качается.

Подровнять надо.

Он даже моргнуть не успел. От удара джип содрогнулся, как гигантский пудинг. Что-то хрустнуло, послышался сдавленный крик. Я оглянулся: водитель неуклюже перевесился через порожек. На асфальте расплывалось темно-рубиновое зеркало.

Минус один. И уехать ребята уже не смогут.

Второй охранник выглядел опаснее. Огромный, просто человек-гора, волосы забраны в хвостик. Глаза раскосые, татарин, наверное... Когда-то я тренировался с охранниками банков. Мой учитель их натаскивал, а мы, скромные мальчишки из хороших семей, ходили на халявные тренировки. Я тогда ой многому научился!

– Все, пейзажник. – Человек-гора облизал губы. – Я ж из тебя седло барашка сделаю! И биксу твою – на четыре копыта и в галоп!

Все-таки сильные должны быть добрыми... Или я чего-то в мире не понимаю. Я видел мужика вроде этого, который ударом кулака на метр подбрасывал боксерский мешок. Мешок. Не грушу, которую Ван Дамм в фильме мусолил. Но мужик этот работал воспитателем в детском садике. Ребячню в нем души не чаяла.

Раскосый полез в багажник – видимо за двуручником. Я же сосредоточился. В животе вскипела волна, наполняя ме-

ня силой и радостью. Мир сделался теплым, легким и озорным. В этом состоянии хорошо бегать и уворачиваться от ударов, изматывая тяжелого и неповоротливого противника.

Кажется, громила это понял. Когда я шагнул вперед, он попятился, почему-то глядя мне за спину. В глазах его закипал страх.

Неслышной тенью дзайана скользнула рядом со мной. Одной рукой она прижимала к себе щенка, в другой поблескивал пистолет. Ченский «Кевин» – субкомпактчик. Мальш, которого можно спрятать где угодно.

Детям гадким, непослушным, —

пропела она.

Место лишь в чулане душном.

Грохнул выстрел. Щенок испуганно тьякнул, а дзайана поморщилась. С первого она не попала, выстрелила еще. Здоровяк рухнул на землю, схватившись за бедро.

По заслугам получают.

Те, кто ссорятся, кричат!

Мягко, по-кошачьи девушка обошла джип. Искалеченный охранник взвыл и попытался отползти подальше. Света не обратила на него внимания. Подошла к задней дверце и де-

ликатно постучала в стекло стволом пистолета:

– Ну? Чей котенок обоссался? Вылезай.

Маленький кавказец требовательно гавкнул. За дверцей сидели тихо-тихо, как мышки. Вновь раздался грохот. В стекле возникла дырка, окруженная белой паутиной трещин.

– Аюшки?

В салоне джипа отчаянно и безнадежно завизжала женщина. Сквозь приоткрывающуюся дверцу я успел ее разглядеть. Нечто длинноногое, блондинистое, кукольное. На щеке храмовая татуировка – аскавская танцовщица, значит.

Горестно кряхтя, хозяин джипа полез наружу.

Я вытянул шею, стараясь во всех подробностях Разглядеть настоящего варварского барона. Когда еще такое зрелище выдастся!

Варвар меня разочаровал.

Наверное, когда-то он был истинным мачо. Носил аскавский двуручник за спиной, длинные волосы, улыбался дерзко и бесшабашно. Ох, сохли по нему бабы! И тонкий был, и звонкий. Но сухопарость и отчаянность с годами ушли, оставив одышку, залысины и брюзгливое выражение лица.

А еще – страх.

Никогда я не видел, чтобы человек так боялся. Аскавец начал с угроз и площадной брани, закончил же невнятными жалобами на жизнь.

Светка слушала его с равнодушным видом.

– Ничего, – сказала, – жить будешь. Я тебя просто про-

клянущу. – Переложила пистолет в руку, которой придерживала пса, и зачастила: – Под дубом червь, на дубе птица, горюн-перо, в крыле спица, бедняге не спится, как придется, все нейметя, сломано, бито – не срастетя!! Сломано, бито – не срастетя!! Сломано, бито – не срастетя!!!

Все это она выпалила на одном дыхании, наращивая темп. На последних словах мне стало не по себе. Звуки вибрировали, отдаваясь болью во всем теле. Завершая мантру, дзайана ткнула жирдяю в лицо пятерней. Прикосновение было легким, но тот захрипел, завалился набок.

– Вот и все. Увижу еще раз – в кактус превращу! На текилу пойдешь, понял?! – Потом повернулась к здоровяку с простреленной ногой: – Ты что-то про копыта говорил? Вот с завтрашнего дня и отрастишь.

Лицо громилы по цвету стало неотличимо от его рубашки.

– С-сука... – шептал он. – С-су...

– И хвост собачий. – Света взяла меня под локоть: – Пойдем, Рек. Этим уже хватит.

Через несколько шагов я не выдержал и оглянулся. Толстяк и его голенастая спутница затаскивали в машину раненого телохранителя. Ну, Светка... Фурия самая настоящая!

– А ты ничего. – Она застенчиво улыбнулась. – Настоящий, не то что эти. Без оружия, без каста троих! На, поддержи!

Она отдала мне щенка, а потом, привстав на цыпочки, чмокнула в щеку. Пес ревниво гавкнул.

– Это за... – Тут она опустила взгляд на свое пальто и умолкла на полуслове. – Господи, что это?!

– Это? Это когда ты стреляла. С собакой на руках.

– Ту-узик! – В голосе ее прозвучали знакомые нотки. – Ты опи-исался, тузик! Да-а уж, денек сегодня...

Не говоря ни слова, она стянула с себя пальто и запихала в урну.

– Сумасшедшая. Его же отстирать можно!

– Ни за что. Да и дэвы с ним, у меня еще есть...

– Как знаешь. – Я опустил щенка на тротуар и стянул с себя куртку-безрукавку. – Держи. А то замерзнешь.

– Спасибо. Ты хороший!

– Ты тоже. Свет.

– Я?! Я – ночная фурия Ведена.

Щенок смотрел на нас круглыми загадочными гляделками, поднимая то одно ухо, то другое. Чего хохочут как сумасшедшие? Людей всегда так сложно понять...

У решетки, закрывавшей вход в подворотню, сгустилась подозрительная тьма. Я поставил щенка на землю. Тот сразу же принялся обнюхивать углы, потом звонко обляял нечто клубящееся в воздухе. Мне показалось, что в подворотне немного посветлело.

– Ничего не чувствую, – сообщила Света. – Он убрался.

– Значит, идем.

Настроение стремительно улучшалось. Аскавцы, дзайа-

ны-затейники, дэвы... Все-таки жизнь удивительная штука. Я оглянулся на дзайану. Та с восторгом рассматривала обновку:

– Рек, здорово! А что это за иероглиф у тебя на куртке?

– Айкидо. Учитель подарил, когда мы в лесу лагерничали... Я свитер дома забыл, замерз как цуцик.

– Учитель? – Она помрачнела. – Жаль. Я ее хотела насовсем попросить...

– Да бери! Учителю она тоже от кого-то досталась.

– Спасибо! А у тебя какой пояс?

– Черный. Первый дан.

– Ух ты!.. То-то ты так ногами дерешься!

– Ногами – это было давно и неправда... Я ведь раньше много чем занимался. А айкидо вообще не боевое искусство.

– Как это?

– Ну, возьмем чайную церемонию. Заварником можно хорошо по голове приложить. Кипяточку в глаза плеснуть, осколком пиалы уши отрезать. Но ведь никто же не изучает ее, чтобы драться, правда?..

Щенок довел нас до крыльца, возле которого пряталось чудовище. Встопорщил уши, наострил хвост. Затем пристал на цыпочки и по-собачьи обругал невидимку.

– Подействовало. – Света протянула мне бинокль.

Я заглянул в окуляры. Дэв пялился на щенка с видом бизнес-леди, обнаружившей в косметичке мышь. Миг – и он юркнул в подвал, забаррикадившись изнутри.

Путь к Марченко был свободен. Я взял на руки нашего мохнатого проводника. От обилия впечатлений у того голова шла кругом, даже тьяквать устал. Надо бы его вернуть побыстрее...

Света тоже так думала.

– Домой, – заговорщицки шепнула ему на ухо. – Пора спать, Тузик! Ты теперь у нас заслуженный мишка.

Мы вернулись к питомнику. За решеткой озадаченно расхаживала женщина лет сорока – в платке, болоньевой куртке, джинсах. Больше всего она напоминала деловитую грибницу... или как будет грибник женского рода?

Света бросилась ей навстречу:

– Это ваш? – жизнерадостно затараторила она. – У вас собак разводят?! Вот, сбежал! – и протянула щенка через ограду.

Малыш спал, устав от обилия впечатлений. Еще бы! Похищение, перестрелка с бандитами, невидимая тварь у крыльца...

Тетка смотрела на нас с подозрением:

– Где вы его нашли?

– Там, – взмах Светиной руки мог означать пол-Ведена. – Под скамейкой дрых, бо-омжик маленький! Забирайте бомжика.

Взгляд женщины смягчился:

– Спасибо. Мы уж думали, все, украли малыша.

– Могут. Народ нынче такой, – со всей возможной серьез-

ностью подтвердил я.

– А знаете что? – Лицо грибницы осветилось. Она порылась в кармане и достала пластиковую карточку. – Это вам! Заходите как-нибудь. Это заведение наших клиентов. Правда, мы их из другого питомника снабжаем. Эти собаки им почему-то не годятся...

Я мельком глянул на карточку. Месячный абонемент на двоих, «Джебирум», ресторан корейской пищи. Быстро, чтобы Светка не заметила, спрятал в карман.

Не успел.

– Это просто праздник какой-то! – пропела Света с «карабасовскими» интонациями. Деловито вывернула мою руку, отбирая карточку.

И...

– Не по-оняла! Это что? Это как?!

Она возмущенно посмотрела вслед грибнице. Та уходила, унося с собой щенка.

– Вот уроды! Нет, ну вы посмотрите!

Она прищурилась вслед грибнице, что-то беззвучно бормоча. Затем схватила абонемент, порвала и швырнула на асфальт. Заклинание-дворник подхватило обрывки и сожрало их.

Похоже, ресторан корейской пищи ожидают черные денечки... Я примирительно положил ей руку на плечо:

– Да ладно, не переживай! А представляешь, что о нас индусы думают?

– Да-а... Хорошо хоть кошками никто не питается, – мрачно сообщила она. – А то еще и с египтянами были бы проблемы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*(Отдохновение, 13.20,
рассказывает Игорь Колесничий)*

Подъезд встретил нас живописно разрисованными стенами и ароматами кошачьей мочи. Лестницу не мыли несколько месяцев, и грязь под ногами жила своей деятельной жизнью, вцепляясь в подметки, стремясь поглотить их и приобщить к великому царству тьмы.

Как интересно! Я представил уборщицу, которая идет к дому и натывается на дэва... И так пару месяцев подряд. Мда... Быть не может! Дзайаны давно прислали бы кого-нибудь убить чудовище.

Быть может, дэв принадлежит одному из жильцов? Тогда я его очень не люблю. Ну колдуешь, так будь человеком, отзывать иногда! Уборщица, может, истосковалась по работе, на одной валерьянке живет.

У дверей квартиры нас ожидал очередной сюрприз. Вместо звонка торчали неряшливые проводки. На кожзаменителе виднелись рубчатые следы кроссовок и следы шила.

Я с осторожностью замкнул провода. В квартире ударил пронзительный свирепый зуммер. Человек, поставивший себе такой звонок, явно не ждал от жизни и людей ничего хорошего:

Зашаркали старческие шаги, и я отстранился, чтобы пропустить Свету к дверному глазку. Кто их, дзайанов, знает... Увидит незнакомца, пальнет файрболом сквозь дверь, доказывая потом, что мы по делу.

– Кто там? – хмуро осведомилась дверь.

– Здравствуйте, Алексей Петрович! – пискнула дзайана.

– Убирайся! Чтобы духу твоего здесь не было!

Так-так, интересно... Я выждал и еще раз соединил проводки. Руку дернуло током.

– Вы еще там? Я же сказал, убирайтесь!

– Алексей Петрович, вас из магрозыска беспокоят, – сообщил индифферентным тоном и помахал перед глазком удостоверением.

За дверью образовалась тишина. Томительно шли секунды, наконец замок щелкнул.

– Входите. Только побыстрее!

Звучало интригующе, и мы послушно проскользнули в дверь.

– Можете не разуваться, – великодушно позволил хозяин. – Одежду положите сюда, на табурет.

Света потянула «молнию» безрукавки и замерла. Я прищелкнул языком. Да-а... Видывал я всякое, но чтоб такое!

– У вас что, собака живет? – поинтересовался я, глядя на обои.

– Да какая собака, прости господи! Вы проходите на кухню, проходите-проходите-проходите-не-разувайтесь!

Выглядел Алексей Петрович так, словно перенесся в наше время из середины прошлого века. Сутулый, длинный, с морщинистым изможденным лицом. Линия губ кривая. По дому ходит в костюме-тройке, что меня изумило до глубины души. Ну не могу я представить, чтобы кому-то было удобно в лоснящемся на локтях пиджаке без пуговиц и атласном щегольском галстуке!

Пуговиц, впрочем, не хватало и на других частях одежды. В сочетании с идеально выверенным узлом галстука это смотрелось диковинно.

– Сюда не садитесь, бога ради! – предупредил хозяин. – Шатко, понимаете-с? Лучше вы на тумбочку. Хе-хе-с!

Кроме пуговиц в одежде, не хватало шурупов в стенах. Когда-то они были, но неведомая сила вырвала их с мясом. В обоях темнели уродливые оспины дыр. Шкафчики, полочки – все, что раньше держалось на дюбелях, в беспорядке громоздилось на полу.

– Однако... – Я по-хозяйски огляделся. – Порядочки у вас... – И предложил: – Хотите, я вам дырок наверхчу? Интеллигентный человек все-таки.

– Не беспокойтесь, – отмахнулся Марченко. – У них контрольная в среду, все наново посыплется... Так с чем же вы пришли?..

Мы переглянулись. Сбивчиво, перескакивая с пятого на десятое, Света рассказала свою... впрочем, теперь уже нашу историю. Когда та подошла к концу, Марченко вполне мог

менять фамилию на Мраченко. Сходя в спальню, он вернулся с пачкой белых листов.

– Вот. Забирайте дэвовское наваждение.

– Спасибо!

– Что-нибудь еще?

Алексей Петрович сверлил девушку взглядом своих креветочьих глазок. Та стушевалась, не зная, куда девать руки.

– Извините, – пробормотала она. . – Мне, пожалуй, идти... Мы с друзьями на «Лесного кота» собрались! Аттракцион такой...

Что такое «Лесной кот», я знаю. На Кошачьей горе среди сосен натянуты тросы, лестницы, тирольские спуски. Посетителям выдают страховку, проводят инструктаж и – несколько часов бесшабашной жизни. Гуляешь себе по вибрирующим тросам, на роликах катишься – здорово! А внизу вершины сосен качаются.

Но к чему такая спешка?!

– Свет, ты чего? – Я подтолкнул ее локтем. Та переступила с ноги на ногу и виновато облизала губы.

– Игореш, ты это... – шепнула. – Ты оставайся, если хочешь. А у меня – вопрос жизни и смерти! Мне вот так надо!

И попятилась к двери. Марченко смотрел на девушку, как моль на мухобойку.

– Что ж, – сообщил он наконец. – Удачно вам повеселиться, барышня. – После чего повернулся ко мне: – А вы...

– Игорьь Анатольевич.

– Очень приятно. Вы, Игорь Анатольевич, надеюсь, останетесь?

– С преогромнейшим удовольствием.

Еще бы! В моменты, подобные этому, теплое нежное чувство, которое я испытываю к своей профессии, превращается в безудержную страсть. Дом Алексея Петровича пропах тайной. Я уже знал, что не уйду, – просто не смогу уйти! – пока не выпрошу все. О разгроме в его квартире, о дэве у крыльца, о Литницком. Скомканно попрощавшись с дзайной (в последний миг она на клочке бумаги черкнула свой телефон), я вернулся на кухню.

Как раз закипел чайник. Алексей Петрович полез в хлебный ящик, где у него хранилась заварка.

– Вам кофе или чай?

– Кофе.

– Это хорошо. – Он загремел кружками. – Очень хорошо... – И ни к селу ни к городу добавил: – Представляете: по стандартам русского языка «кофе» может быть и мужского и среднего рода! Каково?!

Я выдержал паузу, ища верный ход. К счастью, Алексей Петрович не стал меня мучить.

– Дикость какая-то! – воскликнул он с горячностью. – Это, значит, на рауте вполне великосветски выйдет: «Я тут давеча брютом ужраться изволил. Вмажу черное кофе, и все пройдет!»

– Учили бы лучше албанский, – поддержал я.

От моего замечания Алексей Петрович пришел в восторг:

– Именно! Вот вы правильно заметили! В албанском подобного мракобесия нет и быть не может. Восточная Европа, чувство собственного достоинства... А у нас что ни возьми, все через жо.

Мы сидели на перевернутой тумбочке, сосредоточенно глотая обжигающий кофе, и думали каждый о своем. Алексей наслаждался мыслью, что обрел наконец союзника в борьбе за чистоту языка. Я же восхищался способностью человека испортить собственную жизнь на ровном месте.

Первым молчание нарушил Марченко.

– Вас наверняка интересует разгром в моей квартире, – горько сообщил он. – Объяснение тут простое. Дело в том, что я – Учитель.

– Учитель чего?

– То есть?.. Хотя... Ну, допустим, математики. – Марченко оживился. – Тут ведь другое важно: я – Учитель с большой буквы! А они, – Алексей ткнул подбородком в сторону окна, – этого не ценят!

– Да-а... – протянул я, изо всех сил стараясь не улыбаться. – Тяжело вам, бедному.

– Не то слово. – Учитель отхлебнул из кружки и поморщился. – Как вас по батюшке, забыл?

– Анатольевич.

– Так вот, Игорь Анатольевич, я вас спрошу. Вы когда-нибудь встречались с Артемом?

– Нет.

– Ваше счастье! А ведь на первый взгляд чудесное дитя. Этакий сурепинский мальчик – с невинным взглядом и деревянным мечом за спиной.

И Алексей Петрович принялся изливать душу.

Считается, что педагог должен любить своих учеников. Глупости! Ведь не требуем же мы любви от парикмахера? От сантехника? Алексей Петрович просто делал свое дело – скромно, самоотверженно, не ожидая благодарностей и овалов.

Скромно – но вкладывая всю свою гениальную душу.

Ученики относились к его порыву без понимания. Это ранило больше всего. Ведь не для себя же старался – для них, балбесов неблагодарных! Без его попечения – что бы их ждало? Тюрьма? Работа дворником на полставки?

Однажды Алексей Петрович выпотрошил портфель одной шестнадцатилетней барышни. Тетрадку там нашел – самого предосудительного содержания. Вот, например, какие там были стишки:

Ах вы, мужчины, вы скотины,
В вас азиатские глаза.
Вы женщин любите словами,
А своим сердцем никогда!

И это – будущая мать и жена. Какой позор! Какой неопи-

суемый разврат царит в умах подрастающего поколения! Они ж ему еще спасибо должны сказать, мерзавцы неблагодарные.

Любой учитель знает, что перед контрольными случаются разные чудеса. К этому все, в общем-то, привыкли. То в школе появляется призрак замученного биографией Пушкина восьмиклассника, то вдруг доска покрывается воском... В этот раз Алексей Петрович получил письмо. Несколько слов вполне в духе детских страшилок:

«Пастаффь фсем питерки. Иначи паслествия нивабразимы.

Понял киса?»

Естественно, на шантаж учитель с большой буквы «У» не поддался. Записку он выбросил, а оценки расставил соответственно своим представлениям о справедливости и беспристрастности.

Через два дня начался насморк. Из носа текло в два ручья, лекарства не помогали, сморкаться было бесполезно. Врачи только разводили руками.

Перед следующей проверочной работой в классе обрушилась штукатурка с потолка. Записки не прекращались, но стали конкретнее. Авторы не шутили. Фраза «бис гваздей» обернулась дырами в стенах, после «в трусах паходишш» с одежды посыпались пуговицы. Однажды измученный противостоянием Алексей Петрович наплевал на принципы и выставил малолетним бандитам пятерки. Случайности пре-

кратились, но лишь до следующей контрольной.

– А кто пакостил, удалось выяснить? – заинтересовался я.

– Да нет же! Это, знаете, Робин Гуд какой-то... Народо-волец. Бросить бомбу в царя, чтобы всем хорошо стало!..

– А вот вы об Артеме говорили...

– Ну да. Говорил, – голос учителя упал в минор. – Он у них заводила. Но только вы, ради бога, никому!.. – Он огляделся. – Я ведь сам дзайан. Верите ли: четыре раза воспалением легких болел! Летом! В жару! А дэв под окнами? А это? – Он беспомощно указал на стены. – Не понимаю! Не п-о-н-и-м-а-ю!

– Ладно, ладно, успокойтесь. – Я достал бумажку, найденную в кармане Литницкого. – Скажите, а этот предмет вам знаком?

– Знаком. Это – абсолютная шпаргалка. Любое правило, любую тему... – Голос Алексея Петровича задрожал: – Дайте сюда!

Неуловимым движением я спрятал улику. Пальцы Марченко впились в пустоту.

– Документик пусть у меня побудет, – сообщил я. – А вы пока об Артеме расскажите.

Тут я понял, что допустил тактическую ошибку. Теперь учитель с большой буквой «У» долго не успокоится.

Так оно и вышло. О, моя пагубная неосмотрительность!

– ...Ишь, моду взяли! – кричал тот. – Нет бы по старинке – из Интернета реферат скачать, студента нанять – это хоть

искать надо, думать – а-а, как же!.. Ксерят эту шпаргалку. Та им все – преобразования многочленов, образ городничего в «Ревизоре», закон Ома-Санкюлота... Их почерком, с их ошибками...

– С ошибками?

– Чтобы подозрений не вызывать. Вот Светочка хоть и соплистка, тоже из молодых-бездуховных, но получше будет. Все сама, сама! Я ж ее с младых косичек помню! Она...

– Кстати, Алексей Петрович, мне показалось, что вы в ссоре со Светой.

Марченко сник.

– Дэв попутал, – вздохнул он. – Я ведь девчонке карьеру поломал, выходит... Не сам, конечно, волею Вениамина Сеерафимовича. Дело в том, что Света у нас собиралась поступать в умище.

– Куда, простите?

– У-М-и-С-Ч-Е, – по буквам произнес тот. – Университет Магии и Светлых Чар имени Етунхеймова. Очень высокий пропускной балл. Умения Светочке не занимать, а вот силенок не хватает. Ей бы поводочка три накинуть – в самый раз.

Мне опять вспомнилось, как Людей говорил, будто Литницкий присвоил все белые листы родственников. А дело-то не так-то просто получается...

Тут Марченко выдал такое, что я вмиг позабыл и о Свете, и о ее неудачном поступлении.

– Это все из-за «Дверей Истени», – объявил он. – Они во

всем виноваты...

– Как вы сказали?! – поразился я. – Зверей из тени?

– Да нет же, Игорь! Что за невообразимое невежество. «Двери Истени» – это средневековая тайная секта. Над ее загадкой мы с Вениамином бились последние полгода.

И дзайан принялся рассказывать.

Тени, тени, тени... Тени далекого Средневековья, конец одиннадцатого века. Вот римский заотар Урбан объявляет поход Крыла. Рыцари с вышитыми фарахарами на плащах, боевые аснатары, орущая чернь... всем им путь один – на Восток. Сражаться с мусульманскими пророками, теми, что под зеленым знаменем дзайана Мухаммеда.

Скоро рыцари обнаружили, что, кроме сирийских эмиров и турецких атабеков, им противостоит некая загадочная сила. Одетые в черное призраки-убийцы выскакивали из теней, поражая кинжалами лучших военачальников, сильнейших бойцов, опытнейших дзайанов.

Тогда-то и прозвучало впервые слово «Аламут».

Мрачная крепость пряталась в горах у Каспийского моря. Обитал в Аламуте полусумасшедший дзайан Гасан ас-Саббах со своими убийцами-манарами. Их называли «Дверями Истени», или ассасинами.

Легенды рассказывали, что манары эти обладали сверхъестественными умениями. Могли через другие миры проходить в любую, даже самую неприступную крепость. Прята-

лись где угодно, уходя в так называемую Истень. Оттуда же призывали чудовищ, неподвластных магам: джиннов, ифритов, шайтанов. Вообще способности «Дверей» ставили дзайанов в тупик. Их магию и магией-то назвать было сложно. Словно некто могущественный предоставил убийцам монополию на чудеса.

Легенды рассказывали, будто самым доверенным, высшим ассасинам в Истени открывался свой личный рай – с гуриями, гашишем и дозволенным вином. Порой те приводили туда новообращенных мусульман, чтобы через несколько дней выгнать в пустыню – голодными, несчастными, тоскующими.

Сам Дядя Горы не брезговал запретными наслаждениями. Говаривали, будто Гасан собирался сделать единственной реальностью рай одного из своих последователей. Уничтожить существующий мир, а вместо него принести блаженный сад с гуриями – один на всех. Чей рай станет прообразом нового мира, старик не говорил. Ассасины ненавидели друг друга и вели отчаянную борьбу, полную интриг и предательств.

Аламут просуществовал несколько веков. Потом европейские рыцари объединились с монголо-татарскими огнепоклонниками и разгромили гнездо ас-саббаха. «Двери Истени» перестали существовать, перейдя в область легенд и преданий.

Но тайна великого Дяди не давала историкам покоя. Как

мог один маг держать столько поводков и не надорваться? Сотни, тысячи манаров – без ограничений и страха?

Дело пахло чудовищной силой, беспредельным могуществом.

И Вениамин Серафимович решил раскрыть секрет. От родителей ему в наследство досталась коллекция средневекового оружия. Один из кинжалов принадлежал когда-то самому Гасану ас-Саббаху.

– Дайте догадаюсь. – Я прищелкнул пальцами. – Этот кинжал называется аль-Бариу?

Алексей Петрович посмотрел на меня с изумлением, переходящим в мистический страх.

– Точно!.. Но вы откуда знаете?! Аль-Бариу – прекрасное оружие тузасской стали. Чары, наложенные на него, закреплены и стянуты рубином в рукояти. Что они делают, не знает никто. Есть предположение, что именно они позволяют хозяину кинжала держать небывалое число поводков.

– Я слышал, будто кинжал пропал, – небрежно продолжил я. – Отчего же Вениамин Серафимович не обратился в милицию?

Теперь Марченко смотрел с мистическим страхом, переходящим в экзистенциальный ужас:

– Вы сам Ариман во плоти! Но вы не знаете Литницкого. Это очень гордый дзайан. Вы поймите: Вениамин доверчив. Я постоянно работаю с людьми, я их знаю. Я сразу скажу: «Веня, тебе не нужно ничего от этого человека. У него

вампирская фамилия».

– Кровопийцев?

– Почти. Такая фамилия чудная... Дракуленко или Носфератин. Необычайно талантливый дзайан. Но цеховая зависть – о-о! Вы не представляете, что такое настоящая цеховая зависть! Одно заклятие нам пришлось купить у Людея. Оно-то и дало сбой. – Марченко горестно покачал головой. – Был скандал, доложу я вам. Да разве в наши безнравственные времена что-нибудь докажешь? Вот, я вам расскажу... У меня одна девочка, школьница. Так у нее в тетради сплошные пошлости. «Ах вы, мужчины, вы...»

– Хорошо, хорошо, – перебил я, чувствуя, что наша примечательная беседа выходит на второй круг. – А дальше что? Неведомый вор украл кинжал, а Вениамин?..

– Вениамин решил отыскать вора. Как глава рода, он имел право на всю магию Литницких. Помните у Пушкина:

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Нам ни листочка не оставил,
Ману упрятал под замок.

Вот и он: собрал белые листы и – под замок. Зачем, спрашиваете?.. Нам ведь с коллекцией оружия еще и дневники рыцарские достались. А в этих дневниках – тайна силы ас-Саббаха. По крайней мере Веня так думал. Он-то мне все и отдал: листы, дневники – чтобы экспериментировать. Сам

боялся. Дзайан сильный, поводков на пределе, надорваться – раз плюнуть! Вы видали когда-нибудь надорвавшегося мага, манаака? Страшное зрелище.

– А у вас не было искушения воспользоваться листами самому?

– Ормазд упаси! Нет, я помаленьку, полегоньку... Дневнички порасшифровывать, в архивчиках посидеть. Вот, кстати, плоды трудов неустанных. – Он похлопал ладонью по лежавшей на холодильнике стопке бумаги.

Толщина ее вызывала уважение.

– И как? – поинтересовался я. – Нашли секрет?

– Нет. Но уже близко, совсем чуть-чуть осталось. О-о, я вам скажу! Это весь мир перевернется, когда узнает! А хотите, я вам оригиналы покажу?

– Буду трепетно рад. А скажите, Света не просила у вас белый лист?

– Просила, еще как просила! И ругалась, и очень даже на коленях умоляла. Не дал. Потому что наука – важнее. Так я принесу оригинальчики?

Я великодушно разрешил. Когда же учитель отправился за рыцарскими дневниками, подошел к холодильнику.

Сложив пачку «плодов трудов», я сунул ее под рубашку. Несколько листов оставил, – чтобы пропажа не сразу бросилась в глаза, – а для нужной толщины добавил чистой бумаги.

Затем, отовравшись спешными делами, я распрощался с учителем и выбежал на улицу.

Итак, версия о дзайане-манааке и конях-людоедах умерла, едва родившись. Вместо нее появилась новая, объяснявшая все. Мне предстояло лишь уточнить некоторые детали.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ИНТЕРЛЮДИЯ

*(Понедельник, 11.00,
рассказывает Алексей Озерский)*

На работу я опоздал часа на два. Очень толково опоздал: Ферад инспектировал центральный офис, и в наших провинциях его не видали. Мамуля приветливо помахала ручкой:

– Озерский, привет. Тебя дама спрашивает.

– Какая дама?

– Лови, переключаю.

На моем столе замурыкал телефон. Не раздеваясь, я схватил трубку.

– Алло? Алеша? – с придыханием поинтересовался женский голос. – Алеша, ты уже пришел?

Так, интимно и вместе с тем требовательно, говорит лишь начальница отдела корротношений, напористая дамочка лет около сорока.

– Здравствуйте, Тамара.

– Здравствуй, Алеша, тут девочки на тебя жалуются... Говорят, у них ночмарские тугрики поломались.

– Тугрики? Какие тугрики?

– Я тебя переключу. Девочка была с клиентом, а потом у

нее выскочила красная простыня.

Я на работе. Вот уже три года я разбираюсь с «девочками» и «красными простынями» (которые означают всего лишь сообщение об ошибке – в окне красного цвета). Сперва было смешно, потом привык. Тамарины слова скупо, точно и ясно описывают ситуацию. И не ее вина, что любой профессиональный сленг можно свести к жаргону публичного дома.

Все профессии похожи. Дорожные полицейские, политики, водопроводчики, повара – все они вступают со своей работой в близкие отношения. Если повезло – любят ее. Если нет, то взаимно друг друга насилуют.

Мне вот повезло.

Я выписал не стикер откровения испуганной «девочки», отдельно отметив пассаж о выписках. «Когда большие... ну... очень – с трудом проходят. А маленькие снуют туда-сюда. Очень утомляет». Посидел, глядя на листок (может, в ЖЖ запостить?), потом выбросил в мусорник. Пошло и глупо.

И вообще, хватит ерундой заниматься. Надо чайку попить. Как потенциальный друджвант, могу бездельничать сколько хочу.

Меня ожидал сюрприз: исчез мой электрический чайник. А еще вчера нам поставили новый сервер. Стол, на котором я всегда завариваю чай, утонул под грудой системных блоков.

Компьютерная цивилизация возможна лишь в фантастике. Но существуй она реально, будь у серверов и кибермоз-

гов свои поэты и художники, какой-нибудь кремниевый Верещагин обязательно написал бы картину «Апофеоз кибервойны». Вот такую вот грудку черепов-серверов, сваленных один на другой – мигающих лампочками, жужжащих и потрескивающих.

Впервые за три года я ощутил себя чужим в своем офисе. Не винтиком сложной банковской машины, но могущественным пришельцем из другого мира. Шарик в кармане зашевелился; я положил его на стол.

Ну, артефактина святая, помогай. Что ты там даешь: удачу плюс три, высокую мораль?.. Мне сейчас все сгодится. Я чаю хочу.

И штуковина помогла.

Свет дня обрушился на глаз Вайю, выжигая все сходство с девчачьей безделушкой. Сейчас он больше напоминал шаманский амулет – из кости мамонта, древний и опасный. Я коснулся пальцами завитка узоров. По руке пробежала едва ощутимая дрожь. Мне показалось, что я втискиваюсь в свой же огненный силуэт, повторяю его движения – словно отражение в воде, словно тень.

Я убрал пальцы, и наваждение исчезло.

Чайник стоял под столом – исцарапанный и сиротливый. Провод его куда-то подевался; видимо, техники, устанавливавшие серверы, подумали, что это «лишняя» запчасть, и унесли с собой.

Это они зря. В сравнении с моим чаем все фигня в этом

банке. Я храбро выдернул первый попавшийся шнур из мешанины блоков. «Апофеоз кибервойны» отозвался перепуганной морзянкой. Три длинных писка, три коротких, три длинных. SOS, значит. Ладно, вытяну другой.

В этот раз «Апофеоз» не протестовал. То ли умер, то ли приспособился к неблагоприятной среде в моем лице. Я налил воды и воткнул вилку в розетку. Чайник сонно зашумел, добавляя кабинету уюта.

Вновь зазвонил телефон.

– Алло?

– Алексей? – пискнула давешняя «девочка». – Я подумала... если вам так трудно... Ну, вы знаете, я сама могу пересчитать выписки...

– Выписки?.. Какие выписки?..

– Ну, те самые. С клиентом.

Мембрана щелкнула – на том конце положили трубку. Ничего не понимаю... Она что, за меня мою работу будет делать?

Телефон набрался духу и затрезвонил еще раз.

– Да?

– Лека?.. Слышь, Лека, у тебя чо, баги с выписками? Жди.

Ща мыльну код. У меня такая шняга год назад была.

Это Валерка Навигатор. Но он же в отпуске! Да и не такие мы друзья, чтобы он мою программу правил. Какая там дружба! Он же пида... в общем, нехороший человек он.

Телефон опять ожил.

– Алексей, это ты? Нет?.. Да?.. – надтреснутый женский смешок. – Значит, так. Клиент этот выписок требовать не будет. Вообще. Никогда. Мы объяснили ему, что эти запросы нарушают безопасность банка.

Тамара. С ума спрыгнуть!

Еще звонок.

– Алло?

– Алексей? (Сам Ферад звонит. Ой, мама, что делается!)
Олексей, у нас проблемы, да?

– Нет, Ферад Васильевич, уже все под контролем.

– Хвала Ормазду! Олексей, бологой, в среду я предоложу на банковском совете отказаться от сервиса. Пусть не будет выписок. Поддерживаешь?

А это уже не шутки. Я положил трубку и вытер пот. Шарик поблескивал на столе изморозными боками. В его узорах плыли скорбные призрачные лица.

Не делаются так дела. Исправить программу несложно – несколько часов, и все. Но чтобы так... Это все равно что заплатить за Аляску мешком цветных бус. Или нет, наоборот, – если взбалмошная королева отдаст корону за колечко. Дешевенькое, медное, со стекляшкой.

Непростая ты вещь, амулет аснатарский. Ой, непростая!

Обеденного перерыва я дождался с трудом. Выскочил из офиса, сел за руль и отправился на встречу с Матриком. В машине меня настиг очередной телефонный звонок. Ферад сообщал, что в офисе прорвало трубы. Канализацию к зав-

трашнему дню починят, но на работу можно не возвращаться. Если, конечно, нет важных дел.

Получается, на время обряда меня выключили из жизни. Ну и правильно. Вдруг окажется, что я друджвант?! Мне жить, может, осталось всего три дня. А значит, прожить их надо, как... зажечь, чтобы небо и земля ахнули. Все мечты исполнить, всего добиться – что откладывал на потом, на послезавтра.

А о чем, интересно, я мечтаю?

В голове закрутилась смешная голливудская муть: рестораны какие-то, кипрские пляжи (по картинке скользил глянцево-блестящий блик, словно по фотографии), шикарные женщины. К слову «шикарные» привязалось черное платье от Шанели и серебряные туфли. Ни лица, ни фигуры я представить не мог. Пластиковый манекен в розовом лаке. Пошлость какая...

Со Светкой бы попрощаться. Все-таки по-дурацки получилось. Только где я ее теперь найду?

С этими мыслями я вырулил на улицу Свободы. Отыскал стоянку неподалеку от дзайанского ковена. Готические башенки черными иглами пронзали небо. Храм отчаянно вовевал с синью и облаками над головой. Я оставил машину и отправился разыскивать Леньку.

Пингвиний силуэт Матрика я узнал издали. Завидев меня, Ленька запрыгал, замахал руками:

– Авеха! Здохово! – и протянул ладонь.

Рукопожатие у меня слабое (я гитарист, пальцы берегу), но Матрик здоровался так, словно воробья боялся раздавить. Пальцы холодные, склизкие. Бр-р-р!

– Ну, доставай, доставай, доставай! – приказал я и украдкой вытер ладонь о штаны.

Ленька замялся:

– Это... Авекс... я того... забуду.

– Что забыл?

– Ну ее... гитару... Но она есть, есть! Дома вежит!

Ну вот как?! Как можно забыть то, ради чего шел на встречу?! Я же говорил, что он этот... нехороший человек.

– Ладно. Идем.

Булыжная мостовая вывела нас к арке с чугунной решеткой. За ней – дряхлая домина в лохмотьях плюща. Среди домов, как среди людей: бывают принцы, бывают дома-жандармы, балерины и художники. Большею частью, правда, встречаются унылые работяги – на одно лицо, одну фигуру. Но сейчас нам заступила дорогу живописная нищенка: с претензиями и громким прошлым, с нелепым старческим кокетством.

Впрочем, Матрик красот архитектуры не ценил.

– Сейчас, Вексище, – бормотал он, – уже...

Мы вошли в подъезд. Ох, и грязно здесь! Скрипучая лестница вывела нас на верхнюю площадку. Там Ленька застыл: он то звонил, то рылся в карманах, отыскивая ключи.

– У тебя что, дома никого?

– Жена должна быть, – жизнерадостно объяснил он. И вновь забарабанил в дверь: – Эй, Лизка! Лизка, откывай!

Наконец, замок сдался, не выдержав осады.

– Лизка, свышь?! У нас пхуха конхетная! – с порога заорал Матрик. – Свышь, Лиз? Эй!

Никто не вышел нам навстречу. Впрочем, Леньку это не смутило:

– Это Вексище, – рассказывал он, снимая куртку. – Свышь, Лиз? Я говоив, помнишь?!

На кухне загремела упавшая табуретка. Послышалось невнятное мычание, переходящее в хрип.

Матрик взял меня за рукав и потащил в гостиную:

– Пойдем смотхеть. Эвитный ибанез, отвечаю!

– Подожди. – За мутным стеклом кухонной двери мелькнуло оранжевое пятно. Я стряхнул Ленькину руку. – Что там?

– Там?.. Лизка там.

Я подергал кухонную ручку.

Заперто.

Шарик в кармане ожил. Огненный силуэт вновь оплел меня; не успевая удивиться тому, что делаю, я пнул дверь. Прихлопу пересекла кривая трещина. Еще пинок – и язычок замка вылетел «с мясом».

Лиза парила под потолком. Бесформенный силуэт на фоне окна; смеющаяся птица – трепещут крылья, мелко трясется грудь. Космонавт в невесомости.

Вот только у космонавтов не бывает таких лиц.

Смотрел я лишь миг. Загремела под ногами перевернутая табуретка. Оранжевый балахон с чернильным пятном на подоле колыхался в воздухе; голые ноги в синяках брыкались, не давая подойти. Я бросился к повешенной, обхватил ее за живот, приподнимая.

– Нож! – заорал я. – Режь веревку, придурок!

Матрик стоял, растерянно хлопая ресницами. Та-ак... Этот мне не помощник. Я потянулся к табуретке ногой, пытаюсь придвинуть ее поближе. Кислотно-малиновые лохмы разметались, открывая багровую складку. Я успел заметить, что узел затянулся под затылком, – значит, шея не сломана, еще можно спасти.

Девушка билась в судорогах, пытаюсь содрать петлю, но это не удавалось: веревка слишком врезалась в горло. Ленька наконец вышел из прострации. Бочком, бочком он двинулся ко мне. Голая нога заехала ему в грудь, и он остановился в растерянности.

– Держи ее, придурок!

Я толкнул повешенную ему в объятия. Пока он путался в тряпках, я вскарабкался на табуретку и вытащил складной «андужар». В панельной девятиэтажке самоубийство закончилось бы пшиком. Крюки, на которых крепятся люстры, могут выдержать вес люстры – не более. Тут же как специально строили под висельников. Я принялся остервенело кромсать веревку. Ишь ты – и узел профессиональный,

скользящий, в оплетке из нескольких витков...

Девушка едва не рухнула на пол; Ленька почти не держал ее. Я осторожно слез с качающейся табуретки. Придерживая оплывшее, словно резиновое тело, уложил Лизу на сваленные в углу пыльные коврики. Ну панки... Ну, грязищу развели!.. Неужели трудно уборочное заклятие купить? Или амулет у соседки одолжить?

– «Скорую» вызывай. Пошел. Быстро!

– Не надо «Скорую»! – Глаза Матрика наполнились благоговейным ужасом. – Что ты! – Он сбегал в соседнюю комнату и вернулся с флаконом. Едко запахло нашатырем. – См-отхи – она живая!

Я отстранил Леньку и принялся перерезать веревку, стараясь поддеть кончиком ножа. Петля наконец раскочилась. Девушка закашлялась, глотая воздух, ставший для нее жестким и колючим.

Это ничего. Главное, что жива.

«Скорую» пришлось вызывать с моего мобильного. Ленькин телефон отключили за неуплату. Ох... нехорошие люди! Адреса я не знал, а спрашивать у Матрика оказалось бесполезно: он носился по квартире, пряча какие-то пакеты, собирая обрывки бумаги и колотые ампулы. Упаковку одноразовых шприцев попытался сунуть мне в сумку. Получив по шее, заныл:

– Не сучься, Вексище. Попалят же!..

Лиза уже пришла в себя и сидела, бесстыдно раскинув по

полу голые ноги. Мокрая юбка липла к бедрам; анимешные малиновые волосы свисали на глаза кукольной бахромой.

Нет, на наркоманку не похожа. Умой ее, переодень, дай выспаться и поесть – вполне симпатичная девчонка. В кости широковата, правда, такие всегда на диетах сидят, чтобы не расползтись. Но у Матрика особо не разъешься. Лицо грубоватое, скуластое, а разрез глаз особенный – словно две перевернутых зеленых луны. И впрямь – анимешная героиня.

Я пододвинул ногой табуретку. «Будешь вешаться, табуреточку-то мне завещай» – всплыло в памяти.

– Что случилось? Из-за чего ты?..

Девчонка поджала ноги, пытаясь прикрыть почерневшие синяки на коленях. Не зная зачем, я достал шарик. Повертел в пальцах: из руки в руку, под мизинец, продавить с поворотом, выщелкнуть на большой палец. Был – исчез – появился. Это меня барабанщик наш научил. Он на концертах и не такое вытворяет.

Поворот. Пасс. Растереть ладони, сдавливая блестящую кость.

Лиза шмыгнула носом. Взгляд ее неотрывно следовал за движениями шарика. Огненный силуэт подхватил меня, как река тонущее дерево; из этого силуэта я и протянулся к Лизе. Часть сияния перетекла на нее, отгоняя боль и страх. Все будет хорошо, говорил этот свет, ведь правда?..

Губы девушки зашевелились. Я нагнулся к самому ее лицу, вслушиваясь.

– И повесить-то как следуют не умеют... – сипло прошелестела она. Голос звучал тихо-тихо, почти неслышно; часть слов я угадал по движениям губ. – Он там.

– Кто? Ленька?

Круглый подбородок отрицательно качнулся из стороны в сторону. Девушка сморщилась.

– А кто?

– Дэв. Каждый вечер... Ленчик все болтается... а я одна... с ним... одна...

Это заговор: я, Лиза и то, что прячется в костяном шаре... Мне нестерпимо жалко ее – маленькую, измученную, с нелепыми малиновыми лохмами. Если Сашка не врет, то Матрик был талантливее нас всех. Я видел его на одной из ранних фотографий: коренастый, лохматый, в промокшей насквозь черной футболке. На сцене он не играл – сражался, горел, кипел. Силы ого-го! Драйв даже сквозь фотку заводит!

Вот кого ты искала, глупая девчонка... А он тебя предал.

Осталась лишь грязная унылая квартира.

С дэвом в дальней комнате.

И гитарой.

Той самой.

Я отправился в спальню. На пожелтелой двери алела нарисованная фломастером руна. Кнопками прилеплена дешевая янтра из магазинчика «Путь к себе», на гвоздике брелок – оскаленная черепушка с желтоватыми трещинками на затылке. Я чуть не рассмеялся. Конечно. Как еще спастись от

демонов рок-гитаристу?

– Брелок кто заговаривал?

– Асмика. Она у этих занимается... у космопсихозниа-энергетиков.

Бредовое название Матрик выговорил, не картавя и не запынаясь, – крепко, значит, в мозги въелось. К дзайану не могли пойти, придурки... Я осторожно потянул за ручку.

Темная щель выбросила облака пыли. Передо мной открылась запретная комната: царство пыльных полос, рвущихся сквозь жалюзи, плесневелых бород на стенах, затхло-го воздуха.

Ноги по щиколотку утопали в плесени. Шорох и движение я не слышал – улавливал затылком. Вот что означает «волосы дыбом»... Крысы перекатывались теннисными шариками; их писк затихал по углам. Я остановился, переживая. Сердце гулко бухало в груди, кончиках пальцев, коленях, пятках. Казалось, тело исчезло, оставив лишь удары.

Я нащупал в кармане костяную резьбу амулета. Огненный силуэт согрел тело; комната окрасилась в золотые и лимонные тона. На кровати сидела пухлая тварь в морщинистой слоновьей коже.

Интересно, кто за стенкой живет? Вроде бы какой-то учитель. Тварь явно ведь оттуда вылезла. Я сдернул с окна пыльную штору, впуская в комнату солнечный свет. Дэв закачался, словно пламя свечи.

А вот и гитара. Элегантные рога, словно драконьи клыки,

ручки блестят. На боку цвета спелой сливы радужный блик. Дэв потянулся навстречу, защищая инструмент. Облезешь, тварь! Я пошел к гитаре прямо сквозь чудовище.

Огненный силуэт коснулся дэва, оставляя на заскорузлой шкуре угольные следы. Взвыв, чудовище нырнуло в стенку. Ну и скатертью дорожка!

Я уселся на кровать, чтобы рассмотреть гитару. Это действительно «Ibanez RG 570», не соврал Ленька. Сделан в Японии в 2001 году на фабрике Fujigen – так написано на голове грифа сзади, там, где серийный номер. Лады почти не стерты, металлические части блестят, как новенькие. Япошки на лаке экономят, но тут ни царапин, ни сколов краски. Гриф и фloyd тоже вполне себе, никаких следов бесчеловечных экспериментов или чудовищных нагрузок.

Так что же, Матрик на ней совсем не играл?

– Слышь, Ленька? – позвал я. – Чехол где?

Матрику было не до меня. Лизу забирали в больницу, и он метался по квартире, разыскивая ее вещи. На полу валялись джинсы, свитера, женские рубашки, трусики. Сама девушка стояла, понурившись, возле дверей. Она уже успела умыться и переодеться в уродливое серое платье.

Я показал Лизе гитару. Взгляд девушки ожил; узнала, значит. Вот и хорошо. Спальня чистая, дэв туда не сунется. А гитару я заберу. Это по-честному. Такое сокровище Матрику оставлять нельзя!

И деньги отдам.

Я выгреб из кармана мятые десятки и, не пересчитывая, сунул Ленке. Тот сомнамбулически кивнул. Чехол от гитары лежал здесь же, на полу. Я уложил гитару, взял сумку и выскользнул из квартиры.

Больше всего на свете мне хотелось вымыться. Влезть под душ и отскрести себя по полной программе. «Ибанез» «ибанезом», это, конечно, мировое сокровище, но час в гостях у Ленки... бр-р-р!

По лестнице я взлетел вихрем. Ворвался в свою квартиру, на ходу скидывая кроссовки и носки. Холостяцкий беспорядок, еще вчера так меня возмущавший, показался мне милым и уютным.

Банки из-под пива у меня на полу не валяются. Да и презервативов на подоконнике не налипло. Вот это жаль, конечно... Я скомкал рубашку и джинсы, запихал в пластиковый бак, куда скидываю грязное белье, влез под душ. Гитара пусть пока полежит, потомится. Ею займусь позже, а пока...

Амулет!!!

Такого страха я давно не испытывал. Гольшом, оставляя на исцарапанном паркете мокрые следы, я бросился к баку. Джинсы сморщились шляпкой гриба-дождевика; я не сразу нашел нужный карман. Шарик оказался на месте.

Я вытащил его и прижал к груди.

Все, господа аснатары... Не было побега, ошибочка вышла. Подозреваемый вновь под присмотром бдительного

Вайю.

Домывшись, я взялся за сокровище. Раскрутить до винтика, осмотреть, ощупать – это мой бзик. Обожаю всякие надписи на гитарах, где нетвердой рукой мастера поставлен оттиск с датой и еще каким-нибудь номером доски. От надписи «Made in Japan» на звукоснимателе я просто млею. Музыканты меня поймут. На пятке грифа надпись «ARG570», на корпусе в месте крепления – «2001-11», строкой ниже «RG570-03». И чтобы докопаться до всего этого, надо гитару обязательно раскрутить и разложить на столе.

Скоро обнаружилось, что зверь мне достался раненый. От стальной втулки, в которую уходят болты, держащие фloyd, змеилась трещина. С одной стороны она проникала вниз на глубину втулки, затем сворачивала параллельно пружинам. С другой – ныряла в гнездо хамбакера на полтора сантиметра вглубь.

Стукнули мое сокровище. Или же пробовали ставить струны немереной толщины? Наивные. Если стукнули, то непонятно, почему нет следа на флойде... Может, в тот момент она была в чехле?

В любом случае, так оставлять нельзя. Втулка держится неплотно, вылезает из гнезда. Сейчас мы ее эпоксидкой – чтобы на веки вечные. Гриф немного болтается – ну, так это из-за толстых отверстий под крепежку. Я нащепил своим «андужаром» спичек, вставил и завинтил болты.

Все.

Мертво.

Других повреждений нет. Осталось натянуть струны, настроить и можно играть. Только время, время... В законный мир спустилась тьма, тот сумеречный осенний вечер, когда неясно, продолжать ли дневные дела или готовиться к ночи, а я все вожусь с «ибанезом».

Мобильник на столе ожил. Я снял наушники и нажал кнопку вызова. В динамике зашуршал (как он мне надоел!) голос Матрика:

– Вексище, ты?! Ну, свушай, бвин. Пхуха! Пхуха немежная!

– Чего тебе?

– Пгет мне конккетно, не повегишь!

И Ленька вывалил на меня все свои радости. Ему действительно поперло: кредиторы его поразбежались, как-то вдруг внезапно стало хорошо с работой. Бедняга на меня чуть не молился – по его словам, это я пришел и принес ему три горы удачи!

Положив трубку, я достал шарик.

Как, оказывается, легко приносить людям счастье... Это ведь мой первый день испытания. Сегодня и завтра я творю добро, а потом...

Так что я сижу? Надо оторваться по полной!

Вставайте, граф, нас ждут великие дела!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

*(Понедельник, 11.50,
рассказывает Игорь Колеснический)*

До визита к неугомонному Винченцо оставалось минут десять. Я неспешно брел по Гертрудинской, держа в руке бутылку с минеральной водой. Желтые листья лезли под ноги с настырностью молодых такс, я же глазел на витрины дзайанских лавочек. Там чудеса, там леший, русалка... булькают магические кальяны, полуобнаженные кадаврینی танцуют танец живота. Хорошо! Голова легкая, сил – в пору идти горы сворачивать. У меня всегда так, когда удается со вкусом выспаться.

У лавки Еккоро, мастера материализации, шло соревнование. Девушка в китайском халатике – худенькая, быстроглазая, с восточными чертами лица – разбивала кирпичи. Мастерски разбивала: косичкой, локтем, ребром ладони. Штатбель все не уменьшался: Еккоро материализовывал стройматериалы быстрее. Разноцветные обломки так и мелькали в воздухе.

Это первый этап. На втором Еккоро будет создавать големов, а на третьем – каменных химер. До четвертого – земляных элементарей – на моей памяти никто не доходил.

Возле Еккоро я ненадолго задержался, а зря. Из толпы зе-

вак выбрался молодой священник в белой рясе.

Священник этот преследовал меня все утро. На вид ему лет восемнадцать. Лицо длинное, подбородок в прыщах – словно на терке натерали, глаза симпатичные, зеленые. И горбится ужасно. Интересно, зачем я ему?

Впрочем, это скоро выяснилось:

– Благого дня, сын мой! – обрадовался монах. – Хотите узнать побольше о господе нашем Ормазде?!

– Не хочу.

Трудно представить, но он обрадовался еще больше:

– Вот это правильно! Нельзя к вере арканом, никак нельзя. Я и братьям то же говорю.

– Так что ж вы за мной таскаетесь-то все утро?

Священник замялся.

– Вы ведь Игорь? Игорь Колесничий?

– Вас правильно информировали.

– Вот! Я сразу угадал. Мне так и подумалось, что это вы. Дело вот в чем. У меня брат в Аскаве...

Я положил ему руку на плечо:

– Святой отец, можно побыстрее? Я опаздываю.

– Так я и хочу побыстрее, – обиженно заморгал он. И зачастил: – У меня брат в Аскаве миссионерствует! Его бароны захватили, выкуп требуют, понимаете? А вы ведь знаете аскавских баронов! Чуть не так – сразу вином поят, женщин непотребных ведут. – Юноша залился краской. – Я за брата очень боюсь. Погубят его там, понимаете?

– Понимаю. И?..

– Мы... ну братья наши вчера выкуп собирали. Брат Иштван больше всех дал. Я спрашиваю: кого благодарить? Все говорят, бога, бога. А брат Иштван – бога и мирянина Игоря Колесниченко. Я у хаванана соизволения, потом все дела побоку и ну вас искать. Спасибо вам за брата!

На душе потеплело. Инквизитор Иштван, оказывается, не такая сволочь, как я о нем думал! Люблю разочаровываться в людях.

– Не за что, – улыбнулся я. – Не знал я о вашем брате.

– Да это неважно, поверьте! Я вам подарок сделал. У вас теперь мизинец на правой руке божий: воду в вино превращает до конца дня.

Вот паршивец! Я его даже выmaterить не успел. Священник исчез, растворившись в деловой суете города. Там, где мизинец касался пластика бутылки, в воде расплывались рубиновые завитки, таяли струйками дыма, превращая воду в бледно-вишневый компотик.

Я открутил пробку, принимаюлся. Страшно разило сивухой. Попробовал на вкус: газировка, минеральная соль, дешевое каберне. Ну подарочек! Да-а, божий человек, спасибо тебе преогромное.

Тут мой взгляд упал на часы. Смятение мое еще больше усилилось: двадцать минут первого! К счастью, до Булочной, семь, оказалось рукой подать, как раз добежать быстрым шагом.

Показав на проходной повестку, я взлетел по лестнице. У дверей маголовного отдела меня ожидал сюрприз. Дежурный никак не хотел меня впускать.

– Время просрочено, – лениво сообщил он. – Завтра приходите.

– Так завтра еще позже будет!

– Ничего не знаю. Товарищ капитан на выезде, будет не скоро. Так что не обессудьте.

Все это выходило нехорошо... То, что меня Семен повесткой вызвал, это ладно – мало ли кто на меня полюбоваться хочет? А вот то, что я у Марченко узнал, стоило обсудить с дзайанами.

– Кто еще из сопримата есть? – поинтересовался я. – Учтите, товарищ лейтенант, я так просто не уйду.

Видимо, его взяло за живое. Парень-то из молодых да ранний. Щечки круглые, волосы-щетинка, носик вздернутый – словно принюхивается: а куда у нас ветер дует?

– Нету никого, – с угрозой повторил он. – Вы, гражданин, если опоздали, так нечего права качать! Здесь маголовный розыск, а не шарашкина контора.

На столе дежурного зеркальным гляncем сиял термос. Чайком балуемся, значит... Я положил на стол руку с «волшебным» мизинцем и коснулся металла. Подожди, щенок. Я в маголовке работал, еще когда ты в школьном туалете о девчонках сплетничал.

– Может быть, полковник Фомченко есть? – продолжал

я. – Поверьте, дело важное.

– Вас, может быть, вывести из помещения? – в тон отозвался тот. – Тоже важное дело будет. Человеческим языком говорю: ни-ко-го!

На лестнице загремели шаги. Все-таки временами мне до безобразия везет. Шел начальник отдела, полковник. Не маголовного, правда, отдела, но это все равно.

– Ладно, – сказал я примирительно. – Дэв попутал. Извините великодушно. Завтра приду.

– Ничего, – смягчился дежурный. – Бывает. Вчера вон один так с двенадцати и проторчал. Юрий Тепех, слышали? – Я помотал головой. – Вот... Знатный дзайан, не вам чета, а пару часиков подождать пришлось. Я сообщу товарищу капитану. А вы приходите завтра.

Распустилась гвардия маголовная за время моего отсутствия... Вот что значит – дел никаких. Полковник уже поднимался на лестничную площадку. Настал благоприятный момент для моего плана.

– Ладно, – протянул я дежурному ладонь, прощаясь. – Завтра так завтра... Что-то в горле пересохло. Чайком не угостите?

– Да, пожалуйста! – И он потянулся к термосу.

Лицо его надо было видеть. Чай играл в кружке темно-свекольными бликами, да еще и пенился. Воздух заполнили дразнящие сивушные ароматы.

Полковник замедлил шаг. Нос его беспокойно задвигался,

выискивая источник знакомого запаха.

– Интересный чаек у вас, – сочувственно протянул я. – Просто замечательный.

Полковник уже сворачивал к нам. К чести дежурного, тот оказался смышленным парнем.

– Так вы, Игорь Анатольевич, к товарищу Винченцо? – совсем другим голосом осведомился он. – Подождите в кабинете, он скоро вернется. И вещдоки свои заберите.

Сивушное зловоние усилилось. На лице полковника танковыми дивизиями сражались разнообразные чувства: удивление, смущение, подозрительность, страсть к законности. Наконец победил здоровый рабочий пофигизм. В маголовке понятие вещдока трактуется вольно. Глаз мертвеца, в котором отразился облик убийцы; старые носки, хранящие эманации чужой ауры; смертельное проклятие, повисшее на открытке-валентинке. Нормальные люди с нашей заумью стараются не пересекаться, а полковник был человеком до завидного нормальным.

– Здравствуйте! – поздоровался он со мной. – Вы ведь Игорь Анатольевич? Бывший майор маголовного розыска?

Полковника я совершенно не помнил, и откуда он меня знал, оставалось загадкой.

– В отставке, – сообщил я.

– Знаю, знаю, – отмахнулся тот. – Наслышан о ваших подвигах. Фомченко который год ностальгирует. Игорек то, Игорек се... Теперь таких людей не делают. Заскучали,

небось, на хлебах вольных? Обратно потянуло?!

– В некотором роде.

– Ну, желаю удачи!

Лейтенант смотрел на меня осоловелыми глазами. Еще бы! Человек – а воду в вино превращает одним движением руки. И весь департамент его знает, как родного.

Остановить он меня больше не пытался.

Дежурный не врал. Дзайяны из маголовки все поразбежались по делам. В криминалистическом музее на штыке двухголового голема-красноармейца белела записка: «Все ушли на совещание».

Да уж действительно, не вовремя я...

Пройдя мимо двуспальной кровати с дремлющими мумиями (пример зацикленной чары «Люби меня, как я тебя»), я вышел в зал с кадаврами. Собственно, здесь музей заканчивался и начиналась лаборатория.

Мне повезло: Люсенька, эксперт маголовки, трудилась не покладая рук, допрашивая чьего-то посмертного гомункулуса. Побулькивали колбы, выбрасывая струйки зеленого дыма; под перегонным кубом свивались жгуты рыжего пламени. Штабель окурков в пепельнице напоминал миниатюрную копию Пизанской башни.

По всему Люся истязала монстра уже давно.

– Назовите предметы на этой картинке, – устало приказала она.

– За кустом – лужа крови, – с готовностью отозвалась

тварь. – Девушка в розовом – принцесса вампиров. Пес на поводке – оборотень. Все люди – сволочи и мерзавцы! Дзайнаны мечтают о господстве над миром.

– Помедленнее, пожалуйста, я записываю... А теперь я стану называть слова, а вы говорите первую ассоциацию, что пришла на ум. Итак, сундук...

– Мертвеца.

– Рыба...

– Фугу. Ядовитая печень.

– Цветы...

– Бабе, дитям – мороженое. Хватит.

– Еще немного.

– А я стих придумал! Людмила – мечта дебила, гы-гы!

Теперь все?

– Почти.

Люсенька педантично занесла последнюю фразу в журнал, потом оторвала паршивцу голову и бросила обмякшее тельце в колбу. Лишь после этого она позволила себе откинуться на спинку кресла, устало прикрыв глаза.

– Здравствуй, милая. – Я чмокнул ее в щеку и достал из сумки коробку конфет. – Давно не виделись. Вот «Иллюзия нуги», твои любимые.

– Игоре-ок! – Люся вскинула на меня восхищенный взгляд. – Как ты вовремя!

Я кивнул на колбу:

– Опять дзайнаны погиб?

– Да... – Она растерянно потеряла виски. – Что-то часто в последнее время...

– Я смотрю, и гомункулус получился никудышный.

– Передержали. – Она с веселой безнадежностью махнула рукой. – Есть у нас девица, натуральный осьминог – руки из задницы растут. Маску сняла, когда уже аура оспинами пошла! – Люся засмеялась. – Ладно. Что я все о наших замороках? Ты-то какими судьбами?

– Семен повестку выписал. – Я присел на пуфик рядом с Люсей. – Но вообще-то я к тебе. Потому что ты очаровательная, загадочная и, самое главное, мудрая.

– А тебе, значит, мудрости недостает? – проникательно поинтересовалась она.

– Не поверишь как.

– Ну тогда подожди. Сейчас чайник поставлю.

Скоро мы беззаботно прихлебывали «Изумрудного дракона», с аппетитом заедая его «Иллюзией нуги». Я окончательно расслабился. словно в былые времена, когда мы охотились на свору пропащих, на аскавского короля Венцеля... Людмила поглядывала на меня с любопытством, как на диковинного зверя. Ей не терпелось узнать, чем я занимаюсь, покинув маголовку.

С легким сожалением я отставил в сторону чашку.

– Меня интересует школа созидания, – сообщил я – Заклятие «Кадавр Севера» знаешь?

– Кто ж его не знает! Редкое заклятие, в Ведене с ним толь-

ко двое и работают. Литницкий Серафим Вениаминович – абсолютный специалист. Ну и Людей немного толк понимает.

– Вот и расскажи. Каких тварей можно создавать этим заклятием?

– Вопросыки у тебя... – протянула Люся и задумалась. – Ладно, слушай. Первый уровень: гремлины, болотные огоньки. Второй: проявления, эмпусы, низшие скорпионы...

Чем больше она называла, тем яснее становилось, что я на верном пути.

– Ты золотце, Люся! – сообщил я проникновенно. – А какой уровень нужен для создания чупакабры?

– Чупакабры? Ну, чупакабра вообще-то не кадавр. Это... – она вскинула глаза к потолку, – призванная тварь. Да, точно! Для нее нужна школа призыва. Держится от двух минут до получаса, а потом исчезает.

Мне вспомнился вчерашний день. Умиравший Вениамин, Света, вызвавшая «Скорую помощь»... Заклинанием, между прочим. Какой у нее уровень, она говорила?

– Люся, а если у дзайана девятый уровень – он может вызывать чупакабру?

– И не только. Девятый – это очень много, Игорек! Фактически это уровень повелителя дэвов. Он требует от мага грандиозных умений в разных школах. На десятом маг вообще может призывать титанов и фравашей.

Стоп! Все ясно. Осталось выяснить совершенные пустя-

ки.

– А скажи, – продолжил я расспросы, – для этого заклинания требуется сила? Скажем, если у мага мало поводков – это повлияет на заклятие?

– Да. Твари проживут недолго. И вызывать их придется в непосредственной близости от жертвы. Но в целом магия призыва интуитивная. Случается, что человек ею владеет изначально, от бога, так сказать... А почему ты спрашиваешь?

– У меня на руках одно деликатное расследование, – поделился я. – Но сейчас появились кое-какие нити.

– Может, тебе помощь нужна? Чару сломать, заклинание бросить?

– Нет, Люсенька, спасибо. Чего-чего, чар в последние дни наломано штабелями... Расскажи лучше, что у вас происходит? Говоришь, много смертей?

– И смерти, и шантаж. Причем никаких следов! Такое ощущение, что преступники приходят из ниоткуда.

Это мне показалось смутно знакомым.

– Словно из другого мира, – подсказал я.

– Можно и так сказать. И знаешь, чего они хотят?! Ни за что не догадаешься! Они требуют, чтобы маг сбросил поводки. До единого! И жертву всякий раз выбирают из крупных. Из тех, у кого много манаров.

Интересно... Делая кого-либо манаром, маг получает силу. Но если накидывается поводок почти незаметно, то обратная процедура куда болезненней. И отходить от нее при-

дется полгода. Все это время лишившийся поводка маг не сможет колдовать, – даже если остальные поводки останутся целы.

Благородные мстители, борцы за права манаров? Да еще и приходящие из другого мира? Отчего-то я не сомневался, что эти бравые Робин Гуды напрямую связаны с дрожащим от страха Марченко и затерроризированным стариком Литницким.

– Хорошо бы определить, кто может оказаться следующей жертвой...

Люся неопределенно пожала плечами:

– Сильных дзайанов в Ведене много. Вот, пожалуйста: Юрий Тепех, мастер некромантии, Алексей Марченко, знаток иллюзий, грандмастер Людей, возможно, сам капитан Винченцо... Список большой.

Подивившись, что Семен попал в списке тузов, я распросался и вышел на улицу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

*(Понедельник, 14.30,
рассказывает Игорь Колесникий)*

Мне предстояло не самое веселое дело. Как ни крути, а попрыгучая дзайана мне нравилась. За вчерашний день мы вполне успели подружиться. И вот теперь придется идти к ней и с невинным видом сообщать: сударыня, да вы, оказывается, преступница?! Какая жалость!

Вот бестолочь! Не могла обстряпать свои делишки поне-заметней. Тем более и цель-то благородная... но так всегда бывает. Со вздохом сожаления я потянулся за мобильником.

Дозвониться до Светы не удалось. Я набрал номер, услышал в ответ «Абонемент временно недоступен» и зачем-то отправился в гастроном за апельсинами. Почему именно за ними, оставалось непонятным, но моя интуиция меня никогда не подводит. К апельсинам добавились плитка шоколада, коробочка салата и пачка сока.

Быть может, купить бутылку вина? Интуиция подумала и помотала головой. Нет. Там, куда я направляюсь, с вином не пустят. Еще и лекцию прочитают.

Тут судьба наконец сжалилась и не дала безвременно погибнуть от любопытства. Мобильник пикнул, сообщая, что пришла SMS-ка. Я пощелкал кнопками. «Приезжай в

первую больницу, – высветилось на экранчике. – Срочно нужна помощь! Света».

Ну, Светка, ну, чудесница! Что же произошло, интересно? Неведомые разъяренные маги решили убрать опасную свидетельницу?

Впрочем, скоро я это узнаю.

Я расплатился и вышел из магазина. От первой городской меня отделяло минут двадцать ходьбы. Вот только из гипермаркета «Властелин колбас» языком мордорской лавы выплеснулась очередь. Начались рекламные «дни Шира»: все товары или бесплатно, или по бросовым ценам. Говорят, в прошлом веке революционеры, планируя захватить Веден, тщательно следили, чтобы не начать бунт в «дни Шира». Во-первых, не пробиться к почте и телеграфу. Во-вторых, какой смысл грабить город, если все бесплатно? Да и с насилием не очень-то разбежишься. Те, кто выжил во «властелинской» очереди, дадут сто очков любому изуверу и фанатику.

Изучение плана города к оптимизму не располагало. Очередь загибалась кольцом, опоясывая район; от больницы меня отделал тройной заслон старушек, домохозяек и гурманов с горящими от жадности глазами. Пробиться сквозь их толпу может разве что аснатар под божьим благословением и святым щитом плюс три.

Ну, что ж, пусть работают профессионалы. Я достал проездной и помахал им в воздухе. У обочины затормозил троллейбус под номером «восемнадцать».

– Тебе куда? – высунулся из кабины водитель.

– К первой городской больнице.

– Не по маршруту, парень... – с сожалением хмыкнул он. – Хотя... Проездной покажи.

– Тот самый, не сомневайся.

Водитель мужественно боролся с собой. Но обстоятельства оказались сильнее.

– Не могу, – вздохнул он. – Там, куда ты едешь, провода не натянуты... Ты б еще метро заказал.

– Ладно. Езжай, болезный.

– Но учти: я тебе еще пригожусь!

В небе расплывалась белая туманная полоса. Проездной у меня на все виды транспорта. Как он ко мне попал – это отдельная головокружительная история. В принципе им и самолет можно стопнуть – было бы место, куда сесть. А так – извините.

Я вновь затряс в воздухе проездным. Остановился еще один «восемнадцатый», затем доскрежетал «пятый», но уже трамвай. Ему пришлось хуже всего: без рельсов мчать на вызов Абсолютного Проездного – занятие безнадежное. Но упрямство преодолет все!

Наконец остановилось такси.

– Первая городская больница, – сообщил я водителю.

– Садись, – ответил тот меланхолично.

– Она в кольце.

– Знаю. Садись давай. Счетчик-то тикает!

Дорогу я совершенно не запомнил: таксист вез по Узеньким переулочкам, где и машинам-то не место. Судя по всему, некоторые улочки располагались в Другом измерении. Приехав, я честно расплатился и отправился к больничным воротам.

Меня окутала благословенная летняя жара. Над косогорами танцевали бабочки – лимонницы, капустницы и махаоны. Пахло медом и фиалками. К тому времени, как я дошел до регистратуры, жара стала невыносимой, и пришлось снять куртку.

Девчонка-регистраторша зарылась в бумаги, не видя ничего вокруг. Вахтер наш, дядя Леня, как-то научил меня тайному знаку, которому повинуются любые вахтеры и регистраторы – те, что принадлежат гильдии. Я кашлянул, дернул себя за мочку уха и особым образом прищелкнул языком.

Девчонка посмотрела на меня с недоумением. Господи, ну и деревня!

– Подстаканник Силы уже найден, – сообщил я со значением. – Остался последний квест.

Это подействовало. В глазах девчонки всколыхнулась паника:

– Вы... что?.. Простите, ради бога!.. Я задумалась.

– Так-то лучше. Почему на знак не реагируете?

Личико регистраторши пошло алыми пятнами:

– Я еще маленькая! Я пока не все выучила. А вы, наверное, – она сделала восторженную паузу, – *вы магистр?!*

– Вроде того... Мне нужно к Светлане Литницкой.

– Литницкой, Литницкой... – регистраторша наморщила лоб, припоминая. – Психической этой?!

Ага! Светка уже и здесь приобрела репутацию.

– Точно. Где она?

– Идите в девятый корпус. В первой палате.

– Девятый – это реанимация? – на всякий случай поинтересовался я.

– Какое там! Идите, сами увидите!

Девятый оказался травматологическим. Помытый медбрат с разными глазами не хотел меня пускать, но когда я сказал к кому, сдался. Я вошел в первую палату.

Ну, и где наша героиня?

Светка сидела на кровати, обняв колени, нахохленная, как воробей. Руки, ноги на месте. Голова незабинтованная, глаза сияют, щеки румяные.

Ф-фух. Живая!

Дзайана только пискнула, когда я с энтузиазмом заключил ее в объятия. Кажется, у нее захрустели ребра, но в травматологическом все равно, сколько переломов лечить.

– Ну, рассказывай! Кому перешла дорогу?

– Да ты что?! Я просто упала!

– Сильно?

– Пустяки. Связки порваны и бедро разворочено. – Она откинула полу халатика, гордо демонстрируя перебинтованную ногу. – Только уже прошло все.

– Чармишь! Рваные связки – это на пару месяцев.

– Ага. Только у нас, ночных фурий, все не как у людей. – Света потянулась к пакету: – Это мне?! Ты садись на кровать, не стой. Я по тебе ужасно соскучилась.

Поселили ее замечательно: однокомнатный люкс с видом на заросший пруд, телевизор, холодильник и кондиционер. На таких условиях и я денек-другой поваляться не прочь.

Узница тем временем потрошила «малый больничный набор».

– Ага. Так. Сок. Шоколадка. Блин, ты бы еще конфет принес!

– Лопай, фурия! В следующий раз торт приволоку. Почему не позвонила?

– Так мобильник в брызги! Ой, Игорек, я же не рассказала! Я с дерева навернулась. Метров тридцать летела, думала, диспел будет. Вот Ивароха уговорила SMS-ку скинуть. Ты его видел, наверное, у входа бугай стоит.

– Это Иварох? Примечательный парень!

Я уселся на кровать рядом со Светой и блаженно вытянул ноги. Лапки мои бедные, набегались сегодня...

– Так тебя толкнули? Смажили? – деловито поинтересовался я. – Кто?

– Не «смажили», а «колданули», – поправила она. И помрачнела: – Нет, это я сама такая дура. Слушай, Игорек... Можно деликатный вопрос?

– Давай.

– Ты когда-нибудь влюблялся?

Сама деликатность, мать моя титанида!.. Я задумался.

– Ну-у... – наконец сообщил я. – Был даже женат... на этой... Тонечке, Леночке... нет, Тонечке... еще платье фиолетовое... Знаешь, Свет, мой образ жизни мало кто может вынести. Дашка могла, но она манара. И с первого же дня сказала, что у нас ничего не получится.

– А ты согласился?

– Да я и не спорил особо. Дашка красавица, но мне вообще-то секретарша нужна, а не подружка.

– Да-а... А если бы настоящая любовь, как у Мастера с Маргаритой?

– В жизни я встречал трех Маргарит, и все страшные дуры. Так ты влюбилась, солнце мое?

– Точно. – Дзайана тяжело вздохнула. – Познала тягости любви. Как глупая девчонка в раннюю пору юности.

Мне стоило больших трудов не хихикать.

– Он – рок-музыкант.

Так-так... Я не выдержал и отвернулся. Черствеею с возрастом, зараза такая. У человека горе, а я...

– Ты не думай! – обозлилась дзайана. – Я не из тех, которые в знаменитых! Которые комнаты постерами обклеивают и вообще. Лешка – он не такой. У них своя группа. «Огни Иррукана», может, слышал?

В мире музыки мое развитие остановилось на Бутусове и Кашине. Из тяжелого рока слушаю «Nightwish» или

«Rhapsody» – когда полы дома мою. Происходит это раз в неделю по отдохновениям. Причем именно это отдохновение я бессовестно пропустил.

– Ну вот, – продолжала Света. – У них был концерт три месяца назад, на попойке «Братьев урагана». – Видя мое озадаченное лицо, она пояснила: – Это которые рокеры. На мотоциклах.

– Так-так-так. – Мое воображение услужливо нарисовало образ инкуба: в черной куртке, с немытой гривой и подведенными углем глазами.

– Они рококо играют, – безжалостно развеяла мои фантазии дзайана. – Очень хорошие люди... И музыка хорошая. Меня послали на концерт написать репортаж. Ну, я и написала. А потом случайно с Лешкой на улице столкнулась... – Света вздохнула: – Слушай... почему, когда влюбляешься, все наперекосяк? Игорек, мне так стыдно!

Историю ее любви я мог бы рассказать и сам. По походке и по тому, как она носит рюкзачок. Пара встреч в кафешке, осторожные фразы, исполненные колкостей и желания выглядеть невероятно остроумной и начитанной. Ужас в глазах мальчишки. Что он мальчишка, я несколько не сомневаюсь.

– ...А сегодня смотрю, – продолжала моя трагичная Джульетта, – они там. «Все «Огни Иррукана». И Лешика дылда белобрысая лапает. Я подхожу, а у них разговор. И давалка эта: «Кот – совсем не экстрим! Со страховкой всякий может. А без страховки?» Ну, я и повелась.

– Погоди... Ты что – без пояса полезла на «Лесного кота»?

– На черную трассу. Она самая сложная.

– А тирольские спуски? Там же ролики нужны?

Я представил тирольский спуск – метров пятьдесят полета на ролике, над гостеприимно качающимися сосновыми лапами – и мне стало дурно.

– У меня брючный ремень хороший... был... – Она показала мне кожаные ошметки. – Я его вместо ролика...

– Да-а... Ну что ж, амазонка, тогда рассказывай, чем тебе дед Вениамин помешал.

– Кто?! Что?! – В глазах дзайаны вспыхнул мистический ужас.

– Вениамин Серафимович, дед твой. Глава рода Литницких. Да ты не бойся, не съем.

По сравнению с ее лицом наволочка выглядела серой.

– Раскопал! – благоговейно прошептала Света.

– Ну, я же детектив все-таки. С нанимателем мне, правда, не повезло – что с первым, что со вторым. Давай так: я расскажу, что успел выяснить, а ты меня дополнишь. Идет?

Света кивнула.

– Итак, Вениамин Серафимович воспользовался древним дворянским законом и как последний жмот присвоил белые листы рода. Сделал он это не вовремя. Ты как раз собиралась поступать в Университет Магии и Светлых Чар, и лишний поводок тебе пришелся бы весьма кстати. Верно говорю?

– Верно.

– Экзамены ты сдала просто великолепно. А вот силенок не хватило. Ценз маны в университете неоправданно высок, знаете ли... Тебя не взяли, предложив заглянуть через годик. Пока же дали возможность поучиться в менее престижном заведении.

– В Институте Действительной и Образной Тамтаургии, – мрачно отозвалась Света.

– Серьезно?! – Я посмотрел на магиню с сочувствием. – Тогда понятно... Со стариками, как я понял, тебе договориться не удалось, и ты пошла воздушно-капельным путем. Подослала к Вениамину чупакабру. а к Марченко – дэва. С твоим девятым уровнем это оказалось нетрудно. Когда же Вениамин обратился к детективу, постаралась проникнуть в лагерь врага. Надо сказать, довольно изобретательно.

– Слушай, чего тебе от меня надо?!

– Правды, солнце! Я такой принципиальный, что иногда самому страшно.

– Рек, но ведь Веня тебя коникам хотел скормить!

– Да. Именно. И знаешь что? Это мой город, и я его люблю. Мне хочется, чтобы чудовища не бегали по улицам. Не пили кровь – пусть даже и заслуженных мерзавцев. Потому что чупакабрасы, знаешь ли, не очень разбирают, кого грызть – нормального человека или злодея.

Светка покачала головой:

– Игорек, если б ты знал... Ты замечательный... но дурак! Прости. Все совсем не так было.

– Тогда расскажи как.

– Не могу. От этого пострадают хорошие люди.

Тут я не выдержал:

– От этого ты пострадаешь, Свет! Ты ведь тоже хороший человек. Рано или поздно Вениамин сложит два и два и поймет, кто подослал чупакабраса. Или Марченко надоест бо-яться, и он обратится в ковен за помощью.

– Игорек, ты лапа, – устало сообщила дзайана. – Вот только в теории магии ты профан. Я не могла вызвать чупакабру. Потому что для этого нужна школа призыва!

– А твоя какая? – растерялся я.

– А моя – вызывания. Самая простая школа. Нет, девятый уровень – это круто, очень круто. Но все равно особо гордиться нечем.

И Света объяснила мне разницу. В действительности между этими двумя школами мало общего. Магия призыва работает с потусторонними силами, притягивая разных чудовищ: чупакабрасов, нетопырей, гильгамешей. Магия же вызывания – сугубо бытовая. Сантехника вызвать, такси... кстати, мой Абсолютный Проездной из той же оперы.

С этими школами часто попадают впросак. И не только я, многие. Оказывается, в школе призыва есть одно «неправильное» заклинание: «Вызывание демона». В школе же вызывания «неправильных» чар и вовсе две: «Осенний» и «Весенний призывы». Это магия десятого уровня, которую магистр обороны дважды в год накладывает на всю страну.

Вы понимаете, это у меня голова пухнет... А каково студентам?! Света рассказывала, что многие из-за этих призывов даже заваливали экзамены. Естественно, отправлялись служить.

– И поводки мне вовсе не для универа нужны были, – вздохнула она. – Я хотела до десятого уровня подняться...

– Зачем же тебе десятый уровень?

– Там крутая приворотная чара, «не за что, а вопреки» называется. Мне Лешку приворожить надо.

– Ну и дура.

– В лягушку превращу! – вскинулась та.

– Да хоть в таракана, – отмахнулся я. – Чарами привораживать, магией любовь вызывать... А потом? Он же тебя возненавидит. Сколько ему лет? Двадцать, как тебе?

– Мне восемнадцать! Это я выгляжу старше. А Лешкику – двадцать четыре... – И, не выдержав, она заревела, уткнувшись мне в плечо.

Получалась глупая ситуация. Преступница и шантажистка заливалась слезами, а я ее утешал. Но ведь жалко девчонку! У самого случилось: из кожи вон лезешь, а на тебя внимания не обращают. Тут и глупости начинаются, и все, что угодно.

– Я его вчера чара-анула, козла-а, – всхлипывала она, прижимаясь ко мне. – Прибежит как миленький! На коленях приползет!

– Хм...

– А ты не одобряешь?! – Она отстранилась. – Не одобряешь, да?!

– Да мне все равно. Твое дело.

– Ну вот и убирайся, придурок! И вообще, чего ты меня лапаешь?! Руки убери, ур-род!

– Ладно. – Я поднялся, взял куртку. – Приятно было пообщаться. Поправляйся, солнце!

Я прикрыл дверь. Послышались сдавленные рыдания. Пожалуй, ее стоит оставить одну – пока больницу в клочья не разнесла.

Но все вышло не совсем так, как я рассчитывал. Когда я прошел несколько шагов, за спиной послышалось:

– Реш, стой!

Я обернулся. В темном пустом коридоре светилось единственное пятно дверного проема. Света стояла, окутанная этим свечением, придерживая халатик на груди.

– Прости меня... пожалуйста...

Откуда-то вынырнул Иварох:

– Господин, вам надлежит уйти! Больной необходим покой!

В крохотных очочках и зеленой бандане этот удивительный великан выглядел особенно трогательным и беззащитным. Особенно умиляли «надлежит» и канцелярская правильность речи. Девушка махнула рукой:

– Засохни. Брысь!

Иварох поперхнулся и убежал. Краем уха я услышал звук

лющейся воды. Санитар пил из графина – жадно, давясь и пофыркивая.

– Реш, слушай. – Дзайана схватила меня за руки. – Ты меня сильно обидел. Да, да!.. Просто... Меня в жизни никто так не обижал, понимаешь?!

– Ну еще бы!

– Не издевайся! Я тебя ненавижу!! Я тебе завтра все скажу, хорошо?.. – В голосе звучала мольба.

– Хорошо, – покорно согласился я. – Скажешь завтра.

– Ты не сердись? Ты дождешься?

Ну вот ребенок!.. Я потянулся к ней и поцеловал в мокрую от слез щеку.

– Конечно, солнце. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи... А теперь убирайся!

Я улыбнулся и двинулся к выходу. Воздух за моей спиной потрескивал от ненависти и смертоносных чар.

Мне вдруг стало удивительно легко – будто от меня разом отсекли прошлое и будущее, оставив лишь здесь и сейчас.

Когда я выходил из больницы, меня настиг звонок.

– Алло, Игорь, ты? – затрещал в трубке до боли знакомый голос.

– Я. Семен, что случилось?

– Дело нешуточное! Ты где?

– Возле первой городской больницы.

Слышно было, как Винченцо оторвался от трубки, чтобы

отдать кому-то приказание. Через четверть минуты трубка вновь ожила:

– Сейчас за тобой подъедут. Никуда не уходи! Пойдем, Гертруда, соберем друзей.

Коротко и ясно. Словарик Винченцо я более-менее знаю. Если бы он задумывал пакость, последняя фраза звучала бы иначе. Например, «Гертруда, пусть за принцем последят». А так – Семену понадобилась моя помощь.

Вот и славно. Я с наслаждением вдохнул вечерний воздух. В разлившемся над городом спокойствии отчетливо было видно, что мне нужно туда съездить и выслушать все, что Винченцо сочтет нужным рассказать.

Так что я вышел из больничных ворот и принялся жать. Скоро подъехала милицейская легковушка. За рулем сидел щекастый лейтенантик – тот, что не хотел пускать меня в управление.

Увидев меня, он едва не потерял дар речи:

– Вы?!

– Здравствуйте еще раз. – Я протянул руку. – Видите, как все меняется?

– Простите... – Время шло к вечеру, но даже в тусклом свете фонарей было видно, как он покраснел. – Я не знал! Честно!

– Забудем обиды. – Я уселся в машину. – Кстати, может, вы объясните, что произошло?

– Произошло убийство. Погиб дзайан.

...Со вчерашнего дня в доме, где жил Марченко, ничего не изменилось. Я говорю «жил», потому что хозяин квартиры лежал на полу кухни, задрав к потолку острый кадык. Если смотреть в лицо, могло показаться, будто маг спит. Но стоило перевести взгляд ниже...

– Грудная клетка разворочена. – Люся рассказывала, одновременно очищая ватным тампоном лицо джайана. Воск для посмертной маски побулькивал на спиртовке. – Повреждена артерия бедра, кисти рук оторваны. Порезы произведены с хирургической точностью. Такие повреждения мог оставить скальпель или остро отточенный кинжал. Нападавший отдавал себе отчет, что перед ним сильный маг. Первым делом он постарался лишить противника рук – чтобы не дать возможности плести заклинания. Затем, оглушив жертву, утащил на кухню и там начал пытаться.

– Хотел что-то выяснить?

– Возможно.

Кухня провоняла полевым госпиталем. Если раньше здесь было просто не убрано и грязно, то теперь квартира превратилась в филиал скотобойни. Винченцо бестолково мотался по комнатам, что-то записывая в блокнот, заглядывая под столы и тумбочки.

– Не понимаю. Ничего не понимаю... – бормотал он. Впрочем, это его обычное состояние.

– Кто нашел труп? – поинтересовался я.

– Никто. Он сам обнаружился, – ответила Люся. И пояснила в ответ на мой удивленный взгляд: – В Болотносельское отделение инквизиции поступил сигнал. Нападение нечистой силы. Ближе всех к месту происшествия оказался отец Иштван.

– Иштван? Любопытно.

– Вы знакомы?

– Да, некоторым образом...

– Знакомы! – отозвался из соседней комнаты Винченцо. – Не просто знакомы! Как преступление, так он поблизости... Возникает вопрос: Офелия, вы порядочная девушка? Не удивлюсь, если он причастен ко всей этой дэвовщине!

Я покачал головой. Аснатар, который требует за убийство чудовищ деньги, с тем чтобы тут же отдать их на спасение чужого человека? У него должны быть особые причины для этого.

– Квартира была закрыта изнутри. На задвижку. Иштвану пришлось разбить обе двери голыми руками. Ну, ты сам видел...

Я действительно видел. Первая дверь – обычная фанера, над ней измывались мальчишки. Но вот вторая... Вторая-то бронированная! Иштван оставил в ней дыру с оплавленными краями, напоминающую человеческий силуэт. Не хотелось бы мне когда-нибудь встретиться с аснатарами в бою.

– К тому времени Алексей Петрович уже умер. Иштван вызвал нас, а сам удалился с отчетом к патриарху. Вот сию,

снимаю маску. Надо успеть до восьми вечера, а то инквизиторы за телом вернутся.

– Когда же произошло убийство?

– Часа в два. За стенкой живет молодая пара – наркоманы, не наркоманы... Соседи говорят, к ним как раз «Скорая» приезжала. Девчонка повесилась или что-то вроде того. А к ней любовник ходил – такой с хвостиком – и ее из петли спас. Ну, это так, сплетни...

Больше всего на свете я обожаю сплетни. Порой хорошая сплетня может распутать все дело, хотя чаще бывает наоборот.

– Марченко был к тому времени еще жив?

– Как я, – подал голос Винченцо. – Совершенно как я! Он с этим любовником даже парой слов перекинулся. А за спиной у того висел автомат в чехле.

Люся устало улыбнулась: вот они, свидетели... Врут как дышат и не поперхнутся.

Я задумался. Хвостатый любовник с автоматом зацепил мое любопытство за жабры:

– Постойте, а кто его видел?

– Видели. Даже описание есть. Но вряд ли оно что-то даст. «Автоматчик» – обычный человек. А Марченко погиб – классика жанра – в закрытой комнате. Окна задраены, дверь ты сам видел – бронированная, защелкнута изнутри. Это мог сделать либо сильный дзайан, либо дэв, либо друджвант.

– Надо поговорить с Иштваном.

– А что Иштван?.. Талдычит: друдж, друдж, место нечисто! Он инквизитор, у него работа такая.

Действительно, такая работа... Я присел на корточки, любуясь Люсиной маской. Воск вперемешку с гипсовой пылью ложился блестящим слоем, наполняя лицо мертвеца благородством и красотой.

– Жрать хочется, – пожаловалась Люся, накладывая последний мазок. – С утра ни крошки во рту не было...

Я заглянул в сумку:

– Ты оливки любишь? Еще мед где-то завалился...

– Оливки? Точно! У меня же где-то печенье есть! с утра купила. – Она сбегала в соседнюю комнату и принесла пакетик с аппетитными «слезами Ивиннира». – Только... – она посмотрела на свою талию, и энтузиазм в ее голосе приугас, – я не буду. Оно сладкое...

– А сыр? Хочешь, в магазин схожу?

– Нет, – сообщила она. – Сыр соленый. Соленого тоже не буду. Знаешь что?! Я мясо хочу.

– Колбасы? Ветчинки?

– Ага. Макароны с томатным соусом. Точно!

...В результате мы поужинали чипсами и маринованными огурцами. Я включился в привычное дело: ползал с Винченцо в поисках улик, помогал Люсе расставлять авторамки для поиска дэвовщины, допрашивал соседей. В общем, начались обычные сыскарские будни.

Я словно бежал от чего-то, что открылось мне в последние часы... Тем более что старые версии кончились, а новых пока что не возникло.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ИНТЕРЛЮДИЯ

*(Понедельник, 18.30,
рассказывает Алексей Озерский)*

Приносить счастье оказалось легко. Я носился по городу, благодетельствуя всех и вся. Щенок, гонящийся за своим хвостом, не натворит столько безобразий, сколько я. Напоследок, порядком вымотавшись, я свернул к первой городской больнице. Матрик говорил, будто сюда положили Лизу. Интересно, почему не на Пароходную?.. На Пароходной же дурка! Хотя нет, самоубийц в психушку не кладут. Им даже диагноз выписывают нейтральный: гастрит, бронхит – чтобы жизнь не ломать. Мало ли чего человек в петлю полез.

В самом радужном настроении я двинулся в регистратуру. Там тетка, похожая на старого заматерелого бульдога, ворошила карточки.

– Здравствуйте, – неловко кивнул я.

– Здравствуйте.

Теткины глаза сузились. Она кашлянула, дернула себя за мочку уха и прищелкнула языком. Больная, что ли?

– Я, собственно... – слова давались через силу, так, словно я делал что-то постыдное. – Сегодня к вам привезли...

ну, знаете?.. Лиза Матрасова...

Бульдожиха перелистала карточку. Мертвенный золотой свет больницы превращал женщину в загробного духа. Так вот откуда пошло выражение «тот свет»! И как тут люди выживают вообще?!

– Родственница? – меланхолично поинтересовалась бульдожиха.

– Нет.

– А кто?

Мне захотелось дать ей пинка. Ну какая к дэвам разница?! Ну, друг я ей... хотя и другом-то назвать сложно. Я же ее впервые сегодня увидел.

– Это психосоматика, – казенным тоном сообщила бульдожиха. – В первые дни посещения нежелательны. – И вновь уткнулась в свои бумажки.

Я потоптался у барьера, отделяющего мир мертвых от мира живых, и побрел прочь. Ну ее к дэвам, в конце-то концов! Вот обидно: такая силища, хочется творить добро, а сделать ничего не могу.

Похолодало. На ночь «летнее» закливание в больничном парке выключали – из экономии, наверное. Я шел, а пожухлые листья карамельными сугробами валились под ноги. За деревьями мелькали огоньки фонарей, квадраты окон. Кажется, я сбился с пути... В чернильном небе зажглись звезды. Лучи прожекторов разрезали мрак между стволами кленов, и от этого больничный неуют сгустился, стал злым и ко-

лючим.

Где же ворота? Не может ведь парк длиться вечно. Я свернул к первому попавшемуся зданию; фонарь высветил табличку на каменном боку: травматологическая. Ага. Сейчас бы планчик отыскать, свериться...

Белый щит сверкал снегами Килиманджаро. На скамейке под ним кто-то сидел – в пижаме и голубой болоньевой куртке.

– Помогите, пожалуйста, – еще издали крикнул я. – Я хочу отсюда выбраться!..

– Правда?! Я тоже!

Сердце трепыхнулось в груди, чтобы тут же сорваться в галоп. Золотистые колечки волос, заострившиеся черты лица, обветренные губы – девушка смотрела грустно и чуть насмешливо.

– Светка, ты?!

– Здравствуй, Лешик.

Вчера, в «Лесном коте» она выглядела иначе. Непрístupней? Заносчивей? Передо мной сидела усталая измученная девчонка, не знавшая, на что надеяться и от кого ждать помощи.

Почти как я.

– Сильно поранилась? – спросил я, присаживаясь рядом. – Ну, там, в «Коте»?..

Она мотнула головой:

– Не очень. Связки расколошматила и бедро. Если бы не

придурок-спасатель, я бы сама дошла.

– Ты сумасшедшая! То есть извини... я не то...

– Да нет, все правильно. Я сумасшедшая, и этим горжусь! – Она с вызовом посмотрела на меня.

– Но без страховки... зачем?!

– Так. Одному человеку хотела доказать.

Вот и все, Брави. Спроси еще «какому человеку?», если совсем дурак.

Несколько дней назад я был манаром... Я точно знаю, что Светка – не моя судьба. Вот только что мне сейчас до этого знания?! Я ведь больше не манар, могу ошибаться, как обычные люди.

– Свет... Я за тобой пришел.

– Правда?! – Уличные фонари фейерверками вспыхнули в ее глазах. – Мы сбежим?! А как?

– Да как угодно. Через забор, например. – Я чувствовал, что Светка и сама может убраться из больницы в любой момент. Просто ей некуда идти. Или незачем. – А если ты... ну, нога болит, тогда через проходную.

– Леш, я же в больничном! Меня застукают.

Я заговорщицки подмигнул дзайане:

– Мы одеждой поменяемся. Там контроль нестрогий, проскочишь. А я – через забор.

– Чаровато! Ты молодец, Лешик! – Она оглянулась на светящиеся окна корпуса. За стеклянными дверями маячила грузная фигура – санитар, наверное.

– Где переодеться будем? – стараясь скрыть дрожь в голосе, спросил я.

– Пойдем, покажу. Тут дровяной сарай рядом. Только не навернись, лужи всюду, грязно.

Ночную темноту пронизывали струи тревожных больничных запахов. Я их знаю по названиям кабинетов: вот зубо-врачебным пахнуло, а вот хирургическим. Когда мне после неудачного хоккейного матча коленку штопали, нанюхался. А вот этот не узнаю... Наверное, больные ощущают его единственный раз в жизни.

Мелькнули в темноте яркие точки – огоньки сигарет. Девушка прижалась ко мне, затаив дыхание. Прядь волос за щекоотала висок.

– Слушай... – давясь от неловкости, спросил я. – А тогда... в «Коте»... страшно было?

– Ужасно! А хуже всего, что ты сбежал.

– Я больше не сбегу. Клянусь!

Переодевались мы возле забора, спина к спине. Больницу когда-то выстроили на холме, и парк возвышался над улицей. За решеткой прогуливались поздние прохожие. Стоило им поднять взгляд – и мы были бы как на ладони. Но я никогда не встречал ночных прохожих, что смотрят вверх.

Я стащил джинсы, протянул за спину:

– Держи.

В ответ в руку мне ткнулась теплая ткань. Пижамные шта-

ны. Мне они малы будут. Хотя...

Света хихикнула:

– Я в твоих словно в мешке. Чарово! Встречаемся через дорогу, да?

– Ага, у хозтоваров.

Они мне действительно малы. А кроссовки в темноте зашнуровывать – вообще мучение. «Брось ты! – сказал я себе. – Это же приключение. Светка, вон, без страховки «Кота» прошла. Чего нить-то?!»

– Все, готово. Ну как я?

Больше всего она напоминала отощавшего медвежонка. Или пуделя. Какая уж тут романтика... Но вот Светка улыбнулась и вновь стала недосягаемой и желанной.

– Ну-у... ничего.

– Ничего?

Ой, Брави, гений комплимента! Когда ж ты исправишься? Зашуршали листья: девушка отправилась к проходной. Я же подошел к забору, взялся за прутья. Из-за деревьев вновь пахло «последним» запахом. Ржавый металл выстуживал ладони до костей, царапая кожу заусеницами.

Здесь по забору вряд ли вскарабкаешься. Чугунные двухметровые пики заканчиваются зазубренными остриями. Бр-р-р... Наденешься, останешься – хорошо больница рядом, помогут. А днем бы с легкостью перемахнул – когда светло.

Я перешел к бетонному столбу, за который зацеплялась решетка, подергал прутья. А вот здесь другое дело. Между

прутьями и бетоном зазор, вполне можно поставить ногу. Опереться о крепление, колено вверх...

– Эй, больница! – послышалось снизу. – Линяешь, что ли?

– Тс-с-с!

– Да ладно тебе. – Прохожий сливался с темнотой. Я видел лишь бесформенный силуэт – нескладный, большеголовый. – Чего так? Достали?

– Ну... Типа того.

Я перенес ногу через чугунные пики.

Стою. Надежно вроде.

– Эй, больница! А ты не псих, случаем?

– Да, псих, – обозлился я. – Маньяк. Щас перелезу и бензопилой тебя – в фарш и на котлеты.

– Круто! Тогда держи пять. – Шершавая ладонь нащупала мое запястье и дернула, едва не насадив на прутья. – Психов с детства люблю.

Не удержавшись, я все-таки ссыпался с забора. Ракушечный парашют прошелся по колену, сдирая кожу; от боли я сжался в комок. Вот зараза!

– Че, больница? – «Помощник» похлопал меня по спине. –

Прихватило? Аппендицит?

Щекастое лицо выражало искреннее желание помочь. Усики топорщились, как у добродушного кота.

– С-с, – мотнул я головой. Ничего другого сказать не получалось. – С-с-сука!

– Да у тебя вон штанина в кровище. Ишь!.. Хромой, а как

через забор-то...

Я попробовал выпрямиться. На бедре намокало темное пятно; жжение притупилось, но колено все равно ныло. В голове что-то щелкнуло: шар! Глаз Вайю – я его из джинсов не выложил!

Теперь он у Светки.

Наверное, в моем лице что-то такое отразилось, потому что усатый перепугался:

– Эй, больница... Может, тебя того... обратно? Я могу. Вдруг у тебя это... заражение крови?..

– Не надо.

– Точно?

– Точно. Н-е н-а-д-о! Ждут меня.

– Ждут? Блин. Да чего ждут-то? Зачем?.. – И тут его озадило. Он разыграл целую пантомиму: присел с заговорщицким видом, развел руками, схватился за голову. – Так ты того... из-за бабы?!

На парапете лежал камень. Я схватил его, замахнулся.

– Исчез! Немедленно!

Щекастый отскочил на шаг.

– Да ты че?.. Че, больница?.. Я же того... милицию вызову! Живо утихомячат!

Наверное, вид у меня был страшен. Хромой, перемазанный, в больничных штанах. Я наступал на щекастого, размахивая каменюкой. Тот пятился назад – несмотря на то что был на голову выше ростом и шире в плечах. Наконец не вы-

держал и побежал. В пустоте улочки еще долго раздавались вопли:

– Жизни лишают! Друджванты по Никитинской бегают!

Везет мне на встречи! Вчера везло, сегодня, вон, тоже...

Среди домов мелькнула ряса аснатара. Не раздумывая, я бросился бежать. Нога болела, штанина на бедре лопнула, и осенний воздух охлаждал кожу.

Только бы Светку не остановили на проходной!

Никто Светку не остановил. Она переминалась с ноги на ногу у хозтоваров, беспокойно оглядываясь по сторонам. Тинейджер в рэперском балахоне что-то спросил, и Светка огрызнулась так, что пацан отлетел бильярдным шаром.

Завидев меня, она встрепенулась:

– Сумасшедший! Что так долго?!

– Приключение вышло... Я, в общем... – Говорить о щекастом не хотелось. Я привлек девушку к себе, стараясь нащупать амулет.

Света захихикала:

– Ты чего?!

– Так. Давай обратно переодеваться.

Нога болела все сильнее. Я схватил девчонку за руку и потащил к подъезду. Кажется, она здорово удивилась. Плевать! С облегчением я влез в свои джинсы и вытащил амулет. Сила толкнулась в руку, как пес, требующий ласки.

Хороший мой... Чуть тебя не потерял!

– Что это? – удивилась Светка. – Никогда такого не видела!

– Талисман на счастье. Друзья дали.

– Хорошие друзья?

– Очень. Такие друзья, что... В общем, давай в кафешку заглянем. Тут недалеко, возле Гертруды. А то я голодный.

– Давай!

Все на свете однажды случается в первый раз. Нет, это я не о свиданиях. И не о сексе. Просто в кафешке этой, «Повелителе рогаликов», я никогда раньше кофе не пил. Иногда заглядывал за пирожками, когда не хотелось обедать по-настоящему, но ничего более.

– Это удивительное место, – сообщил я Свете, когда мы уселись за столик. – Ты тут бывала когда-нибудь?

– Нет. А что тут удивительного?

– Здесь слишком часто меняются официантки. – Я украдкой кивнул на стойку. – Видишь черненькую?.. Рекордсменка, чуть ли не полгода держится. А до того что неделя, так работала новенькая.

Наверное, «рекордсменка» чувствовала, что мы говорим о ней, но виду не подала. Принесла булочки и чай в огромных узорных подстаканниках, церемонно пожелала приятного аппетита. В ее движениях чувствовалась хозяйская грация.

– Представляешь, – продолжал я, с наслаждением запихи-

вая в рот булочку, – все на одно лицо и одного возраста – около двадцати лет! Работают две недели и исчезают. Чума какая-то! Притон вампиров!

Света пила чай, смешно вытянув губы. При последних моих словах глаза ее превратились в брызжущие весельем щелочки:

– Леш, почему же вампиров?!

– Ну а куда они деваются? Представляешь, хозяин булочной – в черном фраке, живет в подвале, у него там гроб...

– Слушай, ты программист? – перебила она.

Я растерялся. У меня что, на лбу диплом напечатан?

– Ты не обижайся, – продолжала девушка. – Просто у вас работа предсказуемая. Потому вас всех так тянет на чудеса. А с хозяином совсем не так. Он – толстый здоровяк с пухлыми губами и сонным взглядом. Булочной заправляет его мамаша, она давно мечтает сыночка пристроить. Так, чтобы и невестка под приглядом – своя, родная. Когда, ты говорил, девчонки перестали меняться?

– Месяца четыре назад.

– Эта черненькая на четвертом месяце беременности.

Я оглянулся. Из кухонного помещения задом выходил высоченный толстый мужчина – с выющимися блеклыми волосами, водянистыми глазками навывкате. В руках его покачивался поднос с булочками. Мужчина перекинулся с черненькой парой фраз и принялся выкладывать булочки на полку.

Все просто и буднично. Никаких чудес.

– Пойдем, Лешик. – Девушка потрепала меня по руке. – Настоящие чудеса в Старом Городе. Здесь им нечего делать!

Дальнейшее я помню смутно – буйный карнавал, наполненный яркими красками и жизнерадостными лицами. Настроение взлетело на недостижимую высоту. Мы болтались по старому Ведену, прихрамывая на одну и ту же ногу – девочка в больничной пижаме и парень в драных джинсах и черной бандане. Заглядывали в кафешки, братались с беззаботными студенческими компаниями, кормили золотых рыбок в фонтане. На меня накатила бесшабашная веселость. Елки-палки! Если все друджванты так проводят последние дни, то я всей душой на стороне зла!

– А ты только на электрогитаре умеешь? – поинтересовалась Света. – Или на обычной тоже?

– Н-ну... – вопрос застал меня врасплох, – да... Блюз могу. И фламенко.

– Сыграй!

– Так гитары же нет. И вообще...

Фонари отбрасывали на булыжную мостовую прыгающие тени. Возле огневицы святого Петра, там, где Бременские бродяги пугают разбойников, уличные музыканты хриплыми голосами измывались над Цоем и Гребенщиковым.

– На процветание Веденского рока, – сунулась к нам пухленькая девица с кепкой в руке. – Сударыня поддержите искусство!

– Ни за что! Вы ужасно, просто кошмарно играете! – Света брезгливо поглядела на протянутую кепку. – Лучше дайте гитару.

– Может, пива?!

– Пива не надо. Гитару дайте.

Лохматый тощий музыкант удивленно протянул ей инструмент. Света поблагодарила небрежным кивком и передала гитару мне:

– Играй.

– Свет, у меня не получится... Я...

– Играй!

Есть у меня грешок. Перед каждым концертом зачем-то оправдываюсь: и пальцы-то не размяты, и не в духе я, и не в голосе – хотя петь мне вовсе не обязательно. Нравится мне пококетничать, поломаться, чтобы все поубеждали меня, какой я хороший.

Струны простуженно задребезжали под моими пальцами. Хм... Как они на таком убожестве играют? Тут бы и Паганини застрелился.

– Мне бы что-нибудь... типа медиатора...

Пухленькая хихикнула. Это меня окончательно разозлило. Ладно, что-нибудь придумаем! Хоть и холодно и я вовсе не настроен давать концерты. Я вытащил из кармана «анджар» и срезал пластиковую эмблему с рукава ее куртки.

– Это сойдет.

Светкины глаза загорелись. Не поймешь женщин – чего

им надо?! Прости, Ла Тона, извини, Маноло Марин⁷... Пластиковая побрякушка прошла по струнам.

И я заиграл.

...Когда я отдавал гитару, ребята потрясенно молчали. Теплые губы коснулись моей щеки.

– Ты молодец, – шепнула Света. – Ты – лучший!

Огонь фонарей плавился в стрельчатых витражах собора. Медные осел, пес, кот и петух – Бременские музыканты – мяукали и рычали в знак одобрения. Отныне я стал одним из них.

– Знаешь, – торжественно шепнул я золотистым колечкам Светкиных волос, – кажется, я тебя люблю!

Та часть моей души, что еще помнила, как я был манаром, иронично хмыкнула.

⁷ Ла Тона, Маноло Марин – мастера фламенко.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

(Среда, 19.00,

рассказывает Игорь Колеснический)

Расследование зашло в тупик. Нити рвались одна за другой, словно насмешливая Атропос притаилась за левым плечом, весело пощелкивая ножницами. Винченцо съездил в больницу к девчонке, которую в понедельник увезли на «Скорой». Я отыскал ее мужа. Глухо. Все глухо. Просто чудеса какие-то! Парня с хвостиком они совершенно не помнили.

Эти два дня я все пытался открыть ларчик под названием «Двери Истени». Каждый сломанный ключик только подстегивал мой охотничий азарт.

А сломанных ключей набралось немало... Вениамин в больнице, квитанция пропала. Я попробовал отыскать башню безмолвия, где тот закупался сухим кормом для зверюшек, но всполошились аснатары. Мне прочитали лекцию на пару часов, пересыпанную «нечестивыми деяниями», «надругательствами кощунственными» и «друджем поганым», и я решил отложить приключения на пятую точку до лучших времен.

С дзайанами вышло не лучше. Мастеров магии призыва, да еще с уровнем выше пятого (для создания чупакабры тре-

бовался шестой), в Ведене не нашлось. Людей клялся, что, появившись они, обязательно зашли бы в ковен отметитья.

Нить с Артемом погубили мои дражайшие коллеги. Давно я так не смеялся! Винченцо съездил к одному из «юных Робин Гудов», но только перепугал парня до икоты. Кончилось тем, что бравого капитана родители просто спустили с лестницы.

Кстати... Из квартиры учителя пропали дневники средневекового крылоносца. Не переводы, что я присвоил, а оригиналы. Я поднял знакомых историков, и те клятвенно пообещали позвонить мне, если вдруг дневники выплывут на свет божий.

Бумаги эти не давали мне покоя. Подозрение, что все события так или иначе связаны с ними, понемногу становилось уверенностью.

Я снова попытался восстановить картину событий.

Итак, что же у нас есть?

Есть некто дзайан Литницкий. Богач, самодур, первоклассный маг созидания и огородник. Последнее, впрочем, неважно, хотя и трогательно до слез. У Литницкого – прекрасная коллекция средневекового оружия, власть и связи. Вот тут возникает вопрос. Охранные заклинания ему ставили мастера своего дела. С чего бы он вдруг бросился менять защиту?

Зачем? Что произошло?

Мышь?

Помилуйте! Это как-то даже глупо... Что за дело магической охране до мышей? Она воров должна ловить!

Вернее всего, произошло другое... Вениамин узнал нечто такое, что перевернуло его представление о стоимости коллекции. Он узнал, что в коллекции есть бесценный артефакт. И дзайаны не остановятся ни перед чем, чтобы его добыть. Конечно же, старая защита показалась ему недостаточной!

Что он мог узнать? И, главное, откуда?

Вот тут на сцену выходит новое действующее лицо. Марченко Алексей Петрович, сильный дзайан и Учитель с большой буквы «У». Лучший (да что лучший! единственный!) друг Литницкого. Марченко с трогательным бескорыстием помогает Литницкому расшифровать рыцарские дневники. В них дзайанам открывается некая тайна, из-за которой и началась эпопея с защитой.

М-да... Я читал записи, которые похитил у Марченко. Никаких намеков на тайну. Можно лишь догадываться, что кинжал аль-Бариу каким-то образом помогал Дяде Горы безнаказанно удерживать тысячи поводков. Но прямого указания на это нет.

Правда, я добыл лишь часть бумаг... Мне припомнился сарай на садовом участке Литницкого. Подвал с bestiарием, лошади-людоеды, цербер...

Сейф в клетке цербера.

Мы нашли его открытым. Бумаги Марченко – а я уже не сомневался, что там хранились именно они – исчезли.

Красть что-то из-под носа трехголовой твари, это, конечно, безумие. Вероятно, Людей сам вытащил Рукопись и отдал кому-то.

Кому?

И, главное, зачем?

Вот они, вопросы! Кто-то сильный и могущественный шантажирует дзайанов. Причем не обычных дзайанов, а мастеров. Хороших, сильных магов, ворочающих десятками поводков. Это, знаете ли, занятие как минимум небезопасное... Если шантажист придет ко мне за похищенными бумагами (о-о, как я на это надеюсь!), придется попотеть.

Но кто же может за всем этим стоять? Манар? На манаров магия почти не действует. Собственно, потому Гасан ас-Саббах так легко со средневековыми дзайанами и справлялся. Но этот шантажист и в магии хорош. Чупакабра у Литницкого, дэв у Марченко... Это, как ни крути, девятая степень магии призыва!

Людей о таких магах не слышал. Выходит, в городе живет сильный дзайан-гастролер, повелитель дэвов.

Может быть, друджвант?

Теоретически друджвант способен призвать неблагих тварей безо всякой магии. У дзайанов и священников по этому поводу идут нескончаемые споры... да бог с ними. Важно другое: церковь утверждает, что на Земле нет явных поклонников друджа. Преступники есть и будут, но преступник не обязательно воплощенное зло. Вон, ясныйцы даже инквизи-

цию хотят отменить как пережиток Средневековья.

Куда ни ткнишь, всюду тупики...

И Света как-то связана со всей этой дэвовщиной. Она родственница Вениамина Серафимовича, у нее зуб на старого дзайана... И еще – она должна знать хозяина шпаргалки.

Я прикрыл глаза, вспоминая. В памяти зазвучал Светкин голос:

«Не могу. От этого пострадают хорошие люди».

Вот и определился самый главный вопрос в моем топе. Кого, интересно, она считает хорошим человеком?

А почему бы не спросить у нее еще раз? Тем более что я обещал к ней заехать.

В пять минут собравшись, я отправился в больницу. Там меня ждала новость: Света исчезла. Бульдожиха в регистратуре ни о чем говорить не хотела, но после тайного вахтерского знака смилостивилась, и мы довольно приятно побеседовали.

Выяснилось, что Света пропала неведомо куда еще в понедельник. Лежать ей полагалось несколько дней – так говорил лечивший ее дзайан. Но у современной молодежи в голове тайфуны. Никаких авторитетов, ничего святого. Вот мы в их годы...

Выслушивать, что же такое в Светкины годы откаблучивала бульдожиха, не хотелось, и я принялся смотреть на тетку

«взглядом фехтовальщика». Уже через полминуты она стала путаться в словах, заикаться, а потом и вовсе умолкла.

Я сочувственно попрощался и вышел. В дверях больницы достал мобильник и попытался вызвонить Светку.

Молчание.

Ну вот. Моя беспокойная нанимательница опять потерялась. Найти ее может глава ковена. Что мне, опять к Людею на поклон? Грандмастер, конечно, обаяшка, говорить с ним приятно и поучительно, но... Проблема в том, что сперва его самого надо найти.

А со Светкой поболтать хочется... Ой, хочется! Во-первых, я ужасно соскучился по нашему стихийному бедствию. Во-вторых, она может познакомить меня с хозяином Абсолютной Шпаргалки.

Пока я топтался у двери под фрезой бульдожьих взглядов, вошел мальчишка. Невысокого роста, сутулый, весь какой-то скукоженный. Увидев меня, он нерешительно переступил с ноги на ногу.

– Извините... вы здесь главный?.. – Он на мгновение оторвал взгляд от пола и вновь уставился на свои кроссовки. – Я навестить...

– Спроси в регистратуре, боец. Там тебе подскажут.

– Спасибо!

Мальчишка обреченно поплелся к бульдожихе. Ох, кажется, кто-то сейчас приобретет драгоценный жизненный опыт. Ну и два-три подростковых комплекса в придачу.

Я не ошибся.

– Здравствуйте, – пискнул ребенок, привставая на цыпочки. Собравшись с духом, он затараторил изо всех сил: – Простите-пжалуста-а-Света-Литницкая-в-каком-корпусе-лежит?! – Тут сила духа кончилась, и мальчишка умолк.

Началось форменное избиение младенцев. Бульдожиха только что покусать его не пыталась. Я выждал момент и вновь посмотрел на нее «взглядом фехтовальщика». Да еще и «пустое лицо» сделал. После чего к числу избиваемых младенцев прибавился и ваш покорный слуга собственной персоной.

Из больницы мы ушли потрепанные, но непобежденные.

– Ну как так можно! – возмутился мальчишка. – Это нормально так с людьми, да?! Это мы еще должны с любовью и преданностью ей в глаза смотреть! «Конечно, конечно! Не ставьте нас ни во что! Мы выполним все, что хотите!» У-у, жабка!..

– Тебя Димкой зовут? – поинтересовался я.

– Да. Откуда вы знаете?!

Переборов робость, мальчишка посмотрел на меня. Глаза его светились доверчивостью и чистотой. Тоже сурепинский мальчик, подумал я, вот только деревянного кинжала не хватает. Или меча.

– Пойдем. – Я положил ему руку на плечо. – Я Светин знакомый. Она мне о тебе рассказывала.

Вообще-то рассказывала о Димке старуха – Бенина соседка... Еще когда я приехал к Вениамину с инспекцией. Но ребенку полезно привыкать, что взрослые постоянно врут.

Мальчик напрягся:

– А что со Светой? Куда она?! Ну, в смысле... может, ей кровь нужна для переливания? Я могу! У нас одна группа!

– Угу, – хмыкнул я. – Одна детсадовская группа у вас. Светка из больницы сбежала, бестолочь. Думаешь, чего нас тетка так облаяла?

Мальчишка закивал, соглашаясь, и вновь уткнулся взглядом в землю. Какой-то он замученный... Бьют его дома, что ли? Я б таких родителей расстреливал пожизненно без права переписки.

– Света мне о вас тоже рассказывала, – наконец буркнул он. – Вы сыщик, да?

– Можно и так сказать.

Тут мальчишка выпрямился и вздернул подбородок. Глаза его упрямо сверкнули:

– Тогда назовитесь, пожалуйста. А то откуда я знаю, может, вы обманываете?! Может, вы как этот... Светин дед?

Я достал удостоверение и протянул мальчику.

– Игорь Анатольевич Колесничий, – прочитал тот. – Частный детектив, все правильно.

– Ну вот и славно, – кивнул я, пряча удостоверение. – Есть хочешь?

– Ну-у... Не очень.

– Повезло тебе... А я вот умираю от голода. Давай заглянем в «Дублинку», я что-нибудь сжую. Переговорим заодно.

– О чем это?

– О Свете. О ее деде.

Мальчишка посмотрел на меня с вызовом:

– Фигушки! Мы со Светкой друзья. А друзья своих не выдают!

– Ну и правильно, что не выдают. Орать-то чего?

Мальчишка сконфузился. Простая логика на детей действует обескураживающе. Некоторое время мы шли молча. Димка хмурился, что-то про себя обдумывая. Наконец решился:

– Знаете... У меня одна вещь пропала. Ну... вроде волшебная. Если до завтра не верну – всё, хана... Вы не представляете, что будет! А Света обещала помочь. И сказала, будто вы... тоже...

Видать, крепко парня приперло – раз так, с ходу выложил незнакомцу свои беды!

Я безразлично засунул руку в карман и достал шпаргалку.

– Что пропало? Вот это?

Глаза мальчишки расширились:

– Где вы ее нашли?! Вы дзайан?!

– Какое там, – отвечал я весело. – Я не волшебник, а только учусь.

Мальчишка облизал губы. В голосе его дрожало благоговение:

– Вы, значит, все знаете...

– Почти. Да заведи ты эту бедовую бумагу, чудо! Весь троуар слюной закапал.

Не веря своему счастью, Димка схватил шпаргалку:

– Спасибо, дядя Игорь! А то меня бы Темный совсем убил!

– Темный?

– Ну да. Он из этих... «Дверей Истени».

Уже через каких-то полчаса мы болтали как закадычные приятели.

Осенью темнеет быстро. На улице сгущались сумерки, и в «Дабл-Вэе» (просторечно «Дублинка») уже горели лампы. От этого окна заполнял черничный компот тьмы с яблочными боками фонарей.

В воскресенье вечером кафешки забиты до отказа. Нам повезло: как раз освободилось козырное место у окна. Алюминиевый «купейный» стол, вагонные сиденья, обшитые мягкой кожей. И огромное витринное стекло по правую руку. Да-а, небесталанный дизайнер достался «Дабл-Вэю»... Отличная стилизация под поезд, едущий через мост, повисший над городом. Быть может – над страшным Лудом, куда попал Стрелок в поисках Тёмной Башни.

Вот если бы хозяин пореже путался под ногами у дизайнера... Его прикосновение чувствовалось повсюду. В аляповатом барельефе на стене, дурацких фотографиях полуоб-

наженной красотки на льду Веденского залива. Совсем не к месту, без такта и вкуса.

– Здорово... – вздохнул Димка. – Как у Стивена Кинга. Ну, про стрелка-дзайана, который за злым аснатаром гнался.

– Это «Темная башня»?

– Ага. Я все прочитал: и «Стрелка», и «Поводок на троих», и «Волки Кальи»... что еще? – Он задумался. – А! «Неблагие земли», «Аснатар и стекло», «Песнь Сюзанны», «Темная башня». Жаль, что так глупо все закончилось...

Да, жаль, что так закончилось. Последние книги я даже покупать не стал, остановился на «Волках Кальи». Говорят, Кинг «Башню» слил. Проверять, если честно, не хочется.

И пусть квест Стрелка останется для меня незаконченным. Вот только за Джейка страшно... Потому что есть и другие миры, кроме этого.

– Что заказывать будем? – потянулся я к меню.

Димка из вежливости заотнекивался, а потом сдался. Вообще, когда дурацкие «приличные манеры» его отпустили, он оказался славным парнем. Мы взяли фруктовый чай – Димке досталась огромная кружка «золотого демона», в которой плавали кусочки яблок, груш, апельсинов и лимонов. Себе же я взял испанские блинчики с зеленью и кофе по-римски.

Аппетитно пахло корицей и коньяком.

– Так вы, значит, про Истень уже знаете? – спросил Димка, вылавливая из чая лимоны и откладывая их в сторону.

– В общих чертах. Сам понимаешь, я его руками не трогал.

– Не его, а ее, – фыркнул мальчишка. – Истень не потрогаешь, в нее ходят.

– Вот и расскажи.

– Не могу, – вздохнул он. – Темный мне устроит... Заколдует или дэвам скормит. А знаете что?! Обещайте, что вы Темке ничего не сделаете! Мы же так, просто играли.

– Обещаю.

– Тогда ладно, – Димка повеселел. – Тогда слушайте. В общем, так. Наш класс теперь в лучших. А раньше был «дэ» – дебилы. Это называется, – он наморщил лоб, вспоминая слово, – «дифференцированный подход к обучению». Понимаете?

– Понимаю.

– А все Темь. Он нас вытащил. Он такое умеет!

...С Артемом-Темным Димка встретился, оказавшись в безвыходной ситуации. Его поймали пацаны с Тербата. Оказывается, я уже забыл, каково это – ходить в школу через чужой двор. Каждый день в состоянии войны. Постоянно ждешь окрика, удара, камня по ногам.

Димке военная пора выпадала дважды в день: утром и после уроков.

Мальчишки взрослым не жалуется. Разве только самые пропащие – но таких и за людей не считают. Поэтому, когда

от подъезда отлепилась тощенькая тень, Димка не стал бежать и звать на помощь. Он просто сцепил зубы.

Подошедший к Димке малек выглядел безобидно. Лет восемь, рот щербатый, волосы выцвели. Лицо сморщенное, как у маленького старичка.

– Шлышь, – малек важно сплюнул, – ты ш какого района?

Отвечать на такие вопросы бессмысленно. Можно, конечно, сказать «с краски» или «квадрата». Квадратских уважали. Но здесь Димку знали как облупленного.

– Я местный, – сказал он.

– Да? – обрадовался малек. И вновь сплюнул: – Вофку Кошого жнаешь?

– Не-а... – понурился Димка.

– А Робчика?

О Робчике Димка что-то слышал. Правда, дворовые авторитеты на каждой улице свои. Может, это совсем другой Робчик.

– Я Шамана знаю, – зачем-то проямлил он.

– Жато я не жнаю, – обрадовался щербатый, – Лох какой-нибудь... Шлышь, дай алеман?..

Проходивший мимо вихрастый мальчишка замедлил шаг. За спиной парня болтался деревянный меч. Димка о таких читал: по-японски они называются «бокенами». Это когда самураю настоящий меч еще не выдали и он только учится драться.

Эх, сейчас бы такой... И врезать гаденышу до кровавых

соплей!

– У меня нету, – безнадежно ответил Димка.

– А проверить?

Со скамейки уже поднимались долговязые «крысята» с серыми истертыми лицами. Сейчас начнется... «Он тебя обижал, да? Маленьких обижаешь? А в лоб?»

– Слышь, малой, – мальчишка с бокеном вдруг подошел к ним, – что ты к нему привязался?

– Че? – Щербатый непонимающе заморгал. А потом выдал – такое, что мальчишка с мечом поморщился.

– Матом не ругайся, маленький, – сказал с презрением. – И вообще, линияй отсюда. Понял? – Ременная петля соскользнула с плеча. – Чтоб я тебя больше не видел.

– Че?!

– Эй, Валек, – самый высокий из «крысят», жирдяй лет семнадцати, завертел головой, словно принюхиваясь, – че они? Обижают?

– Обижают, – с готовностью отозвался вихрастый. – Но не его. Тебя!

Димка никогда не видел, чтобы так быстро двигались. Разве что в фильмах про Джеки Чана. Меч ударил жирдяя в переносицу. Что-то хрустнуло, и на асфальт полилась темная жирная струя.

– Съел?! На еще!

Толстяк заорал благим матом, а вихрастый сгреб за шиворот Валька-малька.

– Падлишь, значит? Ну тогда...

Малек не стал дожидаться расправы – выкрутился, убежал. Только воротник в руке остался. Остальных след простыл уже давно. Крысята воюют стаями, поодиночке не умеют.

– Их сразу бить надо, – пояснил мечник, исподлобья глядя на Димку. – Иначе хана. А теперь пойдём!

– Куда?

– Увидишь. Или ты хочешь, чтобы всегда так? Дрожать, прятаться по углам?

Димка не хотел. Словно загипнотизированный, он двинулся за своим спасителем.

– Я – Темный, – сообщил тот, не оборачиваясь. – Теперь так меня и станешь называть.

Димка шумно отхлебнул из кружки. Чай уже остыл, да и оставалось его на доньшке. Вазочка из-под мороженого давно стояла пустая. Глаза мальчишки голодно поблескивали.

– Еще будешь? – спросил я.

– Не-а.

– Ну и ладно. А я закажу. Это все весной было?

– В мае. Только я в его клан не сразу попал. Сперва испытание... Ну, надо было на кладбище ночь просидеть.

– На кладбище?

– Ага. Только это не наше кладбище. На том бы я запросто... Темный нас в Истень увел. Меня и еще пацана. Только я не знал, что в Истень, думал, просто кладбище. На Краске.

– И что там было?

– Там? Совсем пи... ой, извините! В общем, плохо было. Мы в часовне, а снаружи – дэвы. Они как бы молятся, а потом оставляют разное... ну, как бы в жертву. Вот шпоры типа этой. – Он кивнул на Абсолютную Шпаргалку.

– А еще что, например?

– Женька Самохин шарик нашел. С полосками. После этого все девчонки за ним бегать начали.

– Ясно. Так, значит, этот Темный у вас атаманом?

– Ну... – Мальчишка огляделся. – Вы только не говорите никому, ладно? Он – из «Дверей Истени»! Это организация такая тайная. На самом деле Артем хочет детскую республику сделать. Как у Сурепина в книжках.

– А учителя, значит, вам мешают...

– Какие сволочи, те мешают, – злобно отозвался мальчишка. – Хороших вроде Настасьи Андреевны мы не трогаем. А вам-то какое дело?! Мы ничего не делаем!

– Ладно, ладно, не кипятись, – ответил я со снисходительной улыбочкой. – Мне бы с Темным переговорить. Устроишь встречу?

Мальчишка заерзал. Мои насмешки разрушающе действовали на неокрепшую детскую душу.

– Вообще-то...

– Если трудно, не надо. Я Свету попрошу.

Это оказалось последней каплей. Такого мальчишечье самолюбие не перенесло:

– Мне нетрудно! Я!.. В общем, так. Завтра у нас типа тренировки. Ну, рукопашный, фехтование, кошек ловить, так, всякое разное... Это для тех, кто отправляется в Истень. Темный нас муштрует – будь здоров! После школы сбор. В два часа на улице Медных Монеток. Там, где башня, знаете?

– Знаю. Ну что ж... Спасибо тебе!

...После того как мы распрощались, я долго стоял на темной улице, глядя в ночное небо. Чувство, что я на пути к разгадке, наполняло меня эйфорией. Наверняка Темный – сильный маг. Юное дарование, по каким-то причинам не распознанное ковенном. Обычно у дзайанов в этом возрасте больше одного поводка не бывает.

Но мальчишки на то и мальчишки, чтобы творить чудеса.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

*(Четверг, 14.15,
рассказывает Игорь Колеснический)*

Улица Медных Монеток начиналась сразу от реки. Если пройти чуть дальше, к деревянному мосту, попадешь в мальчишечий рай. Заросший чистотелом и огромными лопухами косогор; над ним – полуразваленная башня Безумного Друида.

Под этой башней и подвалы есть, я слышал, и тайники. Мальчишки здесь постоянно пасутся. Еще рассказывают, что глубоко под землей спрятан саркофаг мутного стекла. А внутри – женщина. Лет триста назад она была молодой девчонкой, но время идет, и она медленно, но верно стареет.

Врут, наверное... Башня – место хорошее, здесь легко и спокойно. Сам я мальчишкой играл здесь в рыцарей. Но легенд вокруг башни сплетается много, так и выются мотыльками вокруг лампы.

В прошлом веке, говорят, ее хотели снести. Ничего не вышло. Вокруг растут орхидейные клены – отголосок реликтового перволеся. Корни кленов парят в воздухе, сплетаясь в непроходимую стену. На них бородами повисает мох, летом цветет иван-да-марья, скальная роза, пушатся одуванчики. Перебраться через эту стену могут лишь мальчишки, отча-

янные верхолазы, да манары с их везением. Бульдозеру уж точно не проломиться.

Рассказывают, что, когда мэр Ведена послал против стены огненных магов, та жестоко отомстила городу. Корни вылезли на тротуар, ломая асфальт, проминая стены, выдирая из земли электрические кабели и водопроводные трубы.

С тех пор башню никто не трогал.

Из дома я вышел с большим запасом, но все равно опоздал. Старые тропинки, где я бегал мальчишкой, не пускали меня – я стал для них слишком большим. Пришлось искать свой путь – поверху.

Солнце алым пиратским шелком отблескивало сквозь разноцветную листву кленов. Один раз я сорвался, но мне, как всегда, повезло. Я приземлился в гигантскую моховую копну, словно специально приготовленную на этот случай. Перебравшись через ручей по звонкому подвесному мосту, я выбрался к башне.

Тренировки уже закончились, и ребятня поразбежалась – все, кроме одного. Тот прятался за крыльцом и, судя по Димкиному описанию, был тем, кто мне нужен.

Неторопливо и уверенно – так, чтобы не вызывать подозрений, – я двинулся к башне. Меня терзали сомнения: передал ли Димка мою просьбу? Если да, то все зависит от того, захочет ли Темный со мной говорить. Без этого можно сразу возвращаться. В зарослях малины и алычи я могу ис-

коть мальчишку годами.

Заросли лопухов зашевелились. Выглянула острая кошачья мордочка. Бесшумно ступая по камням дорожки, кот двинулся в обход стены. Поддрагивающий кончик хвоста выдавал его настороженность. Когда до спасительного подвального окошка осталось несколько шагов, из-за крыльца выскочил Темный. За спиной его болтался деревянный меч. Хороший такой, бывалый бокен, весь в оббитинах. Мальчишка присел и, отчаянно завизжав, бросился на кота.

Кот заметался. Прыгнул туда и обратно, сорвался в мою сторону. Я едва успел схватить зверя за загривок.

– Твой? – крикнул я мальчишке.

– Мой! Отпустите его!

– Держи.

Жалобно мявкнув, кот извернулся в воздухе и шлепнулся на четыре лапы. Сбежать он не успел. Мальчишка навалился сверху, прижимая всем телом. Сопение, возмущенные кошачьи вопли, шипение. После недолгой возни Темный поднялся, держа извивающегося зверя на вытянутых руках.

– Раз! Два! Три! Четыре! – звонким голосом считал он. Кот не сопротивлялся, видимо не до конца сообразив, что происходит. – Пять! Шесть! – Яростно взревев, кот ударил всеми четырьмя лапами. – Семь! Восемь! А-а!! – На исцарапанном запястье выступили капельки крови. – Девять!! Десять!!! Пшел!

С утробным воем кот понесся к подвальному окну.

– Силен, парень. – Я с уважением посмотрел на собеседника.

– Это сегодня первый, – сообщил тот.

Глядел он исподлобья, словно волчонок сквозь кусты. Если бы не отросшие вихры и исцарапанные руки, его можно было бы принять за юного пианиста. Бледная до прозрачности кожа, оттопыренные уши, девчоночья шея. А еще – рваные джинсы и черная рубашка.

– Сильно поранился?

«Пианист» покосился на изодранные запястья.

– А, ерунда, заживет. У вас вон тоже... Пойдемте, промюю.

Мы прошли под полуразрушенной аркой входа и оказались в сводчатом зале. Красивое место... Под ногами листовая мозаика, стены оплетены кровавым вьюнком. Капители колонн играют ледяными сколами.

Дальняя стена зала имитировала скалу. Из-под потолка, перепрыгивая с плиты на плиту, лился пенный поток воды, обрушиваясь в выложенный замшелыми валунами бассейн.

Валуны оказались не просто частью пейзажа. Под одним из них нашлась аптечка, Артем порылся в ней и достал флакон с перекисью водорода.

– Давайте руку.

Я протянул расцарапанную ладонь.

– А кошки тебе зачем? – поинтересовался я. – Поспорил с кем-то?

– Не-а. Кошки для дела, – Темный мотнул подбородком в сторону деревянного меча. – Я как этот... Сирио Форел.

Я задумался. Что-то знакомое...

– Ну, «Игра тронов», читали? Сирио – это учитель фехтования, который девчонку натаскивал.

Я наморщил лоб, припоминая эту книжку:

– Арию?

– Ага. Я – тоже. Котов руками... чтобы ловкость была.

– В Истени пригодится, – подсказал я.

Мальчишка пристально на меня посмотрел. От этого взгляда стало не по себе.

– Зачем вы меня отыскиали? – спросил Артем. – Хотите стать «Дверью Истени»?

В ушах у меня зазвучала торжественная музыка.

Потому что это была явная победа!

До сих пор я считал, что передо мной заигравшиеся мальчишки, получившие доступ к опасной магии. Тайные организации и у нас были. «Черная рука», например, – сборище пиратов. А Женька Мельников как-то придумал построить гиперболоид. Мы недели две шептались на уроках, обмениваясь записками и чертежами.

Гиперболоид нам понадобился не просто так: мы собирались оборонять волшебную страну Илири от вторжения викингов. Илири придумал я, остальные в нее играли с моего милостивого соизволения.

Я был уверен, что Истенъ – такая же волшебная страна,

плод мальчишечьего воображения. Ну, в крайнем случае – запредельное магическое пространство, родственное тому, что использовали средневековые убийцы. И вот я получил еще одно доказательство своей версии!

– А можно? Я ведь взрослый.

– Можно, – снисходительно ответил тот.

– Тогда я хочу вступить в «Двери Истени».

Артем кивнул, словно не ожидал иного. Лицо его сделалось серьезным:

– Первое испытание вы выполнили. Сюда, – он обвел рукой стены зала, – обычный человек попасть не может. Значит, вы – манар.

Манар?

Когда это, интересно, я успел стать манаром?

И тут я понял когда. Последняя встреча с дзайаной. Легкость, обрушившаяся на меня, веселая беззаботица этих дней... Да, я не мог построить ни одной толковой версии, но зато каким удачливым стал! И Димку сразу нашел, и сюда добрался.

Получается, в больнице Света набросила на меня поводок. Ну бедствие стихийное, подожди! Будет у нас серьезный разговор.

– Ты ведь тоже манар, – сказал я. – Лицо слишком беззаботное. Постой... но ведь манары не могут играть!

– А я и не играю. Я так живу. – Мальчишка усмехнулся: – Ну что? Готовы ко второму испытанию?

– Да.

Из Артемовой руки облаком осыпалась плесень. Отчаянно визжа, она слепилась в голокожую безглазую тварь. Недавняя опомниться, мальчик швырнул чупакабраса мне в лицо.

Я качнулся в сторону, уходя от когтей. Следом прилетел деревянный клинок. Отбив его ладонью, я прыгнул мальчишке за спину. Присел, сбивая его с ног, вырвал из пальцев рукоять бокена.

Колонны зала прыгнули в стороны, рассыпаясь белыми мраморными стенами. Красный выюнок налился сочной зеленью, и в нем вспыхнули золотые солнышки цветов. Ветерок наполнился летней беспечной теплыню; повеяло ароматами жасмина, разогретого под солнцем булыжника и близкой прохладой реки или озера. Где-то слышались возгласы и шлепки по мячу – ребятня играла в футбол.

Я остановился ошеломленный.

Над домами плыло праздничное кружево старинного акведука, тянущегося через весь город. Уступами спускались вниз террасы, дома белого камня сбегали вниз по склону холма, соревнуясь с улицами. Тут и там среди деревьев высились живописные развалины.

Я запрокинул голову, вглядываясь в небо. Там, в яркой васильковой сини, над куполами и шпилями повис гигантский месяц – рогами вниз.

Дух захватило. Сердце забилося радостно и сильно, как в детстве; тело вдруг стало прыгучим и звенящим.

Это не Веден! Это совершенно другой город!

Бокен все еще смотрел в мальчишечье горло. Я опустил ставший ненужным деревянный клинок. Отчего-то я точно знал, что Артем мне больше не враг.

Мальчишка заулыбался во весь рот:

– Нравится?!

– Здорово! Это – город Истень?

Он помотал головой:

– Не-а. Это Двид. А Истень – она у каждого своя!

С нежной ностальгической грустью я посмотрел на Артема. Вот у кого монополия на чудеса, куда там Людям и Литницким!..

Город Двид притих, выжидая, что я стану делать. И я не стал его разочаровывать. Отдав меч Артему, я разулся, а кроссовки аккуратно поставил к стене дома.

Сердце подсказывало, что так будет правильно. Насмешница судьба выдала мне счастливый билет. На несколько часов... а может, минут или дней, кто знает?.. я получил пропуск в мир детства. И уж точно постараюсь воспользоваться им по полной.

Булыжная мостовая выгибалась под босыми пятками спиной огромного слона. Я чувствовал, что город этот – живой и могущественный и что он рад мне. А еще я знал, что это навсегда. Вернувшись (а рано или поздно мне придется вернуться), я так же стану чувствовать другие города.

Веден. Аскав. Ночмарию.

Артем смотрел на меня с видом умудренного жизнью дяди, впервые угостившего малолетнего племянника мороженым.

– Слушайте, – сообщил он с удовлетворением, – а вы ему понравились! Двид говорит... – он прислушался, – ему жаль, что вы не приходили раньше... – В мальчишечьем лице мелькнула искра тревоги: – Ой, кажется, я что-то не то сказал... Извините!

– Да нет, все так, Тем. Мне и самому жаль, что я припозднился...

– Ничего. – Он доверчиво взял меня за руку. – У вас будет своя Истень, может, даже лучше. Когда Дядя Горы меня спросит, я за вас поручусь. А вы, – он помедлил, собираясь с духом, – меня потом научите... ну, так... за спину нырять, драться?

– Научу.

– Спасибо! – В его глазах запрыгали радостные искорки. – А то у нас тут по-разному бывает... Ой, извините, я ваше имя не спросил!

– Игорь.

– Значит, здесь – Игир. Ну, пойдете! Нам в штаб-квартиру «Дверей Истени». Это сперва к королевскому дворцу надо. А там вынырнем в наш мир.

И мы отправились ко дворцу. Пока шли, болтали о всякой всячине, в основном о книжках. Темка оказался очень начитанным парнем. Он даже сюда умудрился притащить одну.

– Вот, – протянул мне. – Это сборник, мое любимое.

– Так-так-так... – Я перелистал страницы с детства знакомой книжки. – Сурепина читаешь? Кто бы сомневался... «Залп с линкора», «Бастион на Штурвальной горе», «Фиолетовый натюрморт в пятнышках» «Внуки белого колибри»... – Мы переглянулись. – А Чесноченко тебе как?

– Да ну его... У него «Девочка и свет» ничего так. И «Крылоносцы сорока островов» – обалденная книга! – Глаза Артема загорелись и тут же погасли: – А после «Песен на траве» он в попсу ударился. Про детей ни фига не пишет. И в «Патрулях» Галку убили.

Я помню. Девочка-оборотень из «Первого патруля» – мой любимый персонаж. И Дашкин, если уж на то пошло, – та ужасно переживала, когда девочка погибла.

– А знаете, – Артем указал подбородком на город, – Истень, она к каждому своя приходит. Магистр «Дверей» говорит, что Истень – это мир, где человеку лучше всего.

– Так, значит, в Двиде тебе хорошо?

– Ну-у... – Мальчик закусил губу: признаваться, не признаваться? Наконец решился: – Понимаете, я когда Сурепина читал, мне тоже так захотелось. Чтоб своя страна и чтоб приключения. Только я писать, как он, не умею... И тогда я придумал свою книжку. Есть будто бы такой остров Двид, а на нем тирания. В озере сидит робот... его когда-то ученый придумал, чтобы обороняться от врагов. Только остров невидимый был, и враги его не нашли. А король робота се-

бе присвоил и ученому яд подсыпал. Думал, что так всем будет лучше, понимаете?.. А когда жители бунтовали, робот ломал город. Это называлось «равновесие порядка»-И детям нельзя было вприпрыжку бегать, потому что роботу не нравилось. Их за это пороли!

Темкину болтовню я слушал вполуха. Роботы, ученые, короли – как раз для двенадцати лет. Интересно, подумалось мне, а взялся бы Сурепин писать такую книгу? Может, не у нас, может, где-нибудь в другом мире... Ведь получилось бы интересно.

– Потом что было? – лениво поинтересовался я.

– Потом появился мальчишка... вроде меня. Женька, первый рыцарь Оленя. Они, в смысле местные, понимаете?.. крали детей в нашем мире. Чтобы те будто бы сражались с роботом. Только ребенок ничего против робота не сделает! Тот огромный и железный. А потом их казнили. В назидание типа. Вот, мол, что бывает, когда против порядка и всякое такое. Только Женька сбежал, ему помог синий фламинго – это птица такая невидимая. А на Бастионе жили очень хорошие ребята. Они помогли – и робота победить, и воспитателей прогнать. А потом поклялись, что станут гвардией Оленя. Будут следить, чтобы никто не обижал детей. И чтоб все по справедливости!

– И эта мечта, значит, стала твоей Истенью?

Он кивнул.

– А как это случилось?

– Этого я вам не скажу. – Артем серьезно посмотрел на меня, и во взгляде его отразилась совершенно взрослая тоска: – Вам пока рано знать.

Мы остановились на перекрестке, пропуская малышню во главе с девчонкой лет семнадцати. Малыши галдели, пиццали, гонялись друг за другом – в общем, всю радовались жизни. Как девчонка с ними управлялась, не представляю! Мы встретились с ней глазами, и она улыбнулась мне – кокетливо и немного смущенно.

– Здорово! Мне здесь нравится, – честно сказал я Артему.

– И мне тоже. Очень. Только я здесь долго находиться не могу... Истень не позволяет. Потом выкидывает обратно в наш мир.

– Ясно... – И спросил без всякого перехода: – Что у тебя с Марченко случилось?

Артем надулся:

– Так надо!

– Человека убить, значит, надо...

– Да не убивали мы его! – возмущенно выкрикнул мальчишка. – Что вы все придумываете? Так, невезунчика подкинули. И дэвом напугали. Потому что сволочь! При директоре улыбается, а в классе: «Пороть, пороть!», «Колония по вас плачет!» И подянки эти вечные...

– Вас что, порют? – удивился я.

– Лучше бы пороли... Знаете, что он учудил? Он у Юльки в портфеле тетрадь нашел. Дневник типа. Это личное, та-

кое, что никому показывать нельзя! А он перед всеми читать начал. У Юльки истерика была. Ну и что, он не урод после этого?!

– Урод, – искренне согласился я. На душе стало легко. Шестое чувство подсказывало, что в страшной гибели Марченко Артем невиновен. Меня подмывало спросить о дэвах и чупакабрах, откуда они берутся, но я решил, что пока не время. Захочет, сам расскажет.

Другое заинтересовало меня... С первых же минут путешествия я отметил одну несообразность. На улицах почти не встречалось взрослых. Иногда они мелькали на открытых верандах лавочек или кафешек, но, завидев Артема, торопливо прятались.

Я уже хотел спросить мальчишку, с чем это связано, как тот резко остановился.

– Вот дэв! Вляпались!

И, схватив меня за рукав, потянул в куст огромных – с тарелку – золотистых роз.

– Скорее!

Я замешкался, и это испортило дело.

– Стоять! – прогремел повелительный окрик. – Именем Рыцаря!

В нескольких шагах от нас стояли девчонки. Тонкие, голенастые, загорелые. Старшей – лет шестнадцать, остальным – где-то по четырнадцать. Старшая носила легкую юбку, топик

и золотистый шелковый шарф. Младшие одевались попроще: шорты да футболка, у одной бело-зеленые цвета, другая в желтом и оранжевом.

Девочки направили на нас взведенные арбалеты. Все, кроме старшей. Ее арбалет болтался за плечами, а в руке она сжимала нечто вроде короткого удилища. Как-то я сразу почувствовал, что удилище это поопаснее стрел. Арбалеты выглядели игрушечными; в тусклом олове их рогов звенела жестокая сила, на кончиках стрел горели искры, но я знал, что при случае смогу увернуться от стрелы. Все-таки манаром быть неплохо.

А вот удилище – дело иное.

– Точка, Лера, – приказала старшая, – держите их на прицеле! Я разберусь.

И решительно зашагала к нам. Остренький носик, светлая кожа в веснушках, волосы с рыжинкой – она мне сразу понравилась. Была в ней располагающая прямота и целеустремленность. Когда она подошла поближе, я заметил, что у нее, как и у младших, на одежде вышит знак – бегущий олень.

– Меч давай, чучелко, – миролюбиво сказала девчонка Артему. – Почему взросляк без знака болтается? Кто такой?

– А ты кто такая? – дерзко поинтересовался мальчишка.

– Гвардеец Оленя Соти. Знак видишь? – Девчонка выпятила грудь с вышитым на топики гербом. Артем отвел глаза. – А теперь отдавай меч и иди с нами.

– Не отдам! Фигушки!

– Ты что, законов не знаешь? – искренне удивилась та. – Взросляки ходят со значками профессий! Вне патруля оружие носить запрещено! Где твоя карточка?

Мальчишка сглотнул. В лице его отразилась растерянность:

– Какая к-карточка?

Что-то звякнуло. Одна из маленьких стражниц ойкнула и едва не выронила арбалет. Прихлопнув на коленке комара, девчонка виновато потупила глазки.

Соти нахмурилась.

– Пло-охо, – протянула она. – Придется вас арестовать.

– А может, я быстренько домой сбегая? – заюлил Темка. – Ну-у... за карточкой. А он, – кивнул на меня, – будет как бы заложником. Я вернусь! Честно!

– Щас! – Лицо ее выражало беспредельное презрение. – Это когда ваши патрули будут, мальчишкам расскажешь. Теперь мы командуем. Руки давай!

Соти выдернула из-за пояса серебристую змейку-веревочку. Та извивалась, словно живая... да она и была живой!

Артем попятился, поднимая бокен над головой:

– Вы что, очумели? Я же свой!

Вместо ответа девчонка пожалала плечиками и вдруг сделала мгновенный выпад хлыстом.

Артема сбило с ног, и он отчаянно завопил. Соти бросила змейку, и та радостно засновала по мальчишечьим запя-

стям, оплетая чешуйчатыми кольцами.

Порядочки тут, оказывается... А я-то обрадовался: какой город приветливый и гостеприимный!

Моего замечательного провожатого пора спасать.

Когда младшие девчонки отвлеклись на Артема, я хлопнул в ладоши. Испуганно дзинькнули тетивы. Стрелы ушли в молоко: одна перебила кружевную цепь, на которой висел уличный фонарь, другая запрыгала по мостовой, высекая холодные снежные искры.

Не давая опомниться, я прыгнул к Соти. Прогладил девчоночий локоть ладонью, продлевая выпад, сам скользнул ей за спину. Еще миг – и хлыст оказался бы у меня в руках. Но девчонка извернулась и достала меня самым кончиком.

Руку словно ожгло кипятком. Так бывает, если локтем заденешь стену – нервом. Онемевшие пальцы выпустили тонкое девчоночье запястье. Соти крутнулась ярким ситцевым вихорьком и хлестнула меня по другой руке.

В голове сделалось щекотно, и глаза сами собой закрылись. Блаженная дремота навалилась на меня, приглашая вздремнуть. Когда же она развеялась, мои руки стягивала такая же змейка, что и у Темки.

– Ну даешь. – В глазах Соти змеились восхищенные огоньки. – Лучше любого гвардейца дерешься! Постой... Ты мастер карате, наверное?

Артем дернулся предупредить меня, но опоздал.

– Айкидо, – сообщил я равнодушно.

Девчонки запереглядывались.

– Значит, точно, – протянула Соти с уважением. – Ты – шпион из-за моря. Так я и думала. А я все равно быстрее! – И она показала мне язык.

– Ну да, – обиженно засопел Артем. – С хлыстом всякий может!

– Ты вообще помалкивай. С тобой отдельно разбираться будем, пособник! – И она повернулась к маленьким стражницам – кулачки в бока, нос к небу: – Тэ-эк! Куда это мы, благородные госпожи криворучки, стреляли?..

Девчонки потупили глаза.

– Мы растерялись, – буркнула та, что пониже. Кажется, ее звали Лерой.

– Это все слишком неожиданно вышло, – поддержала Точка. – Соти, ну мы же не виноваты!

– В Синюю долину – не пойдете. Это раз.

– Ну Соти-и!..

Взгляд старшей наполнился презрением:

– Помогите ему подняться. Видите, колено разбил! Это два.

Стражницы со всех ног бросились к Артему. Тот сидел на камнях – злой, насупленный. На колене горела свежая ссадина. Капли крови собирались на ней выводком божьих коровок.

Точка ойкнула, достала из кармашка баночку и смазала царапину едко пахнущим настоем. Артем хмуρο поднялся на

ноги и успокаивающе мне кивнул: мол, все в порядке, разберемся.

– Куда их поведем? – радостно запрыгала Лера. – Они же нарушители!

– В Агатовую башню, к Витромиру. Пускай допрашивает.

– Ура! Ура!! А какао пить будем?

– Ну что за люди? – притворно вздохнула Соти. – И это стража?! Это чучелки какие-то. – Она взяла меня за плечо. – Пойдем, заморщик.

И мы зашагали по улицам города. Солнце било в глаза, и я счастливо жмурился, наслаждаясь недолгими мгновениями лета. Я чувствовал себя беглецом из дзен-буддистской притчи: повисшим над пропастью на тонкой ветке, слушающим рев тигров над головой. Интересно, земляника у них поспела? Вроде должна уже.

Словно отвечая моим мыслям, из переулка повеяло тонким ягодным ароматом. Я сбился с шага, и в спину предупреждающе ткнулось стремя арбалета. Мои стражницы не дремали.

– ...ты первая, – донеслось из-за моей спины. – И вообще, чего ты визжала?!

– Сама визжала, – отозвалась Точка. – С Дэнечкой своим повизжи!

– Моим?! – ахнула Лера. – Да он на тебя постоянно зырится! А вчера на тренировке – кто с ним все время перемигивался? Подруга, ага!.. Подруги так не поступают!

– А сама? А сама – к Искандеру клеишься!

Я спиной почувствовал, как подпрыгнула Лера:

– С Искандером! У меня! Ничего не было! Поняла?! Я только попросила прием показать! Перенос с батманом из квартиры!

– Да? Это нормально?! Он со мной уже второй месяц гуляет! Вот ты шлюха, Лерка. Вот не знала, что ты такая! Что ты ему про меня наболтала?! Таши говорит...

– Ты Таши слушаешь? – присвистнула Точка. – Мамочки, держите меня! Да она сама шлюха! Не знала?! Она же специально сплетничает, чтобы вас рассорить! Мне Вари рассказывала – это все из-за Дэнчика!

Господи! По сравнению с моими конвоирками, я небесно счастливый и беззаботный человек! Мне даже жалко стало бедных девчонок.

Соти в Санта-Барбару своих подопечных не вмешивалась. Шагала себе и шагала. Я ее даже зауважал: скользит словно тень, походка – танец, и спину держит – залюбуешься!

Возле многоярусной мраморной галереи она замедлила шаг:

– Девки, хва лаяться. Давайте в «Воздушный шар» двинем, ага? Я со вчерашнего голодная, как хомяк после зимовки.

– А эти?.. – Лера кивнула в нашу сторону.

– Ничего с ними не станется. Посидят на балкончике, на казнь полюбуются. Мы же за ними следить будем.

– Так ты... из-за казни? – Глаза Точки испуганно округлились.

– Ага. – Соти упрямо поджала губы. – Эти сволочи с Бастиона Вирра украли. Я с ними раскланиваться должна? А пленников успеем довести! Агатова я никуда не убежит.

И стражницы свернули к галерее.

Над арками желтоватого, похожего на карамельный мусс мрамора цветными буквами искрилась вывеска: «Воздушный шар». Сама кафешка была стилизована под гондолу воздушного шара. Наверх, например, пришлось лезть по веревочной лестнице. Я с друдем пополам влез сам, а вот Артема девчонкам пришлось тащить на руках... Заботливые дамы!

Оказавшись наверху, я с восхищением огляделся. Вот какой кафешки мне всю жизнь не хватало в Ведене. Над площадкой бился на привязи огромный баллон – красный с серебром. Тень его то накрывала террасу, то прыгала вниз, в город, заставляя сердце замирать от страха.

И повсюду – канаты, мешки с балластом, бочки... На стенах фрески: воздушный шар мчит над озером, а из воды вырастает чудовищная стальная машина, напоминающая футуристического осьминога. И мальчишка – тоненький, летящий, со шпагой в руке – свесился через край гондолы, тянется в отчаянном порыве, стремясь поразить чудовище в бронированную макушку.

Красивая картина... И талантливая: при взгляде на нее сердце сжимается от боли и тревоги за смельчака. Чем-то он похож на Артема...

Впрочем, долго рассматривать фрески не пришлось. Навстречу нам семенил хозяин.

– Здравствуйте, гости дорогие, здравствуйте! – зачастил он. – Рад видеть вас в «Шаре»!

Увидев девочек, хозяин побледнел:

– Благородные госпожи... счастлив приветствовать слуг Оленя...

Одевался трактирщик не по сезону тепло. Коричневый балахон до пят – под мышками пятна пота, бахрама метет полы, – а на голове оранжевая ермолка с насаженным на нее черным треугольником. На верхушке треугольника виднелись едва заметные следы шитья, словно кто-то когда-то спарывал узор, вышитый золотыми нитками.

– Даримир, – не терпящим возражения тоном приказала Соти, – приготовь столик на балконе! Чтобы казнь видеть.

– Всей душой, госпожи!.. Будет сделано, благородные гвардейцы Оленя!..

Лера игриво ткнула Даримира в пузо стремянем арбалета.

– А что это у тебя за пушинка на рукаве? – с ехидцей поинтересовалась она.

Толстяк перепугался.

– Где?! – заморгал он. – Виноват! Сейчас же исправлюсь!

И принялся лихорадочно отряхиваться. Шутку эту я не

понял: одежда хозяина выглядела хоть и старенькой, но опрятной: ни пуха, ни пыли – словно только с вешалки сняли.

– Да ладно, – хихикнула Лера, – нет никакой пушинки. Это я пошутила так! Но ты смотри, смотри! – И, вскинув арбалет на плечо, убежала на залитую солнцем веранду.

Там уже вовсю распорядилась Соти. Под ее руководством Даримир притащил столик и установил на возвышении. Два других столика, стоявшие рядом, пришлось отодвинуть, а сидевших за ними людей выгнать. Те мелко кланялись и старались сделаться маленькими и незаметными, как дети. Лица их стремительно теряли краски.

Такие лица, подумалось мне, бывают у людей, которые не знают, кто следующий получит стрелу в живот. Девчонки, похоже, развлекаются со вкусом.

Остальные посетители тоже потянулись к выходу. Остались сидеть лишь двое перемазанных пятилетних сорванцов у дальнего конца площадки – их взрослые страхи не касались.

Стражницы беззаботно устроились за столом, а нам хозяин постелил одеяло. Мы уселись на краю веранды, свесив ноги в звенящую пустоту. Артем исподлобья наблюдал за девчонками.

– Ишь, пирожные трескают! Гвардия, блин... – Он сморщился, словно от зубной боли. – Вот так оставишь их, и начнется...

Договорить он не успел. Прибежала Точка и, очаровательно смущаясь, поставила на одеяло блюдце с несколькими кремовыми плетенками и чем-то вроде «наполеона» (только с чернично-синим кремом). Сбегав еще раз, она принесла две дымящиеся кружки с темно-вишневым напитком.

– Это вам. Только спрячьте, чтобы Соти не видела! – и, сама испугавшись собственной смелости, дунула обратно к столику.

Какой чудо-ребенок! Будь я лет на пятнадцать младше, наверняка бы влюбился без памяти. Мы по-братски поделили пирожные, а кружки с какао (несмотря на цвет, это оказалось именно оно) поставили между коленей.

– Ну вот, – сообщил я бодро. – Жизнь налаживается.

Артем одарил меня скорбным взглядом.

– Ну дуры же!.. – трагически сообщил он. – И как таких в гвардию берут?!

Я пожал плечами:

– Ну это же твои мечты.

– Ты хоть не издевайся... – буркнул он, заливаясь краской.

Какао оказалось бесподобным. Украдкой жуя плетенку, я обернулся, чтобы посмотреть на стражниц. Те с аппетитом ели... какое «ели»! – трескали и поглощали пирожные. Точка встретилась со мной взглядом и скорчила испуганную заговорщицкую гримасу.

– Ты посмотри на это с другой стороны, – предложил я, –

они же симпатичные. И ты им точно понравился. Мне бы они вряд ли даже черствую корку принесли.

– Да. Только я знаю, что сейчас произойдет...

И уныло посмотрел вниз. Там, на примыкавшей к городской стене площади, собиралась толпа. Верхушки сосен качались над городской стеной – любопытные деревья подсматривали за беспокойными соседями, недоумевая: чего те так суетятся?

В центре площади алел эшафот. Доски обтягивал выцветший ситец; на выкрашенной киноварью плахе теплилась искорка свечи. От эшафота нас отделяло порядочное расстояние, однако местный воздух увеличивал изображение. Я видел палача в блестящем трико и сбившемся желтом капюшоне так же ясно, как если бы сам находился рядом.

Легкая боль кольнула руку. Змейка-удавка, стягивавшая запястья, зашевелилась, тычась слепой мордой в кружку. Наверное, я в прошлой жизни был монахом-отшельником: кормил оленей с ладони, косил зайцам сено, валил слонам баобобы... Мое сердце не выдержало этой трогательной картины. Я окунул змейку в какао, и та принялась с жадностью лакать, раздуваясь мохнатым шнуром. Надо же!

Пока я любовался метаморфозами удавки, Артем жадно смотрел на площадь. На эшафот как раз выводили преступников: парня лет двадцати двух, восемнадцатилетнюю девочку – черноволосую, с измученным лицом, и троих подростков помладше. К ступеням, что-то крича, рванулась ста-

руха – платок сбит, на черном рукаве мелькает радужный кружок. Один из подростков отвечал ей – отчаянно, резко, но слова до нас не долетали, мы видели только лица, как в немом кино.

Стражники – коренастые мужчины с замотанным плюшем лицами – оттащили старуху. Та все не унималась, пытаюсь докричаться до сына.

Артем побелел:

– Вот сволочи! Это же Руг! Руг и его ребята!

– Что еще за Руг? – меланхолично поинтересовался я.

– Руг... он учил ребят фехтованию. А когда ему стукнуло двадцать два, пришел срок – в рабские кварталы... Ну, знаешь... – мальчишка отчаянно заморгал, – у нас так заведено...

– Да понял я, понял. – Я пошевелил змейку, и та сыто икнула. – После двадцати двух – в рабские кварталы. Все в порядке. Не волнуйся так.

Артем изумился:

– То есть?! Вы что, ругаться не будете?!

– А чего ругаться? У нас, взрослых, и без тебя примерно так устроено. Человек взрослеет и с какого-то перепугу решает, что он в рабстве. Ходит на работу – как на каторгу, развлекается – словно срок отбывает... Детей заводит по приговору – чтобы было кому стакан воды подать. Ничего нового.

Кажется, Артем не понял. Но поспешил согласиться:

– Ну да... А Руг... он не хотел так и бежал на Бастион!.. А его ученики – за учителем. Потому что нельзя учителя бросать! Слушайте, Игорь, надо что-то сделать.

Я пошевелил руками. Тело змейки разбухло, превратившись в мягкую дряблую многоножку. Узел развязался сам собой. Одно легкое движение – и безжизненное тельце кувыркнулось вниз.

– Легко! Давай руки.

Артем недоверчивым жестом протянул ладони. Скоро и его змейка упала на одеяло. Осторожно, стараясь не делать резких движений, я втянул ноги на веранду.

– Я могу превратиться, – отчаянно бормотал Артем. – У меня два лица – одно мое, другое – первого рыцаря Женьки. Превращусь, прикажу им и...

– А тебя узнают?

– У, блин!.. – застонал он. – Точно! Это ж лет десять назад было... Здесь время идет по-другому.

Тем временем Руг деревянным шагом прошел на эшафот. Что-то крикнул палачу, и лицо его сделалось злым-презлым. Черноволосая с плачем бросилась парню на шею. Стражники попытались оттащить черноволосую, но чиновник в темно-лиловом камзоле сделал знак не вмешиваться.

Жаль парня... Но красиво, конечно, получилось: шпаги наголо, последователи верные, друзья. После такого и умереть не страшно. Так что он сам выбрал свою судьбу.

Артем же так не считал. Он явно собирал силы на очеред-

ную головокружительную глупость:

– Ладно! Будет вам день защиты детей, гады! Получайте!

Гигантская тень махнула по одеялу. В первый миг я решил, что это воздушный шар. Но нет: воздух в этой тени наполнялся звенящим холодом.

Я задрал голову.

Над нами кружила огромная птица. Одна, другая... вон еще несколько потянулись к эшафоту. Их перья отливали блеклой бирюзой – словно у моровой птицы Сушуан.

По ушам хлестнул звенящий голос Соти:

– Арбалеты к бою! Нападение!

Действовали девчонки удивительно слаженно: опрокинули стол и из-за него открыли стрельбу по захватчикам. Одна из птиц сорвалась с неба и, теряя перья, рухнула в розовые кусты.

Рядом с птицами вспухли крохотные облачка; веранду окатило градом. Отчаянно закричала Лера; доски пола взлохматили щепками.

Птицы пошли на второй круг. На их спинах чернели крохотные кляксы всадников; металлическими искорками поблескивали стволы мушкетов.

Прежде чем они снова дали залп, я сбил Артема с ног и прижал к полу.

Томительно долго ничего не было слышно, кроме звонких щелчков. Пули разбивали дерево, одна сочно хрупнула блюдцем. Наконец все стихло, и я рискнул поднять голову.

Оказалось, что это лишь передышка. Нас заметили и приняли во внимание.

Ударом воздуха взъерошило мне волосы. Птицы садились на веранду, отчаянно хлопая крыльями. Я встретился взглядом с одной; в карих глазах застыли боль и терпение. Словно мать, опекающая жестокое и неумное дитя, фламинго прикрывало крыльями своих седоков. Я ощутил с ней родство душ: ведь, по сути, мы занимались одним и тем же.

Я схватил Артема за плечо:

– Поднимайся! Сейчас будет драка.

– Ага! Я щас!

Из-под птичьих крыльев кувыркнулся мальчишка с огромным мушкетом. Еще двое спешили следом; в их руках блестели шпаги.

– Стойте! – закричала Соти, бросаясь им навстречу. – Именем Рыцаря!

– Засунь своего рыцаря знаешь куда?! – звонко отозвался тот, что с мушкетом. – И весь ваш Совет тоже!

Девчонки за спиной Соти торопливо натягивали арбалеты. Я слышал, как стучат их зубы – стражницы отчаянно трусили.

– Почему ты не ушла с нами?! – крикнул мальчишка. – Соти, летим сейчас!

– Я не могу, Вирр! Вы... вы все предатели!

Отчаянно и по-девчоночьи неловко она замахнулась хлыстом. Помчалась вперед, в атаку – прямо на мушкет.

– И ты – ты тоже предатель!

Мальчишка зажмурился и нажал на спуск.

Девчоночье тело отбросило в груду обломков. Вирр этого не видел: облако кислого порохового дыма накрыло его с головой.

Мы с птицей запоздало ринулись в свалку. Она отчаянно орала и хлопала крыльями, не давая атакующим сблизиться. Арбалетная стрела ударила по крылу, ломая его. Мальчик со шпагой бросился на меня, но я удачно увернулся и выбил клинок. Мальчишка шлепнулся на зад и, закрывая уши руками, завизжал – по-девчоночьи тонко, безнадежно.

Второй оказался отчаяннее. Лет тринадцати, коренастый, прыгучий – он снова и снова бросался в атаку, словно щенок таксы на сенбернара.

Европейских школ фехтования я не знаю. Поэтому я просто поймал клинок на маки-атоши и закрутил. Моя шпага превратилась в сверкающий конус, заплетая чужое лезвие.

Яростный звон – и оружие вырвалось из мальчишечьей руки.

За шпагой мы бросились одновременно. Я подставил своему противнику ножку, а когда он запнулся, схватил за шиворот и отвесил хорошего пинка под зад.

– Ямэ! – заорал я «сэнсейским» голосом. – Прекратить драку!

Это подействовало. Бойцы отступили, ошеломленно глядя друг на друга, я же бросился к раненой гвардейке. Девчон-

ка вытянулась в теплом солнечном пятне так, словно ненадолго прикорнула; щепки под голым животом уже намокали темным.

На негнущихся ногах к нам брел Вирр. Мальчишку шатало; мушкет он выронил, и оружие тускло поблескивало металлом в отдалении.

– Что... с ней? – побелевшими губами спросил он.

– Тс-с! Не мешай!

Артем присел рядом с лежащей девчонкой, ладонями зажимая рану. Средневековый мушкет пробил бы в тощем девчоночьем теле дыру размером с тарелку, но оружие этого мира жило по своим рыцарским законам. Как я ни силился, я не мог даже разглядеть, куда попала пуля.

– Отойдите! – приказал Артем. – Не мешайте... Я пробую что-нибудь сделать!

Мы послушно отступили на два шага. Темка закрыл глаза и принялся сосредотачиваться. Вирр сел на доски, покаянно схватившись за голову.

– Это я... Я виноват во всем! – бормотал он, раскачиваясь.

– Предатель!! – с невыносимым презрением бросила ему Точка. – Вы все предатели! Весь ваш Бастион!

Хорошая вещь мелодрамы... особенно если постановщику всего лет двенадцать и вырос он на сурепкинских и чесноченокских книжках. Во мне же проснулся детективный зуд. Справедливо рассудив, что теперь разберутся и без меня, я

поманил пальцем своего недавнего противника и двинулся к лестнице, ведущей вниз. Парень покорно засеменил следом. Белобрысый, неловкий, похожий на щекастого цыпленка – было в нем что-то бесконечно трогательное.

Мы уселись на деревянную, пахнущую кленом ступеньку.

– Тебя как зовут? – спросил я.

– Птаха, – заморгал тот. – Вообще-то я Санька, только все Птахой зовут... Петь потому что люблю. А что с нами теперь будет? – Он поднял голову. – Нас казнят?

– Вряд ли. За этим я прослежу.

– Да что вы можете... – Мальчишечьи глаза потухли. – У вас даже знака нет. Вы и взросляк неправильный...

– Ну, у каждого свои недостатки. Ты лучше расскажи, что у вас происходит. Ты сбежал из города?

– Угу. Гвардейцы эти всюду командуют. Они детдомовские, злые – жуть. Чуть не так – сразу «прихвостень!», «слуга Ящера!». – Птаха шмыгнул носом. – В Совете мелкотня, дерутся постоянно, кричат. Придумали тоже – рабство!.. У нас так несколько семей собрались и ушли. И папа с мамой тоже. Потому что я не хочу так! Что они рабы, а я – свободный! И гвардейцев ненавижу, гадов!

Я осторожно обнял мальчишку. Тот не стал отодвигаться, вздохнул, прижался щекой. Под тонкой футболкой отчаянно колотилось сердце. А еще он дрожал – то ли от холода, то ли от возмущения. Я стянул свитер и накинул ему на плечи.

– А вы сами-то кто будете? – спросил Птаха.

Вопрос меня заинтересовал. Я минуту или две с увлечением над ним размышлял.

А действительно, кто я?

В этом мире, похоже, уже никто... Артем – бывалый ас-сасин, доверенная Дверь Истени. Он показал мне свой рай, угостил дозволенным вином, познакомил с гуриями и – скоро вышвырнет обратно в пустыню. Томиться, ждать, пока ас-Саббах возьмет меня под свое крыло.

Раньше люди мыслили одинаково... Или пропаганда так удачно работала – рай всем виделся одним и тем же. Интересно, на что будет похожа моя Истень?

– Я – человек из-за моря.

– А-а. Тогда ладно. Тогда вы поможете... А скажите, – он поднял голову, – вы не встречали там мальчика? Ну, понимаете, у нас пророчество... Что придет мальчик-рыцарь и нас спасет. От гвардии, всякого такого...

– Не бойся. Он уже в пути.

– Так я и думал...

И мальчишка тут же уснул, успокоенный. Слишком многое выпало ему в последние часы.

...Сколько мы так просидели, не знаю. Из задумчивости меня вывел скрип ступенек. Над головой вынырнул мальчишечий силуэт.

– Игорь Анатольевич! Игир!

Я махнул ему рукой, чтоб спускался. Артем запрыгал вниз через ступеньку.

– Ну что там у вас? – спросил я.

– Плохо... Соти надо спасать, а для этого травка одна нужна. В Синих долинах растет.

– Отправишься туда, значит?

Мальчишка замялся:

– Да... Похоже, я здесь надолго застряну... Тут столько наворачено! И с гвардией разобраться надо, и вообще. С Бастионом помириться вот.

Тут я заметил, что выглядит Артем чуть иначе. Мужественней, что ли?.. Ростом повыше, в плечах шире, меж бровей скорбная складка. На плечах – плащ из зеленоватого шелка.

За спиной – меч и щит с изображением оленя.

Поймав мой взгляд, он хмуро пояснил:

– Я другое лицо надел... Этого... первого рыцаря.

– А под своим что же не ходишь?

Артем смущенно опустил глаза.

– Тут герой нужен... А какой я к дэвам герой?.. Смех один. И знаете что? Пойдемте! Я обещал вас к «Дверям Истени» отвести. Хоть это-то я сделаю нормально.

Под настороженными взглядами местных мы шли по улице. Из зарослей вьюнка, из кип магнолий, из-за ставней – отовсюду за нами следили внимательные глаза.

Я нес завернутую в одеяло Соты. Следом семенили Вирр, Птаха и незнакомый мальчишка, которого я разоружил пер-

вым. Точка и Лера убежали вперед, к Агатовой башне – предупредить стражу.

Мрачные мысли не давали Артему покоя:

– Игир... а вот вы сказали, будто учителя убили. Это что, правда?

– Его растерзал дэв. А несколькими днями ранее чупакабра искалечила Вениамина Серафимовича Литницкого.

Артем споткнулся. Плащ и оружие первого рыцаря исчезли, да и лицо его сделалось таким, как раньше.

– Это не я! – крикнул он отчаянно. – Вы врете все! – Плечи Артема поникли. – Понимаете... дэвы – они не нападают на людей. Я вам покажу!

– А чупакабры?

– Те нападают... Только они трусливые. В ладони хлопни – убегут. Я честно не знал! Магистр ордена сказал: мой мир особенный. Твари, которых заклинают магией призыва, – он сглотнул, – они здесь живут, понимаете?! – И сбивчиво продолжил: – У нас охотники есть, мальчишки... Они в Синюю долину ходят, потому что взрослым туда нельзя. Совсем. А там – и дэвы, и волверины, и другие твари. Мы их в зверинце держим. Ну, чтобы как бы зоопарк, понимаете?..

Я понимал. Понимал и восхищался своим противником – тем, кто в действительности стоял за убийствами магов.

Если судить по Артему, современные Двери Истени умеют все то же, что и их средневековые предшественники. Прячется в других мирах (вот он – чужой мир. вечное лето!),

беспрепятственно приходить куда угодно и возвращаться обратно.

И – управлять чудовищами.

Я вспомнил, как Артем испытывал меня в башне Безумного Друида. Исчезнув, он перенесся в Истень. Забрал из зверинца чупакабру, вернулся и натравил ее на меня. Точно так же он расправлялся с сильными дзайянами: Литницким, Марченко... наверняка были и другие. Маги не могли выследить мальчишку: на манара большинство заклинаний не действует, в том числе поисковые и следящие.

А ведь у Артема идеальное алиби... Он – манар, а значит, колдовать не способен. Никто же не поверит, что мальчишка без магии напрямую ходит в реальность, откуда мастера и грандмастера призывают сильнейших тварей!

Получается, что Винченцо с его дзайянскими методами расследования никогда не смог бы выйти на Артема... Смог лишь я – манар.

Конечно, Артем – сошка мелкая. При всех его революционных устремлениях, дальше мелочных каверз он не пойдет. «Невезунчика подкинули, дэвом напугали», – вот и все.

– А скажи, Темка, – небрежно поинтересовался я, – кто отдавал тебе приказы?

– Не скажу, – надулся тот. – Я клятву давал. Станете Дверью Истени – сами узнаете!

Что ж... Тоже хорошо.

Скоро мы вышли к утопающему в зелени дворцу. За ре-

шеткой начинался тропический сад с гигантскими колючими алоэ – туда нас не пустили. Вышла целительница, невысокая коренастая женщина лет тридцати пяти; ей мы и передали Соты с рук на руки.

– Пойдемте, Игир. – Артем потянул меня за рукав. – Тут выход в резиденцию ордена. Я покажу.

После жаркого лета на улицах города прохлада сада показалась благословением. Кружевная тень секвой накрывала дорожку. Покачивали перистыми листьями папоротники, радостно щебетали птицы над головой. Благодать!

Возле фонтана-водопада – близнеца того, что в Башне Друида – мы остановились. Медная девочка сидела на корточках, купая ладошки в струях. Артем присел рядом, поплескал себе в лицо водой, встряхнулся.

– Голова крутом... Здесь я вас отпущу.

– Отпустишь?

– Гости не могут долго находиться в Истени. Хозяева тоже... но я – особенный. Я здесь могу хоть сколько – хоть неделю, хоть месяц! А вас мне держать приходится.

Наши глаза встретились.

– И вот еще... – сказал он виновато. – Я здесь надолго задержусь. Вы можете маме письмо передать? Чтобы не волновалась?

Я кивнул. Просветлев, он бросился писать записку.

«Вот и закончилась моя экскурсия в детство», – подумал я, глядя на Темкино лицо: напряженное, со смешно высуну-

тым языком. Не сказать, чтобы я так рвался в эту «золотую пору»... У взрослого бытия есть свои а-агромные преимущества.

Артем протянул мне письмо.

– Закройте глаза, – приказал он. – Когда миры меняются – это не очень-то приятно.

Я закрыл глаза и...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

*(Четверг, секундой позже,
рассказывает Игорь Колесникий)*

...Журчание водопада оборвалось.

Взамен нахлынули звуки отдаленного бала. Музыка, от которой осталось лишь дрожание басов да уханье барабанов; смех, неразборчивые разговоры, шорох шагов.

Я открыл глаза. Перед лицом маячили зеленые листья. Влажная земля холодила босые ступни. Я стоял на парящем в воздухе крохотном островке почвы, обнимая ствол денежного дерева. Не крохотного кустика, завсегдадая веденских пятикомнаток, но реликтового чудища, настоящего Иггдрасиля. Хорошее предзнаменование !

Сквозь листву пробивался яркий свет люстр. Далеко внизу праздничным янтарем сверкали полы бального зала. Гре-мел оркестр, наяривая залихватскую ирландщину из Хардигана, лихо выплясывали танцовщицы в трико и зеленых газовых накидках, и золотистая крохотная фея играла на свирели.

У стен выстроились столы с закусками и винами. Меж ними, скучая, бродили люди самой счастливой наружности. Я насчитал несколько человек в джинсах, как и я. Кто-то носил счетоводские мантии и пышные бухгалтерские балахо-

ны, некоторые щеголяли в спортивных костюмах. Женщины тоже особо одеждой не озадачивались. Выглядели гуляки людьми случайными, так, словно попали сюда с улицы. Впрочем, тайные убийцы и должны так выглядеть.

Я прошелся по своему парящему острову, ища, как им управлять. Скоро отыскалась чистая площадочка в форме трилистника. Став на нее и перенося центр тяжести с ноги на ногу, я заставил остров спланировать в зал.

Мое появление произвело фурор. Танцовщицы с визгом бросились врассыпную, музыка поперхнулась на полуноте. Я спрыгнул на паркет, и остров взмыл к потолку. Оставляя за собой грязные следы, я двинулся в гущу праздника, навстречу Дверям Истени.

Таинственные убийцы встретили мое появление с поразительным хладнокровием. Кто-то кивал мне, как давнему знакомому и тут же отворачивался, кто-то подходил поздороваться. Дальше этого, впрочем, не заходило. Уж что-что, а собственное достоинство эти ребята блюли первоклассно!

До меня донесся божественный аромат жареного мяса. Только сейчас я понял, насколько оголодал: в Артемовой Истени так и не удалось перекусить – все ушло змейкам-удавам. Так что я с воодушевлением двинулся к столам.

В отличие от «Ксанаду», где маги просто ценили хорошую кухню, заговорщики предавались излишествам. Столы с закусками сгрудились тремя противоборствующими бастионами. Блюда первого напоминали безумные творения абстрак-

ционистов; второй брал художественной правдивостью и натуралистичностью; третий предлагал только вареные яйца. Яйца, но какие! Во всех видах – куриные, страусиные, черепаши. Украшенные драгоценными камнями, с тонкой филигранной росписью по скорлупе.

Я остановился, выбирая, к какому столу подойти. И – о чудо! – весь зал замер. Затаив дыхание, ассасины следили, куда я двинусь. Именно поэтому я решил не торопиться.

Ближе всего ко мне располагались столы «натуралистов». На них возлежал огромный дракон, покоящийся на куче драгоценностей: отсверкивающих золотом блюд, чаш, сундуков. Из пасти зверя торчал обглоданный труп рыцаря. Черепа и полурассыпавшиеся грудные клетки в небрежном беспорядке валялись на тарелках.

Судя по тому, как провисли некоторые ребра, их слепили из паштета. Во рту черепа краснело яблоко; изящной короной зеленела петрушка. Толстенький человечек с грустными глазами отхватил от черепа треугольный ломоть и положил на тарелку. Резалась кость легко, словно масло. Следом подошла дамочка лет сорока с фиолетовым шиньоном и морщинистой загорелой шеей, росшей, казалось, прямо из декольте. Она придирчиво изучила оплывшее золото под драконьей лапой, и потянулась к нему ножом. Отрезав кусок от золотого кубка, перешла к куче драконьего помета и...

Дальше я не смотрел.

Наверное, мое замешательство выглядело смешным. Ко

мне подкатила инвалидная коляска. В ней сидела девушка лет двадцати четырех. Симпатичная девушка: невысокая, хрупкая, круглое лицо в россыпи едва заметных веснушек. По черному бархату платья змеилась вышивка в виде переплетенных арабских клинков.

– Вы новенький в клубе? – спросила она, чуть заметно улыбаясь.

Я кивнул.

– Тогда понятно... Вид у вас ошарашенный. – Она рассмеелась. – Пойдемте к столу. Только, ради бога, не вертите головой! И не к этому, – предупредила, видя, что я направляюсь к поверженному дракону. – Здесь околачиваются выскочки и маргиналы. – Подумать только – ее лицо исказила гримаска отвращения. – Гусиный паштет и свинина. Пошло и омерзительно!

Я мысленно снял шляпу перед местным поваром. Создать легенду о драконе и поверженном рыцаре из гусиного паштета – на такое способен только истинный талант.

– Тогда, может, сюда? – Я кивнул в сторону «яичного бастиона».

– Вы так мало цените свою жизнь? – удивилась девушка. – Следуйте за мной!

Стол, к которому она меня привела, выглядел творением безумного гения. Огни переливались в цвета, запахи становились вкусами, образами, ощущениями. Еще не попробовав ни одного блюда, я уже оказался в дурманной власти ку-

линарных ухищрений.

– Могу порекомендовать корзиночки «Пять элементов». – Девушка пододвинула ко мне тарелку. – Видите, над каждым – крохотный символ стихии?

– Эстетично.

– Не то слово. Грубо... но элегантно!

Вихрь – символ воздуха, потрескивающий язычок пламени, снежинка, лист дерева, полудрагоценный камень... Я взял пирожное с язычком пламени, но есть не рискнул.

– А это? – Я потянулся к салату, напоминавшему неоконченную картину Эшера.

Незнакомка прикрыла рот ладошкой и деликатно хихикнула:

– Это для профанов и магов. Ни в коем случае не трогайте! Девять десятых компонентов – иллюзия. А если вы найдете в этой мешанине настоящее, вас заподозрят во владении магией фантомии. Это еще хуже! Попробуйте лучше вот что. – Она протянула мне блюдо с пряничными куропатками.

Я покорно взял одну и надкусил. Птица тут же принялась расти, покрываясь жареной корочкой, отрачивая окорочка и крылья. Не прошло и четверти минуты, а я держал в руках тяжеленную, истекающую маслом индейку.

Я поискал взглядом, куда ее положить, не нашел и опустил на поднос с пирожными. Незнакомка вновь засмеялась.

– Простите, – сказала она, – но вы – совершеннейший провинциал. Знаете, вы мне ужасно нравитесь! Как ваше имя?

Я назвался.

– А я – Мария Тепех. Знаете что?.. Пожалуй, я возьму вас под свое крыло. Вам все равно понадобится заступничество кого-нибудь из старших Дверей Истени.

– А вы старшая?

– Одна из. Если все повернется удачно, я порекомендую вас магистру. Но пойдете же развлекаться!

Я на мгновение задержался у стола.

– Послушайте... Вон те люди у дракона – могу поклясться: они смотрят на нас и шепчутся.

– Так и должно быть. Они – орденцы низшего посвящения, как и вы. Все мечтают понравиться и запомниться кому-нибудь из старших. Знали бы вы, на какие фокусы они способны! Одна девица... впрочем, не будем о пошлом. Имейте в виду, Игорь: вам завидуют. Более того, вас уже ненавидят.

– Хм! Я сделал головокружительную карьеру?

– О да. И то ли еще будет!

Когда мы отправились в соседний зал, навстречу нам тяжеловесной, ковыляющей походкой запрыгал распорядитель:

– Не велено! Только привилегированным! Сударыня, умоляю!

Раздвоенная бородка его смешно тряслась, отбрасывая причудливую тень на зеленую ливрею.

– Варфоломей Ночиевич, – Мария прижала руки к гру-

ди, – ты что же, меня не признаешь?

– Признаю, матушка-сударыня, очень даже признаю! А вот спутника вашего первый раз вижу.

– Так посмотри повнимательней, Варфоломеюшка. Посмотри и запомни. Тебе его частенько пускать придется!

Пока они препирались, я исподтишка наблюдал за моей спутницей. Замечательная девушка! И какой простор для догадок: выглядела она то совершеннейшей девчонкой, чуть не ровесницей Соти, а то старухой, смертельно уставшей от жизни.

Распорядитель покорно присел, расставив руки в приглашающем жесте. Глаза его бегали, ощупывая меня с ног до головы. «Опасная ты птица, – читалось в них. – И я тебя хорошенько запомню!»

– Так что же, пускать? – спросил он с надеждой.

– Сделай милость.

– И в зал Кисмет тоже? На лотерею?

– Сказано – значит, и туда.

С сокрушенным видом распорядитель посторонился, и мы вошли в маленький пустынный кабинет с одним столиком у стены. Кабинет этот от основного зала отделяла аквамариновая занавесь-хамелеон. По ткани бежали стеклянистые искры; стоило задержать взгляд – и занавесь становилась почти прозрачной. Впрочем, действовал этот эффект только с нашей стороны, снаружи ткань оставалась непроницаемой.

– Любуйтесь, – великодушно предложила Мария, – наслаждайтесь. Только не очень пристально. Здешние завсегда и не любят внимания и хорошо его чувствуют. Давайте присядем за этот столик, выпьем вина.

Официант принес графин с плотно притертой пробкой и два разноцветных бокала-копиты. От графина веяло тонкой, едва различимой магией.

Я разлил вино по бокалам и с наслаждением пригубил. Мария последовала моему примеру.

– Вам, наверное, интересно знать, зачем я вас пригласила, – сообщила она.

– Да уж, не без того.

– Вот и начнем. – Она провела ладонью над занавеской, прогоняя туман. – Посмотрите в зал. Видите того высокого? С косичкой и скошенным глазом?

Я посмотрел на анемичного гиганта с забранными в хвост темными волосами. Тот прогуливался вокруг бильярдного стола походкой тигра, заколачивая шар за шаром.

– Мастер шантажа. Представляете: недавно подбросил клиенту в постель голову его любимого гиппогрифа! Карьеру Двери начал с того, что изнасиловал и искалечил любимую дриаду смотрителя ботанического сада.

А я ведь помню это дело. В те времена я еще не начал карьеру частного детектива. Закончилось расследование ничем. Преступника нашли, но смотритель забрал заявление, а дриаду развоплотил. Нет потерпевшей – нет преступления.

– А вот это – своего рода знаменитость. Старейший ассасин клуба.

Старик с лицом, напоминавшим растоптанный башмак, уткнулся носом в карты. На руках у него был почти полный стрит, и похоже, старикашка собирался добить его до конца. Занавесь разгладилась, пытаюсь высветить мне его карты, но тут ассасин почуял неладное. Он оглянулся, пытаюсь проникнуть взглядом в кабинет. Хамелеон загустел, скрывая нас непроницаемой синевой.

– Этот удивительный старичок – мастер пыток. Как он сам говорит: устами младенца глаголет истина, особенно если загнать ему под ногти пару иголок. Специализируется по недавним выпускникам университетов, кадаврам и гомункулусам. Кто из них вам больше нравится?

– Оба мерзавцы. Первого, впрочем, я знаю лучше.

– Я хочу, чтобы вы расправились с одним из них.

Мне стоило большого труда сохранить неподвижное лицо. Сердце подпрыгнуло, ускоряя ритм, но я попросил его успокоиться, и оно дружески согласилось.

Моя карьера в Дверях Истени просто сногсшибательна! Еще немного, и я выясню, кто стоит за убийствами и шантажом магов. Главное разыграть карты четко и без суеты.

– А позвольте узнать, зачем? – Я баюкал в ладони копиту, наслаждаясь ароматом вина. – И почему именно я?

– Да потому что больше не к кому обратиться. Здесь, в Дверях Истени, все друг друга знают. Все на виду, интриги

просчитаны на месяцы вперед... У нас три лагеря, и скоро вам придется выбирать, к какому из них примкнуть.

Мне вспомнились столы с драконом, яйцами и иллюзорными пирожными. Так, так...

– А кулинарные пристрастия, значит, продолжают вашу политику, – полувопросительным-полуутверждающим тоном сообщил я.

– Вы наблюдательны, сударь. Дон Мигуэн предпочитает террор и убийства. Вы почти попали к нему в лапы, когда ошивались возле дракона. Учтите, Игорь: мои друзья действуют тоньше. И руки у нас длиннее... Наши столы вы видели.

– А старик?

– Он возглавляет отравителей. Вы видели у входа столик с тремя видами яиц всмятку? Это его.

– Понимаю. Я лошадка темная... Вы, значит, хотите внедрить меня в чужой клан. Чтобы в нужный момент нанести удар.

– Вот, вот! – Девушка посмотрела на меня с уважением. – Вы умный человек, Игорь. Видите ли, мой муж – не последний человек в Дверях Истени. Даже сам великий магистр прислушивается к его советам. Я уж не говорю о манарах.

– А магистр не манар?

– Какое там! Дзайан, причем сильный. Да вы должны его знать.

Я быстро перебрал в памяти знакомых дзайанов. Ве-

ниамин Литницкий, Марченко... нет, учителя вычеркиваем, Людей, Винченцо, лейтенантишка из управления, Света Литницкая, эксперт Люся... Знаю я многих, и любой годится на роль Горного Дяди – великого магистра и председателя клуба убийц.

– К нам-то ведь просто так не попадают, – продолжала девушка бесхитростно. – У вас за плечами какая-то обида, невыплаченный долг... Без высокого покровительства вы завянете в служках на годы. – Она заговорщицки придвинулась ко мне: – Соглашайтесь, Игорь! Я могу устроить так, что вас через несколько дней допустят к испытанию. А после посвятят в Двери Истени. Кто будет посвящать, это уж моя забота... Но зависеть это будет исключительно от вашего выбора.

Щеки Марии покраснелись. Я налил ей вина, и она залпом выпила. Речь ее стала сбивчивой, бессвязной:

– Это все не так просто!.. Нас, Дверей, не захватишь врасплох... здесь, в реальности. А там мы боги!.. Осталось лишь стать богами здесь.

В тот миг я не прислушался к ее словам, а зря. Ведь фактически эта милая девушка выболтала мне сокровенную тайну Дверей!

– Скажите, Мария, – спросил я, – а как вы попали в клуб?

– Как попала... Я закурю, не возражаете? – Девушка достала сигарету и сорвала с ее кончика руну огня. Вспыхнул алый светлячок. – Знаете, давным-давно у меня была мечта.

Я пела в одной рок-группе. «Огни Иррукана», рококо-соул, может, слышали?

– Рококо... Стилизация под Возрождение? Ленты, кафтаны-жюстокоры, туфли с бантами?

– О-о, да вы чудненько невежественны!.. – Она затянулась, прикрыв веки. Лицо ее сделалось детским, как у десятиклассницы, тайком курящей за гаражами. Длилось это миг, а потом из уголков губ вновь потянулись морщины, и Мария сразу постарела лет на десять. – Мне обещали карьеру, хорошую карьеру... Какие были дни! Мы с ребятами репетировали – дни, ночи напролет.

Она съежилась озябшей птицей. Пальцы замерли в воздухе, словно поправляя ленты рококошной шляпки.

– Родителям это стало костью в горле. Мама вообще пуританка... по ней так дочка-актриса хуже шлюхи, позор на весь город. Отец – другое. Ему в бизнесе помощник требовался. Ну а какая из меня бизнесвумен?! – Она хрипловато рассмеялась. – Только они вовремя сообразили, что делать. Я, конечно, сама дура, могла догадаться. Мы с ребятами в турне сорвались. Уже тогда я подумала – больно легко все дается. И с распорядителями сусь-пусь, и встретили нас хорошо. А на сцене – кошачье балалайство одно... Ору, тужусь, а голос блеклый, некрашенный. Страдивари из фанеры.

– Понятно. – Я философски заглянул в свой бокал. – Родители вас, значит, продали в манары?

– Ну да! Я ведь как поняла, сразу с гастролей к ним. А те

кудахчут: дочура, мы тебе жизнь устроили! Деньги на обучение есть, поступай на юрфак, в люди выдьешься. Ну да, думаю, в манары я уже выбилась.

– А дальше?

– Дальше ничего. Наняла одного детектива, он мне мага этого и нашел. Ночью к нему наведалься. – Девушка протянула бокал, и я щедро вылил ей все оставшееся вино. – Тот неробкого десятка оказался... Когда понял, что меня файрболы не берут, с голыми руками полез. – Поморщилась: – Всю обойму в него высадила... Как ждал, гад! Готовился. Защиту держал, чару Гиппократа... В общем, если бы не Юра, я бы там осталась.

– Юра? Какой Юра?

– Муж мой... теперь. – Недавно колючий, взгляд Марии потеплел. – Он к этому выродку по своим делам зашел, дзайанским. Когда увидел, что происходит, сразу дуэль. Магическую! Меня на руках вынес, когда я кровью истекала. А после Двери Истени заставили эту сволочь мой поводок сбросить. Так я сюда и попала.

Я растерянно провел пальцем по краю бокала. Стекло отозвалось мелодичным пением.

– Послушайте, – спросил я. – Но если он сбросил ваш поводок, вы ведь стали обычным человеком?

Глаза ее вспыхнули радостью:

– Ну да! Только я снова в манары подалась. Отдала свой поводок Юре. У него исследования, ему мана знаете как нуж-

на?! А потом эта автокатастрофа... Врачи на меня рукой махнули, а он – вылечит, я знаю! Юра ведь даже мертвых поднимает. – Девушка требовательно посмотрела на меня: – Ну так как? Соглашаетесь?

Я молчал, и она добавила:

– Вы же манар! Чего тут думать? Если соглашаетесь, яведу вас в зал Кисмет. Если нет – возвращайтесь к свиньям в зал. Топчитесь у столов, ждите, что кто-нибудь из старших вас заметит. Ну?!

– Я согласен.

– Вот и прекрасно! Вашу руку.

Я взял протянутую ладонь. Кожа девушки горела лихорадочным жаром.

– Идемте!

Перед тем как выйти из кабинета, я бросил взгляд на занавесь-хамелеон.

За ней прятался человек в черно-белой рясе. Лица я не разглядел, но любой, кто хоть чуть-чуть знаком с боевыми искусствами, начинает узнавать людей по манере двигаться и держать спину.

Иштван!

Ну его-то какие дэвы привели в резиденцию Дверей Истени?!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

(Четверг, немногим позднее предыдущих событий, рассказывает Игорь Колеснический)

– А если руной?..

– Так не зевай! Мало что ты манар! Молнией не скосит, так проводку закоротит! А пожар тебе уже страшен. И меня слушай: первым делом порти ему пальцы. Созиданцу без указательного каюк. Малефик средним орудует. Он тебя таким факом очарует – до сортира не добежишь!

– А фантомисты?

– Этим кукиш не давай сложить. Мало чего они тебе покажут! И помни: оружие ассасина – внезапность.

... Система посвящений в тайных обществах не зря придумана. Предложи кто человеку с улицы власть над миром, тот, пожалуй, в психушку позвонит. А неофитом тайного общества – это еще ничего, можно. Глядишь, посвященным делается, знающим... Так, капля за каплей, через несколько лет созреет до вселенского заговора.

Тайными переходами Мария вывела меня в зал Кисмет – тот самый, куда не хотел нас пускать распорядитель. Сама она сразу исчезла, отговорившись тем, что на лотерее ей делать нечего. Я же остался проникаться духом тайного общества.

Внешне зал Кисмет напоминал маленький театр, только без кресел. Уютно здесь, хорошо. Оркестр наигрывает «Маленькую ночную серенаду»; подпирающие потолок атланты горбятся с видом обездоленных троллейбусных старушек. И орденцев тьма – яблоню негде посадить.

Вовсю используя «искусство мира и гармонии», я подобрался поближе к сцене. Как оказалось, вовремя. Занавес пополз в стороны, выпуская бородача в халате цвета грозового неба, чалме и шикарнейшей бархатной полумаске.

При виде его ассасины с утробным «оу-м-м!» опустились на колени. Я почувствовал, как меня сдавило с боков и чья-то шевелюра щекотно прошлась по моим босым пяткам.

В зале трижды грохнуло. Я внутренне усмехнулся: заставь фанатика с вождем здороваться, он лоб себе разобьет! Почтив магистра, орденцы выпрямились.

– Приветствую вас, возлюбленные племянники мои!

– Благословен будь, дядя! – отвечали десятки глоток.

– Слово истины вам несусь! Чаете ли узнать побольше о зле, одержавшем Землю?

– Мы внемлем, дядя!

– Так слушайте же, возлюбленные племянники мои.

И магистр принялся рассказывать. Слушать его было одно удовольствие!

– Все зло, возлюбленные племянники мои, – вещал он, – в гнусных выскочках-магах. Искусство их противно природе и разуму. Они опутали мир сетями заговора. Вспомните исто-

рию Моцарта и Сальери! Гений Антонио Сальери заставлял трепетать Вену. Чарующие звуки его мелодий расплавляли сердца австриячек, и даже – даже! – закоренелые мерзавцы не могли удержаться от слез. Умиравший в Шарантоне маркиз де Сад на коленях молил о сальериевской «Школе ревнивых». А уж де Сад знал толк в извращениях. Но что отравило счастье властителя душ? Не знаете?! Так я вам скажу! Моцарт! Моцарт, дзайан и мерзостный завистник, – он набросил на гения поводок, и Сальери умер как композитор. Он музыку разъял как труп! Придал перстам сухую беглость! Да хрена там! Воз ныне тут! Ты, Моцарт, хам – прости за смелость.

Манары слушали, затаив дыхание.

– Всю эту историю гениально записал Александр Сергеевич Пушкин. А убил его за это – Дантес!

– Дзайан? – ахнул кто-то в толпе.

– Нет, кавалергард. А вспомним Жозефину?..

...Досталось дзайанам по самое не могу. Магистр вспомнил Жозефину, которая из мелочного женского себялюбия сделала Наполеона манаром и отбросила мир в варварство. Отдельную выволочку получил дзайан Марат, обесчестивший и обманувший Шарлотту Корде. При этом что-то у них такое пикантное произошло в ванной. На этом магистр не стал заостряться.

Завершающим аккордом он перешел к Франсуа Вийону, который ненавидел дзайанов всей широтой бандитской ду-

ши:

В углях произрастают розы,
Аскет извечно сыт и пьян.
Кобыле легче? Мужа с возу!
В пороках виноват – дзайан!

Скачи, медлительная лань...
Туга мошна у аснатара.
От тягостных сердечных ран
Спасет насмешница-манара.

Дэвовщина! Магистр цитировал Вийонову «Балладу истин наизнанку», в которой поэт все ставил с ног на голову. Но, похоже, никто из слушателей не заметил подвоха.

Приветственные крики заполнили зал. Ассасины рукоплескали своему господину.

«Да здравствует!» – неслось отовсюду. – «Смерть дзайанам!», «Мучения!», «Моцарту – цианистого кали!» В этот миг я понял, что мой стаж манара незначителен, что рядом с большинством ассасинов я просто ребенок. Манарское отупление развивается постепенно, исподволь. Поживи я под поводком еще месяц-другой – и стану в точности как они.

– Тихо, тихо! – Магистр поднял ладони в успокаивающем жесте. – Так что уготовим мы мерзавцам, опутавшим мир сетями магии?

Вновь поднялась буря. «Смерть!», «Родоптоксину Моцар-

ту!», «Пусть съест невыпотрошенную рыбу фугу!» Отчего-то Моцарт их беспокоил больше всего. Магистр дождался, пока ассасины выбесятся, а потом тихо и как бы про себя произнес:

– Они пьют нашу силу...

В зале разлилась тишина.

– Кто из вас в последние дни читал стихи? Кто наслаждался прихотливой игрой красок на полотнах великих мастеров? Чью фантазию будила музыка божественных гигантов прошлого?

Молчание вибрировало басовой струной, становясь невыносимым.

– Мы, Двери Истени, единственные стоим на защите манафов. Мы собрались, чтобы отнять у злодеев наше по праву. Призовем же судьбу! Призовем же Кисмет, пусть назначит жребий свой! Пусть укажет – кому стать свободным!

– Кисмет! Кисмет! Кисмет! – грянуло под сводами. Казалось, это кричали атланты.

И зал погрузился во тьму.

Осталось лишь колеблющееся пятно света на сцене. И в него вступила тонкая женская фигура с закрытым лицом.

Сначала я решил, что Кисмет обнажена. Но женщина сделала шаг, и тело ее оделось алмазным блеском. Сияние скользило по обнаженной коже, обжигая и дразня, пряча запретные места и намекая на немислимые тайны.

Вздых вожеления понесся по залу. Мужчины и женщины

все как один склонялись перед Кисмет.

Я покосился на стоящего рядом юношу. Тот вытянул шею, жадно вглядываясь в посланницу судьбы. Пытаясь пролезть вперед, он отдал мне ногу, но даже не заметил этого. Шипя от боли, я пнул его в колено.

Послышался хруст. Парень скособочился, продолжая упрямо тянуться к сцене.

– Кисмет! Кисмет! – шептали его губы влюбленно.

Женщина раскинула руки. Фигуру ее высветило белым, впечатав в сетчатку плавающий огнем силуэт. Восторженно взвывая, толпа качнулась вперед. Меня больно двинуло грудью о край сцены. Хорошо, не носом – в последний миг я успел подпрыгнуть.

И, кажется, зря.

Край сцены вдавился в грудь. Сейчас я напоминал бедуина, по шею вкопанного в песок. Томительно долгий миг я ждал, что лопнут, не выдержав, ребра. Но Кисмет качнулась вперед, и толпа отхлынула.

– Вы жаждете свободы? – спросила она.

После баритона магистра, от которого плавилась медные ручки на дверях, речь ее звучала блекловато. «Ж» позорно шепелявилось, голос по-девчоночьи ушел в писк. Но ассасинам было все равно. Скоро и я перестал замечать недостатки ее голоса.

– Мир человеческий горек, – продолжала Кисмет задумчиво. – Соперничество и зависть наполняют его... Манары

не болеют, а человека одолевают хвори. Пустые мечтания разрывают на части. Примете вы избавление таким, как оно есть?

– Примем! – взвилось над толпой.

– С благодарностью и любовью?

– Избави, матушка! Ножки лобызать будем!

Лицо Кисмет закрывала белая ткань, но по движению головы я понял, что судьба улыбается.

– Что ж, хорошо... А теперь станьте спокойно, и я выберу счастливицу.

Манары застыли. Кисмет вглядывалась в наши лица, и я физически ощущал, где сейчас находится ее взгляд. Тот, на кого она смотрела, обмякал с мучительным выдохом.

Волна подступала ко мне. Ближе, ближе... Отчаянно зачесался нос. Болью резанула мысль, что из-за носа-то меня и отвергнут! Я гнал ее прочь, но...

...тут Кисмет посмотрела на меня.

Мое сердце совершило тройной тулуп с переворотом.

Описать это чувство трудно. Представьте, что вам шестнадцать. Вы поклялись каждое утро делать зарядку и обещание свое сдержали. Вас на коленях умоляют лететь на Марс. Ирка из параллельного умерла за право сходить с вами в кино. Рыжий десятиклассник Генка получил в нос и теперь будет знать. Вас выбрали аватаром магии, эльфийским принцем и спасителем мира от инопланетян.

Вы можете подтянуться тысячу раз.

Вы знаете триста восемьдесят два остроумных ответа на «эй, козел!».

А теперь – внимание! – представьте, что вы все это потеряли.

Взгляд Кисмет скользнул мимо, так и не задержавшись на мне.

Чтобы не упасть, я вцепился в край сцены. Рядом, не стесняясь слез, рыдал искалеченный юнец. За спиной слышались сдержанные женские всхлипывания.

– Я выбрала, – после томительного молчания призналась Кисмет. – Простите меня, пожалуйста!.. Я всех вас люблю, но ему нужнее. Пусть он поднимется сюда, ко мне. Любимый!

Как ни странно, после этих слов зал отпустило. Плач и слезы прекратились; даже стало как-то посвободнее. Проталкиваясь сквозь толпу, полупьяный от счастья, к сцене брел избранник Судьбы – редковолосый, краснолицый манар с физиономией, словно вытесанной из гранитного кукиша. Ассасины тянулись к нему, стремясь погладить, ущипнуть, да просто дотронуться до счастливца.

Кисмет и магистр помогли ему взойти на сцену.

– Как ваше имя? – спросил магистр.

– Мое? Аф... фанасий.

– Афанасий! – застонала толпа. – Он – Афанасий!

– Вы художник? Поэт? Военный?

– Я-та? Я журналистом... ей-богу! – Афанасий завертел

головой-кукишем. – Я, братцо, обозревателем за искусство работаю. В «Литературном вестнике». А за такую честь век благодарственный буду!

– Как это хорошо, милый! – Кисмет обняла ассасина, прижав к груди. – Скоро ты вернешься в свое издательство.

– Да я и сейчас там! – радостно осклабился тот. – На литературоведстве. Статейки критические пописываю, обзоры фантастические. А раньше за уголовную хронику работал. Матушка! – Афанасий с надеждой посмотрел на Кисмет. – Вы уж покомандуйте на редактора. Упросите за то, чтобы в прежнее место меня инвестировали.

– По слову твоему и сделаю, не волнуйся. А теперь расскажи, как ты манаром стал?

– Происки завистников, матушка. На заштатье, мерзавцы, выдвинули... Споводочили, а потом, говорят, негоже манару ответственную колонку занимать. В общем, полный гандикап, матушка. Сосватали под поводок Людею.

– Людею под поводок! Людею под поводок! – нестройно зашелестело над рядами. – Афанасия! Горе мерзавцу!

– Подойди сюда, племянник. – Магистр сделал приглашающий жест. – Дело твое судьбе боле неподвластно. Я его решать буду.

С видимой неохотой человек-кукиш оторвался от Кисмет. Судьба отошла в сторону, а манар стал на колени перед магистром.

– К стопам припадаю, Горный Дядя! Ты теперь, так ска-

зять, об меня пророк и ответчик!

Магистр поморщился: похоже, Афанасий нес явную отсебятину. Однако слова его звучали искренне и страстно.

– Восстановись же на справедливость, Дядя! Кого отправишь ты на злокозненного Людея? Уж не Порогов ли Истени?

– Нет, племянник. Дело это не под силу воинам низшего посвящения.

В этот миг я узнал магистра. Да и как не узнать?! Голос примечательный, манеры театральные, можно сказать, шекспировские. Это покажется странным, но я ощутил к магистру неожиданную симпатию. Так, словно оказался в компании давнего приятеля.

– Быть может, Ключи Истени справятся? – продолжал Афанасий.

– Нет. Равные тебе тоже проиграют.

– Так кто же? Неужто Двери?!

– Воины высшего посвящения слабы перед Людеем. Услышь же слово истины, Афанасий! Лишь один человек может помочь тебе. И этот человек...

Назвать его магистр не успел. На сцену бочком выбрался распорядитель в зеленой ливрее. Смешно шевеля раздвоенной бородой, он что-то зашептал магистру на ухо.

Тот внимательно выслушал донесение, а потом нетерпеливым жестом отодвинул бородача в сторону.

– Племянники и племянницы! – объявил он. – Только что

мне передали страшное известие. В наши ряды вкрался шпион!

Трудно всколыхнуть манаров, переживших столько чудес... Тут вам и лекция, и явление судьбы-Кисмет, и выбор с последующим разочарованием. Магистр выжал из ассасинов все чувства, на которые те были способны, и теперь пожинал плоды своей непредусмотрительности. Убийцы расслабленно молчали.

– У предателя нет знака посвящения! – ярился магистр. – В надежде ему отказано! Он мне не племянник! Внемлите, родичи: тот, кто сумеет распознать врага...

В задних рядах кто-то отчаянно заголосил. На него зашикали.

– ...станет моим любимым племянником. Или – племянницей!

Промедление равнялось гибели. Эхо фразы еще носилось под сводами, а я уж карабкался на сцену.

– Я!! Я знаю!! – крикнул я и, обернувшись, ткнул Пальцем в толпу. – Это он!

Манары доверчивы, порой даже слишком... А обстановка в зале Кисмет и так накалилась до предела. Толпа за моей спиной взорвалась шумом потасовки. Никто не понял, на кого именно я указал, но больше всего досталось несчастному хромцу, что стоял рядом со мной.

Бородач-распорядитель онемел. Наконец он преодолел замешательство и ринулся мне навстречу.

Тут мне пришлось здорово пожалеть, что я оставил кроссовки в Истени Артема. Обувь сама по себе отличное оружие: носком ткнуть, стопу раздробить. Мало ли что!

Мне же пришлось обходиться тем, что есть. Я поймал распорядителя на шаге и помог сделать этот шаг длиннее. Ноги бородача взлетели в воздух. Грохнувшись задом о край сцены, он полетел вниз.

– Убейте мерзавца! – вопил магистр. – Кто меня любит – вперед!!

Пошла потеха. Ассасины перли на сцену в трех местах, но пока что неуверенно. Мне очень помогал бородач. Он ярился, подпрыгивал и дуrom лез на сцену, мешая тем, кто мог бы напасть первым.

Я подскочил к одному из атакующих и протянул руку помощи. Ох и рожа!.. Аскавец, да еще и берсерк наверняка... Аскавец благодарно вцепился в мое запястье. Я дождался, пока он обеими ногами утвердится на краю сцены, а затем скрутился в котэ-гаэши.

Локоть аскавца хрустнул на моем бедре. Раскрутившись обратно, я швырнул громилу в толпу бойцов. Ассасины потрясенно взвыли. Началась куча-мала.

Человек шесть все-таки пролезли на сцену. О том, чтобы бить их, не шло и речи. Я продернул несколько ударов, опрокидывая противников друг другу под ноги, а сам рванулся к магистру.

Мне повезло куда больше, чем я рассчитывал. Отчаянно

визжа, Кисмет бросилась мне навстречу. Я поймал ее за талию, придержал за волосы, чтобы не получить затылком в нос, и отпрыгнул к занавесу.

– Остановитесь! – визжал магистр. – Племянники, племянн... скоты бешеные!

Я запрокинул голову Кисмет и наклонился к ее горлу. Женщина дернулась; от нее несло потом и страхом.

Не знаю, чего уж там орденцы ожидали от шпиона, однако никто не усомнился, что я могу перегрызть горло их судьбе. Волна атакующих застыла.

– Отпустите меня!.. Пожалуйста! – сдавленно пискнула пленница. – Я всего лишь актриса!..

– Тс-с-с, – прошептал я. – Постой спокойно, и все будет хорошо. Ладно?.. Я тоже в некотором роде актер. Так что мы коллеги.

Это ее немного успокоило. Я могу на расстоянии почувствовать, когда человек готов к каверзам. В пустоте бьются искорки-пульсики – игривые, отчаянные или злые. Кисмет покорно застыла в моих руках – обнаженная, перепуганная. Не требовалось большого труда, чтобы читать ее, как открытую книгу.

Актрису все еще колотило от страха. Отыскав на ключице особую точку, я накрыл ее ладонью и чуть пошаманил.

Все получилось. Дыхание Кисмет выровнялось, напряженные плечи расслабились.

– Вот и прекрасно, – сказал я. – Прикажи им отступить,

милая.

Актриса кивнула. Выпрямилась – насколько можно выпрямиться в руках террориста – и чуть отставила в сторону ногу.

– Что творите вы? – спросила она с укоризной. – Иль не верите в свою судьбу?

Я ощутил, как вновь заструилось вокруг нечто невидимое, связывая Кисмет и ассасинов цепями обожания.

– Иль не видите вы, что я, судьба ваша, в руках этого человека? Бросьте оружие, безумцы! От меня не уйдешь!

– Толково, – похвалил я. – Ты замечательная!

– Стараюсь, – отвечала она с мрачностью.

Вот только одного старания мало. Ассасины переглянулись; в их лицах недоумение переходило в растерянность. Оставалось совсем немного: дожать их, смять, сбить с толку. Все бы обошлось, но вмешался магистр.

– Племянники! – укоризненно воззвал он, – Что же вы отступаете перед врагом? Смотрите: судьба повернулась к нему задом!

– Вовсе нет, – заспорила Кисмет. – Он у меня за пазухой!

– Смерть им, племянники! Кто меня любит, достанет пистолет первым!

Ряды ассасинов всколыхнулись. Мы с актрисой-судьбой оказались заперты в стальном кольце. Гипнотизирующими зрачками смотрели пистолеты, автоматы, один портативный огнемёт и нечто тяжеловесное, хромированное, размером с

тубу для чертежей. И где они, интересно, до сих пор все это прятали?

– Ну? – поинтересовался у меня магистр. – Умрешь под-
лецом или отпустишь девушку? Учти – их ничто не остано-
вит.

Я огляделся. Глаза убийц сияли коллекцией богемского хрусталя. Похоже, лампочке проще внушить мысль о милосердии, чем этим.

– Иди. – Я легонько подтолкнул Кисмет. – Извини, что напугал тебя. Если выберусь – обязательно загляну к тебе на премьеру.

Актриса кивнула. Уходить она отчего-то не торопилась. Наоборот, выгнулась, заложила руки за голову и чуть отставила ногу в сторону.

– Комедианты своих не бросают, – шепнула мне.

И повернулась к Дяде Горы.

– Скажи, великий магистр, – спросила она «судебным» голосом, – в чем вина этого человека?

Глава ассасинов попал в ловушку. О том, что Кисмет актриса, знали только мы трое. Откажись он отвечать, рухнула бы легенда о судьбе и тайном выборе ассасинов.

Но магистр показал себя достойным противником.

– Что ж, Кисмет, я отвечу, – промолвил он с иронией. – Как ты знаешь, я бесконечно люблю своих племянников. Но некоторых люблю больше, чем остальных. Здесь, пред лицом твоим, собрались Ключи Истени – воины второго посвяще-

ния. Порогам и Дверям ход сюда закрыт. И, словно книгу открытую, читаю я этого человека. Раз он здесь, значит, первое испытание пройдено, ему удалось заручиться благоволением ордена. Однако, – голос магистра загремел, – он не прошел второго испытания! И пока не пройдет, находиться в этом зале для него запрещено!

Я понял, что это мой единственный шанс. Другого не будет.

– Раз так, – поклонился я, – можно бы и пройти испытание. Приобщиться к мудрости Истени было моим тайным желанием с давних времен. Молю тебя о милости, великий Дядя!

– Дай ему, что просит, – приказала Кисмет.

Магистр закусил губу.

– Ладно, – объявил он после недолгой паузы. – Первое испытание в том, чтобы найти резиденцию Дверей Истени. С ним ты справился. Второе – помочь избранному освободиться из-под власти дзайановой. Коль сумеешь ты спасти племянника моего, – он вытолкнул вперед растерянного Афанасия, – истину Реку: назову тебя Ключом Истени и сделаю племянником любимым!

Ассасины завистливо затаили дыхание. Многие отходили в неофитах месяцы, а то и годы, прежде чем прошли испытание... Я же, чужак и приبلуда, готовился махом войти в число избранных. Мария права: меня будут ненавидеть.

И еще как!

Что ж, вот и хорошо... Я шагнул к манару-кукишу. Двигаться приходилось плавно и медленно; ассасины нервничали; нервы их звенели арбалетной тетивой.

– Кто накинул на тебя поводок, Афанасий?

– Господин Людей.

– Если я заставлю его сбросить твой поводок, станешь ли ты свободен от власти ордена?

Афанасий опустил глаза.

– Да, кузен мой.

– Что ж, Афанасий, радуйся. Обидчик твой, – я сделал драматическую паузу, – стоит перед нами.

– Здесь?! Людей?!

Десятки пар глаз уставились на журналиста.

Тот побледнел.

Задохнулся.

Отпрянул, обводя зал затравленным взглядом.

– Знакомьтесь, кузены мои возлюбленные! – продолжал я. – Перед вами – грандмастер ковена дзайанов. Он лжец и пройдоха, великий манипулятор, истинный мастер интриги. На словах он – ненавистник магов, а на деле... Впрочем, сейчас увидим, кто он на деле.

Я двинулся к Афанасию. Тот схватился за грудь и отступил на несколько шагов. Не обращая на него внимания, я подошел к магистру и сорвал маску.

– Здравствуй, Станислав, – шепнул я ему. – Как раз о тебе вспоминал недавно.

– Здравствуй, Игорек, – жизнерадостно улыбнулся тот. – Знаешь, порой я жалею, что ты не родился одним из нас... Ты стал бы первоклассным магом.

– Маг среди нас! – выдохнули орденцы. – Дзайан!!

Я отодвинулся от края сцены – на случай, если ассасины начнут палить. Но те медлили: настолько велико было обаяние развенчанного вождя.

Людей же, широко улыбаясь, шагнул к своим последователям:

– Племянники мои возлюбленные!

В зале повисла тишина. Слышно было, как в задних рядах кто-то всхлипывает.

– Что ж, племянники, – грустно продолжал магистр. – Простите, если кого обидел. Я знаю, вы прониклись жизнью ордена, нашли новую цель жизни... А тут такое разочарование. Сочувствую вам. Но позвольте кое-что объяснить. Это займет немного времени, не бойтесь. – Он достал серебряный алеман. – Я буду говорить, пока вращается эта монетка. Потом вы сможете меня убить.

Присев, Людей поставил монету на ребро и щелчком раскрутил. Алеман зазвенел, расплываясь серебристой юлой. Я искренне любовался магом: уважаю людей, умеющих проигрывать!

Затаив дыхание, ассасины следили за танцем монетки. Сотни взглядов сплелись на ней в причудливый узел.

– Итак, разлюбезные мои олухи, – сообщил Людей, вы-

прямяясь, – я открыл перед вами царство свободы. Но вы не понимаете своей пользы. Так пребудет же с вами благо-словенная ра-ца-ца! – И он хлопнул в ладоши.

Зал содрогнулся.

Заворочались атланты, выдираясь из стен; ноги их задвигались, отбивая грозную плясовую. Дрожали камни, зачарованные зловещим ритмом; в такт польке качались колонны.

– Як! Цуп! Цоп!

Страшный тектонический удар потряс резиденцию. Ассасины попадали на пол, открывая беспорядочную стрельбу. В воздухе вспухли огненные облака.

Раньше, чем рухнул потолок, я схватил Кисмет за руку и бросился за кулисы. Куда бежать, я не знал. Вперед, в тучах пыли и раскрошившейся известки мелькал халат магистра. Отбросив ненужные мысли, я последовал за ним.

И, как оказалось, выбрал лучшую стратегию.

Пол раскачивался. Гулкой вибрацией вспух взрыв. В спину толкнулась горячая волна, придавая ногам резвости. Стену перед нами разметало обломками, и из нее вырвалась пляшущая полуобнаженная кариатида с пальмовой ветвью в руках.

Вой и скрежет камня наполняли резиденцию. Мы мчались наугад, с трудом выбирая путь в хаосе обломков. Я все пытался понять, что произошло. На манаров магия не действует. Но Людей и не пытался с ними ничего сделать! Он применил древнее и могущественное заклинание «Музыка гор»,

заставляющее камни плясать, а стены смеяться трещинами.

Орден Дверей Истени прекратил свое существование.

На лестничной площадке мы остановились, чтобы отдышаться. Бежать не было сил: сердце выбивало отчаянную морзянку, дыхание огнем рвало легкие. Сквозь мрамор ступеней я чувствовал, как содрогается здание. Размах колебаний становился все меньше; закливание понемногу выдыхалось.

Из щелей потянуло пронизывающим холодом. Кисмет съежилась, обхватив плечи руками. Каменная пыль покрывала ее с ног до головы, делая похожей на кариатиду. Я сорвал с уцелевшего окна бархатную штору и накинул ей на плечи.

– С-спасибо. – Актриса завернулась в бархат, стуча зубами. – Н-немножечко замерзла.

– Тебя как зовут? – спросил я.

– В-варвара. Варечка. А вас?

– Игорьь.

Закрывавшую лицо ткань она потеряла во время бегства. Сейчас, глядя на Варю, я ощутил нечто вроде разочарования. Ну не может судьба так простецки выглядеть! Лицо круглое, веснушчатое. Крылья носа широковаты, над верхней губой пушок, волосы неопределенно-лахудристого типа. Именно что Варечка, а не Варя или Варвара. Симпатичное, милое лицо... но не *femme fatale*, нет.

Впрочем, со своей ролью она справилась хорошо.

Я подошел к мраморным перилам и заглянул вниз. Лестница за нашей спиной обрушилась, обнажая стальные сухожилия перекрытий. Драконьими флагами свисали ковровые дорожки. Картина эта вызывала легкое головокружение.

Варечка стала рядом и, привстав на цыпочки, заглянула вниз.

– Ой, – сказала она. – Все немножечко рухнуло... Что будем делать?

С каменно-эфиопской мордашки на меня смотрели испуганные голубые глаза. Я пожал плечами:

– Выбираться будем.

– Игорь, – в голосе ее звучала торжественность. – Вы знаете, а мы ведь к покоям магистра выбежали! Он Меня сюда водил... когда у нас немножечко собеседование было.

Я заинтересовался:

– Собеседование? Ты можешь показать, где это?

– Немножечко могу. Дотуда. А вот дальше не помню. –

Варечка виновато повела плечиком.

– Ну хотя бы немножечко. Здесь опасненько... Тьфу!

Опасно оставаться, я чувствую.

– Ладно, – вздохнула она. – Только вы не смейтесь, когда заблудимся, хорошо?

– Хорошо. Обещаю, милая.

Заблудиться мы не успели. Уже в следующем коридоре стена опасно затрещала. Варечка ойкнула и прижалась ко

мне.

– Немножечко боюсь! – прошептала она.

Я отступил на шаг, готовый к любым неожиданностям. Стена вспухла и прорвалась струями песка и рваной арматуры. Из пролома вылетел Людей – в драном халате, с кувалдой на плече.

– Игорь, – закричал он, увидев нас, – живой, дэвяка! Какое счастье! – и сунул мне в руки кувалду: – Скорее, разбей их!

Сам же без сил рухнул на пол. Я нагнулся, чтобы помочь ему, но дзайан замахал руками.

– Скорее! – прохрипел он. – Они близко!

Варечкин визг заставил меня вздрогнуть. В дыру лез обколотый со всех сторон безногий атлант. Торчащая из торса арматура цеплялась за обломки плит, так что монстр не мог выбраться из пролома. Но сзади напирали еще двое, грозя вынести стену вместе со своим незадачливым собратом.

Руны на кувалде вспыхнули голодным зеленым пламенем. Ну, боги боевых искусств, выручайте! Я без замаха тюкнул статую в челюсть, хлестнул в ключицу и на отмахе пробил солнечное сплетение.

Напоследок рукояткой заехал в пах.

Статуе человеческие болевые точки оказались до оркестра. Атлант запыхтел застрявшим бульдозером и удвоил усилия.

– Ищи точку напряжения! – крикнул Людей. – Не давай ему подняться!

И я начал искать точку. Отыскалась она лишь во втором по счету атланте, когда первый превратился в каменную крошку. Статуя взорвалась со стеклянным чпоком, осколком располозовав мне скулу.

На третьего атланта не хватило сил. Кувалда резко потяжелела, руны из празднично-зеленых сделались блеклыми, словно зимний салат.

Из последних сил я бросился на оставшегося монстра. Тот оказался умнее предшественников. Уклонившись от удара, он врезал ребром ладони по рукояти.

Кувалду вырвало из моих рук.

Отчаянно пискнула Варечка. Людей из последних сил шептал ставшие бессмысленными заклинания. Атлант воздел чудовищные лапища, готовый обрушиться на нас своим весом, но тут просел потолок. Вдоль стены побежала трещина, выбрасывая фонтанчики гипсовой пыли.

Монстр озадаченно посмотрел вверх. Некоторое время он колебался, затем, подтащив обломок колонны, взгромоздился на него и подставил плечи под изгибающийся потолок. Любовь к своей профессии, вложенная в статую древним строителем, превозмогла заклятие Людей. Любовь вообще сильнее магии.

– Ох! – Варечка схватила меня за локоть. – Было немножко страшно. А вы здорово сражались, молодец!

– Пойдем. Надо унести Станислава. – Я с сомнением посмотрел на атланта: – Боюсь, долго он не продержится...

Вдвоем с Варечкой мы подняли грандмастера. Заклятие каменной музыки и бой с атлантами дались ему тяжело. Литницкий после нападения чупакабры выглядел немногим хуже Людея.

– Скорее, – просипел он. – В мой кабинет... Защитная чара... мой д... сть...

Последние слова утонули в треске. Колонна крошилась под ногами статуи, не давая опоры. Жить атланту оставалось считанные минуты.

Колени его задрожали и подломились.

Потолок пополз вниз, сминая статую фигуркой оригами. За миг до того, как нас накрыло, грандмастер выбросил вперед руку.

В воздухе повис угольный отпечаток пятерни с пылающими краями. Она расползлась, увеличившись в рост человека, и мы шагнули в нее – сперва Варечка, затем Людей и я.

За спиной яростно гроыхнуло: коридор из которого мы выбрались, перестал существовать.

Вот он – кабинет магистра, святая святых Дверей Истени... Широкая двуспальная кровать, застеленная шелковой картой древнего материка Гондваны. У стены – книжный шкаф, полка с двадцатью книгами истинного мага⁸, макет ка-

⁸ Считается, что для истинного величия магу в своей жизни требуется прочесть всего двадцать книг. Правда, на то, чтобы отыскать их, уходят долгие десятилетия.

равеллы «Санта-Мария». Вплотную к окну придвинут ореховый стол, инкрустированный мозаикой. На инкрустации – знаменитый костер Джордано Бруно, на котором тот сжег пришедших за ним инквизиторов. Да наш магистр еретик, оказывается... Остальные диковинки я оглядел вполглаза. Гобелен с «живым» звездным небом, редкая икона Белозонтичной Тары, коллекция масок театра Но.

Мы с Варечкой уложили магистра на кровать. Тому стало совсем плохо: изо рта и ушей капала кровь, кожа ссохлась пергаментом. Я погнал актрису искать аптечку, сам же уселся рядом с Людеем и принялся шаманить. Работа с биоэнергетикой манарам дается лучше, чем обычным людям, так что скоро магистр открыл глаза.

– Силен, сыскарь... – Он попытался улыбнуться. – Вот уж не думал, что ты до ордена докопаешься... Как ты сюда добрался?

– Работа такая. – Я осторожно вытянул из-под его спины покрывало и укрыл грандмастера. – У тебя тоже работка – не позавидуешь. Вот уж не думал, что ты «Музыку гор» знаешь.

– Это не «Музыка гор». – Людей прикрыл веки. – Это наше, новое... Студент мой придумал... «Якцуп-цоп» называется. Только у него опыта не хватило до ума довести...

Магистр попытался встать, но я не дал. Вышитая на покрывале Гондвана переливалась зеленым и коричневым шелком. Прообраз будущей Австралии потемнел от размазанной крови.

– Лежи, Станислав. Сейчас будем тебя лечить.

– Вот! – Варечка плюхнула на покрывало ящик с красным полумесяцем на крышке. – Аптечка!

– Свари кофе, милая, – попросил Людей, морщась от боли. – Нам с детективом предстоит долгий разговор.

– Детективом?! – Голубые Варечкины глаза потемнели от обиды. – А как же... Он ведь сказал, что актер!

– Вся жизнь театр, Варечка, – отозвался я философски, – а люди в нем актеры. Шекспир сказал.

– Это немножечко неправда! – Она гневно топнула ножкой. – Имейте в виду: я теперь вас терпеть не могу! – И, презрительно задрвав подбородок, отправилась варить кофе.

– Правильно мне Маша сказала, – вздохнул я. – Здесь меня все будут ненавидеть.

Аптечку Людей собирал загадочно. Несколько ампул родоптоксина, LSD, флакон с серебристой жидкостью (судя по весу – ртуть), четыре вида аква медичи (в просторечии – «тещино варенье»), цианистый калий.

– Слушай, у тебя что-нибудь для жизни есть? Или только яды?

– Круглая таблетка... самая большая...

– Ага, нашел.

– Ломай пополам. Только ровно.

Размерами таблетка напоминала крышку от банки с салатом. Но сломалась неожиданно легко, блеснув идеальным мраморным сколом.

– Теперь от верхней четвертинку... Четвертинку от *этого*, болван! От полной таблетки – восьмая часть!

– Такая сложная дозировка? – удивился я, протягивая обломок дзайану.

– Еще бы, – буркнул тот. – Это панацея⁹, один из аспектов философского камня. Половина таблетки помогает от мигрени, другая – от геморроя. Четверть лечит рак или простуду... но это в зависимости от какой половинки ломали. Осьмушка от половинки – тонизирует. От четвертинки – избавляет от похмелья. И так далее.

– А заранее расфасовать?

– Нельзя. Силу потеряет.

С величайшей осторожностью Людей проглотил лекарство. Разжевывать боится, догадался я. Чтобы во рту вдруг в слабительное со снотворным не превратилось или во что похлеще.

Подействовала панацея быстро. Щеки Людея порозовели, дыхание выровнялось. Перестали дрожать пальцы. Он поерзал в кровати и уселся, привалившись к стене.

– Не хватит надолго, – с сожалением отметил он. – Панацеи от смерти еще не придумали...

– А ты уж помирать собрался?

Маг криво усмехнулся:

– Надорвался я, братка... Сила – она штука такая. Много,

⁹ Панацея – мифическое (а в описываемом мире – вполне реальное) лекарство от всех болезней.

много... ан раз – и нет ее вовсе. Я ведь запредельные чары держу. Одна «Мой дом – моя крепость» чего стоит... Да и «Як-цуп-цоп» силы до сих пор тянет... – Он свесил руку к полу и принялся рыться под кроватью. Достал тетрадь в колленкоровой обложке и протянул мне. – Это в ковен передай. Тут мои наработки по магии.

Я запихнул тетрадь за ремень джинсов. «Мой дом – моя крепость», значит... Теперь понятно, почему кругом хаос, а здесь хоть бы стеклышко звякнуло. Нас хранит самая сильная защитная чара дзайанов.

Сидел Людей неудобно. Я осторожно приподнял его за плечи и подложил под спину подушку.

– Ребенка-то зачем в свои игры втравил? – недовольно поинтересовался я.

– Ты про Артема?

– Кого ж еще?.. Маги тебе мешали, ясно. А ты их руками пацана убрал.

– Что б ты понимал, манар... Миру грозит опасность. Теперь все средства хороши.

При этих словах я поскучнел. Старо, знакомо... Сейчас выяснится, что дзайаны погибли для их же собственного блага и Людею задолжали огромное спасибо.

– Не веришь... – кивнул грандмастер. – Что ж, твое право. Мерзко уходить из жизни подлецом... Так ведь не изменишь уже ничего.

– А ты Расскажи. – Я заглянул магу в глаза. – Чем,

например, мешал миру старый чудак-огородник? Учитель? Остальные дзайаны?

На лице мага застыла удивленная гримаса.

– Никогда нельзя недооценивать людей, – признал он. – Что ж, слушай. Мне все равно недолго осталось. – Он помолчал, собираясь с мыслями, потом спросил: – С теорией поводков ты, надеюсь, хотя бы в общих чертах знаком?

Я отрицательно покачал головой.

– Плохо... Но ладно, попробуем. Представь себе лежащий на столе кусок хлеба.

– В смысле?

– В прямом. Напряги воображение.

Я попытался. Ничего не вышло. Я прекрасно чувствовал стол, все его шероховатости и червоточинки, но добавить к реальности хоть что-нибудь оказался не в силах.

Неслышно вошла Варечка и плюхнула на столешницу поднос с кофейником. Чутье манара подсказывало мне, что кофе она пересластила, что одна из чашек искусно склеена, а в кофейнике – утоплена ложечка.

Но и все.

– А ты, милая, – спросил грандмастер, – слышала, о чем мы говорили? Можешь представить?

– Вам булку или бородинский? – Актриса с готовностью выпрямилась. – Я даже «Птичье молоко» немножечко могу! Подождите, сейчас кекс принесу.

Людей тяжело пошевелился. На моих глазах кисть его ле-

вой руки рассыпалась песком.

– Уже недолго... – сказал он, не скрывая досады. – А сколько всего не успел... Глупо... Слушай же, Игорь: маны теряют способность к воображению. Собственно, с этого все и начинается.

Варечка принесла кекс и уселась у грандмастера в ногах. Я прихлебывал кофе и вдумчиво слушал рассказ Людея.

...Оказывается, реальность, которую мы видим вокруг себя, не единственна. Кроме нее, существует Истень – пространство воображения. Любой человек способен творить в Истени что угодно: создавать города, разрушать их, бить морды возмутительным уродам, влюблять в себя красавиц и делать красавицами женщин, в него влюбленных.

Вот только за все это приходится расплачиваться... В обмен на абсолютную власть Истень забирает у нас силы. От каждого человека в пространство мечты тянутся потоки энергии. Именно поэтому, если долго мечтать, читать книги, смотреть фильмы или лазить по Интернету, так страшно устаешь.

А иногда среди людей рождаются дзайаны – уродцы, которых Истень почему-то не замечает... Станислав объяснил это так: у Истени мало маны, а у людей много. Поэтому люди постоянно отдают энергию – закон сообщающихся сосудов. Уровень же дзайанов если и выше, чем у Истени, то ненамного. Устойчивая связь не возникает; дзайаны не способны даже прикоснуться к Истени.

Раз нет доступа в пространство мечты, для игры воображения магам – этим бедным родственникам человечества, – остается реальный мир. Правда, силы на это взять неоткуда. Для новорожденного дзайана даже просто выжить порой становится неразрешимой проблемой. В Средневековье большинство магов умирали еще в младенчестве.

Но это решается. Примерно с семи лет ребенок-дзайан получает возможность перехватывать чужие потоки силы, идущие в Истень. Среди обывателей это называется «накинуть поводок» или «обмануть». После этого маг уже может накладывать простенькие заклинания.

Накинувший поводок дзайан забирает у человека маны куда меньше, чем Истень. Избыток силы остается в распоряжении манара. Это сказывается уже через несколько месяцев: манар становится здоровее удачливее, жизнерадостнее. Воображение, правда, не работает... Остаются незначительные крохи, но на них произведений искусства не создашь и великих открытий не совершишь.

Но разве это цена за счастье? Можно считать чудом, что на Земле до сих пор существуют люди без поводка. А связано это с тем, что каждый новый поводок разрушает сознание дзайана. Происходит это скачкообразно: известен случай, когда маг несколько десятилетий жил с двумястами поводками, а потом накинул двести первый и вообразил себя фениксом. Отправился на главную площадь города, разделся догола, облился бензином и принялся «возрождаться». Фа-

кел не могли потушить несколько месяцев.

Спрос рождает предложение. Магам нужны поводки для сильных, манаемких заклинаний. Люди стремятся к беззаботному счастью. К концу девятнадцатого века научились вычислять индивидуальный порог маны, который не рекомендуется превышать. После этого дзайаны стали использовать магию максимально эффективно.

И вот тут-то начались чудеса.

Маги-многоманочники меняли пространство вокруг себя, даже не накладывая заклинаний. Башня Безумного Друида и замок зеркал Дромминорха тому примером.

Одновременно с этим оголодавшая от невнимания Истень принялась охотиться на манаров. Некоторые из них стали «проваливаться» в Истень, которая представляла перед ними в самом соблазнительном виде, реальностью, идеально заточенной под манара.

– Когда это происходит, удалось выяснить? – поинтересовался я.

Людей отрицательно качнул подбородком. Плечо рассыпалось струйками алого драгоценного песка.

– Понятно... – протянул я, стараясь не смотреть на истерзанное разрушением тело. – Мир оказался в опасности, и вы организовали орден Дверей Истени...

– Да. Я много размышлял о том, имеем ли мы право на преступление во имя мира, и вот до чего додумался. Манары чувствуют себя исключенными из общества. Простота жиз-

ни утомляет хуже любой нервотрепки. Сил много, а куда их приложить и, главное, зачем – непонятно. А если вспомнить, что многих манаров мы «обманывали» против воли, картина получается и вовсе аховая.

Мне вспомнилась Мария с ее рассказом... По большому счету, мы, люди, беззащитны против дзайанского произвола. Заставить сильного мага отдать поводок может либо совсем уж запредельный маг, либо... террористическая организация.

– Так-так... Значит, первое испытание для будущего асасина – отыскать Двери Истени. Попасть к вам могли лишь те, кому вы жизненно необходимы. Тот же Артем, например. Какое-то время новый Порог обрастал связями, обучался, так?..

Людей согласно опустил ресницы.

– И кто-нибудь из истинных Дверей водил его на экскурсию в свою Истень. Приобщать к раю, так сказать.

– Обычно это делал Мигуэн... Он сибарит и знает толк в развлечениях. Потом приходило время для нового посвящения. Мы указывали новобранцу жертву-дзайана, разрабатывали план, который он претворял в жизнь. После этого Порог становился Замком Истени...

– ...и получал возможность участвовать в лотереях. – Я покосился на Варечку. Та сидела у окна, безучастно листая «Бестиарий призыва» и рассматривая картинки. За то время, что мы разговаривали, она успела умыться и переодеться в

пушистый халатик с белками и синицами. Похоже, Людей держал в кабинете обширный гардероб.

Поймав мой взгляд, актриса оторвалась от книжки и нерешительно улыbnулась.

– А зачем понадобилось представление с Кисмет?

– На манаров невозможно влиять магией. Их удачей нельзя управлять. А мне требовалась... кхм, некоторая подтасовка результатов.

– Убрать сильных соперников?

– Не только. Иногда мы получали заказы со стороны.

– Угу... – Ситуация понемногу прояснялась. – Как в случае с Литницкой, например.

Людей вздохнул.

– Признайся, – спросил он, – это она тебе о нас рассказала?

– Нет. Она не выдала вас, даже когда я припер ее к стенке. Кремень-девчонка. Знаешь, Станислав, – я потер щеку тыльной стороной ладони, – а давай мы тебя сэкономим? Я расскажу историю, как ее вижу, а ты послушаешь и поправишь меня, если я собыюсь. Идет?

– Идет.

– Итак, – начал я. – Света Литницкая. Талантливая, умная девушка...

– Талантливейшая! Мало встретишь дзайанов ее способностей. Все, молчу, молчу...

Я кивнул и продолжил:

– Но Свете не повезло. Глава рода Литницких оказался самодуром. Из старческого каприза он присвоил белые листы рода. При всех своих талантах Света – магиня неопытная, силенок ей для поступления в УМиСЧЕ не хватало. Поэтому...

– Не поэтому. Это, я бы сказал, второстепенная причина.

– А главная? – удивился я.

– Любовь. Дзайана полюбила рок-музыканта, плебея. Родители пришли в ужас. Вениамин своими руками набросил на Алексея поводок. А тут еще сложилось неудачно: музыкантишка, оказывается, умницу нашу терпеть не мог! О чем ей тут же и сообщил.

Я покачал головой. Это меняло дело. Манары проницательны в делах сердечных. У меня это прорежется не сегодня завтра; я буду точно знать, с какой женщиной мы станем прекрасной парой, а от какой надо бежать, словно от Винченцо, занимающего десятку до зарплаты. Бедная девочка!

– Она, значит, не смирилась... – задумчиво произнес я. – И решила во что бы то ни стало вырвать у деда поводок любимого. Как она вышла на вас?

– Сделай милость, не спрашивай! Это позорная история.

– Ладно. Ситуации это не меняет. Убивать наше милое «стихийное бедствие» ты не решился, да и сотрудничество ваше ордену давало едва ли не больше, чем самой Свете. Литницкий – сильный маг, помощь кого-то из его родственников оказалась бы для ордена весьма кстати. А дальше...

Дальше, ты дал Свете в помощь Артема, рассчитывая, что молодежь поладит друг с другом. Так оно и вышло. Магиня и юный ассасин с азартом взялись за дело. Несколько недель старик жил в кошмаре. Манаров поисковые заклинания не берут, так что Литницкий не смог отследить Артема и понять, откуда берутся чупакабры. Придя в отчаяние, он обратился ко мне. Вам же, – я внимательно посмотрел в лицо гранд-мастера, – каким-то образом удалось об этом пронюхать. Причем еще до прихода Литницкого ко мне.

Тот рассмеялся:

– Тоже мне квадрант Папюса!.. Мы отправили по е-мэйлу письма всем стоящим детективам. Если тебе это польстит, скажу, что ты был в списке первым. Оставалось ждать, кто откликнется.

– Понятно, – мне сделалось немного досадно, что я так просто попал в расставленные силки. – В «Ксанаду» ты навязал мне Свету в помощь и дал заведомо неполную обойму к пистолету. А когда мы отправились в бестиарий, выпустил цербера. Решил одним махом избавиться от опасной свидетельницы и детектива. Заодно и старика подставить.

Грандмастер помрачнел:

– Зря ты, Игорек... Я, конечно, не фраваш¹⁰ и рассчитывал с вами расправиться, но позже. И ты, и Света очень нравятся мне. Я бы с удовольствием видел вас в числе своих

¹⁰ Фраваш – сверхъестественное существо. В яснойской традиции соответствует христианским ангелам.

друзей.

Красный песок стекал с покрывала на пол – часы, отмеряющие время грандмастера. Я смотрел в зрачки умирающего мага и понимал: не врет. Скорее всего, цербер выбрался сам. Одна из тех случайностей, что порой встречаются на нашем пути...

– Ладно, – нехотя признал я, – верю. Тогда объясни, что случилось с Литницким на самом деле? Чупакабрасы трусливы. Чтобы прогнать тварь, ему стоило крикнуть или хлопнуть в ладоши.

– Я немного помог боевой магией. – Мое выражение лица говорило само за себя, так что он обозлился: – Ну что смотришь?! У Литницкого более двухсот поводков! Двести тридцать, понимаешь?! Если бы он догадался – Светке не жить! – Он опустил взгляд. – Да и мне самому, если честно, он мешал... Силищи – пол-Ведена спалить можно, а мораль – средневековая. Азиатская!

– А Марченко?

– Он так, мелкая сошка... Под раздачу попал. Хотя тоже – сто сорок четыре поводка.

Я мысленно присвистнул. Учитель с большой «У» действительно любил школу: с такой силой он мог безбедно прожить, накладывая какие-нибудь простенькие, но мощные заклинания. Снег чистить или мусор сжигать фэйрболами. Работа непыльная, а платят щедро.

– Ты пойми: все эти чудовища, дзайаны-сотенцы – они же

мир калечат! Ты не видишь этого, а я вижу!

– Что ж ты с себя не начал, святоша? – усмехнулся я. – У самого-то сколько поводков?

– Двадцать четыре.

Ухмылка сама сползла с губ. С двадцатью четырьмя поводками накладывать те чары, что я видел?

Рядом со мной – гений от магии.

И этого гения скоро не станет.

Потому что Людей умирает от перерасхода маны. Заклятья выпили все его резервы и принялись жрать тело. А все оттого, что щепетильность не позволила ему когда-то набросить лишний поводок, лишить кого-то судьбы.

Какая все-таки глупая штука эта жизнь...

Что-то грохнуло, и пейзаж за окном изменился. Чара «Мой дом – моя крепость» ослабевала. Резиденция давно рухнула; когда Людей умрет, заклятие плавно опустит кабинет на груды обломков, и мы сможем выбраться.

Языки празднично-алой пыли жадно доедали тело грандмастера.

– Бумаги в ящике шкафа, – с трудом проговорил он. – И вот еще... наклонись...

Я нагнулся к лицу умирающего. В ноздри ударил запах старых подпорченных пряностей: корицы и мускатного ореха.

– Когда... встретишь господина мертвых... передай...

Лицо мага разгладилось, внезапно помолодев, а по-

том рассыпалось буддистской мандалой. Поверх материка Гондваны лежал новый материк – из алого песка.

– Прощай, господин Людей, – одними губами прошептал я. – Прощай, и пусть дороги магов приведут тебя в мир, где тебе будет хорошо. Где ты сможешь творить в полную силу, не оглядываясь на завистников и убийц.

Я решительно смахнул с покрывала песчаную мандалу. На душе стало радостно и легко.

Да, так будет правильно.

Я вытащил из шкафа бумаги, о которых говорил Людей. Полные списки Порогов и Замков Истени... Фактически я держал в руках историю заговора ассасинов. Вот только самого ордена уже не существовало.

Мыльным пузырем, сорвавшимся с кончика соломинки, кабинет заскользил вниз. Я положил актрисе руку на плечо:

– Варечка, собирайся. Нам пора.

Девушка посмотрела на меня вопросительно:

– Я немножечко не дочитала... Можно я возьму эту книжку?

И, подумав, ответила сама себе:

– Теперь можно.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. ИНТЕРЛЮДИЯ

*(Четверг, 9.20,
рассказывает Алексей Озерский)*

Вчерашний день прошел жутко. Я заперся дома, не отвечая на звонки и не включая телевизор. Сидел себе и брнчал на гитаре. Мне все казалось, что, если я выйду на улицу, случится что-нибудь страшное. Самолет врежется в дом, или какой-нибудь безумный маг разбудит Ктулху.

А потом меня взяло зло. В прямом и в переносном смысле.

Я, что ли, виноват, что мне обряд границы назначили?! Аснатары придумали, пусть и расхлебывают! Вот назло пойду и начну всем вредить!

С этими мыслями я собрался и вышел на улицу.

Самое удивительное, что поехал я не куда-нибудь, а на работу. Просто прелесть, что за воплощение хаоса! Еще и программку какую-нибудь напишу – вот злейшее зло будет!

Интересно, а вот бы Ферад узнал, что у него друджвант работает?! Описался бы, наверное!

Работа меня разочаровала. Никакого особенного злобства

не происходило; обыденный уют офиса навевал дремоту.

– ...ну и правильно, – доносилось из-за приоткрытой двери. – Еще после Варфоломеевской ночи стоило разогнать!

– Ага, после Варфоломеевской!.. В девятнадцатом самый разгул маньяков был.

– Ну что там за маньяки?.. Джек-потрошитель тупой вконец?.. После первой жертвы и повязали!

– Так ведь аснатары повязали.

– Думаешь, полиция бы не справилась? И легко. Может, даже и первой жертвы не было бы!

Ребята из карточного смаковали любимую тему: предстоящее упразднение инквизиции. Ох, поскорей бы! И что бы их, сволочей, неделкой раньше не разогнать?

От мыслей этих нахлынула тоска тоскущая. Я прикрыл дверь. Была охота идиотов слушать...

По комнате бродили печальные сквозняки, заставляя поджимать ноги. Кабель, который я вчера воткнул в чайник, уже кто-то успел утащить. Я выдернул из «Апокалипсиса кибервойны» новый; обесточенный блок захлебнулся гудением и погас. Ну и дэв с ним...

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул Валерка.

– Алекс, слышь? У тебя сетка видна?

– Есть сетка. А что?

– Тестовый сервер исчез. Хожу вот, проверяю...

Лицо у Валерки бледное и опухшее. Бедняга... Это ведь из-за меня сервер пропал. Я покосился на обесточенный

«Апокалипсис». Интересно, это уже можно считать проявлением моей злокозненной натуры?

Втыкать шнур обратно я не стал. В конце концов, я друджвант, а не хрен собачий! Пусть мучаются!

Работать тоже не стал. Вместо этого сел и проверил почту. Конвертик почтового агента налился красным. Пишут мне, елки-палки! Не забыли друджванта Брави!

Писем пришло ажио целых три штуки. Первые два оказались спамом. Одно аршинными красными буквами сообщало, что «НАЙДЕНО НОВОЕ СРЕДСТВО ОТ МИГРЕНИ!!!». И ниже, чуть мельче: «Кабош-ltd» поможет вам».

Другое понравилось мне еще больше:

«Ведена языковой School приглашает На занятия аскавского языка. Нескучные решительно эффективные уроки, преподаваемые грамотными педагогами носителями языка, из Ночмарии и Аскава».

И ниже:

«Знать чужой язык лучше родной совй!!!».

Третье пришло от Светы.

«Здравствуй.

Сейчас пойдут глупости, конечно. Может, это и неправильно, и писать так неприлично, но я хочу сказать, что тот вечер получился замечательным!

Спасибо тебе!!!

В общем, так.

С. ака Летяга.

P.S. Бременские музыканты передают тебе привет».

Несколько строчек, осторожных, сдержанных до испуга, – так пишут деловому партнеру. Лишь в последних словах проскользнуло что-то из позавчерашнего беззаботного вечера.

Но все равно. Это письмо от нее! Волной накатило сумасшедшее, запредельное счастье. С большим трудом я удержался, чтобы не ответить немедленно. Что она подумает? Надо выдерживать характер!

Следующие полчаса я мучился. Стирал, исправлял, бросал и начинал заново. Ну хорошо, хорошо, бог с ним, с характером...

Сохранить!

Отправить!!

Ответ выскочил почти тут же – в рваных строчках, среди восклицательных знаков и смайликов. Запятыми Света манкировала, зато тире сыпала без меры. Я ответил и на это послание.

Почти без паузы выскочило второе письмо. И третье. Мы захлеб писали друг другу, обнаруживая, что думаем одинаковые мысли, любим и ненавидим одно и то же. Господи, и я еще ее боялся когда-то! Вот сумасшедший! К одиннадцати, когда цепочка писем оборвалась, я чувствовал себя испитой заваркой в чайнике.

Тут я задумался.

Светка мне нужна. Очень. Именно сейчас, когда я почти

друджвант и непонятно, что случится завтра... Господи, и что за чушь мне лезла в голову, когда я был манаром!

Тут я сделал глупость. Взял и все так прямо и написал. В груди екнуло, но что написано клавиатурой, не вырубишь спам-фильтром. Оставалось ждать ответа.

А он все не приходил.

Минута тянулась за минутой, а почтовый агент тоскливо моргал белым глазом. Чтобы не изводиться, я решил сходить пообедать. Рановато немного, но друджвантам можно.

Тут-то и началось. Когда я пошел к вешалке за курткой, затрезвонил телефон.

Меня искал Ферад.

– Олексей, – невыразительным тоном объявил он. – Олексей, оставайся на месте. Сейчас за тобой придут.

– А что случилось, Ферад Васильевич? Я...

Мембрана шелкнула. Я сидел выпрямившись, слушая гудки, потом положил трубку – осторожно, словно кусачую жабу.

Придут?

Кто?! Зачем?!

Ждать ответа пришлось недолго. На лестнице слышались шаги – размеренные, четкие. Наши так не ходят: они или тащатся нога за ногу, или бегают.

– Кто здесь будет Алексей Озеров? – спросил официальный голос. Ребята в карточном притихли. Что-то неразборчиво отвечала Некатина.

Бу-бу-бу. Бу-бу-бу. Вновь тот же официальный голос. Приоткрылась дверь, и в кабинет заглянула Мамуля:

– Леш... там к тебе... за тобой...

За ее спиной маячил банковский охранник. Незнакомый, скорее всего из центрального офиса.

– Пройдемте, Озеров, – таким же невыразительным, как у Ферада, голосом приказал он.

– Озерский, – поправил я.

– Озерский, – согласился он равнодушно. – Идемте. Там разберутся.

В машине меня стиснули бока двух охранников. Второй оказался наш, знакомый. Два года назад он конфисковал у меня гитару (я от большого ума ляпнул, что в футляре автомат). Вечером гитару отдали, а история вошла в банковские легенды. Пока ехали в центральный офис, он все пытался меня подбодрить.

Из его слов я и выяснил, что произошло. Оказывается, меня обвинили в банковской махинации. С ума сойти!

Пока я обдумывал новость, охранник все втирал, что ничего страшного меня не ждет. Крадут деньги, говорил, в основном менеджеры старшего звена. Ну, на крайняк операциониста платежку подделает, карточник «Визу» сдаст. Но не программеры же! Меня вызывают исключительно для внутреннего расследования.

Я кисло улыбался в ответ. Агащазблин, для внутреннего... Год назад мне приходилось разбираться с одним пла-

тежом. Руководство считало, что его подделали. Я ж помню, как это было. Тихо, деликатно, без аскавского идиотизма. «Пройдемте, Озеров!»! Да завтра по банку слухи пойдут! А послезавтра будет знать весь Веден... и что Веден – банкто хоть небольшой, но с Европой работает.

Машина остановилась у головного офиса. Охранники повели меня к малому конференц-залу; когда-то я отчитывался там по первому своему проекту, по внебалансовым. С тех пор ненавижу зеленое сукно и демонстрационные доски.

А теперь....

– Ну, с богом, – напутствовал «свой» охранник. Второй лишь кивнул равнодушно.

Стиснув челюсти, чтобы не лязгать зубами, я шагнул в зал.

Почти все собравшиеся были мне знакомы. Вот вице-президент банка Николай Борисович; вот Тамара; вот сухоньякая девица с восковой кожей и слепенькими глазками – наверное, «девочка» из ее отдела. За вешалкой кто-то прячется, кажется, Ферад Васильевич. Не сладко ему, святоше...

Последним я заметил жирдяя – того самого, аскавца из «Кайена». Он сидел с равнодушным видом, подперев подбородок ладонью. Увидев меня, жирдяй вздрогнул. Скука сорвалась с его лица, как пластырь с мозоли.

– Ну-с, господин Озерский, здравствуйте, – вице-президент с показным радушием подал мне руку. – Извините за спешность, дело уж больно щепетильное. Постараюсь быст-

ро ввести вас в курс дела. Вот тут наш постоянный господин Коонан, – полупоклон в сторону жирдяя, – утверждает, что у него платеж ушел не туда.

Хм. Ну и что?.. На то спецотделы есть, чтобы разбираться. Я здесь при чем?

Николай Борисович меня отлично понимал. Понимал и, в общем-то, сочувствовал.

– Разрешите, Ферад Васильевич? – прищелкнул он пальцами.

Шеф угодливо – даже как-то чересчур – пододвинул папку с распечатками.

– Смотрите, господин Озерский. Вот вчерашний платеж, сто третья форма. Полюбопытствуйте пятьдесят девятое поле, счет получателя.

Распечатка размочалилась старой газетой. Поле было выделено красным маркером, жирным, словно помада. Скорее всего документы готовила бледная «девочка».

– Платеж внутренний? – спросил я.

– Внешний. В том и инцидент, – при слове «инцидент» Тамара страдальчески поморщилась. – Документ шел в ночмарский банк, полюбопытствуйте свифт. И обратите любопытство: формат счета полностью идентичен нашему.

Я огляделся. Тамара сидела в молитвенной позе, оттопырив зад и сцепив руки в замке перед грудью. Ферад потел за вешалкой; «девочка» неестественно выпрямилась. В невыразительном лице ее светилась мука.

Николай Борисович протянул мне бумагу:

– Любопытствуете? Такого счета в нашей системе не было. Он появился за три минуты до того, как пришел злополучный платеж. Тамара, вам слово.

Тамара встрепелулась. Глазки ее забегали: с меня на жирдяя, потом на вице-президента и вновь на меня. «Девочку» она почему-то игнорировала.

– Алеша, я все сейчас расскажу. Ты меня слушаешь?.. Произошло вот что: деньги делает автомат. Он загнал их вместо транзитника на наш счет. Инга твоей программой как раз его открыла. – «Девочка» сморщила нос, словно собираясь заплакать.

– А потом? Куда они... эти деньги?

– Это самое любопытственное. Вот за этим мы сюда и встретились.

Вновь зашуршали распечатки. Вице-президент складывал оригами из широких бумажных лент, складывал и не мог сложить. Не вполне понимая зачем, я вытащил амулет.

В костяных узорах пульсировала сила.

Я поискал взглядом Коонана. Жирдяй брезгливо обирал невидимые соринки с рукава.

Подчиняясь неведомому наитию, я выступал амулетом по столу сложный ритм. Солнечный блик задрожал на полировке разлитой сгущенкой.

– ...поэтому получается... вы меня слушаете?.. – бубнил вице-президент, – что счет этот карточный. И деньги с него

– тью-тью! Что скажете, господин Коонан?

– Ну...

– Смотрите, – одними губами произнесла вдруг «девочка». Лицо ее и шея из белых вдруг стали грязно-снежными.

На моих глазах амулет выбросил снопик сияния. Тот все рос и рос, а потом из него выползла крыса – седая, в соляной корке. Оглядевшись, крыса вразвалочку заковыляла к Николаю Борисовичу. Обнюхав распечатку в его руке, тварь деликатно присела. Из-под лапок разлилась лужа, выкрашивая уголок бумаги темным.

От Тамариного визга опрокинулся настольный календарь. «Девочка» обмякла; что произошло с Ферадом Васильевичем, я не видел.

Меня обдало жаркой волной счастья. В ушах победно трубили фанфары.

Получилось! Магия аснатаров на моей стороне! Я бесстрашно схватил крысу и швырнул в лицо жирдяю. Сам бросился к двери, – охранники брызнули в разные стороны.

Послышался дикий рев.

– Хана тебе, парень! – орал жирдяй. – Ой, хана! Хана хановая, беспонтовая... Сханчим тебя в ханы!..

– Ну давай, давай! – Я остановился и присел.

Во взгляде аскавца плескалось безумие. Напряженно улыбаясь, он двинулся на меня. Этого я не ожидал, думал, испугается. Спиной, чтобы не терять его из виду, я выбрался на улицу.

Там ждал поцарапанный «Кайен». На заднем сиденье – парень с забинтованной головой. Однорукий охранник тоже отирался поблизости. Завидев нас, он распахнул дверь.

– Садись, сволочь, – приказал жирдяй.

– Ага, щаз. – Я покатал в ладонях амулет и ухмыльнулся. –

А может, я друджвант? Может, я тебя сейчас убью?

Синий, кряхтя, полез из машины:

– Господин Коонан, позвольте мне.

– Сиди! Я сам.

Аскавец двинулся ко мне. Я стоял, не двигаясь, до того момента, пока его живот не уперся в меня. У, жирная скотина!

Костяшки на кулаках сбиты, лицо в застарелых шрамах. Отличный боец, наверное... Никакого страха я не испытывал. Наоборот, веселье рвалось из меня, заставляя подхихивать.

– Смотри. – Я подкинул амулет на ладони. – Удар, вырывающий сердце! Десять лет изучал в Китае! У лучшего конфуиста! Бу!! – И хлопнул жирдяя по груди.

Из глаза Вайю вырвалось сияние, затопляя мир.

Когда оно погасло, аскавец бесформенной кучей осел к моим ногам. Лицо его напоминало вареную свеклу.

«Кайен-Турбо» медленно попятился. Забрать труп аскавцы даже не пытались.

Похоже, они поняли, кто я.

Глупость – это явление, от алигмента не зависящее. Убив аскавца, я временно потерял голову. Бросился прятаться, следы заметать... Вот идиотина! Да кто меня искать будет?!

Амулет-то вот он! Я с нежностью погладил костяной бок. Получалось, что глаз Вайю защитит меня от любой напасти... Интересно, перевешивают ли ограбление банка и убийство мои добрые дела?

Поразмыслив, я решил, что нет. Банк я на самом Деле не грабил, и пусть они еще докажут! А жирдяя вообще стоило убить. Он ведь варвар, аскавский барон. У него на совести столько жизней, сколько мне в «Фраше» за год не набить!

Так что же получается?

Я вроде бы зло сотворил, но вышло к лучшему... Может, это испытание такое и есть? Если я обычный человек, то амулет не позволит мне совершить ничего плохого. А если друджвант, то хоть в бункер спрячусь – зло все равно вырвется.

И значит, я могу делать что хочу.

А это надо проверить!

Теперь я шел по городу не скрываясь, с любопытством глядя по сторонам. Сегодня я хозяин города, прячьтесь! Вскоре я ощутил чей-то взгляд. Из витрины на меня глазели манекены: задрапированная в рекламные плакаты девушка и кукольный пупс в костюме.

Вот сюда и зайдем. Сами напросились!

Ласково зазвенели колокольчики. Дверь захлопнулась за

моей спиной, отрезая уличные шум и бестолочь. Никакого плана у меня пока не было. Наитие и еще раз наитие.

Охранник предупредительно качнулся навстречу, но движение осталось незавершенным. И правильно. Не больно-то я похож на покупателя. Так, случайный заброда-студент, которому надо скоротать несколько часов до свидания. Поболтаюсь и уйду.

Я бесцельно зашагал вдоль рядов вешалок. Рекламный плакат обещал «женские платья всех мыслимых расцветок». Ага, щаз! Мыслимые расцветки всегда бывают почему-то трех видов: белые, черные и красные. Как в детских страшилках: «Покупай, доченька, любое платье, кроме черного».

Или белого.

Или красного.

Все друг друга стоят.

Я остановился у никелированной трубы, увешанной клонированными женскими свитерками. Где-то тут должно быть зеркало...

Вот оно, голуба!

Глядя на меня, отражение поджало губы. Согласен. Волосы давно мыть пора. Так я скоро не на магазинного вора – на убийцу стану похож!

Я достал расческу и стянул резинку с хвоста.

– Вам помочь?

Из-за спины отражения выглядывала девушка-эксперт в сером костюмчике. Я обернулся. Пигалица едва доставала

мне до плеча. Мохнатые брови придавали ей насупленный вид.

Ответственная какая, подумал я с восторгом.

И серьезная!

– Чем я могу вам помочь? – повторила она.

– Мне нужно платье. – Я задумался. Платье... Зачем? А! – Для Све... для моей девушки.

Пигалица напряглась:

– Мы можем предложить большой выбор. Скажите только размер.

– Понятия не имею. – Я развеселился. – Ну-у... она выше тебя ростом. И это... стройнее. В смысле не такая жирная.

Пигалица беспомощно улыбнулась.

– Пойдемте. Попробуем что-нибудь подыскать...

Она пошла вперед, ставя ноги по-балетному – пятка перед носком. На меня накатило презрение: хоть бы по морде съездила придурку! Но клиент всегда прав.

– Вот здесь, – бесцветным голосом произнесла пигалица. – Это вам подойдет... наверное.

Взгляд ее задержался на одном из платьев – белом, с пуэртиканской карнавальной бахромой. Пигалица смутилась и увела глаза в сторону.

А ведь это ее любимое платье! – догадался я. Небось постоянно мечтает, как она, вся из себя такая сверкающая, да в этом платье, да на подиуме...

И конечно же, я не удержался. Ну а что делать, если человек сам подставляется под разные гадости?

– А тебе оно как? – спросил я, поднимая невинный взгляд.

– Ну-у... не знаю...

– Сейчас примерим. Давай, давай!

Я силой подтащил ее к зеркалу. Приложил вешалку к ее груди, заставил покружиться. Девушка послушно поворачивалась, следуя моим указаниям. В лице застыла обреченность.

– Раздевайся! – приказал я. – Ну?!

Амулет полыхнул озорным светом. В глазах девчонки отразилось бесконечное отчаяние; покорными трясущимися пальцами она принялась расстегивать пуговицы блузки. К счастью для нее, и охранник, и кассирши смотрели в другую сторону.

– Фигня, – покачал я головой, когда она переоделась. – Как на корове седло... А из мужского что можешь предложить?

– Это в другом отделе. Вам надо обратиться к...

– Ничего не надо. Ты мне нравишься.

Она увяла. Амулет давал власть. Я чувствовал, что могу держать пигалицу сколько угодно. Могу увести в другой отдел, заставить выполнять чужую работу. Могу...

Да мало ли чего я еще могу... По щеке пигалицы побежала черная капля. Девушка подозрительно шмыгнула носом и сгорбилась.

– Ладно, – смилостивился я. – Сам справлюсь. Иди.

В бесцветно-серых глазах вспыхнуло облегчение. И радость. И еще что-то, чему я не нашел объяснения. Вот клуша!

– Спасибо вам большое, – чуть гнусаво поблагодарила она. – Мы будем вас ждать! Заходите еще!

Ну-ну...

В мужском отделе дела обстояли хуже, чем в дамском. Пиджаки. Пиджаки, пиджаки, старческие сорочки, галстуки. Я снял наугад несколько костюмов и, прихватив охапку галстуков, отправился к примерочной. Консультантка мужского отдела, лиричная брюнетка с припудренным шрамиком на брови, подойти побоялась.

Вот и ладошки. А то я весь салон на уши подниму.

– Жди, – указал я на нее пальцем. – Ты мне понадобишься.

Повозившись для проформы в примерочной, я перебрал галстуки. Убого... Один, похожий на отутюженный змеиный выползок, мне понравился больше других. Не Hermes, но вполне симпатично. Я запихал его в карман и вышел из кабинки.

– Повесь, пожалуйста, – сбросил на руки брюнетке ворох костюмов, сам двинулся к кассе.

Охранник смотрел на меня напряженно, как ганфайтер Дикого Запада на маршала. Я коснулся амулета, и – о, чудо! – охранник скопировал мой жест. Вот только он положил руку на пояс рядом с кобурой пистолета.

– Что-то не в порядке?

Я помотал головой. Огненный силуэт загустел, не давая двигаться. Стук крови в висках оглушал. Охранник, уже не стесняясь, пялился на меня во все глаза. Ну не могу я так уйти! Не могу!

Так что же? Я, получается, не вор?!

Достав из кармана галстук, я двинулся к кассе.

– Сколько с меня? – Губы онемели и почти не двигались.

Кассирша бойко отстучала чек. Глядя на рубиновую полосу, перечеркивающую штрих-код, я сообразил, какого дурака чуть не сваял. Тут же защита! Попытайся я выйти из салона, меня повязали бы моментом!

– Сто двадцать, пожалуйста.

Чувствуя себя полным идиотом, я раскрыл бумажник. Последние деньги, ну елки-палки! Упаковать галстук я отказался. Выбежав на улицу, швырнул его в урну – с глаз долой, только бы не видеть. Чужой взгляд жег спину. Пройдя несколько шагов, я обернулся: охранник смотрел мне вслед сквозь витринное стекло.

Ну и пусть!

Пусть смотрит, козел! Главное, что я не друджвант! И это почти доказано!

Галстук я все-таки подобрал. Мой взгляд метался, выхватывая дома и машины, ощущывая лица прохожих. Мне хотелось вновь и вновь убеждаться в своей чистоте.

Нет, грабить неинтересно. Тянуть слова по-гопничьи, ро-

жу наглотать – этого у меня не выйдет. Да и вдруг драка случится? Амулет меня защитит, но все равно неприятно.

Тогда что же?

Студенты на остановке. Полный мужчина с пуделем на поводке. Машина без присмотра – хозяин отошел за сигаретами... Машина! А, нет, уже не угнать – вернулся.

Ничего. Что-нибудь я отыщу. Мне сам хаванан велел не стесняться!

Мир вывернулся передо мной наизнанку. Дома, люди, машины – ко всему я примерял силу амулета, прикидывая: проверить, не проверить?

Промелькнуло некрасивое девичье лицо в серой шапочке-буденовке. Амулет дернулся, и меня обдало жаром.

А что, если?!

Я проводил «буденовку» оценивающим взглядом. Нет, не эта... А вот другая – в беличьей шубке, смугленькая, с ямочками на щеках. Не пойдет? Рыжий лупоглазый подросток с косичками? Тоже?.. Может, эта? Белокурая, хрупкая, рот приоткрыт, грязная болоньевая куртка крепко запахла. Тонкие руки обнимают плечи, а ноги голые – нет даже колготок. И лицо дергается, ловя выражения одно за другим, пытаюсь понять, что же хочет выразить хозяйка.

Живая кукла.

Вот только у кукол не бывает таких лиц. Подвижных настолько, что мимика теряет всякий смысл.

Сам не зная зачем, я двинулся за ней следом. Мы пере-

секли Тербат, вышли к полупустынным закоулкам у Церковной. Девушка подпрыгивала при ходьбе – почти как Светка, когда волнуется.

Вокруг почти никого. Да и неважно это... Я вдруг понял, насколько просто задуманное: схватить, утянуть в подворотню, отыскать подвал или подсобку... только ничего не спрашивать! и чтоб не оглядывалась – тогда проще, тогда не надо будет...

Во рту пересохло. Я пошел быстрее, ловя шагами ритм сердца:

– Девушка!

Только бы не остановилась! Иди, милая, иди!

– Эй, девушка!

Голоногая замерла. Сгорбилась неуклюже, пытаюсь понять: ее ли зовут, нет? Я схватил ее за рукав:

– Девушка, стойте! Погодите!

Амулет дернулся. Дома потекли, превращаясь в своих теневых двойников. Люди исчезали, выпадая хлопьями блесок, лишь голоногая оставалась со мной: я держал крепко.

Значит что, можно?!

Стук сердца сводил меня с ума.

– Пойдем, – бормотал я. – Пойдем, пойдем...

Дурочка не сопротивлялась, лишь крепче запахивала куртку. От нее несло потом и крепкими дешевыми духами. Глаза смотрели радостно и чуть испуганно:

– Я на троллейбус! Инга, чтобы я на двадцать второй,

ага?.. И потом на пятой. Пятую то есть.

Как просто. Увести ее к старым домам, подняться на чердак... Чердаки обычно запирают, но для меня сейчас замков нет. Помочь снять куртку, раздеть. Дурочка даже не поймет, что с ней происходит. Вряд ли она будет кричать – ведь в мире, где болтаются ее куцые мысли, нет места небритому насильнику с грязными патлами, перетянутыми черной мохнатой резинкой. Там светло и уютно, там бродят оленята, и пчелы кружатся над ульями.

– Только Инге не. Она чтобы я сразу домой. Да?.. Да?.. Вы хороший!

Сердце выбивало фламенковые ритмы. Дурочка сдула со щеки прилипшую прядь и доверчиво захлопала ресницами. Я разозлился. Ну чего я жду?!

– Пойдем. Я тебя провожу. Двадцать второй совсем в другой стороне.

– Правда?!

Дурочка действительно не сопротивлялась. Стояла, покорно глядя перед собой, а в кульминационный момент охнула и переступила с ноги на ногу.

Отчего-то эта покорность разозлила меня больше всего.

Одеть я ее толком не смог. Бился, бился, потом сунул в руки ее тряпье, накинул на плечи куртку и застегнул «молнию». Со стороны ничего и не видно.

Пока мы шли, в воздухе сгустилась тьма. Из созданного

глазом Вайю недолгого лета мы возвращались в осень. Голоногая топнула туфелькой, словно норовистая лошадка.

– Я сейчас! Я пи-пи хочу!

Да как ее вообще отпустили одну?! И эта неведомая Инга... Я смотрел, как девчонка идет к покосившемуся забору между киоском и офисом мебельщиков. Застенчиво оглянувшись, она нырнула в пожухлый бурьян. Повозилась, присела там, словно наседка.

На меня напало отвращение. Я повернулся и побрел прочь – сперва тихо, чтобы не услышала голоногая, а потом совершенно не скрываясь. О том, как она будет путаться в лабиринте переулков, я старался не думать.

Неужели амулет меня обманул? Или это тоже было добро?

Мне отчего-то вспомнилась Светка. В сиянии фонаря мелькнули золотистые волосы и рыжий воротник. Сердце разменяло удар на три, а я понял, что это не она.

И нисколечко не похожа.

Но в эту девушку я тоже мог бы влюбиться.

Если бы все сложилось иначе.

Дома я некоторое время сидел на подоконнике, укрывшись пледом и умиротворенно разглядывая соломенно-желтые блики на стене напротив. Иногда их пересекала тень – клен за окном качал ветвью. Повезло нам с погодой... Осень без дождя и солнце круглыми днями.

Охапки листьев – цветное лото. Синь неба меж крыш.

Бабье лето.

При слове «бабье» золотые прямоугольники потухли. Солнце уткнулось носом в шаль облаков, забыв светить. Я поежился, кутаясь в плед. Словно та дурочка в свою куртку...

«Только Инге не... Да?... Вы хороший».

Комок подкатил к горлу. Не надо было ее бросать... Что стоило довести до остановки, посадить на троллейбус?

Скоро я убедил себя, что и с голоногой поступил совершенно правильно. Кому она нужна такая? А что ушёл – так надо! Я должен остаться для нее легендой, сказкой!

Еще одно испытание позади... А хочется еще и еще. И времени осталось чуть-чуть.

Внезапно меня осенило.

У меня же есть банк! Родной мой банк, выдавший меня «постоянному господину» жирдяю. Ограбить его – что может быть лучшей проверкой? Тем более что я это уже один раз проделал – если верить президенту и жирдяю.

Скоро план сложился в голове до мелочей. Перво-наперво нужен приличный костюм. Я осмотрел свой гардероб и поморщился. Тот, что для банковских вечеринок, здорово побтрепался. Да и вообще... Мне нужен новый костюм. С иголочки. Чтоб я в нем выглядел десятиклассником на школьном балу – лопухим и восторженным.

С этого и начнем. Я снял со стены футляр с «ибанезом» и отправился навстречу приключениям.

Костюм я добыл за полтора часа. «Ибанез» пришлось заложить в ломбарде. Гитара пошла «на ура»: я не только отбил свои двести тридцать, но и выторговал аляповатую заколку под галстук. За костюмом я отправился в магазин, который так неудачно грабил сегодня. Увидев меня, охранник потерял дар речи.

Брюнетка со шрамом подобрала мне стильные доспехи канареечного цвета. Увидев себя в зеркале, я расхохотался и купил костюм без разговоров.

После этого я отправился в банк. Меня била нервная дрожь: все-таки там камеры, охрана... Однако обошлось. Охрана отворачивалась при моем приближении, камеры ломались. Я даже пожалел, что затеял дурацкую возню с костюмом.

У входа, правда, ждал сюрприз. Дверь с фотоэлементом и не подумала открыться при моем появлении. Потоптавшись у стекляшки, я двинулся в обход здания.

Ничего, мы пойдем другим путем!.. Окно в серверную защищали решетки, но я знал, что его регулярно открывают. Так что вряд ли оно окажется на замке. Подтянувшись, я вцепился в прут и рванул на себя. Посыпалась старая краска. Заскрипев, решетка оторвалась, обдав меня фонтанчиком щепок.

Эх, зря я костюм сразу надел! Вывожусь как свинья... Но ладно. Я поплевал на руки и вновь взялся за решетку, выла-

мывая ее из окна.

Дальше пошло легче. Я толкнул створку окна внутрь, и та распахнулась. В подсобке отыскалась стремянка; по ней я перебрался в серверную. Все выходило даже удачнее, чем я планировал изначально. Отсюда легко влезть на банковские серверы, запустить любую программу. Просмотреть базы, подправить их, стереть. Лепота!

Для начала я юркнул в аппаратную – царство роботов, автоматических обработчиков, верификаторов. Здесь даже стульев своих нет – их притаскивают из других комнат, если надо посидеть и что-то наладить. Администраторы сюда заходят редко. Это мне тоже на руку.

Комната встретила меня сумрачем пыли и вонью пластика. На столах и металлических полках разросся компьютерный монстр, старший брат «Апофеоза войны». Через проходы тянулись связки проводов; на ковролине звездчато отблескивали т-коннекторы и терминаторы – словно росянка на болоте.

За дверью послышались шаги. Я замер.

– Ну че, пацаны, – объявил жизнерадостный голос, приближаясь. – Слышали терку? В аквапарк пиранью запустили!

Это Андриан, администратор наш. Принесла же нелегкая... Стараясь не шуметь, я двинулся к первой попавшейся машине.

Мне повезло: на ней обнаружился полный набор подключений к сети. Тут вам и корпоративная сетка, и все банков-

ские АРМы¹. Для пробы я подключился к своей машине.

//Bravi

Ага, нашлась. Никто не выключил, не демонтировал родную мою. Да и когда бы успели? Я открыл папку с системным бэкапом.

Через несколько минут возни мне удалось выцепить почтовый сертификат. Я подключился к корпоративной почте и принялся перерывать сообщения.

За прошедшие часы писем прибавилось. В основном писали по делу. То программа не работает, то платеж потерялся, то не та услуга снялась. Ага, вот. Мамуля разослала смешные картинки пользователю «Developers». «Developers» – это все мы, программисты. Раз письмо до меня дошло, значит, из группы меня не исключили.

Я повеселел.

Хуже всего наткнуться на письмо президента пользователю «AllNew»: «В ответ на ширящиеся слухи о имевшем место быть факте мошенничества...» и так далее. Канцелярщина с уголовщиной, разворачивайся и уходи. Но я, похоже, еще в команде.

Так что давай, Брави!

Дерзай!

Я запустил АРМ¹¹ операционного работника. Логин – безликая администраторская единичка; пароль не менялся вот уже с лета – «mednyjtazik24». Безопасность аховая, товари-

¹¹ АРМ – автоматизированное рабочее место.

щи, аховая... что ж вы так подкачали-то?!

На экран выбросило колонки меню. Я открыл сессию собственного счета, полюбовался на сиротливые полторы тысячи, что лежали там, и, не мелочась, перекинул четыре миллиона из кассы. Возникла заминка: у администратора не хватало прав на операцию мемордера.

Рутинка... Как на работе, честное слово. Я загрузил робота TTS под отладчиком и вручную вписал нужные атрибуты транзакции. А потом еще и «уронил» его перед тем, как скинуть данные в базу.

Даже неудачи мне на руку. Теперь эти деньги найдут лишь глубокой ночью – когда станут считать баланс. И найдет их не операционистка-девочка, а свой брат программер. Скорее всего Валерка Навигатор.

Жаль, что у меня нет кредитной карточки. Сейчас бы вышел, снял через банкомат денег... А так придется переться в оперзал. Все беды на Земле от лени!

Пора было заканчивать, но я медлил. Что-то оставалось несделанным. Что?.. Я пробежался по статусам своего счета: состояние, мультивалютность, кредитные договора, история... История!

Мой счет заморозили, а я не знал! Класть на него деньги разрешалось, снимать – нет. Хорош бы я был, придя в оперзал за краденными деньгами... Значит, в чем-то меня все-таки подозревают.

Чтобы разморозить счет, доступов хватило. Администра-

торские схемы безопасности живут своей жизнью, угадать пределы их полномочий не в силах самый искушенный знаток.

Теперь все. Финальный заплыв. Можно, конечно, подтереть в темп-директории следы загрузки, но смысл? Ну узнают, что кто-то под админом входил с робот-сервера, и что?..

Я двинулся к выходу. Изнутри аппаратная открывалась нажатием кнопки, похожей на дверной звонок. Это снаружи вход только по карточке.

Замок щелкнул, выпуская меня. За порогом ожидал новый сюрприз: я едва не столкнулся с Мамулей.

– Озерский, привет! – бросила она и остановилась. Выщипанные брови поднялись угольными дугами: – Чего это ты такой красивый?

Я оглядел свой костюм:

– Нравится?

– Озерский, ты просто шикарный мужчина!

– Увольняюсь я, Мамуля. Ферад достал. Решил попробовать себя в гетеросексуальном коллективе.

Некатина хихикнула:

– Ну, бог в помощь. А то о тебе разное рассказывают.

– А что именно?

Она сморщилась:

– Знаешь, у меня отчеты горят... Ты ведь выставляться будешь? – Я кивнул. – Ну вот будешь, там и узнаешь.

И не терпящей возражений походкой Мамуля направи-

лась в администраторскую. Я же выбрался из «предбанника» и отправился на «рецепшен».

Там Анда со своей фирменной рассеянной полуулыбкой предложила подняться к третьему операционисту. Не лучший выбор. За третьим сидит Виктор, единственный мужчина в операционном зале. С ним я чувствую себя неловко; все-таки деньги выдавать – это женская работа. Так же как писать программы – мужская.

Ладно. Семь бед – один ответ. Я храбро затопал по лестнице вверх. У входа в оперзал меня ожидал сюрприз: охранник оказался тот самый «пройдемте, Озеров».

– Озерский, – холодно сообщил я ему.

– Что, простите?.. – чуть наклонился он.

– Моя фамилия – Озерский. Приказы вы исполняете старательно, это хорошо. В дальнейшем нам такие люди понадобятся. – И, ошарашив его так, я зашагал к третьему столу.

– Свободны?

Виктор поднял голову от бумаг, улыбнулся:

– Присаживайтесь, пожалуйста.

Я отдал карточку, назвал пароль. Пока он устанавливал клиентскую сессию, огляделся исподтишка.

Охранник «Озеров» никуда не делся. Не стал звонить, вызывать начальника смены, устраивать цирк с конями. Это хорошо. Меньше возни будет. Амулет сжигал мое тело расслабляющим мягким светом. Казалось, стоит чуть ослабить

контроль и меня самого превратит в свет – радостный, веселый, танцующий. Я вздохнул и вытянул ноги.

– Четыре миллиона тысяча четыреста девяносто три алемана, – деловито сообщил Виктор. – Сколько будете снимать?

Аккуратный, кареглазый, с пухлыми губами. С самой первой нашей встречи я его невзлюбил. Но это всегда так. Те, кто носит джинсы, и те, для кого костюм с галстуком удобная повседневная одежда, друг другу доверяют редко.

– Все снимайте, – весело сообщил я. – Мне счет закрыть надо, – и в порыве «откровенности» добавил: – Меня на другую работу зовут. Вот, хочу, чтобы здесь ничего не удерживало. – Я улыбнулся. – Чтобы решиться наконец.

Недоверие в его взгляде угасло. О том, откуда у меня четыре миллиона алеманов, он и не подумал спросить.

– Какими купюрами брать будете?

– Двадцатитысячными, – чуть не ляпнул «пятерками». И добавил: – У меня даже паспорт с собой есть.

Улыбка Виктора стала шире. Работникам банка не требуется подтверждающих документов, чтобы снимать деньги. Нас и так все знают. Когда он только устроился на работу, а я пришел за заначкой, нам обоим выпала пара неприятных минут. Я его понимаю: сидит парень в вытертых джинсах, майке с черепами, подпись на дэва похожа (работая на компьютере, я совершенно разучился писать ручкой), да еще денег хочет! Два месяца я его терроризировал, но паспорт так

и не принес. Потом он привык.

– Покажите.

Я достал паспорт, развернул.

– Хорошо. Все в порядке. – В глазах мелькнули победные искорки. Он поднялся и пошел в кассу.

Почтовый агент пикнул и выбросил на экран сообщение «вам письмо». Тянуться к мышке через весь стол оказалось неудобно, еще неудобней было работать левой рукой. Путаюсь в кнопках, я заглянул в письмо. Пришли курсы госбанка. Пролистав простыню с письмами вверх, я обнаружил сообщение, адресованное «AllNew».

Десять минут назад, просматривая свой ящик, я такого письма не видел. Что же, меня исключили из сообщества «AllNew»?

Прочсть письмо я не успел: Виктор уже выходил из дверей кассы. Я быстро переключился на окно с АРМом и уселся, чинно сложив руки на столе. Сидеть неудобно... Кресла для посетителей, наверное, специально делают такими: чтобы клиент на операциониста не давил.

– Вот, пожалуйста, – Виктор дважды пересчитал купюры на машинке. – Конвертик дать?

– Не надо. Спасибо большое!

Я сгреб деньги, распишал их по карманам пиджака и отправился к выходу. Уходя с моего пути, охранник «Озеров» несколько замешкался. Амулет выдал мощный импульс, и тот послушно продрейфовал к кассе. Айсберг в пустынном

море... И что он на меня пялится? Вторая голова у меня выросла, что ли?

Из неведомого куража я поднялся в свой кабинет. Сердце колотилось чаще, чем когда я вел девчонку в подворотню. Вот развлекуха! Я и не знал, что это так весело!

На панели монитора помаргивал золотистый глазок. Ах ты, псина обиженная под диваном!.. Я пощелкал мышкой, и машина радостно затрещала винчестером, пробуждаясь. Из-под белого пластика выглядывала полоска пыли: системный блок зачем-то двигали.

Обижали тебя, хорошую мою?

Я заглянул в почтовый ящик. Сунулся в папку «Личные письма», ту, что не мог проверить, подключаясь в аппаратной. На экран высыпало штук тридцать строчек, набухших красным.

Сердце радостно подпрыгнуло, набирая ход.

Все с одного адреса!

Светка писала мне все эти часы, пытаюсь отыскать. Да и звонила, наверное, тоже. Светка, Светка...

Я наугад открыл одно письмо, другое. Все чуть разные, но смысл один и тот же. «Где ты?» «Что с тобой?» «Куда пропал?» И во всех, без слов, навязчивым рефреном: я люблю тебя.

Вот только я уже не тот, кого она знала. Я перечитал послание, которое отправил перед уходом.

Мне стало ужасно неловко.

Ну что за ребенок! Прибежать в слезах, ткнуться носом в теплую мягкую грудь (а у нее и теплая, и мягкая) – спасай, Светуля!

Хватит морочить девчонке голову.

Я раскрыл последнее Светкино письмо.

«Лешик, слушай! Я поняла наконец: я...»

Выделив текст, я удалил все, не читая. Потом принялся печатать. Сдержанно, без лишних эмоций рассказал, что со мной произошло в эти дни.

И задумался.

Требовалось поставить точку. Эффектную, чтоб наповал. Нужны были правильные слова, а они все не приходили.

Давно заметил: когда голова занята важным, руки начинают жить своей жизнью. Что-то рисуют, ручку вертят, по клавиатуре шарят. Вот и сейчас: пока думал над прощальным письмом, они успели дважды проверить почту (зачем?), открыть интернет-избранное, запустить блог.

Ну-ка, ну-ка...

А ведь этот клип я знаю! Талантливо нарисованный мультфильм к песне «There she is» группы «Witches». Группа то ли китайская, то ли корейская, но это неважно. На экране девушка-зайчиха встречает мальчика-кота. Стаканчик морковного сока летит на асфальт. Глаза у зайчихи – точь-в-точь Светкины, два горящих сердечка.

Как же я не додумался сам!

У зайчихи и кота нет шансов на любовь. Дзайану и чело-

веку не быть вместе... или быть, но уж больно мерзкое «вместе» получится. Словно зоофилия.

Не хочу.

«Не хочу!»

И ссылка вверху, чтобы эти два слова – вместо подписи.

Теперь все.

За этот день я испытал больше, чем за всю предыдущую жизнь... И если вдруг окажется, что я все-таки друджвант – не стыдно умирать.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

*(Пятница, 11.00,
рассказывает Игорь Колеснический)*

Утро выдалось ярким и чистым, как пригоршня воды из горного ручья. Вчера мне удалось поспать лишь четыре часа, но этого хватило с лихвой. Все-таки в существовании манара есть много плюсов. Я со вкусом выпался и шел по улице бодрый и веселый.

По тротуару, приплясывая, семенила цепочка людей в зеленых и оранжевых балахонах. Смуглые девушки в сари, с точкой посреди лба, бритые юноши с тонкими цыплячьими шеями. Друиды. Их гуру, смуглый раджавец с вывороченными губами и злым веселым лицом, неистово молотил в барабанчик. «Дуб-омела, дуб-омела! – неслоь над улицей. – Дуб-дуб, омела-мела! Дуб-омела, пальма-пальма, дуб-дуб, омела-мела!»

К процессии уже пристроились новообращенные. Сконфуженный толстячок в бежевом плаще, страшненькая студентка в клетчатом берете и тонких кривых колготках. За ними – подростки, похожие, как близнецы, мальчик и девочка с одинаково сверкающими брегетами улыбками. Нашли свое счастье.

Со стороны площади неслоь обрывки музыки: ласковый

напев окарины, озорной речитатив флейт, гул барабанов.

Елки-палки! Сегодня же четная пятница, выходной день!.. Настроение прыгнуло в заоблачные высоты. Это у маголовки выходных не бывает, а я свободный человек! Расследование завершено, о результатах я еще вчера сообщил Литницкому. Кое о чем, правда, умолчал... Скажем, об участии Светы в деле дзайану-самодуру знать необязательно. Любовь сильнее магии, уж это я знаю наверняка!

Старый огородник уверен, что стал жертвой политической многоходовки Людея... Ну и пусть. Это их дразги, дзайанская возня. Узнав, что грандмастер мертв, Литницкий порвал старый договор и написал новый на сумму, вдесятеро превышающую прежнюю. С трудом дождавшись, пока уйдет платеж на мой счет, маг сорвался с места и убежал. На слабость наплевал, болезни. Вот что с человеком жажда власти делает!

Предвкушая несколько часов роскошного благословенного безделья, я свернул на площадь. Там шло представление. На помосте, заваленном грудями золотых, пурпурных и киноварных листьев, проповедовали друиды. Тощий сумрачный паренек в зеленом жонглировал кинжалами; с одного на другой перепархивали синицы и зимородки. Птицы и сталь двигались восхитительно слаженно; круги жизни и смерти текли один в другом, не смешиваясь.

За спиной жонглера танцевали две друидки. Одна двигалась вымученно – ни дать ни взять отличница у доски, – дру-

гая же словно играла в пятнашки: с танцем, зрителями, солнечным утром, бездонной синью над головой.

Я помахал ей, и девушка улыбнулась в ответ. Зимородком на клинке встрепенулось сердце. Будь я человеком, влюбился бы без памяти... Но я манар. Нас двоих ожидает удивительная судьба, и дороги наши нигде не пересекутся.

Это я знаю точно.

А жаль.

...Кто-то деликатно тронул меня за рукав, отрывая от глубокомысленных размышлений о манарской доле.

– Благого дня, сын мой! – послышался знакомый голос. – О господе нашем узнать не желаете ли? Об Ормазде благом?

Я обернулся. Давешний ратвишкара – прыщавый, зеленоглазый, сутулый – неуклюже топтался у меня за спиной. И не лень же человеку!

– Здравствуйте, отче. – Я наклонил голову для благословения. – А вы какими судьбами в вертепе языческом?

Священник неловко осенил меня знаком фарохара.

– Я, сыне Игорьь, проповедую, – объявил он, волнуясь. – Я ведь как? Язычники собрались, надо, чтоб по чести было! Чтобы у людей выбор. А то глазеть глазуют, красиво – а таинства обрядовые нет, не знают! Вот и объясняю им, хожу повсюду...

– Достойное рвение. Брат-то ваш как?

– Брат? Плохо брат... – Глаза ратвишкары сделались тоскливыми: – Вы понимаете, мне говорят, а я не верю... Ну не

верю, что он – с храмовой блудницей! Не верю!

Мне стало смешно. Похоже, этот удивительный парень узнал о жизни много нового.

– Да не волнуйтесь вы так, – сообщил я весело. – Мужчины, женщины – это ведь самим богом заведено.

– Вы не понимаете! Они о догматах спорят. Сравнивают церковные таинства...

– Ну, ну, отче! Голос чего такой унылый?! Иль усомнились в учении Ясны?!

От этих моих слов юноша и вовсе увял.

– А ведь вы правы... – раздумчиво проговорил он. – Очень в точку попали, сын мой! Нет веры во мне истовой, нет! Оттого и в брате сомневаюсь... Мне ведь, – голос его сорвался в шепот, – видения были. Будто пришла ко мне в келью их жрица дэвовская. Сама в рясе с кружавчиками, сосуды скверны из декольте торчат... пакость какая! И ну, говорит, прими наши верования языческие.

– А вы ей?

– А я – достал «Бундахишн», «Видевдат» и читаю читаю с восторгом упоенным. А она ластится, трется но с покорностью, с преклонением эдаким. Понимаете?! Чует веру истинную! И набухло во мне святое знание, пролилось дождем изобильным! Просыпаюсь, знаете ли, а на душе так благодно стало, легко! Вот я и думаю...

– Стоп. Отче, давайте начистоту: ведь не об эро... о видениях же своих вы пришли рассказывать?

Ратвишкара покраснел. Потоптался немного, словно прорываясь убежать, затем решил и сбросил с плеча рюкзачок.

– Вот вы очень правильно сейчас сказали, – объявил он, роясь в рюкзачке. – Своекорыстен я... Нет рвения божественного. Но все равно! Понимаете, у нас за прошлый месяц недорасход чудес. Раздать надо благим мирянам. Вот я и подумал о вас.

Он обернулся, держа на ладони нечто невидимое:

– Вот... из церковных закровов. Это – чтобы море перед вами расступилось. Только далеко не забредайте, непонятно, сколько оно продержится.

– Не хочу.

– А это? Тремя рыбами фугу и рисовым колобком накормить алчущих. Только фугу надо уметь готовить. Если неправильно – сразу смерть, рыба-то ядовитая. И кормить лучше японцев, наши к такому непривычны. А вот – по воде ходить! Правда, оно только к зиме вызреет...

– Да что у вас, отче, чудеса какие-то уцененные?

Улыбка сползла с лица священника. Он сложил чудеса в мешок и завязал тесемки.

– Станный вы человек, Игорь... От дарового могущества отказываетесь. Настолько верите в свои силы? А хотите, сделаю вам предсказание?

Я уже понял, что так просто он не отвяжется.

– Буду благодарен, отче, – вздохнул я с покорностью. – Только побыстрее!

Священник обрадовался. Поднялся, отряхнул рясу на коленях и вдруг бросил в меня чем-то невидимым. Я ощутил, как по мне прокатился комок пыли.

– Вы манар к тому же, – протянул ратвишкара. Вскинул глаза к небу и забормотал свистящим шепотом: – Раз-два... На Язатов уповаю... Тану гнетет Аху, нет у Ака-Маны власти надо мной! Изыдите, Араска, Варэна, Ази и Спазга! – И вдруг объявил радостно и страшно: – Вижу! Вы отрежете голову!

– Что-о-о?!

– Женщине, бывшей комсомолке. Верьте мне, сыне!

Бочком-бочком, я двинулся прочь от сумасшедшего. Ратвишкара семенил следом, не стремясь приблизиться, но и не отставая. Сколько длилась бы эта погоня, не знаю, но мне повезло.

Кто-то с визгом кинулся мне на плечи.

Сзади, внезапно.

Ратвишкара, увидев этого кого-то, в ужасе бросился бежать. Я же, не думая, рухнул на одно колено, сгреб нападавшего в охапку и качнулся вперед, стряхивая. Длинные волосы хлестнули по лицу.

Рефлексы дали маху. В следующий миг я это понял и лихорадочно затормозил бросок. Тротуар вывернулся из-под ног, больно шлепнув по заду. Я сидел на асфальте, сжимая в объятиях залиvisto хохочущую Дашку.

– Воронушек! – Она звучно чмокнула меня в щеку. – Ты

не представляешь, как я по тебе соскучилась!

– Сумасшедшая! Я же говорил тебе никогда не прыгать на спину!

– Я помню. Воронушек, не дуйся! У тебя вид был такой загруженный, я так хотела тебя повеселить! Вот, кстати, Валерик, мой жених. Знакомься. Мы с ним в Кортесию едем, к ацтекским пирамидам. Я, наверное, с работы совсем уволюсь, потому что что я там забыла на фиг?! – Все это она выпалила одним махом.

Я восторженно покачал головой. Ну, Дашка, молодчина, времени даром не теряла!

К нам шел мужчина лет тридцати пяти – коротко стриженный, губастый, в халате с золотыми мантикорами. Увидев нас обнимающимися в куче опавшей листвы, он деликатно потупил взгляд.

– Вы не очень ушиблись? – спросил у меня. И с тревогой нагнулся к манаре: – Золотце, тебе нельзя сидеть на земле, простудишься! Встань немедленно. Или хотя бы пересядь на колени к этому доброму человеку.

– Будет сделано, тушканчик! – Дашка с очаровательной покорностью выполнила приказ. – Лерик, сходи в кафешку, займи столик. Это мой бывший начальник, ужасный деспот и тиран. Он отхлебнет у меня литр-другой крови – привычка у него такая, – а потом мы присоединимся к тебе.

– Да, милая. Слушаюсь, богоподобная!

Я с восхищением посмотрел ему вслед. Похоже, Дашка

откопала где-то фраваша во плоти...

– Кто это? – поинтересовался я.

– Профессор истории. Прекрасный человек, добрый, отзывчивый... только немного слишком доверчивый. Если бы не я, попал бы в лапы к какой-нибудь аферистке. А так я его спасла.

Она заботливо подняла меня на ноги и отряхнула.

– Ты-то как? – поинтересовалась ласково. – Я слышала, ты уже закончил то дело.

– Закончил. Постой... но откуда?! Это же тайна следствия!

– Мне Люся рассказала. Ты вчера заходил в маголовку – перед полковником отчитываться. А она все слышала. Так что идем праздновать, воронушек!

Я покачал головой. Женщины, конечно, умеют хранить тайны – но только сообща. И мне это может выйти боком.

– Даш... хоть ты никому не рассказывай. С меня заказчик голову снимет!

– Заказчик твой сам трепал направо и налево. – Манара посерьезнела. – Хорошо, Игореш. Я – могила.

С этого момента я мог быть спокоен: дальше нее эта тайна никуда не уйдет. Но как быть с теми, кому разболтала Люся?

Впрочем, размышлять о грустном мне быстро надоело, и мы отправились в кафе. Валерий уже сидел за столиком, сиротливо уткнувшись в ноутбук. Рядом дымилась чашка кофе – суматарского, если судить по айсбергам сахара на по-

верхности. Сахар в суматарском кофе не тонет и не растворяется. Этот напиток горек настолько, что выпивший чашку на целый день обретает вкус к жизни и с наслаждением ест даже самые непритязательные блюда.

Похоже, Дашка готовится накормить жениха своей стряпней.

Мы чинно расселись. Прибежала официантка и замерла в позе готовности. Увидев ее, Валерий с рассеянным видом кивнул на чашку:

– Еще сахарку, пожалуйста. Я мешаю, мешаю, а оно горькое!

– Сделайэм обязаательно. – В голосе официантки переливался восхитительный ночмарский акцент. – А что будиэт заказывать... – она помедлила, подбирая слово, – ваша госпожа?

Мы переглянулись и расхохотались, ужасно смутив официантку. Валерий, похоже, ничего не заметил.

– Его госпожа хочет «капучино судьбы», – заявила Дашка.

Непроницаемые глаза ночмарки уставились на меня:

– А вы?

– Мне «кофе трехсот ликеров», пожалуйста.

Я мельком заглянул в ноутбук Валерия. Тот светился праздничным великолепием: сияние стали, золотые узоры, кровавые искры гранатов. Не сразу я сообразил, что это фотография клинка под огромным увеличением.

Поймав мой взгляд, Валерий обернулся:

– Интересуетесь?

– В какой-то мере.

– И правильно интересуетесь! О, это чудесная, великолепная, божественная вещь! Подобный тип кинжала был распространён в конце четырнадцатого века. Из-за двух шарообразных выпуклостей, которыми украшено основание рукояти, его эвфемистично зовут «почечным кинжалом» или «Dague a Rognons». Но уверяю вас: хозяин звал его «Кинжалом с яйцами»! И я приложу все силы, чтобы вернуть этому оружию былое название!

Дашка восхищенно захлопала в ладоши:

– Валерик – лучший в мире знаток оружия, – придвинулась к жениху, взяв его под локоть и сообщила доверительно: – Знает все обо всем, что убивает и наносит раны. Правда, лапулик?

– Правда, солнцеликая. – Они поцеловались. Валерий поднял на меня счастливый, немного смущенный взгляд: – У меня дар, понимаете?.. Стоит назвать имя оружия – если у него есть имя, конечно, – и я расскажу о нем все.

– Так вы дзайан? – заинтересовался я.

– В некотором роде... Понимаете, у меня предел – один поводок. Это смехотворно, это даже нельзя считать магией...

– Понимаю. – Мне вспомнился Людей, и я чуть погрустнел. Вот уж на кого загадочные питомцы великого грандмастера охотились бы в последнюю очередь... – А скажите, вы так любое оружие можете?

– Любое. Если у него есть имя.

Тут официантка принесла кофе, и нам на какое-то время стало не до разговоров. Я накрыл свою чашку ладонью и сосредоточился. «Кофе трехсот ликеров» – особый. Его готовят магическим путем; по желанию посетителя он приобретает вкус одного из ликеров, известных повару. Вряд ли здешний повар знает все триста, но заведение хорошее, можно рассчитывать на широкий выбор. Я загадал «Сент-Чибураго», мистическую марку заокеанской Кортесии – в честь будущей поездки моей секретарши.

Перед Дашей дымился «капучино судьбы». Тоже магия, но посильнее, чем в «трехстах ликерах». Один из кусочков сахара в этом кофе не тает, а причудливо плавится. По его виду можно определить, что тебя ждет в ближайшем будущем. Сахарный кошелек сулит прибыли, котлета – поражение в боксерском матче, гусь – предстоящий разрыв с товарищем.

Придумал «капучино судьбы» средневековый отравитель Амбруаз Паре. Студентами мы шутили, что, если чашке позволить остыть, она принесет страшные беды. Призрак Паре станет являться по ночам, адски стеноя и вопя: «Не понравилось?! Невкусно, да?!»

В каждой шутке есть доля правды. Этот кофе заказывают редко и никогда не оставляют недопитым.

– Скажите, – поинтересовался я, – а что вы знаете о мече по имени «Приблуда»?

– Кустарное оружие. – Валерий отхлебнул из своей чашки и состроил страдальческую гримасу. – Ковал местный, ролевик, зовут Валентином. Мой знакомый, кстати... Меч выкован по образцу японской катаны. Выкован с применением магии. Сейчас лежит в сейфе... в офисе... адрес попробую... Господи! – Он вытаращился на меня с изумлением. – Да это же ваш меч!

– Точно... – Я ощутил разочарование. Наверняка Дашка выболтала жениху все мои секреты... О мече точно проболталась.

– Так это не настоящий меч, воронушек? – Дашка выкатила на меня удивленные глаза. – Я думала, ты его из Японии привез.

– Да я и не был никогда в Японии, – отмахнулся я.

– А что до настоящести, – вступился за «Приблуду» Валерий, – то меч удивительно хорош. Валентин при должном обучении мог бы стать лучшим куз...

От Дашкиного визга я едва не опрокинул кофе. Манара отпрыгнула от стола, размахивая руками:

– Спасите! – Она оттолкнула чашку. – Я не буду это пить!

– Почему?

– Там муха!

– Где?

Она указала ложечкой. Я присмотрелся:

– Даш, это осколок кофейного зернышка. Никакой мухи нет.

– Все равно не буду! Еще бы там муха была! Сумасшедшие! Давай поменяемся, а? – Дашка просительно заглянула мне в глаза.

– Ну давай. – Я придвинул к ней свою чашку и забрал «капучино судьбы». Иначе ведь не отвяжется, знаю я ее.

С легкой настороженностью я сделал глоток. На вкус кофе оказался изумительным. И это при том, что к капучино я отношусь с прохладцей.

– А что вы скажете о кинжале... м-м, скажем, аль-Бариу? – спросил я.

– Аль-Бариу... Оружие восточное, когда-то принадлежало знаменитому еретику Гасану ас-Саббаху. Тузасская сталь, филигрань. Покинув своего господина, отправилось странствовать по свету. Пошло через множество рук... не всегда чистых, впрочем. Попробовало крови. – Он быстренько набрал что-то в ноутбуке и придвинул ко мне: – Можете полюбоваться.

На экране горело изображение кинжала изумительной красоты. Я вмиг понял и простил неведомого вора, покусившегося на это сокровище.

– Вы волшебник! – восхитился я. – Распечатайте для меня эту картинку.

– С удовольствием. Подождите чуть-чуть. – Принтер ноутбука затрещал, выбрасывая тонкую пленку с изображением.

– А где сейчас находится аль-Бариу?

– Сейчас он... – Лицо знатока оружия застыло. На лбу и щеках выступили капли пота. – Нет! Не могу! – закричал он отчаянно. Скорчился, словно от приступа безумной боли, закрыл лицо ладонями. – Не просите!.. Не могу!

Роняя стулья, Дашка бросилась к жениху.

– Сусличек, что с тобой?! – запричитала она, прижимая его голову к груди. – Сусличек, любимый мой, хороший, успокойся! Все хорошо, все хорошо, любимый мой!

Трясущимися руками она влила жениху в рот остатки суматарского кофе. Горечь подействовала. Некоторое время Валерий не мог вымолвить ни слова, только трясся и размахивал руками.

Зато потом сразу пришел в себя.

– Не спрашивайте меня больше, где этот кинжал, – сорванным голосом сообщил он. – Им владеет существо, переполненное адской ненавистью. Боюсь, что это уже не человек. Извините...

Не чувствуя вкуса, я машинально допил капучино.

Что-то стукнуло о дно чашки. С некоторым удивлением я уставился на предмет, плавающий в кофейной гуще.

Дашка заглянула через мой локоть.

– Та-ак! – Голос ее наполнился обманчивым спокойствием. – Это уже ни в какие ворота не лезет. То у них мухи в кофе плавают, то вот это. Эй, девушка, идите сюда! Немедленно позовите менеджера!

Я поболтал чашку, задумчиво разглядывая ее содержи-

мое.

В кофейной гуще белела отрубленная женская голова.

Распрощавшись с Дашей и ее женихом, я отправился в офис. Знаю, знаю, пятница, выходной день. Все нормальные люди развлекаются. Но почему не побыть хоть чуточку сумасшедшим?! Тем более что меня вела интуиция.

Вахтера дяди Лени на месте не оказалось. Это поразило меня больше, чем вчерашние чудеса и разгром ордена убийц. На столе, придавленный книжкой «Некрономикон для чайников», стоял железный сундучок размером с хлебницу. Из него доносилось сдавленное мычание.

Проникнуть в будку вахтера я даже и не пытался. Там чары гильдейские, профсоюзные... они членские взносы проверяют. Постороннего на месте убьет. Я просто сбил ручкой от швабры книжку и откинул крышку сундука.

Вахтера выбросило отравленной иглой из духовой трубки пигмея. Глаза сумасшедшие, лысина углем измазана, жилетка мехом наружу.

– Что случилось, дядь Леня?

– Пропуск давай! – прохрипел вахтер.

Ничему не удивляясь, я развернул книжицу. Изучив удостоверение, вахтер успокоился. Попенял, правда, что лицо на фотографии круглее, чем в жизни. Но при моей работе особо не разъешься.

– Там это, Игорек... – дядя Леня замялся, – жрицы язы-

ческих культов. Нарушают.

– Ктулху? – с пониманием кивнул я.

– Да не... Ктулху, – он с досадой спрятал «Некрономикон» в ящик стола,. – это для общего развития тэк-сэзать. Тут жрицы. Понимаешь?..

Ну, жрицы так жрицы... Напомнив себе сменить вахтера за несоответствие должности, я зашагал по лестнице.

Не дойдя до своего этажа, я замедлил шаг.

В офисе гости. Как, отчего – не знаю. Похоже, те самые, что спрятали вахтера в сундучок.

Словно по команде мобильник выдал первые такты «Марша кавалергардов». Я поднес его к уху.

– Игорь, это я, – без предисловий объявила дзайана.

– Света?!

– Куда ты пропал, Рек?! Я тебя искала, искала! И в больницу не зашел! А обещал!

– Э-э... Но это ведь ты...

– Что я?! Скажи еще, это я обещала зайти! Тряпка! Размазня! – Голос ее сорвался в задумчивость: – Хотя да. Ты бы меня не нашел... Я из больницы сбежала. Чаровато! – в трубке послышалось сдавленное хихиканье.

– Зачем ты поводок на меня накинула, чудо?

– Затем! Я тебя вообще-то пнуть хотела. Только очень нога болела. Будешь знать, как девушкам гадости говорить!

Я потрясенно молчал.

– Ладно, – Светин голос наполнился ласковой хрипот-

дой. – Жди. Я к тебе сейчас чаранусь. Пока, лапа!

Сумасшествие... Нет, не зря Миямото Мусаси говорил: «Женщины!» – и что-то там еще. Хотя нет. Больше он ничего не мог сказать.

Потому что женщины – это женщины.

Я отключил телефон и спрятал в карман. Внизу зашаркали старческие шаги. Я осторожно перегнулся через лестничные перила.

С высоты идущего разглядеть трудно... Несколько раз мелькнул зеленый клетчатый рукав. Однажды в поле зрения попала старушечья голова в черном «черчанском» платке.

Звуки старушечьих шагов укладывались в строгий ритм. Шаг, шаг, шарканье – словно нога срывается со ступеньки – и вновь шаг. Этот звук навел на меня дрожь. Не спрашивайте отчего, навел, и все.

Задерживаться на лестничной клетке расхотелось.

Что выбрать, оказавшись между адской старушкой и офисом, в котором наверняка притаилась засада? Между Сциллой и Харибдой?

Вот-вот.

Я поднялся на лестничную площадку, достал пистолет и загремел ключами, отпирая замок. Затем распахнул дверь и провел то, что у фехтовальщиков называется ремизом¹².

Дэва с два! Никто не прыгал лихо и бесшабашно мне навстречу. Не бил по голове, не тыкал жестким стволом «гло-

¹² Ремиз – ложное движение с целью спровоцировать атаку.

ка» под ребра. Даже обидно. Чувствуя себя полным идиотом, я заглянул в шкаф, проверил туалет и кладовку.

Ни-ко-го.

Спрятав «эфу», я вошел в свой кабинет. Так и есть. Вот они, голубчики! В креслах двое, причем обоих я знаю.

– День добрый! Рад вас видеть.

Высокий бородатый мужчина, похожий на цыгана Кустурицы, приподнялся в кресле, стягивая тубетейку.

– Здра-авствуйте! – шутовски протянул он. На выбритом черепе чернела татуировка: паук, затаившийся в сетях.

Юноша за моим столом хмуро кивнул. Одевался он с варварской претенциозностью. Рыжий вельветовый пиджак от Ermengildo Zegna, алое кашне, цветастая футболка. И бинты на голове, заставившие вспомнить сахарную черепашку из «капучино судьбы».

За рулем «Кайена» мальчишка смотрелся солиднее.

– А мы к тебе дружески, – сообщил бородач. – Атилла поболтать хочет. Примешь?

– С удовольствием, Шурка. А ты откуда знал, что я здесь буду?

– Ты же сам рассказывал, что после полудня чаевничаешь в офисе.

– Хм... Не помню... Но ладно. Чай, кофе?..

– Слышь, козел, – окрысился молодой, – ты это! Ща схватишь! Со мной побратимы в боях закаленные!

Бородач с интересом посмотрел на мальчишку.

– Может, сперва чаю попьем? – предложил он. – Обычай такой, закон гостеприимства, знаешь? А потом о делах поговорим.

И поморщился.

Но к мальчишке это не относилось.

Шурку я знаю давно. Я у него пацаном семь лет храмовым боем отзанимался – еще до айкидо. Спина у Шурки ломана-переломана; когда погода меняется кости ноют. А сейчас как раз такое время.

– Дашку куда дел? – поинтересовался он.

– Дашка выходит замуж.

– Опять?

– Нет, Шур, это серьезно. Они в Кортесию едут, на пирамиды. После пирамид он обязан будет жениться, как честный человек.

– Это уж само собой, – тоном знатока объявил Шурка, и мы заржали.

Не переставая смеяться, я достал из шкафчика коробочку чая:

– Гляди, что у меня есть.

– Ха! – обрадовался тот. – «Хьюджиминг»! А как китайцы его срамно называют, не скажу, – отсыпал щепотку и бросил на язык.

Мальчишка угрожающе засопел. По его мнению, мы слишком погрязли в церемониях.

– Эй!..

– Ну что такое? – повернулся я к нему. – Шило свербит? Мальчишка набрал в легкие побольше воздуха.

– Я напырю твою презренную голову на антенну своего преодолителя бездорожья! – выпалил он и, выдав этот образчик аскавского устного творчества, гордо положил ногу на стол. Шнурки завязать.

– Ноги на пол! – рывкнул Шурка. – Не в Аскаве своем сраном! У приличных людей гостишь!

Парень выпрямился, словно ошпаренный. На перебинтованном лице вспыхнуло выражение обиды.

Мы вели себя неправильно.

Не по-честному. Не так, как полагается вести себя в присутствии знатного представителя аскавских родов.

Пряча улыбку, я включил чайник. Огонек на боку подмигнул мне оранжевым; послышалось радостное сипение. Я протер тряпкой поднос, расставил пиалы и заварник.

– Из твоих? – тихо спросил я Шурку, указывая глазами на гостя.

– Какое там! Варвар аскавский. Туристничают по краям нашим, а я вроде как бы телохранитель у них.

– Ты раб! – взвился Аттилла, подслушав наш разговор. – Аскавцам не нужны телохранители! Мы любого в бараний рог скрутим!

Господи боже мой! Ну как они там живут?! Урки, бароны, понятия эти их дебилные... Ребенок вон поговорить с людьми по-человечески не умеет!

– Как твой зал? – поинтересовался я у Шурки. – Тренируешь еще?

– Не... Надоело.

Шурка – учитель талантливый, лучший из всех, кого я знаю. Но лени-ивый! Я подозреваю, что учеников он набирает, когда ему хочется проверить какую-нибудь свою теорию. Когда теории кончаются, группа медленно тает и сходит на нет.

– Ладно уж, – сообщил я, усаживаясь. – Пока церемонии кипятятся, можно и к делу.

Юноша встрепенулся.

– А что к делу? Типа сам не знаешь, да?! Я к тебе того... вызов передать.

– От кого?

– От я... от меня то есть! За бату!

Я перебрал в памяти всех сидевших в «Кайене». Жирдя-аскавца мы обидели меньше всего... Ах да! Светка его заколдовала. Но почему он не сам пришел, а прислал недоросля?

– Это... – продолжал парень, – ладно. Да! Точняк. – Он обхватил себя руками за плечи, словно ему стало холодно. – В общем, когда после вас... Ты виноват! Короче, мы ехали. Батя говорит: «Непруха козлинская!» А мне хреново. Почти сотрясение мозга, прикинь? И тут козел выруливает. Сука на «Вольво». Короче, подрезает всклень. Бампер поцарапан, меня мордой в кожан! Батя за ствол и типа разбираться. А

тут, прикинь, аснатар какой-то вырисовался, бычит. Ну, благой базар, благие понятия...

За время этого восхитительного рассказа (из которого я, признаться, ни дэва не понял) чайник успел закипеть. Я принялся заваривать чай. Пока я возился с заварником, парень успел пересказать все свои беды и обиды за прошедшую неделю. Слушая его, я не переставал удивляться. Аскавцы – дети природы, но как развита фантазия!

– ...Это тогда, прикинь?.. А вчера совсем беспредел пошел. Батя в банк, а ему там сердце вырвали!

– Чего вырвали? Кто?

В кабинете разлилась колкая неуютная тишина.

– Сука та, на «Вольво». Хвостатая, – с выражением отчаяния на лице сообщил мальчик. – Вырвала ему сердце.

– Сука? Это она?

– Он. Хмырь беспонтовый. Так что помер батя, – дрогнувшим голосом сообщил Аттилла. – И ты мне за это ответишь!

Идиотизм ситуации тронул меня до глубины души:

– А почему именно я? Народу-то много постаралось!

– Хмыря я стараюсь, – бесхитростно ответил варваренок, – он – адский выродок. С колдуньей вашей сучистой варвару конкретному драться запад-до, так? – «И боязно», – мысленно добавил я. – А вот тебя мы покоцаем! С побратимами в дружном строю.

Я подошел к окну. Так и есть. У входа маялись здоровяки в кожаных куртках, одинаковых черных очках и вельветовых

штанах разных цветов. У одного на плече отблескивал двуручник. А баулов, баулов-то сколько! Они что, переезжать сюда задумали? Я перевел взгляд чуть дальше. Ага! Старая знакомая, храмовая плясунья в бирюзовом платье. Это ее я видел в «Кайене» рядом с жирдяем. И дядю Леню в сундук засунула именно она.

Аттилла поглядывал на меня с торжеством. Еще бы! По его мнению, я должен был трепетать от страха и ужаса!

– Шурка, а ты, значит...

– ...секундантом. Надо же проследить, чтобы все по закону было. – Учитель подмигнул мне.

Да-а... Увидь эту свору коллеги из уголовки, они бы прониклись. В Ведене организованной преступности нет. Здесь и с обычной-то плохо: вытянешь кошелек из кармана, а ограбленный дзайаном окажется... У них же на лбу не написано. Прыгай потом всю жизнь, квакай. Комаров лови. С маньяками расправляется инквизиция, а сами дзайаны преступлений совершают мало и в основном от скуки. Ими занимается маголовный отдел.

Иностранцы – единственные, кто создает у милиции проблемы. У ночмарцев свои представления о морали, подчас очень странные. А аскавцы живут не по закону, а по понятиям. Банды, семьи, графы в законе, приבלатненные бароны, общак, варварская музыка. Собственно, я националистом становлюсь, только когда дело касается Аскава. Их бы выжечь, как вшивую ветошь из чулана, – и в мире стало бы

чище и спокойней. Жаль только, соображения большой политики этому препятствуют...

– Ладно, парень. Я буду с тобой драться.

– Только оружие я выбираю! – грозно пискнул варваренок.

В этот патетический момент в дверь требовательно позвонили. Еще. Еще раз. На четвертом палец сорвался с кнопки.

– Кто там?! – вскинулся Аттила.

– Не знаю. – Я пожал плечами. – К нам обычно не звонят. –

И привстал, чтобы идти к двери.

– Сиди! Сам открою.

В руке Аттилы неведомо откуда возник «глок». Парень помчался к двери, едва не опрокинув вешалку. Чудной какой! Неведомый гость продолжал трезвонить, выдерживая все тот же ритм. Нет, это, пожалуй, не Светка...

Я налил чаю и протянул пиалу учителю.

– Благодарствую. – Тот церемонно поклонился, принимая ее обеими руками.

– Развлекаешься?

– А что делать... Лэн уехал, заниматься не у кого... Вот аскавцы подвернулись. Смешны-ые! Но дерутся знатно, имей в виду.

– Хорошо, буду, – покладисто согласился я, отхлебывая из пиалы.

Из прихожей ударил вопль. И – очередь из «глока». Мы с Шуркой переглянулись. Два суматошных одиночных. Вновь

воплъ.

Насмерть перепуганный Аттила ворвался в кабинет. Захлопнул дверь, повис на ручке, трясущейся рукой нашаривая ключ (которого отродясь не было). В дверь грохнуло с нечеловеческой силой. Отчаянно взвизгнув, мальчишка запрыгнул на стол.

– Что там? – лениво поинтересовался я.

– Там! Там! Короче!.. А-а-а!

Белая планка двери прогнулась, лопнула. В образовавшуюся щель просунулась высохшая рука со сбитыми ногтями в черных пятнах.

– Ого. Ормазд преблагой!

Дерево трещало и хрипело. Рука дергалась, ища, что бы схватить.

– Ее пули не берут!! – заистерил Аттила.

Ага, не берут. Стрелять надо лучше! Я поднялся и, не отводя взгляда от беспомощно постукивающих по дереву пальцев, двинулся в угол с сейфом.

– Не подсматривай, – бросил Аттилле. Тот послушно отвернулся.

Мелодично пропищали кнопки кодового замка. Дверца сейфа легко пошла в сторону. Придерживая ее одной рукой, я другой достал ножны.

– Надо же! – вскинул брови Шурка. – Валькиного чарования?

– Точно. «Приблудой» зовут.

– Именное... – Учитель уважительно покачал головой: – Я слышал, Валька больше не кует.

– Вот с тех пор и не кует. Это его последний.

Я вытянул катану из ножен и стал у шкафа. Дверь угрожающе затрещала.

Хм... Как же достать нападающего? Садить клинком сквозь дверь может только тупой варвар. Оружие жалко – это у них металлолом, а тут заруненное, все в чарах.

– Может, выбьешь дверь наружу? – с надеждой спросил я у Шурки. – А я следом.

– Не, – поморщился он. – Кости болят. Да и пижонство это – ногами драться.

Тут я согласен. Гнилое пижонство. К счастью, ничего делать не пришлось. Дверь хрустнула, снимаясь с петель, и рухнула на пол. Ну сила!.. Тщедушное тельце в заляпанном пальто извивалось на полу, пытаюсь высвободить руку из расщепленной доски. Вторая рука скрюченными пальцами тянулась ко мне.

К обшлагоу рукава прилип трамвайный билет.

– Сыно-очек... сыно-очек... – хрипела старуха. – Место уступи бабушке!

Последние слова оказались фатальными. Не знаю, как и почему, но что-то они задели во мне – детское, непосредственное.

Да и зомби терпеть не могу.

Я вскинул катану. Лезвие цепануло потолок, посыпалась

штукатурка. Удар вышел косым, через лопатку к шее. Но чудо – едва клинок коснулся зеленой ткани, голова мертвой старухи прыгнула с плеч и покатила по полу, скрежеща зубами.

В прихожую вновь влетел звонок. И еще раз. Мы с Шуркой переглянулись. Тело старухи продолжало скрести дерево. Из разрубленной шеи торчали неопрятные лохмотья – словно салат из красной савойской капусты. Голова вцепилась зубами в ножку стула.

– Молодые... – невнятно скрипела она, – ...совести нет!

В раскученный дверной проем заглянула Светка.

– Что у вас твори... ой!

Никогда не видел, чтобы люди так бледнели. Свету смуглянкой не назовешь, но тут она стала белее своей куртки. Я быстро оттер ее прочь от двери.

– Пойдем, – буркнул Шурка Аттилле.

– Я не могу! Снимите меня!

– Не дури, придурок. Она сейчас встанет.

Это подействовало. Что-то грохнуло: мальчишка спрыгнул со стола и понесся в коридор.

– Туалет направо! – запоздало крикнул я ему. Послышались булькающие звуки.

Труп выдрался из обломков двери и принялся слепо шарить по ковру в поисках головы.

– Чаровато! – пискнула Светка. Затем выкинула номер: достала из кармана пластиковый мешок с розами, на цыпоч-

ках прокралась за спиной зомби и кроссовкой закатали голову в мешок.

– Нам для лабораторки надо, – пояснила мне.

– Ты что, психованная? Это же улика!

– Ой, ладно тебе, улика! Поди и накопи! Представляешь, если это у тебя в кабинете найдут?!

Я представлял. Ну и ладно... Дзайана сунула мне в руки мешок, а сама принялась деловито водить в воздухе ладонями – колдовать.

– Вот и все! – обернулась ко мне через несколько минут. – Сейчас эта дура уберется. – И добавила невпопад: – Рек, я по тебе так соскучилась!

...Все смешалось в доме Колесничих. Аттиллу пришлось вытаскивать из туалета. Парень заикался, бледнел, потом сообщил, что дуэли никто не отменял. И вообще, никакого недостойного варвара поведения не было, просто его страшно заинтересовала конструкция сливного бачка.

Шурка же с любопытством разглядывал меч.

– Я знаю этот знак, – сообщил он, тыча пальцем в клинок. – Это «мем», на таротах соответствует аркану «смерти». А это – алхимический символ гниения.

– А вот, – показала Светка, – китайский иероглиф. Река, дорога мертвых. И тут еще майанский знак.

– Все-таки Валька – шаман с придурью, – подытожил Шурка. Затем осторожно, чтобы не запачкаться о мертвую кровь, перехватил катану и протянул рукоятью вперед. – На,

спрячь!

– Угу... Пойду проверю, что гостья делает.

За дверью происходила непонятная возня. Что-то трещало, скрипело, постукивало. Знакомым ритмом прошуршали шаги; в туалете зашумела вода. Зомби набирала воду в ведро.

Я осторожно приоткрыл дверь. В щель было плохо видно, но я разглядел тощий зад, обтянутый пыльным зеленым драпом. Старуха ползала на коленях, оттирая с ковровина пятна крови. В ведре, что стояло рядом, белой шапкой пузырилась пена.

– Что она там? – спросила Света, выглядывая из-за моего плеча.

– Полы моет. Постой, постой... ты ей как *убраться* приказала, чудо?!

– Ой! Реш, извини!

Мы переглянулись и тихо-тихо поднялись этажом выше. Там, уже не сдерживаясь, попадали со смеху. На Аттиллу напала икота. Он задерживал дыхание, пытаясь остановить ее, а когда не получалось, вполголоса ругался по Эпоне-матушке.

Наконец Светка сжалилась и достала из рюкзака минералку.

Сколько мы проторчали на верхнем этаже, не знаю. Наконец внизу хлопнула дверь. Зомби похромала вниз по лестнице, отстукивая свой черепаший ритм, а мы все сидели в философской задумчивости.

– Ну что, – предложил я, – пойдем, посмотрим?

– Ага, – согласился Шурка. – Меч далеко не убирай.

И мы посмотрели.

Такой чистоты в своем офисе я не видел никогда. Ковролин лущился свежестью и уютом. Исчезло даже пятно у стола, за которое Дашка меня постоянно крокопидрила. Когда я наливаю в чайник много воды и она льется через край, я просто выплескиваю остатки на пол. Мне всегда казалось, что это невозможно отмыть. Оказывается, возможно. Только нужно иметь нечеловеческое терпение.

Я прошелся от сейфа к столу.

Да-а... Шкафные ручки сверкают. Столик – словно отполирован. Сломанная дверь качается на высобоченных петлях – старуха честно старалась приладить ее на место. На столе лежит записка:

«Пиалы, чайник в шкафу. Полотенце повесила новое. Бокалы я тоже вымыла».

Ой, бабушка, где же вы были при жизни?! Я полез в шкаф. Когда Дашка мыла посуду, следы чайного налета оставались. Сейчас фарфор блестел поистине хирургической белизной.

– Чашки выбросить придется, – протянул я. – После трупа-то...

– Да ты что?! – возмутился учитель. – Это ж сувенир. Подари одну, а?!

– Бери хоть все. И заварник в придачу!

Он выбрал две. Еще одну прикарманила дзайана.

– Я знаю эту бабушку, – сообщила она. – Горничной у нас работала, тварюга.

– Почему тварюга?

– Болтливая очень. Я все молилась: бабушка, чтоб ты сохла! А она: я вас всех переживу! Ну и пережила. А еще, говорят, у уборщиц кодекс есть вроде бусидо. Они на «Санитарных инструкциях» клянутся блюсти чистоту даже в посмертии.

– Так мы че? – забубнил Аттилла. – Драться будем или где? И вообще, коза, «глок» отдай! Че ты его у меня оттибрила?!

– А слово волшебное?

– Урою, падла!

Светка хихикнула:

– Чароватый мальчик. Можно я его поцелую?

Аттилла изменился в лице и спрятался за Шуркину спину. Оказывается, наш юный друг-варвар боится девушек!

Я с интересом пригляделся к Свете. С последней нашей встречи дзайана заметно похорошела. Лицо ее лучилось незримым светом; она улыбалась по поводу и без повода.

Что такое случилось с нашим стихийным бедствием?!

– Пойдем, – предложил я. – Ну и утречко... Господи, да мне весь офис переосвящать придется!

Я оттер меч от крови и запер в сейф. Ужасно хотелось взять его с собой, но нельзя. Разрешение на хранение у меня есть, на ношение – нет. А я иногда бываю до неприличия

законопослушен.

Мы вышли на улицу. Нас тут же радостно обступили варвары.

– Это он, – хмуро сообщил Аттилла. – Они то есть. Которые наши враги.

– Смерть лоховатым фраерам!

Безголовая старушка неторопливо ухрамывала в переулок. Никто не обращал на нее внимания. «За ней же проследить надо!» – мысленно застонал я. Наверняка она вернется к тому, кто ее послал!

Вот незадача-то...

– Господа бандиты. – Я поклонился, быть может, излишне вежливо. – Э...

– Извинения не принимаются, – быстро сказал тот, что с мечом. – Мы из-за тебя баню пропустили. С девочками и Толяном.

Жрица в бирюзовом платье кошачьим шагом прошла мне за спину.

– Да нет, я не о том, – отмахнулся я. – Тут такое дело... Можно перенести дуэль на чуть попозже?

Варвары переглянулись. По их лицам шпротным маслом разлилось презрение.

– Да нет, вы меня опять не так поняли... Видите ту старую почтенную даму? – Я указал на зомби. – Мне во что бы то ни стало нужно ее догнать.

– Она тебе дорога? – жадно поинтересовался мечник. Ры-

жие волосы отражались в клинке огненной дорожкой. Глаза смотрели с веселой сумасшедшинкой.

Я прикинул, во сколько выйдет переосвятить офис, и кивнул:

– Безумно!

– Торвульф, – приказал рыжий. – Пуля за ногу, рвись за старушкой и принеси ее голову. – Посмотрел на меня с вызовом: – Пусть знает, что перед ним конкретные варвары, а не лохи какие-нибудь!

– А! – махнул я рукой. – Не стоит... Голова уже здесь. – И вывалил рыжему под ноги содержимое пакета.

Варвары сбледили с лица и отодвинулись.

– Милиция! – с чувством прохрипела голова. – У пенсионерки пальто сперли! – скосила глаза и добавила: – И калоши!

К чести рыжего, он оказался варваром неробкого десятка. Сгрел голову за волосы и протянул Торвульфу:

– Отдашь старой гримзе. Извинись, скажи, – кивнул на меня и ухмыльнулся, – он больше не будет.

Торвульф-следопыт умчался за бабкой. Аттилла сбросил пиджак и повелительным жестом раскинул руки. Побратимы засуетились; один достал из баула украшенную перьями кольчугу, другой – шлем в виде оскаленной бычьей морды.

Я с завистью оглянулся на женщин. Света и жрица болтали, как давние подружки. Аскавка расправила подол своего платья и что-то объясняла, тыча в край. Дзайана шупала

ткань и цокала языком. Ну вот почему мы так не можем?! Мужские бредни вроде поруганного достоинства и уроненной чести конкретного пацанства девушек нисколько не трогали.

– Все, придурок, – Аттилла помотал рогатой башкой. – Сейчас буду тебя убивать. Голыми руками!

В доспехах и шлеме он выглядел устрашающе. Кулаки в перчатках со стальными шипами, наколенники – хоть на роликах катайся.

– Каковы правила поединка? – спросил я деловито.

– Правила! – фыркнул тот. – Это вы, лохи, по законам живете. Мы, варвары, сражаемся без правил!

В следующий миг он катался по асфальту, воя и суча коленями.

– Я не понял, фраер. – Огнегривый поднял брови. – Какого храма ты ударил его до сигнала? Да еще и по яйцам?

Я пожал плечами:

– Мальчик сказал, что правил не будет. Или, – я помедлил, подбирая варварскую идиому, – он не последил за ярмаркой?

– Да ты щас сдохнешь, лохина! – заревел рыжий и потянулся к рукояти меча.

Скакать, уворачиваясь от четырехфутового лезвия, – это смешно, весело и задорно. Только для здоровья нехорошо. Прежде чем он сдернул клинок, я оказался рядом и подбил его под локоть.

Меч, звеня, полетел на тротуар.

Ох, лапищи! Если схватит – Светка, прощай. Прости, если обидел, солнце ясноглазое. «Приблуду» Шурке завещаю, двадцатитомник ван Белочки – капитану Винченцо...

Рыжий взревел и вцепился в мой воротник. Рывком подтянул к себе, чтобы знаменитым аскавским приемом Тай Со откусить ухо. В этот момент я выбросил колено вперед.

Ну, вы меня понимаете. Это случайно произошло.

Аскавец покатился по земле, плача и зажимая ладонями низ живота. Шурка отвернулся, пряча улыбку.

Варварам было не до смеха.

– Ты дерешься, как баба, – объявили мне обиженно. – Не по понятиям!

– Позорный фраер. Тебя даже мечом убивать запаadlo.

И они отправились к баулам. Судя по тому, как топорщились бока сумок, там лежали автоматы, а то и что похуже.

Я вытащил из кобуры «эфу».

– А ну стоять, ребята. А разрешение на ношение оружия у вас есть? – И второй рукой вытащил удостоверение.

Варвары замерли.

Жрица в бирюзовом предупредительно подняла руку:

– Ты забываешься, веденец! Это вольные сыны гор. Им ни к чему ваши глупые разрешения!

– Так они скоро сыны бараков будут, – ласково сообщил я. – И лесоповала.

Света тронула бирюзовую за плечо и что-то объяснила. Та выслушала и одобрительно закивала:

– Это другое дело! Покажешь мне еще раз эту божественную тушь для ресниц?

Дзайана полезла в сумочку. Жрица мигом забыла о своих спутниках.

– Слушай, фраер, ну ты охренел! – Один из варваров переступил с ноги на ногу. – Че ты бычишь? Ты хоть знаешь, под кем мы ходим?! У нас крыша – авторитетный король Бео-вульф!

Пуля высекла искру от бордюра у него под ногами.

– Носом к стене. Живо.

Варвары торопливо распластались по стене. Я достал мобильник.

– Мужик, – прохрипел рыжий, пытаясь подняться. – Не звони никуда! Ой беда будет!

– Говори номер Торвульфа.

Я набрал восемь цифр, которые он мне сообщил. Следопыт оказался очень удивлен, что я еще жив. Немного покобенившись, он сообщил, что довел старуху до башни безмолвия на углу Складовской и Кюри. Дальше он не пошел, потому что «конкретному пацану по трупарникам шленать за-падло».

– Друзья. – Я закрыл мобильник. – Всем спасибо. Всем удачного вечера. Я ухожу, и чтобы через пять минут вас здесь не было. Убивать не буду, лишь потому что вы банда.

– Угу, – отозвались те без энтузиазма. – Ну и сука же ты!

– Созвонимся! – Жрица чмокнула Светку в щеку и побе-

жала к своим.

– Обязательно! – помахала та. – Я тебе краску для волос прихвачу!

Через четыре минуты сорок три секунды мы остались на поле боя в гордом одиночестве.

Чтобы не терять времени, мы сразу отправились к башне безмолвия. Дзайана прыгала при ходьбе больше обычно. Энергия переполняла ее, заставляя то обгонять меня, то возвращаться обратно. Куртка, которую она надела вместо погубленного пальто, была ей коротковата. Между поясом джинсов и краем куртки просверкивала обнаженная кожа.

Я не удержался и накрыл ее ладонью. Девушка взвизгнула.

– Зима скоро. Простыть не боишься?

– Боюсь. Но красиво же! – Дзайана закружилась, танцуя, по усыпанному листьями асфальту. – Правда, я красивая?

– Очень. Как твоя нога?

– Чарово. Все прошло. Бли-ин, я такая счастливая!

Света прижала ладони к горящим щекам:

– Такое только в романах бывает. Меня Лешик вытащил из больницы! А потом мы гуляли по ночному Ведену!

Я ощутил укол ревности. Когда кто-то счастлив, ему завидуют... Закон природы такой. Света взяла меня за руку и с тревогой заглянула в глаза:

– Ты так помрачнел! Что-то случилось? Ты обиделся?

– Нет, ничего. Устал немного. Вся эта катавасия: монахи,

зомби, бандиты...

– А-а. – Она стянула с плеча рюкзачок. – Банан хочешь? Ты голодный, наверное!

От банана я отказался. Светка на ходу достала гроздь и оторвала один. Принялась деликатно, двумя пальчиками очищать.

Проходивший мимо парень противно осклабился:

– Гы-ы! Эротика. О да, ласкай его губками!

Светка со зверским видом оторвала зубами половину банана и выплюнула тому под ноги.

– Пошел в жопу, урод. Понял? – И повернулась ко мне: – Так, значит, ты отыскал Людея? Рассказывай.

Я пробовал было отнекиваться, но скоро сдался. Выслушав мою историю, Светка широко распахнула глаза:

– Ты молодец! Только ничего еще не закончилось. Уверена: Двери Истени спаслись, когда все стало рушиться. Тебя еще будут искать.

А ведь действительно... Для старших ассасинов буря, которую поднял Людей, – пустяк. Они, конечно же, нырнули в Истень и спаслись. А тут еще и странные слова Людея о повелителе мертвых...

И – зомби, отправленный по моему следу.

Согласно объяснениям варвара можно было найти что угодно: Северный полюс, тайную резиденцию ложи полотеров, тринадцатый валун сада камней, но только не башню.

Мы стояли на углу улиц Складовской и Кюри, озираясь по сторонам. В воздухе потрескивали искры эфирных эманаций. Незримой аурой колыхалась духовность.

«Целительский центр духовности и космопсихоэниаэнергетики» – сообщала табличка на двери.

Я вспомнил газету, которую читал в день встречи со Светой. Именно сюда стремились пенсионеры, жаждущие «неограниченного продления пенсионных льгот». В этих краях решались «запутанные случаи наследства», здесь «легально пересматривали завещания», а безутешные вдовы искали «общения с окончательно недоступными» мужьями. Перед «временным супружеством с урезанными правами» мое воображение пасовало.

– Ну что, пойдём? – повернулся я к Свете.

– Ага. Ой, слушай, я здесь никогда не была! Это знаешь что?! Это теткинская магия!

– Что-что?

Светка скорчила презрительную гримаску:

– Ну надо же теткам, которые не дзайаны, где-то фигней страдать... Это здесь.

Мы прошли в целительский центр. Старичок-вахтер за стеклянной стенкой застенчиво на нас покосился, но промолчал. Тайный вахтерский знак заставил его расцвести:

– Проходите, гости дорогие! Благой вам кармы и чистых чакр!

На площадке мы чуть помедлили, решая, куда идти даль-

ше. С первого этажа тянуло затхлостью и неустроенностью. Грязная лестница манила наверх; перила ее блестели той особенной полировкой, что создается прикосновениями многих рук.

Предчувствия не обманули. Второй этаж пропах ароматическими палочками, шафраном и алупатрами¹³. На стене поблескивала карта звездного неба. В шкафах пылились сочинения Ошо. Фраваши Ломовцева с черно-белых картин осияли входящих взглядами строгими и справедливыми.

На нас внимания пока что не обращали. Костлявая дама в сари и строгих очках что-то задушевно проповедовала неофитам. Ей внимали художница с зализанными чертами лица и помятый целитель в затрапезном костюме. Речь, конечно же, шла о духовности, фравашах и благом пути.

– ...и вот ты представляешь, какая сволочь! Так и говорит: «Не знаю я, чей это ребенок, и знать не хочу!» А я ему: «А что ж ты раньше-то молчал?!»

– А он?

– А он: «Мы проверяли чувства».

– Мерзавец!

– И не говори!

– Это, милочка, вам кармическое испытание. Из него вы выйдете обновленной и перерожденной. В ранге сидха, а то и повыше.

– Да я ему глаза бесстыжие выцарапаю! И порчу наложу

¹³ Алупатры – блюдо друидской кухни.

по шее!

Я попытался вклинить в разговор:

– А скажите... к башне безмолвия как пройти?..

На меня посмотрели очень нехорошо. Женщина-богомол ткнула подбородком в глубь коридора:

– Туда идите... Спуститесь во двор, спросите кого угодно. А лучше не спрашивайте, прямо идите. Окажетесь у морга. Там ворота, позвоните, и идите, идите, идите отсюда!

По шаткой лесенке мы спустились в захламленный двор. В лицо ударило пропахшим бензином ветром. Из кучи мусора выскочила крыса – здоровая, раскормленная.

Вот они – задворки духовности. Темная сторона силы.

Ворота нашлись почти сразу же. С улицы сюда действительно ходу не было. Я потянулся к кнопке звонка, но Светка перехватила руку. Толкнула створку, и та отошла в сторону.

– Не будем шуметь, лапа. Хорошо?

Мне ничего не оставалось, кроме как согласиться. Чтобы не таскать лишнего, я бросил сумку в бурьян и шагнул в ворота следом за дзайаной.

В парке царили тишина и покой. Опадали листья, выстилая землю золотой мозаикой. Чугунные завитушки скамеечных спинок тонули в сугробах палой листвы, и дворник с барственной лентой сгребал ее в кучу.

У забора плясали языки крохотного костерка. Два старика сидели возле огня с бесстрашием самураев Тайра. Пламя они подкармливали теми листьями, что сгребал дворник;

рыжина кленов сплеталась с отблесками костра. Пар висящего над огнем котелка пропах вином и корицей.

Один из стариков обернулся, и мне захотелось отвести взгляд. Да-а, здесь надо ухо держать востро...

Стараясь не глазеть на сидящих у костра, мы отправились по дорожке к зданию.

– Смотри! – Света схватила меня за рукав.

На скамейке нахохлилась старушка в зеленом клетчатом пальто и калошах на босу ногу. Голову она пристроила на коленях. Губы ее были скорбно поджаты.

– Ходят тут... – вырвалось из обескровленных губ. – А время неприемное, между прочим!

– Извините, бабушка. А где здесь...

– Ариман тебя покарает, мерзавец! Раком, СПИДом и импотенцией неблагодать. И счастья тебе не будет! И...

Светка не выдержала, подбежала и пнула голову. Та футбольным мячом упорхнула в кусты.

– Поговори мне, шумовка вредная! До зомбьячества допроклиналась, а туда же!

Недовольно хрустя суставами, старуха уползла искать потерянную черепашку. Мы же устроили молниеносный военный совет. Над вершинами кленов торчала башня безмолвия – Светке страшно хотелось ее обшарить. Меня же тянуло к дому хранителя – приземистому строению казарменного типа.

– Главный в башне, и думать нечего! – убеждала Меня

Света.

– Чего ему там делать? День-то выходной.

– А что, по выходным не помирают? Если хочешь, иди в сторожку. А я башню проверю.

Препираться с нашим «стихийным бедствием» – сокращать себе жизнь. На всякий случай я отдал ей «эфу». Светка, конечно, хорошая магиня... да только волшебным словом и пистолетом можно добиться куда большего, чем просто волшебным словом.

После этого я отправился в дом хранителя. Остановить меня никто не пытался. Если и защищали это место охраняемые заклятия, манара они не видели. Хозяин тоже болтался незнамо где, так что чувствовал я себя вполне прекрасно.

Незамеченным я прошелся по комнатам. Изнутри дом выглядел посимпатичнее, чем снаружи. Вот гостиная, оформленная в стиле «за руку с Калиостро»: хрустальный шар на треножнике, «китайские» шкафы, ширмы, фальшивое чучело выверны под потолком, вонь курительных палочек. А вот офис, заваленный бумагами. Я внимательно обшарил ящики; несколько документов мне настолько понравились, что я не смог удержаться и прикарманил их. Все-таки свидетельства о смерти, оформленные на будущий год, нечасто встречаются.

Отдельной стопкой лежали инвалидные карточки. Фамилии показались мне знакомыми. Чтобы проверить, я вновь заглянул в ящик со свидетельствами.

Так и есть: одни и те же люди. Интересно, интересно... Долго мародерствовать не пришлось: по ковролину зашаркали старческие шаги. Я сунул несколько документов под свитер и полез в окно.

Выбрался я удачно: во внутренний дворик. Тишина, покой, дорожка из плит ракушечника, вся усыпанная конфетти листьев... От парка эту идиллию отделял забор с насаженными на заостренные доски кукольными головами. На калитке белел распятый тряпичный арлекин, гроздьями свисали искромсанные плюшевые мишки.

Похоже, хозяина дома в детстве лупили колготками по попе и запирали на ночь в чулане.

Я обошел сарай-пристройку и через узкий кошачий лаз вновь выбрался к дому. Над головой сплетались виноградные лозы. Когда-то здесь располагалась уютная беседка в итальянском стиле, но ее безжалостно захламили. Обезглавленные кукольные трупики, заржавелый остов велосипеда, столик с тарелочкой, на которой сохли рыбы кости... Осторожно двигаясь среди пожухлой крапивы, я вышел к окну. На мою удачу, оно оказалось приоткрыто.

Из комнаты доносились голоса. Все-таки временами я бываю непредставимо удачлив.

– Не пущу!! – гремел надтреснутый баритон. – Вот что хотите, а не пущу!! Последнего лишаете!..

– Хватит, хватит, сыне. Полагаю, торг здесь неуместен.

Я подставил под ноги трухлявый ящик и заглянул в окно.

Ба! Старый знакомый! При виде отца Иштвана, гордо выпрямившегося в кресле, на душе стало легко и спокойно. Не одного меня в эти дэвовы кущи занесло!

Собеседник его прятался в тени, что меня несколько раздражало. Мне ужасно хотелось рассмотреть этого великолепного парня. Я заметил лишь, что одет он в черное – фрак не фрак, не поймешь, – Да на лице мелькала брюзгливая усмешка. А! Еще усы поседели неровно – так, словно у их хозяина росли клыки.

– Итак, – промолвил Иштван с удовольствием, – Что тут у нас? Тепех Юрий Дмитриевич. Послужной список... ах, да боже мой! Ты садись, сыне, садись, ради бога! Я у тебя в гостях, не наоборот. Садись!

Тепех покорно опустил в кресло.

– А послужной список, сыне, у тебя неблагодой. Очень церковь наша тобой недовольна. Мошенничество, истории с оживлением трупов... Ай-яй-яй! Ну, рассказывай, паства, чем занимаешься?

– А то вы не знаете, – усмехнулся усатый. – Фирма у меня – под эгидой центра духовности и энергетики. Пенсионные фонды, прислуга, родственников престарелых то-се... Людям помогаем, в общем.

Последние слова прозвучали с явным вызовом. Иштван улыбнулся и потянул из-под кресла свой рюкзачок.

– Людям помогаете... Что ж, паства, полюбуемся на дела твои благие.

В руках аснатара появились затянутые в пленку листы бумаги.

– Вот и документики, сыне. – Аснатар дальнозорко вытянул руку и принялся читать: – «Морошина Валерия Игнатьевна, тысяча девятьсот восемьдесят третьего года рождения. Жених ее, Кривлянский Олег Петрович, тысяча девятьсот восьмидесятого года рождения». Тэк-тэк-тэк... Жених весной попадает в автомобильную катастрофу. Через месяц у них свадьба намечалась. Да какая уж там свадебка... к двум такие свадьбы! Жених-то помер! Хм... Хотя нет, нет! – Он достал еще лист. – Сыграли свадебку. А еще через месяц новобрачную госпитализировали с острым психозом.

– Страсти-то какие вы рассказываете, отче!

– То ли еще будет, паства. – Вновь зашуршали бумаги. – А вот еще случай: парнишка хотел от армии откосить. Женился. Жена – инвалид первой группы. Мальчик – единственный кормилец в семье... это на стипендию-то!

– Достойный молодой человек. Побольше бы таких.

– Жену он у вас сосватал. С документами у девочки неразбериха: не поймешь, то ли живая, то ли мертвая. Держал он ее... ну-ка, ну-ка... в сарае держал, в деревянном ящике. Есть не просит, одевать не надо, следи только, чтобы крысы не погрызли.

Он придвинулся к некроманту, понизил голос:

– Мальчишечка-то, сыне, бестолковый попался. Не догадался в полиэтилен завернуть. Меня там не было, а братья

святые сказывали... Лежит, бедняжка, лицо погрызенное, плачет не плачет, только гримасничает. Дальше продолжать? У меня, сынуля, много на тебя припасено. Вот тут махинации с пенсиями. На мертвых родителей дети денежки неблагие, адские получали.

Уголки губ на лице Тепеха опустились.

– Гос-споди! – с отвращением бросил он. – Вот мракобесие! И правильно вас разгоняют! Охота вам, господа святоши, в грязном белье копаться? Вкусно?.. Ароматно?.. И вы еще смеете толковать о морали!

– О морали мы с тобой, паства, как-то еще и не начинали. А вот: кладбище домашних животных. Ты и зверьми не брезгуешь.

– Да ведь что плохого, если ребенку умершего любимца-то вернут?! Если кроха скай-терьерчик вновь залает... запрыгает...

– В нос хозяина лизнет, – в тон подхватил аснатар. И снова полез в рюкзачок: – Ну-ка, ну-ка, что у нас на этот случай?

– Сдаюсь! – поднял руки некромант. – Вы меня хотите обидеть, но Ормазд вам судья.

– Наоборот, паства, я тебя хочу утешить. Есть у Меня человек один. Хочу, чтобы ты его Дверью Истеки сделал.

Я затаил дыхание.

– Зачем? – удивился Тепех.

– Да так, сыне. Я, знаешь ли, идеалист... Хочу, чтобы все по справедливости.

– Рай, что ли, будете строить?

– Нет. Обычную жизнь – какой она должна быть. Ты, паства, все правильно понимаешь. Нас, аснатаров, разгоняют. А я нашел способ сделать нас нужными.

– О, господи!..

Дослушать мне не удалось. С мерзким чавканьем земля под ногами расступилась, и я провалился по колено в пыль. Тяжелая туша рухнула мне на плечи.

– Попался, гад! – просипело над ухом. – Хана человеку!

Рефлексы отработали автоматически. Я врезал локтем нападавшему по ребрам, перехватил его руку и рухнул на колени, бросая через плечо. Все бы здорово, но тут что-то мерзко хрустнуло и бросок прервался на полпути.

Я с недоумением пялился на оторванную кисть в своих руках. Та деликатно шевелила пальцами, пытаюсь что-то сообщить мне на языке глухонемых.

В следующий миг меня накрыло волной трупного зловония. Из глаз хлынули слезы, дыхание перехватило. Когда три сильных руки подхватили меня и куда-то поволокли, я даже не смог сопротивляться.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

*(Пятница, немногим позднее,
рассказывает Игорь Колесникий)*

Зомби утащили меня к забору и, держась подальше от жутких игрушек, перебросили на ту сторону. Лишь сейчас я понял, как они проникли внутрь. Защитный круг был нарушен. Кошка случайно сбила с плашки кукольную голову, открыв путь силам зла.

Мертвецы потащили меня в глубь парка. Там, за золотом и багрянцем кленов, скрывалась гигантская свалка. Кучи автомобильных покрышек, некондиционные бетонные плиты, старые журналы. Уютным огненным пятном оранжевела рваная палатка.

Над палаткой торчал шест с пугалом. О-о, вахтер наш, дядя Леня, сразу бы узнал его! Щегольской фрак, цилиндр, соломенные пряди парика... У подножия шеста дымился костер и скорчились бесформенные фигуры в ватниках. Призрачная бабочка пламени вцепилась в поленья, одновременно желая и страшая улететь в небо.

– Великий господин Самеди, – поклонились мои похитители, – барон наш и повелитель! Грязные отыскали человека.

Уродливые фигуры у костра даже не шевельнулись. Наконец один из зомби потянулся с кружкой к дымящемуся ко-

телку, стоящему у входа в палатку, зачерпнул красной жидкости и принялся жадно пить.

Несколько капель упало в костер. Пламя ярко вспыхнуло и осветило профиль того, кого похитители называли господином Самеди. Лакированная поверхность кости сияла яркими полосами, словно бумеранг австралийских аборигенов. Китайские фломастеры, Цветов на двадцать, прикинул я. И чисто как выскоблено!

Это зомби. Инкарнации великого Субботы и Дшбхалаха-Уедо. Если верить антропологам, больше всего на свете они ценят гипнотизирующие ритмы, девственниц и крысиный яд. Они раскрашивают голую кость всеми цветами радуги – чем пестрее, тем, считается, больше кошмарных деяний на совести мерзавца.

– Человек подслушивал, барон. Его уши еще не сгнили, и он наушничал за великим мастером. Можно мы его съедем?

– Еще нет, грязные.

Раскрашенный череп барона уставился на меня. Ватник на вычищенной до кафельной белизны груди распахнулся, и мне показалось...

Нет, не показалось!

Среди костей вспыхнула рубиновая искра.

– Первой человека укусит Незабудка, – объявил барон. – Произойдет это, когда грязная отыщет голову. Потом ваша очередь.

Ага! Значит, вредную старушенцию, которую я обезгла-

вил, зовут Незабудкой. Ну, голову свою она долго искать будет!.. Светка постаралась от души.

Зомби уселись на корточки, окружив меня плотным кольцом. Кто-то с показным равнодушием достал оружие и принялся чистить. Пламя костра отразилось в оспинном заржавленном клинке. Нож я узнал с первого взгляда. Кухонный набор «Хозяюшка», кроме ножей еще полагаются вилка и молоток для отбивных.

А ведь все складывается просто замечательно. Сразу меня не сожрали, значит, есть время. Надо договариваться с этими симпатичными ребятами. И начнем по совету антропологов с того, что свято для зомби.

– Барон, – поклонился я. – Давно ли твои подданные были в мире смертных?

– Не мели ерунды, человек! Только что Незабудка ходила за твоей кровью.

– Да, но привезла ли она с собой бездуховные ритмы и мелодии, похищающие разум молодежи? Косметику, делающую лица юных дев похожими на погребальные маски? Срамные штаны и ужасные футболки?

Любой некропсихолог скажет, что у мертвецов есть свои пунктики. Ругать подрастающее поколение – один из них, самый известный. Этот пунктик выдает их, даже если те делают пластические операции, пудрят обтянутые кожей черепа, носят парики и искусственные носы.

– О да, да, человек! – жадно вострепнулись скелеты. – Рас-

скажи нам. Эй, грязные! Тамтам смертному! Пусть сыграет грешные напевы современности. Мы же будем сидеть и возмущаться инфантильностью и безмозглостью нынешней молодежи!

Приказание немедленно выполнили. Я с любопытством оглядел тамтам. Хм... Какие молодцы!.. Инструмент сохранился в образцовом порядке: кожу регулярно сушили, шнур перетягивали, так что на малейшее прикосновение барабан отзывался басовитым ворчанием. Чудо, что за ребята!

Я погладил тамтам, и тот радостно толкнулся в ладонь шершавым боком. Барабанщик из меня аховый, но с таким инструментом прорвемся! Под одобрительными взглядами мертвецов я принялся искать место, где устроиться. Наконец уселся в вывороченных корнях сосны, пристроил инструмент и привалился спиной к стволу дерева.

Что бы такого замутить для разминки? Бас, бас, бас, бас¹⁴ – просто чтобы разогреть руки. Сосна за спиной загудела, закачалась.

– Попса, – всколыхнулись мертвецы. – Старо, как зонтик Самеди!

Хорошо. Зрители мне попались благодарные! На радостях я отбил четверку слэпов.

– Отстой! Наш тамтамист играет это постоянно!..

Тихие, мягкие раймы их тоже не завели. Пора было переходить к делу.

¹⁴ Бас – один из трех базовых ударов в игре.

На тамтаме я играл несколько лет назад – так вышло, что среди моих друзей затесался негр с коллекцией этих занимательных вещиц. Он-то и обучил меня некоторым ритмам.

Для начала я выдал серию из музыкальных прописей. Не прерывая ритма, перешел на другую, вновь вернулся, прищепывая левой. Оторвал примитив на три серии, потом на пять, потом на семь. Импровизировать манары не способны, а вот держать заученный ритм не сбиваясь – запросто.

Как оказалось, зомби об этом мечтали всю жизнь... точнее, всю смерть. И тут я зажег! Живые позавидовали мертвым.

Ладони двигались независимо от меня. Расслабилась спина, уютно втекая в малейшие неровности корней. Я чувствовал себя парящим в звездной пустоте, легким и быстрым. А потом сознание мое перетекло в ритм, и я слился с тамтамом. Когда это происходило раньше, я пугался и вылетал из этого состояния. Но сейчас...

Сосны гудели в такт ударам; пение ночных птиц билось, пойманное силками ритма, а я все играл и играл искалеченным мертвецам, играл о чистоте и грязи, о поисках себя и привольном бытии манаров.

Загипнотизированные мертвецы поднялись и, медленно раскачиваясь, повели хоровод.

Когда я оборвал ритм, гул еще долго дрожал среди сосен. Ладони горели огнем, по спине бежали восторженные мурашки: неужели это я?! Это моя музыка?!

Мертвых проняло. Медленно, с необычайной торжественностью барон опустился на колени.

– Человек – великий шаман вуду! – прогудел он. – Чистые говорят спасибо! Грязные...

– Грязные тоже говорят спасибо! – хором подхватили мертвецы за деревьями.

– Пусть человек сядет у нашего костра. Пусть человек разделит с чистыми вино!

– Пусть человек разделит с грязными вино!

На тряпичных ногах я побрел к угасающему костру. Подбросил несколько поленьев (явно украденных из запасов Тепеха). Это вызвало новую волну восторга среди аборигенов:

– Человек поздоровался с огнем чистых!

Костлявые руки барона протянули мне котелок. На выскобленных костяшках оловом светились перстни с буквами. Я сумел прочесть: «Ю», «Т», «Е».

...ЮТЕ...

Неужели, Лютен?!

Тут следует вам кое-что объяснить. Есть истории, ставшие легендами. Сверхъестественная тайна Лютена долгое время не давала покоя веденской милиции. В прошлом знаменитый аскавский вор, грабитель пирамид, храмов и царских сокровищниц, к нам он перебрался на отдых. Помню, в день переезда все управление стояло на ушах. Начальники отделов причитали, что им житья не будет – этот удивительный вор украдет половину Ведена, а вторую половину обла-

пошит.

Нашим ночным кошмарам не суждено было сбыться... Лютен жил в Ведене законопослушно до отвращения. А потом исчез – неизвестно куда. Как раз в те дни, когда похитили аль-Барю.

«Веня, тебе не нужно ничего от этого человека, – эхом отозвался голос покойного Марченко. – У него вампирская фамилия».

Защиту Литницкому ставил дзайан с вампирской фамилией... Но не Дракуленко и не Носфератин. Дзайана-недо-тепу звали Тепех¹⁵. А тут еще квитанция из башни мертвых, найденная в кармане Литницкого. Подпись начиналась с букв «Те...».

Если верить покойному Людею, заклятие смерти дало сбой. Но случайно ли? Кинжал заколол похитителя, а потом тот бежал, унося клинок в своем теле.

Значит, похититель – Лютен. И он...

Не отрываясь, я смотрел на барона. Золотая рукоять аль-Барю торчала меж его ребер.

– Что-то не так, человек? – участливо поинтересовался скелет.

– Нет, все так.

– Тогда пей же. Сварено по рецепту барона чистых.

¹⁵ Тепех – прозвище Влада Дракулы, потом и кровью заработанное им в борьбе с турками, звучит как «Тепеш». А переводится: «Сажатель-на-кол», «Пронзитель», «Насаживающий не кол» или просто «Кол».

В густом вареве плавали дохлые осы, листья, хвоя. Я зажмурился и с отчаянием смертника сделал глоток.

– Человек почтил винишко чистых! – взревели мертвецы.

– Человек, – вкрадчиво начал барон, – уважает народ чистоты. А подданные барона – и чистые, и грязные – уважают музыку. Согласится ли человек стать мастером тамтама для народа чистоты?

Разве можно такое под руку говорить? Естественно, я поперхнулся:

– Что?! Нет!

– Барон не сомневался в этом. Что ж... Тогда барон отдаст человеку бумагу. Человеку придется отнести бумагу в мир смертных и отдать кому прикажет барон. Человек согласен?

– Это уже лучше.

– Хорошо. Тогда пусть человек скажет, что он об этом думает.

Барон-Лютен подал мне пластиковую папку с документами. Десятки глаз и пустых глазниц уставились на меня с надеждой.

Раскрыв папку, я некоторое время сидел в медитационном трансе. Так казалось со стороны. На самом деле я изо всех сил сдерживался, чтобы не расхохотаться. Нет, этим удивительным ребятам не откажешь в выдумке!

– Вы молодцы, – сказал я, закрывая папку. – Вы поразили меня до глубины души, но написанное здесь возможно.

– Человек отдаст это главному мастеру? – с надеждой

спросил Лютен.

– Да.

– Великолепно. А чтобы мастер поверил человеку, мы делаем человека чистым. Грязный шаман Урга! Очисти человека!

– Что-о-о???

– Человек зря презрел путь мастера тамтама, – скрипуче сообщил барон. – Он оскорбил религиозные чувства зомби! Чистые возмущены!

– Грязные тоже возмущены!

И я понял, что влип.

За моей спиной появился мертвец-гора: в тулупе, в ожерелье из птичьих черепов. В своих лапищах шаман Держал поднос с малым набором вуду.

Пламя играло на полированных щипцах, пилах и кривых ножах. Меня всерьез собирались приобщить к колонии мертвых.

Двигаться пришлось быстро. Я вырвал из земли шест с пугалом, выплеснул на него вино из котелка и сунул в костер. Тряпье мгновенно вспыхнуло.

Что происходило с религиозными чувствами моих дивных знакомцев, не берусь описать. Идол мертвецов корчился в огне; зомби шарахнулись от него, как собаки от Павлова.

Вокруг меня образовалось пустое пространство.

– Грязные! – заревел барон. – Кто меня любит... нет, кто хочет стать чистым – пусть достанет тесак и убьет человека!

Ага, щас. Я шел на толпу, размахивая импровизированным факелом. Зомби отступали.

– Чего боятся грязные? – распинался барон. – Грязные уже мертвы! Мертвеца нельзя убить дважды!

Дэва с два! И дважды и трижды. Мне бы только пробиться к забору, а там...

Кто-то из чистых прыгнул мне навстречу. Одним взмахом я перерубил его надвое. Кости подпрыгнули и вновь собрались в бойца. Скелет выхватил саблю и ринулся в атаку.

Ржавая сабля сливалась с осенней тьмой. Я отбивал зубренный клинок, чувствуя, как с каждым ударом тяжелеют руки. Обманный финт – и от моего факела полетели щепки. Я сумел уйти от удара, но потерял равновесие и рухнул на спину.

Острие сабли смотрело мне в горло.

– Грязные, вперед! – разнесся ликующий голос барона. – Убейте человека!

Над моей головой дружно взметнулись клинки. Расчертив тьму пунктирным цветком, они обрушились на меня и...

– Стойте, – приказал женский голос.

...сталь замерла в нескольких сантиметрах от моего тела.

В толпе нежити поднялся тревожный гул.

– Это Венди! Белая Венди! – перешептывались мертвецы.

За спинами зомби бухнул тамтам. Мастер музыки владел всего одним ударом, но как! На одних басах ему удавалось держать приличный ритм.

– Да, парень, – сочувственно сообщил барон. – Не повезло человеку... Лучше бы человек стал чистым и не мучился.

Мертвые расступились, выпуская вперед женщину-призрака. Лохмотья савана светились теплым уютным светом. Лицо Белой Венди словно сошло с картин позднего Средневековья. Не сказать, что она была сильно в моем вкусе...

...но выбирать не приходилось.

Привидение скользило ко мне, и от его ног по земле ползли инеистые дорожки.

– Кто вы, сударыня? – дрожащим голосом спросил я.

– Расскажи, Лютен. – Призрак провел ладонью над догорающим факелом, и пламя погасло. – Скажи ему, кто я.

– Что ж, человек... Позволь представить тебе Белую Венди. – Лютен стал за моей спиной. Могу поклясться, что от скелета веяло сочувствием! – Если Венди выбрала, судьба человека незавидна... Эй, грязные, гитару барону!

Кто-то передал инструмент.

– Слушай же, несчастный. – Барон легко тронул струны. Голос его смягчился, став тихим и задумчивым: – Венди родилась в нашем городе почти пятьсот лет назад. Это было славное время!.. Время пиратов и благородных джентльменов, дуэлянтов и пройдох. А девушка сияла юной красотой... полно, полно, сударыня! Вы и сейчас обворожительны!.. Однако тогда вы были прекрасны, как сама любовь. Многие сватались к Венди, но безуспешно. Ведь Венди ждала князя на белом аргамаке!

Ударили кастаньеты. Льстивым звоном вступили ножи.

Милая девушка в белом платье,
Черный цвет – дурная примета!
Юным красоткам не стоит встречаться
С кавалерами черного цвета.

Скелеты отбили чечетку. Мастер тамтама выдал велико-
лепную дробь из басов, и мои ноги сами пустились в пляс.

Мама Венди всегда говорила:
Ищешь принца – следи за мастью,
Черный конь или, скажем, кобыла —
Несомненный предвестник несчастья!

Грянул хор:

– Черный конь или, скажем, кобыла – несомненный пред-
вестник несчастья!

Я смотрел на эту роскошное безумство, открыв рот. Елки-палки, какие таланты пропадают в глуши!

– Стучилось так, – голос барона плыл на волнах подпевки, – что девушку полюбил отчаянный головорез, гроза трех океанов – Черный Иши. Он привел своих ребят к стенам Ведена, готовый перебить сотни и тысячи законопослушных граждан, лишь бы добиться своего. Спасти город могла лишь Венди! Одно ее слово остановило бы мерзавца! Но...

Черный фрегат от киля до стены.
Море пеной угольной плачет.
Знаешь, Венди, бывают оттенки.
Слышишь, Венди? – бывает иначе!

Что за чушь! – Венди им отвечала,
Цвет неважен, когда он белый,
Я дождусь своего идеала
Или сгину невинною девой!

– Венди собрала ополчение. Воодушевленные ее примером, горожане выбили пиратов из города и опрокинули в море. Когда дева схватилась с Черным Иши, взгляд дивных черных глаз пирата уколол ее в самое сердце. Смутившись, она случайно проткнула своего противника кинжалом, а потом всадила в него пару пистолетных пуль. Умирая у ее ног, Иши признался в любви. И Венди поняла, какую страшную ошибку она совершила. Счастливые горожане носили ее на руках, а она чахла от горя. С тех пор долгие века Венди бродит по полю боя, призывая своего любимого. Легенда говорит, что однажды он вернется, поцелует ее и освободит от проклятия.

– Иши! Мой Иши!

– Ну а я-то при чем?! – воскликнул я, изнемогая от запредельной бредовости происходящего.

– Красавчик. – Венди протянула ко мне руки. – Черный камзол, черные ботфорты... Иди ко мне, ненаглядный! Ты – мой Иши!

– Эй-эй! – Я отполз подальше, стянул свитер и швырнул привидению. – Он темно-синий, дальтоничка! Просто в темноте не видно. А рубашка...

Тут я вспомнил, что вместо рубашки надел любимую черную футболку. Вот же повезло!

– Простишь ли ты меня когда-нибудь, моя любовь?! Один поцелуй, Ишик! – И мерзавка потянулась ко мне губами.

Тут грохнул выстрел. Пуля выбила фонтанчик пыли под ногами Венди.

– Эй, лахудра, не трогай его! – прозвенел отчаянный Светкин голос. – А ну брысь!

Я поднял голову. Девчонка стояла на бастионе из бетонных плит: в одной руке готовый к бою «пламенный глагол», в другой – пистолет.

– Он мой, смертная! Я искала его пятьсот лет!

Второй выстрел оторвал Венди кисть руки. Белая дама задохнулась от возмущения:

– Ах ты, зараза! Ты!.. Ты!..

– Ля-ля-ля, – хмыкнула дзайана. – Смотрите, какие мы нежные. Иши, давай!

Над головами зомби пронесся черно-белый метеор. Грохнули подошвы, и рядом со мною возник Иштван.

Инквизитор огляделся и потер ладони.

– Друдж, – пробормотал он. От энтузиазма в его глазах даже мне стало не по себе. – Много друджа! Силы зла!

Зомби попятились. Один лишь скелет, тот, что разоружил

меня, остался на месте.

– Святоша думает, что господь его защитит. – Скелет с хохотом сорвал череп, несколько ребер и принялся ими жонглировать. – Чистый смеется над суевериями смертных!

Кости с треском вернулись на место. Скелет выхватил из ножен саблю.

– Ну, смертный! – Кончик ее заплясал перед грудью аснатара. – Помолись же своему господу! Сделай что-нибудь с чистым!!

Иштван развел руки в стороны, превращаясь в священную птицу-фарохара. Неуловимое движение – и вместо человека зазвенел вихрь. С отчаянным ревом скелет бросился в атаку.

– Хей-ята-хаааа!

Бойцы столкнулись – с лязгом и треском. На мгновение мне показалось, что я вижу быстрые руки Иштвана: они выхватывали и ломали кости противника.

Расплылось облако пыли. Из него вылетела завязанная морским узлом сабля. В следующий миг Иштван шагнул назад, принимая человеческий облик.

Толпа мертвецов потрясенно загудела.

На дорожке поблескивал игрушечный замок, вырезанный из кости.

– Отступите, силы зла! – объявил аснатар. – Я забираю этого доброго прихожанина!

– Не так быстро, священник, – Венди схватила кисть и с раздражением нахлобучила на культю. – Тебе вряд ли боль-

ше сорока, а я живу на свете полтысячелетия! Посмотрим, что значит опыт в таких делах.

И Венди принялась увеличиваться, становясь размерами с башню безмолвия. Из пальцев ее желтыми стручками полезли когти. Глаза вспыхнули пламенниками, а лицо намокло черными проталинами язв.

Подняв глаза к звездному небу, она закричала – тонко и пронзительно. От крика этого погасли огни города. Ураган сорвал с деревьев листву и швырнул в толпу мертвецов.

Иштван стоял, упрямо наклонив голову, прикрывая лицо воротником рясы. Когда буря стихла, ноги аснатара по колению утопали в листьях. От инея, покрывшего одежду Иштвана, казалось, что он отлит из серебра.

– У церкви нет силы против любви, священник.

– Церковь и есть сама любовь, Венди! Что ж так холодно встречаешь того, кто искал тебя все эти годы? – Он встряхнулся, и серебро опало к его ногам. – Того, кто бродил по свету в поисках любимой? Не случайно я здесь. Знай же: Черный Иши – далекий мой предок. – Аснатар достал удостоверение, но показал его отчего-то не Венди, а барону. Тот удовлетворенно кивнул. – Легенда о тебе передавалась в нашем роду от брата к деду и от дочки к племяннику. Я пришел за тобой, Венди.

– Да? – Призрак уменьшился до человеческих размеров, став трогательно маленьким и хрупким. – Правда?!

– Воистину так, любимая моя.

– И ты поцелуешь меня?! Ой...

– Конечно. Выйдем же перед всеми, дабы ни у кого не оставалось ни малейших сомнений.

Иштван незаметно подмигнул мне, чтобы я не отставал. Мертвецы расступались, пропуская нас к горе плит, откуда стреляла Света. Дзайана протянула мне руку, помогая вскарабкаться. Потом, ни слова не говоря, вцепилась в щеку.

– Ты куда исчез?! – отчаянно выкрикнула она. – Ты обо мне подумал?! Шерлок Холмс, блин! Придурок! Я ж чуть с ума не сошла, пока тебя искала!

– Свет, я...

– Тс-с-с!

Мы оглянулись. Сточенная монетка луны медным краем коснулась горизонта. Она казалась огромной, просто гигантской. Аснатар и Белая Венди стояли на ее фоне, держась за руки и нежно глядя друг другу в глаза.

– Любимый!..

– Любимая!..

– А ты меня правда любишь? – промурлыкала Венди. – Или так, плотски вожделеешь?

Вместо ответа Иштван привлек ее к себе и поцеловал. Призрак исчез. С хрустальным звоном посыпались сверкающие искорки; аснатар закашлялся.

В темное небо взлетело бесплотное облачко. Оно собралось, приобретая облик Венди, и с криком:

– Я свободна! Свободна! – унеслось в звездную даль.

Мертвецы запрокинули головы, следя за крохотной звездочкой – душой Венди. К моему горлу подкатил комок; Светка ревела вовсю, уткнувшись носом в мое плечо.

– Так, паства, – вернул нас к реальности аснатар, – не стоим, не стоим, делаем ноги! Да не туда!.. Вниз, олухи Ормазда небесного!

Прыгая с плиты на плиту, мы помчались к забору. Дзайа-на отчаянно вцепилась в мою руку, боясь отпустить хоть на миг. У забора она замешкалась: росту не хватало, чтобы перелезть, но я подхватил ее на руки и птицей взлетел наверх.

Свобода!

Когда мы спрыгнули вниз, мои ноги обмякли. Счастливое свойство моего организма: во всем, что касается опасности, он отчаянный тугодум. Когда все позади, мое сердце только-только начинает подумывать: а не удариться ли в роскошную панику? Света плакала и смеялась, обнимая меня, а я гладил ее по волосам, не в силах произнести ни слова.

– Спасибо вам, отче, – наконец вымолвил я. – Я опять у вас в неоплатном долгу.

– Да что там, коллега, – махнул тот рукой. – Извиняй, что тогда посквалыжничал. Нужды церкви, знаешь ли...

– Коллега?! – не поверил я своим ушам.

Аснатар протянул мне ту же корочку, что до этого показывал барону:

– Представитель яснийского трибунала, следователь по особо важным делам, личный секретарь хаванана. Будем зна-

комы! А теперь не угодно ли пойти куда-нибудь поболтать? Давно хочется.

Поболтать мы отправились в «Мюнхгаузен». Ресторанчик этот я люблю за уют и домашность обстановки. На стене скрещенные ружья; у стойки – чучело оленя с вишневым бонсаем в голове; а вон живой медведь в загончике на цепи – тощий, словно Ана Рестон перед смертью.

Мы выбрали столик возле камина. За решеткой уютно гудело пламя; после зимнего холода, веявшего от Белой Венди, это пришлось весьма кстати.

Светкин энтузиазм по поводу моего спасения прошел. За столом она сидела надувшись, словно совенок, и, судя по лицу, задумывала что-то нехорошее. Я от души пожалел тех, кому придется расхлебывать последствия ее дурного настроения.

Тем временем к нам подошел усач в тирольской шляпе, клетчатой жилетке и охотничьих сапогах.

– Что будете заказывать? – благодушно поинтересовался он.

– Травяной глинтвейн, сын мой. И утку с яблоками. Жрать хочу, как священное животное яснийцев.

У меня при мысли о глинтвейне возникла легкая тошнота. Нет, хватит с меня баронского пойла... Надо бы чего-нибудь попроще.

– Чайку, – заказал я. – Пирог с лунным сыром и ма-алень-

кую рюмочку «Пушечного ядра».

– А вам, сударыня?

– Водки, – угрюмо отвечала она. – Или нет, графин вкусного спирта. И соленый огурец.

На лице официанта отразилось вежливое недоумение:

– Такого не держим, сударыня.

– Девушка шутит. – Я мягко накрыл ее ладонь своею. – Молочный коктейль, ваш фирменный, «Между львом и крокодиллом» и мороженое «Взятие Стамбула». – Повернувшись к дзайане, я спросил: – Что случилось, солнце?

Света отвернулась.

– Так... Жизнь кончена... Уйду в монастырь или, как эта Венди... зачакну.

– С Лешкой нелады? – догадался я.

– Угу. Писать перестал... Скорей бы климакс!

Официант живенько принес заказ. С уткой, правда, дело застопорилось: повар зашивался от изобилия блюд. Так что усач, конфузясь и извиняясь, снял со стены ружье и пальнул через дымовую трубу.

– Желание клиента – закон, – пояснил он с очаровательной торжественностью. – Ваш коньяк, пожалуйста!

Рюмок в «Мюнхгаузене» не держали. Я встряхнул крохотное чугунное ядро, отвинтил крышку и вылил коньяк в чай. Пирог оказался горячим, нежным, ароматным – то, что требовалось! – вот только с сыром надули. Положили не зеленый, а обычный пармезан.

– Скажите, отче, – задал я вопрос, который меня мучил на протяжении последнего часа. – Вы действительно дальний родственник Иши?

Аснатар улыбнулся:

– Нет, сын мой. Просто с призраками и сумасшедшими не спорят. Армия зомби порвала бы нас в лоскуты, никакая аша не помогла бы. Так что пришлось ради благой цели душой покривить.

На ладонях Иштвана багровели пятна ожогов. Ледяные прикосновения Венди дорого стоили аснатару.

– Твое счастье, паства, – продолжил он, прихлебывая глинтвейн, – что эта сердитая девушка меня отыскала. Венди – исчадие ада. Но дзайан, в чьих владениях она живет, стократ хуже. Многое тебе удалось выведать?

– Нет, – признался я. – Меня вынесло на ложный след. До последнего момента я был уверен, что главный преступник – Людей. Если честно, я и вас подозревал.

– Случается, сын мой... – усмехнулся инквизитор. – Господь дал людям глаза, чтобы видеть истину, а враг божий – мониторы с плохим разрешением, чтобы их портить. Пожалуй, мне стоит рассказать вам кое-что. Но не задаром!

– Я в долгу перед вами, отче. Просите чего угодно.

– У дзайана Марченко ты позаимствовал кое-какие бумаги. Деяние сие предосудительно и среди благих ашаванов карается лопатой по хребту, если не хуже. Отдай мне эти бумаги, сыне. Отдай и больше не поддавайся искусам друждевым.

Откуда, интересно, Иштван знает, что бумаги у меня с собой?.. Я потянулся за сумкой.

– Вот, возьмите, – протянул я бумаги аснатару. – Здесь все равно нет ничего ценного.

– Это уж мне решать, паства. – Иштван торжественно спрятал дневники под рясу. – А вот теперь поговорим. Преблагая наша мать церковь давно интересовалась нечестивыми деяниями манаров. Гибли маги; хоть и мерзавцы, а все-таки какие-никакие сыны. Жалко. Хаванан предложил мне расследовать это дело.

...В каминной трубе загремело, и на угли плюхнулась жареная утка. Подскочил официант с серебряным блюдом.

– Бога ради простите, святой отец!.. – покаянно сообщил он. – Дуры, как есть дуры! Не разбирают, в какую трубу сгигать. Сейчас яблоки посыплются!

И действительно: несколько яблок с сочным шипением шлепнулись в угли. Официант закатил их кочергой на блюдо и шлепнул его на стол. Аснатар невозмутимо кивнул. Не тратя времени зря, он оторвал утиную ножку и принялся жевать.

– К тому времени, как заблудшая овца... – продолжил он с набитым ртом, – иными словами, многоскаредный Вениамин отправился к тебе, чтобы нанять по делу о чупакабре, я уже более-менее представлял картину преступления. Я знал о Дверях Истени. Мне удалось втереться в доверие к учредителям ордена...

– Учредителям? Их было несколько?

– Не перебивай, паства. Прокляну. Да, было несколько. Людей – всего лишь ширма, под прикрытием которой творились нечестивые мерзости. Истину глаголю, сердце мое обливалось кровью! В меру скромных сил своих пытался я умерить злодеяния неблагие, но мерзавцам дружба застил глаза. Ни Литницкого, ни Марченко спасти не удалось. Боевики Дверей, кстати, адские бестии, уважаю... Тебя тоже уважаю: ты умудрился проникнуть в резиденцию и остаться в живых. Впрочем, с твоими талантами все возможно.

Иштван вгрызся в крылышко.

– Истинный глава Дверей Истени все это время прятался в тени... Сам Тепех – дзайан более чем посредственный, а потому решил взять количеством поводков. Оплетя весь Веден сетью интриг, он выяснил, что в руках Вениамина Литницкого находятся дневники средневекового рыцаря. В дневниках этих зашифрована тайна великого ассасина древности, Гасана ас-Саббаха.

Юрий Тепех оказался неплохим актером. Ему удалось втереться в доверие к Литницкому. Он оказывал старику различные услуги: продавал трупы для коней Диомеда, отыскивал нужные ингредиенты, помогал с заклятиями. Мало-помалу ему удалось выведать секрет ас-Саббаха: с его помощью любой дзайан мог набрасывать беспредельное число поводков, не опасаясь за свой рассудок. Время шло. Тепех становился все сильнее и сильнее. Понемногу он занял-

ся некромантией – простеньким, но требовательным к мане делом. Между нами, паства: некромантия ужасно выгодна. Тебя, дочь, особенно касается. Мертвеца можно вынудить переписать завещание; мертвец – прекрасный работник, он туп, услужлив, исполнительен, не имеет собственного мнения. В любом городе – я имею в виду большие города, паства! – спрос на зомби значительно превышает предложение.

Конечно же, дела Тепеха пошли в гору. Он удачно сочетался; предприятие его окрепло и стало приносить немалый доход. Скоро сделка с Вениамином Серафимовичем показалась ему в тягость. И тогда Тепех решил убрать компаньона. Сделал он это весьма хитроумно: искусно запугав Литницкого, вынудил его собрать в своих руках все белые листы рода. Затем, преднамеренно сдав нашей мрачной знакомой тайну ордена...

– Вот скотина! – сжала кулаки Света. К кому это относилось, так и осталось непонятным.

– Да-да, дочь моя. – Аснатар улыбнулся с мнимым сочувствием. – Ваша встреча с Людеем была подстроена. Искусно дергая за ниточки, некромант убрал Литницкого чужими руками. Я предчувствовал это и пытался предотвратить трагедию, но опоздал. Впрочем, окончательным планам Тепеха не суждено было сбыться. Вы, Игорь, спутали ему карты. Вы приехали слишком рано, да еще и отыскиали квитанцию из башни молчания. Чтобы убрать вас, Тепеху пришлось

действовать отчаянно, я бы сказал – дерзко. Когда мы спустились в зверинец, он прошел следом и выпустил цербера. Зверь хорошо его знал – ведь Юрий частенько гостил у Вениамина.

Выкрыв часть дневников из сейфа (все, что там было), Тепех поднялся наверх и похитил квитанцию, которая могла его выдать.

– Да-а, отче... – протянул я, – если бы не ваше вмешательство...

– Оставь, сын мой. – В глазах инквизитора блеснули озорные искорки. – Я поступил как любой служитель церкви на моем месте. Но речь не о том. По какой-то причине Тепех замешкался. Ему следовало со всех ног спешить к Марченко, а он медлил. В результате вы его опередили. Светлана уехала, увозя белые листы. Некромант оказался перед тяжелым выбором: преследовать девушку или проследить за тобой? В тот момент, сыне, ты стоял на краю пропасти. Марченко слишком много болтал, за это и поплатился. Чтобы устранить его, Тепех имитировал нападение дэва. Каким образом он проник в запертую квартиру, неясно...

– Да не мог он туда попасть! – не выдержала дзайана. – Там чары ого-го какие! Алексей Петрович старый маразматик, но защиту ставить умел. Должны были хоть следы остаться!

– Дщерь моя! – вздохнул аснатар. – Сила некрманта велика. Не удивлюсь, если он нашел способ обойти защиту.

– А почему Тепех не расправился со мной? – спросил я.

– Очень просто. После гибели Марченко Тепеху пришлось заметить следы. Он потерял почти сутки. А потом твоя безумная подружка выкинула совершенно непредсказуемый номер.

Светка ожгла священника яростным взглядом. Тот сделал вид, что не заметил.

– Когда она накинула поводок, – продолжал он, – ты, сыне, исчез для поисковых заклинаний. Тепех бесился, но мана на в Ведене отыскать почти невозможно. Будь Юрий человеком, он воспользовался бы здравым смыслом и логикой. Но дзайаны слишком привязаны к магии.

– Спасибо огромное! – фыркнула Светка.

– Пожалуйста, доча. Я продолжу с твоего разрешения?.. Спасибо. Промедление вышло некроманту боком. Игорь нанес ответный удар, и орден едва не прекратил свое существование. Погиб Людей – ценный инструмент в руках Тепеха. Вот тут-то некромант и взялся за тебя всерьез. – Аснатар с уважением покачал головой. – Не хотел бы я становиться у тебя на пути, сыне. Остановить зомби, послать за старухой варвара-следопыта... Тепех слишком поздно сообразил, как его провели. Он попытался убрать тебя руками своих прислужников, но тут вмешался некий скромный слуга церкви. Дальнейшее вы знаете.

Некоторое время мы молчали. Иштван доедал утку, я болтал ложечкой в остывшем чае.

– Послушайте, отче... Но мне не совсем ясно: а зачем Те-

пеху понадобилась возня с Дверями Истени? Понятно, что орден ассасинов, убийства, шантаж... Но это же можно было и попроще организовать!

– Тут-то мы и подходим к самому интересному. Как я уже говорил, Тепех сумел раскрыть тайну Гасана ас-Саббаха. Секрет довольно прост, и сейчас вы его узнаете. В ордене три ступени: Пороги Истени, Замки и Двери. Неофиты в орден попадали просто. Когда кому-нибудь из манаров становилось в тягость существование поведенного, старшие ассасины отыскивали его. Затем начиналась долгая беззаботная пора послушничества. Если неофит казался подходящим, его впутывали в «освобождение» кого-либо из посвященных. Манары – жертвы, злые дзайаны губят мир... Это почти правда. Не удивлюсь, если Людей действительно верил во все это.

Освободив одного из орденцев, манар поднимался в статусе. Он получал ранг Замка Истени и мог участвовать в лотереях Кисмет. Те происходили раз в месяц. Естественно, результаты лотереи подтасовывались. Для этого и нужна была актриса... как ее?.. Верочка?.. Танечка?..

– Варечка.

– Да, Варечка. Однако некоторые ассасины заподозрили неладное. То один, то другой дзайан терял магические умения, а грандмастера хранила неведомая сила. Поползли слухи. Чтобы пресечь их, Людей решил на мистификацию. К несчастью, план его потерпел фиаско – не без твоей, сыне,

помощи – и стоил жизни самому грандмастеру.

– А откуда брались ассасины высшего посвящения? Двери Истени?

– Терпение, паства! Сейчас и до них доберемся. Дело вот в чем, сын мой: быть манаром не так уж плохо. Меньше мыслей, меньше тревог. Смог бы ты спокойно смотреть в оскаленные черепа зомби, не будь манаром? То-то же!

Я мысленно усмехнулся. Плохо Иштван меня знает!

– Здоровье у человека хуже, чем у манара. Определенности меньше. Скоро выходцы из ордена начинали понимать, что свалили дурака. Опять же, картины Истени, показанные им при посвящении, манили и не давали уснуть.

Мне вспомнилась Истень Артема. Действительно, я бы локти кусал, понимая, что лишился чего-то подобного...

– Если вспомнить историю Аламута, в Средневековье все шло точно так же. Старые ассасины водили неофитов в свою Истень – рай с гуриями, – а потом выбрасывали в пустыне – раздавленными, обессиленными, испуганными. Без поводка.

– И бедняги возвращались в орден... – начал я задумчиво. До меня начало доходить.

– ...на коленях умоляя о поводке. Вот тут на сцену выходил Тепех, дзайан-благодетель. После несложного ритуала (он-то и был зашифрован в дневниках рыцаря) человек становился манаром Тепеха – истинной Дверью Истени. Полученных таким образом поводков можно носить сколько угодно, они не повредят дзайану. Манар же второго посвящения

получает Истень.

– Об-балдеть! – Света смотрела на инквизитора с открытым ртом. – Так, нам надо Тепеха остановить. Немедленно, пока он...

– А-атставить, дочь моя! – со всей возможной деликатностью рявкнул аснатар. – Не надо. Вы уже сделали все, что могли. Достаточно вспомнить разгром резиденции...

– Это не я, это Игорь! Он...

– Стоп! Чада мои возлюбленные! Паства ненаглядная! – Аснатар встал и простер к нам руки. – Я хочу слезно молить вас об одолжении.

– Опять? – удивился я. – Я же отдал бумаги!

– Речь не о том, сыне. Знайте, чада: завтра инквизиция проводит спецоперацию. Умоляю: самоустранитесь! На один день. Я много прошу?

– Нет.

Мы со Светкой старались не встречаться взглядами. Ну ладно она, соплюха!.. Но я-то человек опытный. Наломал дров, сам едва не погиб...

– Вот и прекрасно. Вот и благословляю на подвиг сей. Давайте же отпразднуем нашу договоренность. Эй, сыне официант!

– Ладно, – сдался я. – Хорошо. Но скажите, отец Иштван, что означает фраза «Ас-Саббах готовился сделать раем весь мир»?

– А это, сыне, просто легенда. Всего лишь легенда... но

мне она очень по душе, – тихо, так, чтобы никто не расслышал добавил Иштван.

К счастью, у меня очень хороший слух.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. ИНТЕРЛЮДИЯ

*(Суббота, 14.30,
рассказывает Алексей Озерский)*

Засов загремел, и ржавая створка приоткрылась: совсем чуть-чуть, так, чтобы только голову просунуть. Аснатар решительно потянул ее на себя.

– Порядок, паства. Здесь друдж, так что гляди в оба. Понял?

Я кисло улыбнулся.

За воротами никого не оказалось. Кто нас впустил, я так и не понял. Створки закрылись, и мы оказались в стране эльфийской осени – с яркими витражными красками и царственной неспешностью вечности.

Безветрие. Тишина. Листья осыпаются с кленов. В их шорохе слышен шепот, но слов не разобрать, как ни напрягай слух. Прекрасное место для башни безмолвия.

– Да, сыне, забыл сказать, – сообщил Иштван, глядя, как я иду к огненным кустам крушины, – держись тропы. Местные не любят гостей.

– Какие местные?

– Сюда подойди, паства. Иди-иди, не прокляну! Стань на

дорожку и смотри вон туда.

Среди деревьев прятался абориген. Эльф в ватнике, украшенном птичьими перьями. Лицо его сверкало всеми цветами радуги, сливаясь с праздничной листвой. Глядя на него, я почувствовал себя ребенком, нашедшим под наврузовой елкой огромный мешок с подарками.

– Ух ты! Это эльф?!

– Это охотник чистых. Сейчас будет клянчить у нас еду.

Словно в подтверждение его слов, эльф захромал к нам. Увидев, кто он на самом деле, я чуть не закричал.

– Позолоти ручку, красавчик, – ухмыльнулся «эльф». – Чистая жрать хочет, просто умереть!

Только сейчас я понял, что передо мной женщина. Бывшая. Череп ее украшал цыганский платок, на шее болталось кокетливое ожерелье из соечьих перьев.

Аснатар достал из рюкзака банку крысиного яда и моток медной проволоки.

– Это грязным, – передал он яд. – А это тебе, чистая. Позволишь пройти к вашему мастеру?

– Проходи, святоша. Человек – любовник Белой Венди. Чистые уважают. Чистые радуются.

– Чистые еще больше обрадуются, когда вечером я наведаюсь к вам с едой. Понимаешь меня?

– Чистая предупредит барона. Народ будет ждать. Человека и еду пропустят свободно.

От этого обмена любезностями мороз продрал по коже.

С бесхитростным кокетством мертвая расстегнула ватник и принялась укреплять проволокой разболтавшееся ребро. Заметив, что я на нее глазею, сконфуженно хихикнула и запахла – совсем по-девчонкински.

– Хозяева будут еще странней, – предупредил Иштван, когда мы отошли подальше. – Что бы ни увидел, не удивляйся. Ты ведь манар?

– Бывший. – Я с тоской вспомнил о беззаботных манарских временах. – Литницкий мне поводок вернул.

– Это хорошо, сыне, – кивнул аснатар. – Очень хорошо! Теперь слушай внимательно, дважды повторять не буду. Первое твое испытание закончилось. Не скажу, что безоблачно... однако надежда есть. Глаз Вайю больше не властен над тобой. Теперь все в твоих руках.

Я вздохнул. Тоже мне новость!

– Юрий Тепех, у которого мы гостим, – закоренелый некромант. Почти друджвант.

– А это не одно и то же? – удивился я.

– Нет. Друджванты хуже. Они очень плохие, сыне, запомни это. Инквизиция рассчитывает на твою помощь. Ты ведь не подведешь святую нашу мать церковь?

– Нет, отче, не подведу.

– Хороший мальчик. Дай я тебя обниму!

От запаха мирры я едва не задохнулся.

– Проклятый некромант, – не выпуская меня из объятий, сообщил Иштван, – держит портал в другой мир. Я сделал

так, чтобы тебя туда пропустили. Ни во что не вмешивайся! Смотри, слушай, запоминай. Возможно, ты встретишься с чудовищами – не встречай. В инквизиции тоже не дураки сидят, молиться станут – чело не расшибут. Как вернешься – доложишь. Вопросы, молитвы, пожелания?

– Никак нет, отче.

– А вот это правильно. Духовенству надо верить!

Дорожка вывела нас к дому красного кирпича. Здесь нас уже ждали. Дверь открылась, и на пороге появился человек лет сорока – в черном пальто и кепке. Увидев Иштвана, он хмуρο кивнул и посторонился, пропуская нас.

– Благого пути, сын Юрий, – кивнул ему аснатар, с хозяйским видом проходя внутрь.

– Здравствуйте, святой отец. – Человек в пальто мельком оглядел меня. – Это, что ли, ваш отрок?

– Не рискнул бы назвать его отроковицей, – отозвался инквизитор с иронией.

– Хорошо. Пройдемте.

Вот это я люблю – четко и быстро! Следом за хозяином мы вошли в гостиную, обставленную с эзотерическим шиком. Фальшивые чучела, синие «тибетские» шторы, шкаф с алхимической посудой. В колбах со спиртом – раздувшаяся бледная жаба, глаз, нерожденный младенец.

Горели свечи, и колеблющиеся тени прыгали по гобеленам с тибетскими буддами. Я ожидал потайных лифтов, спрятанных ходов за ковром, люка в полу, наконец. Все ока-

залось проще и элегантнее. Хозяин погрел ключами и, пряча руки от наших взглядов, отпер дверцу шкафа. За ней открывался спуск в подвал.

– Маша, – слабым голосом позвал Юрий. – К нам гости. Те самые.

– Впускай, – отозвался полумрак. – Чего ждать?

И мы вошли внутрь.

В подземелье царил творческий беспорядок. Огромные потолки (и где только умещаются?), печь, газовая плита в потеках краски – уже этого хватило бы, чтобы понять: дом художника.

Чувствовалось, что живут здесь два человека. Или один, но сам себя не понимающий. Въедливый до отчаянности аккуратистский дух боролся с чьей-то безалаберностью.

Скрипучие полы из новенького паркета – и горками набросаны восточные подушки. Роскошная продавленная тахта – и узенький «девичий» диванчик. Стена в незабудках и колокольчиках; соломенные фонарики на люстрах – качаются, шепчутся; над столом меховые маски, маски гладкие, маски под дерево и металл. Еще одна стена – книги по художественному мастерству (никогда не думал, что их бывает столько!), – по другой карабкается гигантский столетник.

При виде комнаты меня затопил тихий восторг. Верите ли: всегда мечтал о таком месте! Чтоб по стенам – картины и маски; чтоб рядом уживались беспорядок и тайна. А еще в

таких местах встречаются удивительные люди.

И, похоже, сейчас я познакомлюсь кое с кем из них!

Хозяйка комнаты при нашем появлении даже не обернулась. Выпрямившись в инвалидном кресле, она азартно водила кистью по размалеванному холсту.

– Осторожно! – крикнула она. – Старые краски!

От неожиданности я подпрыгнул. Под ногой хлопнуло; на паркете расплылось черное пятно.

– Ой, извините! – Я бросился отдирать от подошвы раздавленный тубик.

Мелодично запели сервомоторы. Кресло подъехало ко мне.

– Что там? Жженая кость?

Художница перегнулась через подлокотник и с интересом понюхала мою кроссовку. Потом набрала кистью краски прямо с подошвы и поехала к мольберту.

– Пора, паства, – ободряюще объявил аснатар. Я не успел даже удивиться: а что, собственно, пора? – как Тепех положил ладони мне на плечи.

Слова инквизитора предназначались ему.

Меня вытряхнуло из реальности, как перья из драной подушки. Легкость – непредставимая, запредельная! – взорвала мое тело. От нее хотелось петь и танцевать.

На меня набросили поводок.

– Мы вас оставляем, – прошелестел дзайан. – Идемте, святой отец. Маша, не переутомись, прошу тебя!

– Хорошо, Юра, – с видом монашки отозвалась художница.

Тепех и аснатар ушли из комнаты. Я прислушался к шагам на лестнице, к скрежету закрывающегося замка.

Вот я и снова манар... Как-то не верится.

– Вот и все, – весело сообщила девушка. – Ты теперь наш!

– Кто – ваш?

Она хрипловато рассмеялась:

– Удивляюсь я Иштвану... Божий человек, рыцарь добра, а связался с наемными убийцами. Ладно, котенок, не бучься!

Она подъехала ко мне и взъерошила волосы:

– А ты красавчик... Хочешь, я тебя подстригу?

Круглолицая, изящная, челочка в иголочку. Глаза ласковые, смеющиеся, россыпь веснушек по щекам – хоть до весны еще полгода. И тело гибкое, словно у ласки. Инвалиды обычно рыхлеют – посиди в коляске несколько лет, попробуй, – а эта ничего. Словно притворяется калекой.

Рядом с ней мне вдруг стало удивительно хорошо. Словно я наконец-то вернулся домой.

– Что с вами случилось? – спросил я, проводя ладонью по спинке кресла. – Это у вас... серьезно?!

– А, пустяки! – отмахнулась она жизнерадостно. – Ноги парализованы. Все жду, когда муж вылечит. – Глаза ее опасно сузились: – От коллег подарок. Бывших. Но теперь они барону прислуживают!..

К слову «коллеги» привязалось почему-то «наемные

убийцы». Да еще и барон какой-то... Я знаю лишь одного барона: аскавца, которому я остановил сердце. Но ему слушать трудненько будет! Он мертвый!

– Как тебя зовут, красавчик? – поинтересовалась она.

– Алексей... можно Леша, – ответил я, краснея. Проклятая моя застенчивость!

Художница радостно рассмеялась:

– А я – Маша! – и повторила с удовольствием, словно пробуя мое имя на вкус: – Л-леша! Вот что, Алексей, я сейчас закончу с картиной, а потом отправимся в путь. Тебе ведь обещали рай с гуриями? – И она подмигнула с многообещающим выражением: – Гурии будут. Обещаю.

В горле пересохло. Ну и сволочь Иштван! Он же мне совершенно ничего не рассказал!

Хотя, может, так надо?

– Это будет... другой мир? – уточнил я хрипло.

– Откуда смотреть. Но ты догадлив, котенок.

И она повернулась к мольберту, разом утратив ко мне всяческий интерес. Я постоял немного за ее спиной, а потом, подгоняемый нетерпеливыми толчками сердца, отправился рассматривать картины.

Интересно, мелькнула озорная мысль, а как *это* происходит с инвалидами?!

Раньше я не представлял, как можно рисовать в подземелье. Художникам ведь свет нужен – настоящий, живой! Но

сильный дизайн способен на все. Окна над головой заполняла сияющая голубая эмаль неба. Магия, конечно же... Ведь этажом выше – полутемная гостиная, утонувшая в теплых свечных тенях. Над ней – клены в парчовых одеяниях хаванана.

А здесь – небо!

Я влез на стул, пытаюсь разглядеть, что там, за краем окна. Маша хихикнула:

– Это иллюзия. Между прочим, я все еще жду твоего мнения о картинах.

– Точно?! Так я сейчас!

Я птицей слетел со стула и отправился в обход импровизированной галереи. Художница следила за мной из-под прикрытых ресниц. Как она в этот миг была красива!

– Это «Фраваш смерти», – подсказала Маша, когда я проходил мимо. – А вот эту я назвала «Последней надеждой». Нравится?

Сил у меня осталось лишь на то, чтобы кивнуть.

Потому что от ее картин продирала дрожь.

Все они изображали эшафот или кладбище. Фраваш смерти – тощенькая оборвашка лет двенадцати, со шрамом на щеке и ободранными крыльями за спиной – смотрела с горькой усмешкой. В неряшливых штрихах проглядывала нездоровая жесткость. «Последняя надежда» – обнаженная девушка ведет мертвецов к восходящей луне. Лицо запрокинуто, глаза прикрыты в экстазе.

Я перешел к следующей. На ней шестилетняя голенькая кроха играла с ведерком на могиле. Из-под земли к ней тянулась костистая рука.

Я украдкой посмотрел на Марию. Интересно, сколько же лет она здесь сидит?.. Одна, в доме с мужем-некромантом и нежитью в парке... Сердце колотилось все сильнее. Точно так же я чувствовал себя, когда притаившаяся в кустах «эльфийка» на глазах превратилась в чудовище.

Вот только сейчас все происходило наоборот...

Дэв, неужели я влюбляюсь?!

А если нет, тогда что со мной?! Что?!

Поймав мой взгляд, девушка улыбнулась:

– Ну, вот и все. Мы можем отправляться, котенок.

Ответить я не успел. Коляска подкатила ко мне, и теплые пальцы нежно взяли меня за руку.

– Готов?

Стены мастерской рассыпались в прах.

И вновь поднялись.

Мы стояли на неряшливом бульжном пяточке, отгороженном трамвайными путями. Уродливые деревья вздымались к небу голые корявые ветви. Дома вокруг – грязные, покосившиеся, напоминали Веденские – примерно так же, как помойная дворняжка напоминает болонку аристократки.

За деревьями тянулся разрисованный бетон забора. Нависали уродливые жирафьи головы кранов, качались на волнах ржавые туши теплоходов. Порт. И чайки над головой. Ветер

пропитывала жирная вонь мазута, в которую вплетались запахи йода и речной сырости.

Я поежился. Скоро дождь... Вихрь крутит в пыли фантики, окурки, использованные билеты.

– Где мы? – Я брезгливо переступил с ноги на ногу. – Что это за пародия на Веден?!

– Это город моей мечты, дурачок.

Маша выгнулась по-кошачьи и раскинула руки, словно обнимая грязный, пропахший мазутом город. Инвалидное кресло куда-то исчезло. Но, похоже, девушка и без него чувствовала себя прекрасно.

– Пойдем, – потянула она меня за руку. – Пойдем-пойдем! Времени мало, а нам сюда надо успеть вернуться. Иначе по Ведену меня на закорках потащишь!

– С удовольствием! – улыбнулся я.

– Не зарекайся, я тяжелая! – Ее ладошка вновь взлохматила мне волосы. – Вперед!

И мы понеслись незнамо куда. Маша наслаждалась тем, что у нее есть ноги, а я страдал, что мои скоро отвалятся. Потом мы ехали троллейбусом... местные троллейбусы – убожество! В них даже пивом не поят! Потом опять мчались в лабиринте грязных домов. Остановились мы возле «Черного отдохновения». Ну, вернее, это у нас оно «Черное отдохновение», а здесь как-то иначе называется. Какой-то другой день недели.

Вокруг «Отдохновения» кипела жизнь. Знаете, меня что

потрясло? Костяная «эльфийка» по сравнению с местными – воплощение чистоты и невинности! Особенно меня поразила толстяк на плюшевой лошади-скелете. Если бы он не пил пиво, я бы точно решил, что это привидение!

А у входа нас встретил... Сашка! Наш Сашка, который из «Огней Иррукана»! Стоп. Бр-р-р-р! Если здесь есть «Огни», есть Сашка, так, может, и я где-нибудь болтаюсь?.. Вот были бы терки – с собой встретиться!

– Мать, – бросился к нам Сашка, – где ты бродишь?!!

– А что такое? Я вроде вовремя.

– Ты – да. А вообще у нас хрень творится.

– Саш, привет! – вылез я, протягивая руку. – Извини, заматался с работой, на репетицию не успел.

– Хай, загадочный человек. – Санек равнодушно пожал мою ладонь и отбросил в сторону. – Извини, я с девушкой договариваюсь.

Судя по тону, по тому, как он на меня посмотрел, в этом мире наше знакомство еще не состоялось... Дела!

– У нас чепе, – деловито сообщил он, обнимая Марию за плечи. – К Викену пассия прикатила.

– Из Москвы?! – присвистнула она.

– Ну. Пикникуют на побережье.

– Здравсьте, пельмени. А играть кто будет?!

– Я буду. Рустам будет. Викен – нет.

– Шуль, ну как же так?! Мы же репетировали!

Сашкина физиономия сморщилась:

– А что делать? Ищут пожарные, ищет полиция... Ну остались мы без гитариста. Вернется, я его расстреляю. Или повешу. Или уволю! Идем. – Он схватил ее за руку и потащил за собой. – Через десять минут нас выпускают.

– Опозоримся-а! – сладко пропела Маша. Однако помчалась следом.

Голова крутом. Они что же – играть будут?! А ведь это явно «Белый маскарад» или что-то вроде этого... У нас такие тусовки тоже бывают. Дело ответственное, заваливать не хочется.

Я схватил Машу за плечо:

– Что у вас стряслось?

– Отвянь! – бросила та нетерпеливо. – Гитарист у нас сбежал с бабой.

Я посторонился, пропуская парня с черно-оранжевым хайром, в маске из двух респираторов. За ним хвостиком тянулись хохочущие девицы: медсестра в окровавленном халате, и размалеванная малолетка – в черном бархатном платье, явно недостаточном для буйных малолеткинских форм, с серьгой в брови.

– Да понял уже, – не отставал я. – Это «Огни Иррукана», да?! Ну, группа Сашкина. Так я же в них играю!

Она остановилась так резко, что я едва не сбил ее с ног. Притянула к себе, развернула – передо мной замерли ее огромные зеленые глазищи.

– Ты... что?

– Я. Играю. В «Огнях Иррукана». Только в нашем мире, в Ведене.

– Класс! – В кислотном освещении клуба лицо ее выглядело устрашающе. – А ну пойдём! Пойдём! Ну как знала!!

Стены задрожали. На сцене пустился в адский запил гитарист в рейтарских штанах и мушкетерской шляпе. Насилующие валькирий драконы на его обнаженной спине блестели от пота. Дым, мельтешение огней, вопли поклонниц. Мы пробивались сквозь орущую толпу, а я все пытался сообразить, что за музыку они играют. Гитарист здорово напоминал Генку из «Криптономикона»... Вот только в медиэвале никто так струны не дерет!

Наконец рев превратился в глухой гул – мы выбрались за сцену. Пол знакомо вибрировал под ногами. Я мельком поприветствовал наших из «Иррукана», те недоуменно ответили, пытаясь сообразить, кто я.

Нет, нету у меня двойника в этом мире. А жаль...

Мария подбежала к Сашке и что-то проорала ему на ухо. Тот сразу оценил ситуацию. Лицо его осветилось надеждой.

– Держи, – он протянул мне смутно знакомый чехол. – Черт... хоть бы одну репетицию вместе. И гитара чужая...

– Да справлюсь я, не бойся!

Вновь недоуменный взгляд. Даже смешно, чего они боятся?! Пока Сашка пытался сообразить, с чего бы я так был в себе уверен, я вытащил гитару из чехла. На сердце стало легко-легко. А то я ее не видел! Вон трещина в гнезде, сам

же в понедельник лечил. Матриков «ибанез», не избавиться мне от него, родного!

– Что первым играем? – деловито поинтересовался я.

– «Prison Of Dreams».

– Что-что?!

Сашка покосился на меня как-то странно, однако перевел:

– «Тюрьма снов».

Я успокоился. Ну, это ладно, знаю! А с языками у них бардак... Неужели нельзя общий ввести, как у нас? Вон, даже китайцы на ведеан перешли. А у этих минимум два языка, и как только не путаются?!

На сцену я выбрался словно во сне. По кроваво-красному полу метались тени; лучи прожекторов пластали дым неровными ломтями. Маша успела переодеться в нечто безумное – в черных языках пламени, с алой шнуровкой на груди. На шее ее болталась металлическая пятиконечная звезда.

Нет, это не «Белый маскарад», подумал я. Слишком много черного и красного... Хотя какая разница? Я ж сюда играть пришел!

Ох, скорей бы!..

Наконец миг настал. Гул в зале чуть приутих (на большее рассчитывать не стоило), и Сашка кивнул нам с отрешенным видом.

И мы впилились!

И зал замер.

И...

...в общем, я облажался. Но как! Забегая вперед, скажу, что после выступления нас чуть не порвали на сувениры.

Дело в том, что «Тюрьма снов», которую играл я, чуть отличалась от местной. Примерно как стакан газировки от пиццы. И при всем при том это была одна и та же песня, написанная одним и тем же человеком.

Соображаете?!

Просто я играл рококо-соул, а ребята – блэк-металл, вот и вся разница!

Мы выдали «Детей полуночного солнца», «Голос ветра», «Прометея», а потом Мария, не в силах больше ждать, утащила меня в заброшенный угол. На сцене извивались полуголые девицы в черной коже; их заливало алое и синее сияние прожекторов; неумолчный рев барабанов дрожал в воздухе.

От грохота и боя, отдающегося в костях, от дурманящего аромата женского пота я потерял голову. И когда я, наплевав на застежки, рвал с нее черное влажное платье, она вдруг обхватила мою голову и притянула к себе.

– Я люблю этот мир! – прокричала мне на ухо. – Слышишь? И он! Будет!! Настоящим!!!

А потом нам как-то стало не до разговоров.

Вернулись мы через несколько часов – обессиленные, измученные, счастливые. Когда гремящий мазутный мир

сменился успокаивающим полднем Машиной мастерской, я чуть не расплакался. Дома!

Мария лежала на полу, раскинувшись среди тюбиков краски. Глаза ее были полуприкрыты, по лицу блуждала счастливая улыбка.

– Что смотришь, котенок? – проворчала она. – Помоги. Видишь, я подняться не могу!

Я перенес ее в кресло и накрыл пледом.

– Ну вот, Леша, – весело продолжала она. – С тебя ответный визит. Возьмешь меня в свою Истень?

– Куда-куда?

Художница не ответила. В задумчивости она перебирала кисти, не решаясь взять ни одну из них.

– Теперь у тебя есть свой мир, тот, что только для тебя. Хочешь – прячься, хочешь – беги... Это мой подарок.

Ее кресло отъехало к стене. Мария запрокинула руки за голову и уставилась мечтательным взглядом в окна мансарды.

– А теперь иди. Оставь меня одну... Мне опять надо привыкать ко всему этому.

Я и сам понимал, что лучше уйти. Из мира свободы вернуться в тюрьму, в кресло на колесиках... бр-р-р!

Но любопытство не отпускало меня:

– Слушай, а почему ты там навсегда не останешься?

Она пожала плечами:

– Не могу. Я свой запас выбрала. Теперь несколько дней

мне не будет туда ходу. Разве что из последних сил... Но это опасно. Можно погибнуть при возвращении.

Понятно. Как в «Золушке» Шварца... «Ваше время истекло».

Совершенно забыв о том, что дверь заперта, я помчался вверх по лестнице. Мир дрожал тонкой радостной струной; тронь – расплывется, исчезая в звуке, и откроется другой мир: мой – родной, любимый!

Ну-ка, попробуем.

Я потянулся, расплескивая в себе то же ощущение, что возникало, когда мы шли в Машин мир. Стены разлетелись карточной колодой. Я шагнул вперед, в теплую, наполненную солнцем и летом круговерть, и тут же рванулся обратно.

Все. На первый раз хватит!

Отчаянно колотилось сердце. Медью ручек поблескивала дверь шкафа. Глуповато ухмыляясь, я потрогал замок. Это что же, я сквозь запертые двери проходить могу?!

А ну-ка еще раз?!

Повторить фокус я не успел. Из полумрака гостиной вынесся черно-белый вихрь. Раньше, чем я что-то сделал, меня сбilo с ног и впечатало носом в ковер.

Тяжелое колено придавило мою спину.

– Друдж! – объявил веселый юношеский голос. – Попался, друджвант! Братие, сюда!!

Пола аснатарской рясы мазнула по лицу. Инквизитор схватил меня за волосы и вывернул лицом к себе:

– Ты кто, сыне? Отродье адское, а?!

Инквизитора этого я видел первый раз в жизни. Моего возраста, может, даже чуть младше... И в лице сумасшедшая радость.

Вот садюга! Не зря их прикрыть собрались.

– Отпусти, козел! – Я забился, пытаюсь вырваться, а потом разметал стены и аснатара и выскользнул в свой мир. Спине стало легче. Не особо глаза по сторонам, я отбежал на пару шагов, а потом вернулся в наш мир.

Аснатар сидел на коленях спиной ко мне. Руки его сжимали пустоту; плечи и затылок выражали растерянность.

То-то же!

Я с маху отвесил инквизитору пендаля. Тот вскочил, но запнулся о свою же ногу и грохнулся на пол.

– Съел?! – усмехнулся я. – Позови отца Иштвана. С ним буду разговаривать.

Это подействовало. Иштвана инквизиторы уважали. Аснатар поклонился (без особого, впрочем, пиетета) и вылетел в коридор, на ходу доставая мобильный телефон.

Через несколько минут он вернулся.

– Брат Иштван занят. Так ты, значит, – мирянин Алексей?

Я кивнул. Парень отдал мне телефон:

– Здорово! Ты извини, что набросился. Тут место злое: дэвы, призраки, мертвецы разные. Нервы – сам понимаешь!

– Да ладно, – отмахнулся я, – проехали, – и не удержался от ехидства: – На первый раз прощаю, там поглядим.

– Я... – продолжал мальчишка, – в общем, у меня инструкции относительно тебя. Если хочешь, могу еще раз Иштвану позвонить – он подтвердит!

– Ладно, верю, верю, – грубовато отозвался я. – Духовенству надо верить.

– Иштванова школа. – Аснатар посмотрел с уважением. – В общем так, сыне... Ты у нас важная птица, и мне приказано тебя охранять. Тут, – он неопределенно обвел рукой гостиную, – полно дружба. Пока зачистим лабораторию от мертвецов, пока с некромантом справимся... Сам понимаешь.

– Некрос – сильный колдун, ага?

Аснатар потер зад.

– Типа того, сыне... Иштван сказал, что ты отвлечешь Марию.

Меня бросило в жар. Так вот для чего я понадобился аснатару! Вот гады! Но отступить было, поздно.

– Отвлек, отвлек, – снисходительно сообщил я. – Можешь за свою попку не волноваться.

В этот миг дом трянуло, и окна высветило красным. Где-то далеко послышался дикий отчаянный вой.

– Все, – обрадовался аснатар. – Началось! Куда бы тебя спрятать?!

– Да не надо никуда прятать. Смотри!

И я рывком сместился в свой мир. Где еще я буду в безопасности, как не там?!

Лень и блаженное тепло охватили меня. Я стоял посреди

мраморной смотровой площадки, наслаждаясь клекочущей в жилах радостью. Потолок оплетала виноградная лоза. Я отломал синюю мускатную гроздь, и по руке побежала струйка сока.

Вкуснотища! Ну что, Брави, на разведку?

Через несколько шагов я остановился. В полу темнела таинственная дыра. Она словно приглашала спуститься вниз и исследовать башню, на вершине которой я оказался.

Я поднял взгляд. За алебастровыми перилами начинался город. Над уютными черепичными крышами, яркими изумрудиками парков и оранжерей, над голубой лентой реки то там, то здесь вились тревожные тени.

Над городом нависла опасность.

И некому было его спасти, кроме меня.

Словно откликаясь на мои мысли, за спиной что-то звякнуло. Я оглянулся. С мраморной скамейки свисала тяжелая кобура. Рядом лежали сложенная военная форма и приглашающе раскрытый рюкзачок. Я проверил его содержимое: коробка пистолетных патронов, аптечка на десять процентов и адреналиновый ускоритель.

Мой мир мечты оказался подозрительно похожим на первый уровень «Фрашокерети»...

Долго размышлять над этим не пришлось. Из пролома донесся знакомый переливчатый визг. Сердце встрепенулось: так орут неблагие души! Сложность вторая, детская, иначе внизу бегал бы раб друджа. И не один.

Я торопливо переоделся в форму, пристегнул кобуру к поясу и закинул за спину рюкзачок. Здоровье – сто процентов, армор – ноль, оружие – нож и пистолет.

Вперед!

Каждый выбирает мечту по себе. И моя – далеко не самая худшая на свете!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

(Суббота, 14.00,

рассказывает Игорь Колесничий)

Когда в дверь позвонили, я как раз гладил до-ги. До-ги – это то, что профаны обычно называют кимоно. Не путайте, пожалуйста, знающие люди над вами смеяться будут. Кимоно – это нечто шелковое, расшитое розами и драконами, а до-ги – боевой кафтан, одежда пути.

Глажка позволяла мне забыться, прийти в себя.

Когда меня выставили из расследования, я впал в амок. Ведь я почти довел дело до конца! А если бы на даче Литницкого сразу прихватил обе бумажки, то неизвестно, кто бы сейчас арестовывал Тепеха.

Так что, когда я спрашивал «кто там?», голос мой добродушием не отличался.

– Рек, это я! – донеслось с той стороны.

Ничему не удивляясь, я отпер замок и вопросительно уставился на Свету.

– Я к тебе, – с порога объявила дзайана. – Возьмешь меня в детективы?

– Куда?

– Ну в сыщики, блин! Чтоб как ты. – Она сдула со лба непокорную прядь. – Чтобы преступников ловить, расследо-

вания всякие...

– Та-ак. – Я посторонился, пропуская ее в квартиру. – Ну заходи. Поговорим. Кое-что ты уже нараследовала. Как ты мою квартиру отыскала?

– А, тоже мне бином Агриппы! – отмахнулась та. – Чаранула справочную. Там такая лохушка сидит, малолетка. Она мне все на раз и выложила.

– Понятно, – улыбнулся я. Все-таки на наше стихийное бедствие долго сердиться нельзя. – Чай будешь? Подожди, доглажу, там поговорим.

Света вошла и с интересом принялась глазеть по сторонам. Позорище, конечно... Впору вскрыть живот в благородном обряде сепуку. Но кто виноват, что отдохновение только завтра, а в другие дни убрать квартиру руки не доходят?!

– Ну и срач, – выдохнула она с благоговением. – Давай помогу. И... господи, ну кто ж так гладит!

Она отобрала утюг и энергично оттерла меня от доски. Краем глаза я заметил, как из-под дивана потянулись струйки пушистой пыли. Дзайана принялась за уборку.

– Вообще-то чтобы детективом работать, нужны кой-какие навыки, – дипломатично сообщил я.

– Ой, ладно тебе, навыки! Щеки надувать да с лупой ковыряться. Если у вас такой, как Винченцо, работает, не удивлюсь, что преступность мизерная. Все бандюганы со смеху передохли.

– Винченцо прекрасный оперативник. Болван, правда, но

иногда это полезно. У него интуиция.

– Это у тебя интуиция!! – взорвалась Светка. По ее лицу разбежались возмущенные красные пятна. – Это ты молодец! В одиночку разгромил орден убийц! Да они тебя на руках носить должны! А они, они!..

– Ладно, не кипятись, – поморщился я. С кухни донесся звон кастрюльных крышек; похоже, дзайана взялась за мое логово всерьез. – Тут ведь куча ведомств в игре. Друг друга подсиживают, гадости делают. Знаешь... – я присел рядом, – хорошо, что я оттуда ушел.

– Хорошо. – Дзайана потрепала меня по плечу. – Но все равно обидно... Ты старался, а все лавры святошам! И козлу этому, Винченцо!

Все-таки здорово, что она пришла! Настроение стремительно скакнуло вверх. Мы ведь можем устроить кое-что в обход инквизиции! Главное, правильно взяться за дело.

Я пододвинул ногой сумку (со вчерашнего она так и лежала неразобранная) и принялся ее перерывать. Скоро в моих руках оказалась папка, которую мне выдал барон чистых.

Лютен сволочь, конечно... Но если ему помочь, из этого может выйти что-нибудь замечательное.

– Слушай, Свет... А ты кого-нибудь из ролевиков знаешь?

– Кого именно?

– Мне мастера нужно.

Дзайана присвистнула:

– У-у-у! Ты до него вряд ли доберешься. Это же просто

мистическая фигура! И все-то он в делах, в делах... Его еще Императором мечей зовут. Телефончик дам, но только...

– Ладно, не пугай. Давай попробуем.

Света надиктовала номер. После шести длинных гудков, когда я уже почти готов был бросить трубку, в мембране толкнулся подозрительно знакомый женский голос:

– Алло?

Хм... Нет, положительно, я в рубашке родился. А еще – в штанах и панамке.

– Здравствуй, солнце.

– Воронушек! Ты жив?!

– Как видишь. Легионы тьмы и варварские орды мне не повредили. А ты на чемоданах сидишь? Дашук, слушай, позови мне Императора мечей.

– Воронушек, он мусор выносит. А потом мы погулять собрались.

– Жаль. А мне с ним так увидеться хотелось...

– Да? Хм... А знаешь что? Подходи к «Терре Инкогните». Это кафешка такая за перекрестком Великих Интриганов. Мы там часика через три будем.

– Замечательно! Обязательно подойду.

Мы поболтали о разных пустяках, а потом распрощались. Дзайана смотрела на меня круглыми восхищенными глазами.

– Та-ак, – с трепетом протянула она. – И кто из нас после этого маг?!

– Пустяки, – отмахнулся я. – Тем более Императора мечей я все равно не застал. Он ведет битву против вселенского хаоса.

О том, что я уже встречался с Валерой, я решил не говорить. Моя коллега как-то слишком серьезно к этому относится.

– Значит, так, – объявил я. – Идем в «Терру Инкогниту». Где это, кстати?..

– Я покажу. Вот только проблемка одна... Это ролевичья база, туда в обычном прикиде не пустят. Надо что-нибудь средневековое. Вроде этого.

Она подняла руки, и по ее телу заструились звездочки. Розовый свитерок и джинсы с серебристым орнаментом перелились в шикарное бело-голубое платье. Стилизация под Возрождение, решил я. Без излишеств в виде каркаса-вертюгала, но с узким жестким лифом и глубоким декольте. Все как полагается.

– Ты в таком виде по улице пойдешь?

– Летом пошла бы... А сейчас у меня к этому надеть нечего. – Она прищелкнула пальцами, возвращая себе прежний вид. – Надо что-нибудь с тобой сделать.

– Я манар, между прочим. На мне заклятия не удержатся.

– Да помню я... – Светка с досадой поморщилась. – Сейчас сообразим что-нибудь! – И бросилась перерывать мои шкафы.

Обыск длился ровно полторы минуты. По его результатам

на стол легли мои хакама¹⁶, черная рубашка и ворох неопознанного тряпья.

– Тащи ножницы. Будем из тебя самурая делать.

– Эй-эй! Только без фанатизма!

– Для тебя же стараюсь, дурачок. Давай, тащи!

Отхватив от рубашки рукава, Светка лихо превратила ее в косодэ. Напялила на меня, оглядела придиричливо:

– Тэ-эк. Пуговицы не хватает. Снимай. Сейчас пришьем тебе пуговичку и дырочку.

Усевшись по-турецки на моей кровати, дзайана принялась обметывать петлю.

– Машинка для стрижки есть? – не отрываясь от рукоделия, поинтересовалась она. – Сейчас прическу соорудим!

Бриться под кобин-буси или сакаяки¹⁷ я наотрез отказался. Светка надулась, но потом собрала мои волосы в хвостик – мода старинная, веками проверенная.

– Класс! – вытащила меня к свету. – Повернись-ка, сынку... Обалдеть! Изумлена до крайности души. Все, лапа, красивей тебя уже не сделать. Пойдем!

...Перед тем как отправляться в «Терру», мы заглянули в офис. Дзайана настояла, чтобы я взял меч. Да и моя интуиция подсказывала то же: «Приблуда» мне сегодня понадобится.

¹⁶ Хакама – складчатые широкие штаны, одежда бойца айкидо. Тягостную обязанность носить их насаждают с первого дана, хотя в некоторых школах и раньше.

¹⁷ Кобин-буси, сакаяки – старинные самурайские прически.

В офисе нас ждал сюрприз.

Оказывается, нас обыскивали.

Не трата времени зря, я позвонил вахтеру. Ответ его изумил меня еще больше. Аснатары! Оказывается, офис пересвящали, пока меня не было!

Света пожала плечами:

– Ну и что? Ты же рассказывал Иштвану о нападении зомби.

Так-то так, но... Аснатары ввалились в офис сразу после моего ухода. Даже не так: едва я разобрался с варварами! Как такое могло случиться?! Ведь с Иштваном мы разговаривали несколько часов спустя!

Тут я сообразил, что произошло, и рассмеялся про себя.

Все очень просто.

Аснатары следили за проклятой башней безмолвия. Когда одна из мертвячек покинула ее, конечно же, следом отправился соглядатай.

Возле моего офиса инквизитор занервничал. Иштвану толпа разъяренных аскавцев на один зуб, но мертвячку преследовал кто-то из рядовых аснатаров. Мальчик какой-нибудь. Так что он не стал лезть на рожон, дождался, пока я разгоню бандитскую шваль, а потом вошел в здание.

Ну, а дальше все просто... Служака доложил на начальству, а сам принялся за привычное дело: друдж гонять. И все это не обыск был, а святой обряд.

Спасибо тебе, отче Иштван! Ну что бы я без тебя делал! В офисе действительно стало чисто и приятно. Да еще и святая защита прибавилась – ее Светка распознала.

Вот только кроме защиты чары работали еще и как сигналка... Похоже, Иштван не очень-то доверял моему честному слову.

И правильно.

Потому что я нашел, как его обойти.

Прихватив чехол с мечом, мы отправились в путь.

Над головою плыли мечтательные перистые облачка. Стоило нам свернуть к «Терре», как они приблизились, стали выпуклыми, белоснежными. Каждый завиток рельефно выделился. В кафешке работал талантливый маг-иллюзионист, а то и погодник.

Народу вокруг кафешки прогуливалось много. Подростки в мешковатых балахонах, с магическими посохами в руках; девушки в шлемах, бронетопиках и джинсах с умопомрачительно заниженной талией; раскрашенные в черное и серебро готы; пышные, как кремовые пирожные, рококошники.

Всех этих людей объединяла игра. Незримый дух общности пронизывал пространство; я знал, что могу подойти к любому, заговорить – и окажусь своим. Суета и беспокой остались за незримой границей – там, где шумели трамваи, высекая искры из проводов, где голуби дрались из-за оброченной булки, а люди предпочитали бегать, а не ходить.

– Чаровато. – Света повертела головой. – Вон шатер, пойдём переоденемся! А то мы как зеленые вороны.

Переодевшись, мы двинулись в «Терру Инкогниту». Валеру и Дашу я заметил сразу: они со вкусом устроились на полу в уютном уголке за аквариумом. Финиковая пальма растопырила над ними перистые лапы, сладко дымился кальян, подушки сияли индийскими и арабскими узорами.

Император мечей зябко кутался в гербовую котту. Дашка вырядилась в удивительно неудобное сиреневое блио и остроконечный колпак. Бедняга! На что не пойдешь ради красоты!

Я сгрузил им на руки свое драгоценное стихийное бедствие, а сам двинулся к стойке.

У непосвященных дизайн «Терры» вызывает трепет и благоговение. Уж конечно, его создатель читал «Буду для чайников».

Со стен недружелюбно пялятся африканские маски – точь-в-точь рожи чистых. На полосатых щитах танцуют блики от ламп. Замечательное место!

А бармен...

– Два кофе, пожалуйста, – попросил я его.

– Джа над нами, брат, – жизнерадостно отозвался тот. – Давно в Сайоне?

И откуда он знает, что в юности я целых два месяца был растаманом?! При взгляде на его пушкинское, обрамленное буйными дредами лицо во мне проснулись воспоминания.

– Ты верь, джа ман, – вдохновенно процитировал я, – взойдет она, звезда Тафари и Сайона. И на обломках Вавилона напишут наши имена!

– Джа светит всем, брат. Какое кофе налить? с ганджей?

Мне сразу вспомнился непримиримый дзайан Алексей Петрович и его «брютом ужраться».

– Главное не суматрского, – доверительно сообщил я. – Вот это пойдет. – Я ткнул в строчку с «Мокко сидамо». – Молока не надо, сахара тоже. Пусть будет черный и злой.

– Врубаешься, – одобрительно кивнул растаман. – Джа тебя любит!

Вернувшись и вручив чашки Свете, я кинул несколько подушек и уселся, блаженно вытянув ноги. Хорошо!

Музыканты из «Башен Куррумо» ведут транс, опьяненные барабанным ритмом. Острогрудые богини черного дерева подпрыгивают в такт ударам; вязанки ракушек покачиваются над головой, и люди, похожие на пантер, смотрят в пустоту незрячими глазами. Бывают же на свете такие чудные места! Теперь я часто сюда буду заглядывать.

– Представляешь, – дзайана со счастливым видом подергала меня за полу косодэ, – меня просветили! Оказывается, письма могли попасть в спам-фильтр!

– Какие письма? – лениво поинтересовался я.

– Ну Лешкины же! Помнишь, я рассказывала, он писать перестал? Вот, Валерий Игнатьевич мне свой комп дает. Я пойду откопаться?

– От... что?.. – Я махнул рукой. – Ладно, неважно. Будь рядом – ты мне можешь понадобиться.

– Слушаюсь, Шерлок Холмс!

Дзайана показала мне язык и упорхнула в травяной зал.

– Бойкая девочка. – Дашка меланхолично отхлебнула кофе. Глаза ее смеялись: – И балованная!

– Твоя замена, между прочим.

– Правда?! – В зрачках вспыхнул нехороший огонек. – Так это другое дело. Я ей все про тебя расскажу! А то начнется: чай свари, клиенту кланяйся, носки постирай, а там уж и гарем собери и рабство... кхе-кхе!

– Рабство? – встревожился Валерий. – Какое рабство?

– Она шутит, Валера. Вы привыкайте, вам теперь всю жизнь ее шуточки терпеть.

Я расправил на коленях складки хакама и достал из сумки баронскую папку.

– Знаете, Валера, у меня к вам дело как к мастеру ролевых игр. Одни мои знакомые хотят принять участие в игре.

– Эльфов, хоббитов не возьму, – быстро ответил тот. – Этого добра у нас навалом!

– Да нет... Ребята выступят как силы зла. Сил зла у вас хватает?

– Выше крыши! Тролли всякие, орки...

– Эти хуже, – заверил я авторитетно. – Очень отрицательные персонажи!

Пока Император не начал отбрыкиваться, я сунул папку

ему под нос. Волей-неволей тому пришлось читать.

– Ну, не знаю... – сказал он наконец. – Группа свежая, непроверенная. Хоть бы в районных играх засветились! А так – форменный скелет в шкафу.

– Кот в мешке, – поправила Дашка, не отрываясь от кофе. – Не путай, лапсик.

– Да нет, божественная. Ты на фотку глянь – ну и рожи!

– А вы их проверьте, – предложил я. – Дайте шанс. По мне, так очень хорошие ребята. И костюмы у них – закачаешься.

– Да они же перепьются в стельку! Рожи вон алкашеские, вусмерть упитые.

– Не пьют, – быстро сказал я. – Разве самую малость. Обрядовый глинтвейн, кровушки чуть-чуть... А лица такие от переусердствования с диетой.

– Играть станут тят-ляп. Тут ведь, сами понимаете, отыгрыш нужен! Жизнь в искусстве.

– Так они артисты хоть куда! Станиславского с костями сожрут, Данченко в гробу перевернется! Верите ли: из роли в принципе не выходят. Как кураж попрет, так и не знаешь, куда спастись. Меня вон едва не съели. С трудом отбился!

– Сусличек, – Даша погладила жениха по руке, – подпиши заявочку, а? Очень тебя прошу!

– Ну ладно. – Император мечей размашисто расписался на каждом листе. – Пусть предоставят описания воинов отряда. Вот реестр: сколько какого уровня, у кого какие умения. Это, – выдал несколько листков, – образцы: паладин двадца-

того уровня и целительница восемнадцатого. Передайте своим приятелям, что я их условно беру. Эпизод «Оборона Нагаша», армия нежити. Ох, чую, не справятся... Там кураж нужен!

– Ничего, ничего. Смелость зиккураты берет.

Я спрятал папку с подписанной заявкой. Вот и повод навестить колонию зомби... А там и к Тепеху наведаться можно. Так чисто по-дружески: «Замечательный друг Юра, давненько не виделись!»

– Кстати, Игорь, – продолжал Валерий. – Вы знаете... Эта история с аль-Бариу не идет у меня из головы. Вам интересно?

Я кивнул. Когда высшие силы решают меня облагодетельствовать, они не мелочатся.

– Тогда слушайте. Кинжал этот принадлежал погибшему в тысяча сто двадцать четвертом году дзайану ас-Саббаху. Само слово «аль-Бариу» арабского происхождения, означает «Создатель, превращающий иллюзии в реальность». – Валерий прикрыл ресницы и процитировал: – «Создатель. Тот, кто по своему могуществу сотворил все сущее. Он – Творец, который создал все из небытия по своему предопределению. Для этого ему не надо прилагать каких-либо усилий. Он говорит чему-либо: «Будь!» – и оно сбывается. Познавший это имя Всевышнего не поклоняется никому, кроме своего Создателя, обращается только к нему, ищет помощи только у него и просит то, в чем нуждается, только у него».

– Не вполне понимаю, – признался я.

– Да это и неважно... История гласит, что некий ясный-ский маг проник в крепость Аламут и выкрал у Гасана этот кинжал. Все ассасины бросились в погоню. Мага удалось перехватить и убить. Но дальше началось странное... Гасан приказал расправиться со всеми ассасинами, державшими кинжал в руках.

– Зачем?

– Вот это и интересно... – Валерий задумался. – Тут уже я сам путаюсь. В одной старой хронике утверждается, что клинок этот мог разрушить границу рая и обыденности. После этого рай ворвался бы в наш мир, переделав его по своему образцу. Вот только у Гасана своего рая не было... Он мог воспользоваться лишь чужим.

– Бред какой-то! – пожалала плечами Дашка. – Философия, мура разная.

– Да нет, не бред, – задумчиво проговорил я. – Очень даже не бред... Но ладно. Что мы все о работе да о работе. Давайте поговорим о...

Докончить мне не удалось. Мимо нас серой мышкой проскользнула дзайана. Лицо «ночной фурии» светилось неземным трагизмом; ноздри раздувались, глаза и щеки подозрительно поблескивали. Она остановилась, словно что-то хотела сказать, но передумала и резко зашагала прочь. Грохнула опрокинутая пальма.

– Та-ак! – Я закатил глаза. – Новые фокусы. Друзья, про-

стите, ради бога, но мне надо идти!

Те сразу все поняли. Валерий кивнул, Дашка жестом показала: «Держу кулаки!», и я бросился за Светой.

– Свет, стой!

Ага, сейчас!.. Дзайана лишь ускорила шаг. Закрывающаяся дверь едва не дала мне по носу. Поймаю – выпорю соплячку!

И тут... Во мне вдруг проснулось мудрое манарское чутье, знающее все о людях и их путях. Я понял, что с ней происходит. Понял, что догнать ее нужно во что бы то ни стало.

Сейчас – или никогда.

– Стой! – крикнул я. – Свет, стой!

Иллюзия платья мешала дзайане двигаться. Пробежав несколько шагов, она грохнулась на булыжники.

– Уйди! Уйди! Не трогай меня!

Я схватил ее за плечи:

– Да что случилось-то, ненаглядная?!

– Ничего! Совершенно ничего!!

Заревев, она уткнулась носом в мою грудь. Я гладил ее, а она взахлеб, с болью выплевывала слова:

– Лешка!.. письмо прислал... как шавке, дуре!.. Я не хотела... чтобы не портить... У тебя расследование... ты столько сделал... А я... я все только порчу!!

– Пойдем. – Я поднял ее на ноги. Платье разметалось по булыжникам, пачкаясь в пыли. Тушь размазалась по лицу, отчего дзайана стала похожа на неумело покрашенную де-

вочку-подростка.

– Куда? Я лучше здесь...

– Хорошо, хорошо. Пойдем.

Я обнял дзайану за плечи. Она закрыла глаза.

– Сейчас... Подожди... – По лицу ее прошла судорога. –

Все, уже можно.

Иллюзия развеялась, и девушка вновь стала сама собой. Мы двинулись через старый Веден к набережной. Когда хорошо и когда плохо, лучше идти к мостам: они соединяют берега, связывая отчаяние с надеждой. А черная вода уносит все: беды и огорчения, печали и страхи. Понемногу успокаиваясь, дзайана рассказывала свою историю.

Большую часть ее я и так знал. О том, как Света влюбилась в музыканта, как Литницкий набросил поводок, и Двери Истени во главе с Людеем заставили его от этого поводка отказаться.

Светка – девчонка упрямая. Даже когда Алексей, будучи манаром, признался в нелюбви (что может быть определеннее?), она продолжала борьбу.

Но в этот вечер все рухнуло.

На самом деле вселенская трагедия должна была произойти позавчера. Вот только моя замечательная помощница из рук вон плохо разбирается в компьютерах, и последние два письма получила только что.

В них Алексей туманно писал о некоем священном обряде и своем великом предназначении. После многих букв

он дал ссылочку на мультфильм – эффектный, но несколько хамоватый в данной ситуации. Под песню «There she is» группы «Witches» клип рассказывал о безнадежной любви девушки-зайчихи к коту. Герой убегал, а та преследовала его с маниакальным упорством.

Любовь зла, что называется...

– Ты до конца досмотрела? – поинтересовался я.

Светка помотала головой. Уличные фонари сердито сверкнули в повисшей на щеке капле.

– Ну и слава богу. Пойдем, умоешься.

– Ага, – всхлипнула она и улыбнулась сквозь слезы.

Мы спустились к реке. Светка поплескала себе в лицо пахнущей вереском воды и уселась на ступенях. Я устроился рядом.

– Вода как смола. – Дзайана положила голову на мое плечо. – И огни дрожат... Слушай, ты меня совсем не помнишь?

Я вопросительно посмотрел на нее. Она шмыгнула носом:

– Не обращай внимания. Пять лет назад, я еще тренировалась в детской группе айкидо. Ты пару раз к нам заходил.

– Погоди, погоди...

Точно! Сумрачная тринадцатилетняя девочка – взгляд в пол, мешковатая футболка, – Света была похожа на сердитого утенка. И надо же в какую красавицу выросла!

– Помню! – улыбнулся я. – Ты ужасно стеснялась. И так радовалась, когда бросок получался.

– Ага! А когда на меня свалился тот придурок, ты в по-

следний миг вытащил меня за шиворот. Я потом неделю не своя ходила... Знаешь, для меня каждая тренировка была праздником. А домой возвращаться не хотелось: там ругань, родители разводятся...

Она вздохнула.

– Прости меня, Игорек.

– За что?

– Тогда, в больнице, помнишь?.. Я очень на тебя разозлилась.

– Понимаю.

– Подожди. – Света встала на колени. – Ты меня поддержишь? А то я упаду.

Она пошарила руками у меня над головой. Нащупав что-то невидимое, дернула.

И белая река развернулась передо мной – ослепляя и даря свободу. В единый миг я охватил взглядом все.

Что я несу другим. Что другие дарят мне.

Смерти, проклятия – но и спасения, и благословения.

Мою судьбу.

Я едва не скатился в воду. В миг, когда срывается поводок, когда Истень еще не взяла свое, а маг от силы уже отказался, манар переживает всплеск умений. Отчаянное озарение расплосовало меня. В единый миг связалось все: цербер в зверинце, кинжал аль-Бариу, инвалидная коляска Марии, обряд границы, проведенный над Алексеем Озерским.

Пазл сложился. В нужный момент – как это обычно и бы-

вает, – вот только времени оставалось не так уж много.

– Все... – Руки дзайаны бессильно упали мне на плечи. – Теперь я не магиня. В ближайшие полгода, если не больше. Не бросай меня, Рек! Пожалуйста!..

– Ну что ты. – Я прижал ее к себе. – Встать можешь?

– Да. А зачем?

– Как зачем? Ты же хотела стать детективом?

– Н-ну да...

Слезы на щеках дзайаны мгновенно высохли.

– Сейчас отправляемся в башню молчания. Твоего непутевого дружка-музыканта надо спасать. И – ты удивишься, конечно, – некроманта Тепеха, хоть он и отъявленный мерзавец. Для начала отнимем у мертвецов аль-Бариу, а там... Там видно будет.

– Чаровато! Так чего сидим?! Вперед!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

(Суббота, 19.00,

рассказывает Игорь Колеснический)

Двадцать минут спустя мы вышли к башне безмолвия. Со-
ваться через главный ход я не рискнул: наверняка там дежу-
рят Иштвановы питомцы. Пустырями, свалками мы выбра-
лись к бетонному забору, окружавшему башню.

– Ого! – прошептала Света. – Вот это защитка!

– Ты что-то чувствуешь?

Она помотала головой:

– Мне сейчас даже думать о колдовстве больно. Пустячная
чара как гвоздем в грудь. Просто... сам смотри!

Я посмотрел.

Действительно, аснатары постарались на славу.

Бетон покрывали стилизованные под детские рисунки
охранки. Мама с детьми идет на прогулку. Собака несет та-
почки хозяину. Едут машины с флагами, а над ними облака,
похожие на ключья сахарной ваты.

Во всех картинах присутствовала одна и та же стилизо-
ванная фигура. Грудь – решетчатая трапеция, ручки-прути-
ки, голова похожа на перевернутую грушу. С лицом худож-
ник не мудрил особо: квадратные глаза, треугольный, словно
у черепа, нос, улыбчивый рот. Палка-палка-огуречик, злой

скелетик-человечек.

Ноги человечков сковывали цепи. Аснатары надежно обезопасили себя от контрудара со стороны Тепеха.

– Ладно, лезем. Я первый.

– Это почему ты первый?

– Я вооружен лучше. Кстати, о вооружении...

Я развязал хакаму и смотал в неряшливый тюк. По-хорошему ее сложить бы, но на пыльной траве складывать – только извозишь.

Повозившись со шнурками катаны, я пристроил ножны за ремнем джинсов. Проверил, как скользят – если выхватывать, чтобы без сюрпризов. Лезть, конечно, неудобно, но эффективность требует жертв.

– Все. Пойдем.

Мы перебрались через забор. С той стороны начинался янтарный эльфийский сад; из куч мусора вырастали деревья с серебристыми стволами и шафрановыми листьями.

– Заповедничек, блин! – брезгливо отряхнула руки дзайана.

– Хоть не болото и то спасибо. Кстати, нас подслушивают.

– Кто?

– Во-он там, смотри.

Из-под листвы торчала коряга. Оч-чень подозрительная коряга! Если проявить немного воображения, то можно представить, что сучки – на самом деле пальцы, а лохмотья коры... ну, лохмотья и есть. И тогда чуть выше – вовсе не

большой гриб-дождевик, выеденный червями, а...

– Ужас какой! Скелет!

– Не скелет, а чистый, – авторитетно поправил я. – Не обижай аборигенов. Эй! – Я помахал папкой. – Пусть чистый предупредит барона! Человек вернулся с новостями!

Палая листва зашевелилась; мертвец поднялся, настороженно глядя на меня, и молча похромал в лес.

– Держи пока. – Я вытащил из папки листок и протянул Свете. – Это твое. А вот это мое.

– Что это?!

– Наши пропуска на этот свет. Здесь описания персонажей; отныне ты – целительница восемнадцатого уровня Аспириэль, а я – паладин двадцатого Игороху.

– Почему это я Аспириэль?! – обиделась Света. – Не хочу!

– Тогда кто? Корвалоль?

В ответ она отвесила мне пинка.

– Потом еще получишь! – прошипела многообещающе. – Я – Злючиэнь!

– Ну, Злючиэнь так Злючиэнь, тоже неплохо!

Пока мы препирались, среди деревьев замелькали пепельные тени. К нам шел старый знакомец барон.

– А-а! Смертные в землях клана, – обрадовался он. И обернулся к своему воинству: – Пусть чистые разожгут огонь.

– Пусть грязные разожгут огонь, – забубнили за спиной барона скелеты. – И немедленно!

Субординация в клане мертвецов почиталась свято. Зомби бросились исполнять приказание. Скоро над поляной заплескали языки костра.

– С чем пожаловали, смертные? – приблизился к нам барон. Со времени нашей последней встречи он обзавелся колоритным посохом (выброшенной штангой для штор) и кольчужкой, склепанной из алюминиевых крышек. Ах да, еще пирсингом! На скулах и лбу Лютена яркими светляками горели диоды из елочной гирлянды, придавая черепу восхитительно праздничный вид.

– Я принес заявку на игру, подписанную Императором мечей. Все, как ты просил.

– Человек! Чистые не просят. Чистые повелевают, пора бы уж запомнить наконец. Что человек хочет за добрые вести?..

– Человек хочет... тьфу! Мне надо пройти к вашему господину, некроманту Тепеху.

– Это дозволено, – важно кивнул барон. – Человек пойдет к господину. Спутница человека останется здесь и станет чистой. У нас подданных не хватает, – извиняющимся тоном добавил он.

Я знал, что без подвоха не обойдется, но на всякий случай притворился растерянным:

– Эй, эй! Так мы не договаривались!

– А чистые не договариваются. Барон предложил, люди думают.

За спиной Лютена поднялась малоприятная возня. Зомби

приволокли мангал, разложили на ветхом куске ткани кусачки, клещи, сверла, обломки ножовочного полотна.

– Стоять! – взвизгнула Света, прячась за мою спину. – Ты, жертва гробовой травмы! Только попробуй!

Впервые я увидел ее испуганной. Дрожащим голосом она принялась читать заклинание:

Мы рождены, чтоб всех вас сделать пылью!
Вернуть земле набор ваш суповой!
Вам экзорцизмом обломает крылья,
Могильный камень оплетет травой!

Мертвецы опасливо попятились. Один лишь барон остался стоять на месте.

– Ай-яй, – покачал он размалеванным черепом, – и кого эта женщина хочет обмануть? Заклятие «Марш экзорцистов» в тысяча девятьсот сорок девятом отменила Женевская конвенция, как жестокое и незомбанное¹⁸. С тех пор оно недействительно.

Мертвецы опять придвинулись. Свет костра заиграл на

¹⁸ Понятие «гуманизм» окончательно вошло в употребление в сороковые годы девятнадцатого века. ГУМАНИЗМ (от лат. humanus – человеческий, человеческий) – признание ценности человека как личности, его права на свободное развитие и проявление своих способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений. Век двадцатый подарил миру аналогичные понятия «зомбанизм», «монстранизм», «феминизм», а также поменял значение слова «каннибализм» на полностью противоположное.

оскаленных рожах.

– Послушайте, барон, – весело сообщил я. – Если вы будете есть всех, кто к вам приходит, с вами никто не станет играть. Мастер ролевиков попросил, чтобы мы проверили, как вы знаете правила игры. Нам приказано устроить пробный поединок. Вот, ознакомьтесь!

Я достал бумагу, удостоверяющую, что я паладин двадцатого уровня. Барон внимательно изучил ее, а потом сделал знак подручным убрать орудия пыток.

– Итак, – продолжал я, – пробные игрища... Вводная такова: к вам прибыли паладин и целительница, двадцатый и восемнадцатый уровень соответственно. Все поединки – по правилам «Выверн и болот»¹⁹. Малейшая ошибка – считайте, вашу заявку отклонили. Я немедленно доложу мастеру, а если не доложу – тем более. Теперь назовите свой клан, класс, расу и уровень.

– Барон Лютен, – сконфуженно отозвался тот. – Клан Радужного черепа, лич²⁰, нежить, двадцать девятый уровень.

– Отлично! Я, святой паладин Игороху, вызываю тебя на бой, гнусный лич Лютен. Поелику ты есть исчадие ада, оскверняющее сии благословенные земли одним своим присутствием. Излагаю доступно?

– Более чем. Чистый лич Лютен принимает вызов.

¹⁹ «Выверн и болот» – в описываемом мире – свод правил ролевых игр, аналог AD&D.

²⁰ Лич – в ролевых играх – маг-мертвец.

Армия тьмы воодушевленно взывала. Еще бы! Скучно им тут без дела болтаться, беднягам.

Кто-то принес барону полуразвалившуюся книжищу в кожаной обложке. Я с трудом опознал свод правил «Вывери и болот» прошлого века издания. Отстали они от жизни, уже шестая редакция давно вышла...

Лютен захлопнул книгу и воздел посох над головой.

– Раунд первый, – провозгласил он. – За пять единиц маны я навожу заклинание замедления! Я – лич с бонусом плюс один...

Молясь, чтобы не отхватить себе пальцы, я выхватил из ножен катану.

– Святой меч три-дэ-шесть с бонусом плюс три против нежити! – воодушевленно закричал я, стараясь переорать барона.

– Ха-ха, смертный! – Лич потряс на себе кольчужку из банок. – Это кольчуга четырнадцатого уровня с бонусом плюс семь против святого оружия!

– Договорились. – И я снес барону руку повыше локтя. Сказать, что я его шокировал – значит, ничего не сказать.

– Раунд не закончен! – завопил Лютен, падая на колени. – Спас-бросок! Активизирую свое умение...

Второй удар – и посох с вцепившимися в него костяными лапами полетел в кучу хлама.

– Нечестная игра!.. – понеслось среди деревьев. – Он бьет дважды за раунд!

Лютен честно пытался подняться. Кольчуга защищала его от ударов в тело. Она же скрывала под собой аль-Бариу, из-за которого я и затеял всю эту комедию. Подскочив к барону, я задрал его кольчугу. В белой клетке ребер пульсировал алый уголек – камень рукояти аль-Бариу.

– Света, сюда! – закричал я.

И, не давая противнику опомниться, перерубил лича наполам. Кости разлетелись, как ножки трухлявой табуретки.

– Навожу истечение жизни, – захрипел лич. – Десять очков жизни переходят от противника ко мне!

Я сделал вид, что закашлялся. Сам же зашарил среди обломков кости, отыскивая кинжал.

– Заклинание исцеления! – азартно выкрикнула дзайана. – Игорек, держись! Восстанавливаю пятнадцать очков жизни!

«Интересно, почему остальные мертвецы не нападают?» – мелькнула удивленная мысль. Нет, я, конечно, не против, но...

– Вызываю бессмертный союз!.. Восстаньте, слуги мои, что меж гибелью и бытием ищут истину! О, застрывшие в посмертии!..

Ну вот, накаркал. Туманные фигуры чистых и грязных поплыли из темноты. Возглавляла «бессмертный союз» все та же безголовая уборщица в зеленом пальто.

К счастью, мне удалось нащупать рукоять аль-Бариу. Пинком отшвырнув искалеченного барона, я обернулся к дзай-

ане:

– Уходим, Света! Все!

– Зачем?! Я «Святое слово» наведу! – с азартом сообщила она. – У меня восемнадцатый уровень, должно получиться!

– Бежим! – Я бросил катану в ножны и отвесил девчонке пинка. – Тоже мне, святая Жжейв! Ты еще разбор полетов с ними устрой!

Под ноги шлепнулась отрубленная старушечья голова.

– Вымыто! – завизжала она, вращаясь. – Ноги вытирайте!

– Пшла вон! – и отфутболил ее обратно.

Дзайана ойкнула, приходя в себя, и мы рванули через лес. К счастью, «бессмертный союз» требует для активации восемь минут. Этого нам вполне хватило, чтобы убраться.

Перед тем как покинуть земли мертвых, я успел совершить акт вандализма, но об этом позже.

Чем ближе мы подходили к обиталищу Тепеха, тем яснее я чувствовал биение опасности. Над деревьями повисло зарево. Меж стволами кленов пульсировало золотое пламя – аснатары сражались всерьез. То тут, то там встречались островки выжженной травы с оплывшими скелетами посередине.

При виде этой картины Света остановилась в нерешительности:

– Реш! Аснатары... но зачем им все это?!

– У Иштвана свой интерес... – Я рассеянно оглядел поле боя. – Помнишь, священники собирались упразднить инквизицию? Так вот, если дело выгорит, мы на коленях к ним

приползем. Упрашивать будем, чтобы те нас спасли.

– Ужас какой! Тогда пойдём им мешать.

Дело нужное, но, к сожалению, мы не успели. Из окон вырывались столбы пламени, а крышу подбросило в воздух. Бедняга Тепех!.. В этом огненном кошмаре не выжить никому, даже магу из магов.

– Рек, смотри! – Света махнула рукой в сторону дорожки.

В траве виднелось грязно-белое пятно. Дальше ещё одно – словно поганки в осеннем лесу. Не всем аснатарам повезло в бою...

– Почему же барон до сих пор там в парке околачивается? – Дзайана закусила губу. – Почему он не спасает своего хозяина?!

– Это все Иштван, – бросил я равнодушно. – Он и мертвого обмануть может. Каким-то образом он отправил войско барона подальше от дома, чтобы без помех расправиться с некромантом. Идем к башне, это наша последняя надежда.

До башни мы так просто не дошли. Когда мы выбежали на пригорок, внизу открылся невидимый до сих пор костерок. Рядом сидели три фигуры в грязных черно-белых рясах. Нас инквизиторы пока не замечали.

Пока.

Никаких иллюзий по поводу того, что инквизиторы делают, когда нас обнаружат, у меня не было. Я осторожно потянулся к рукояти меча.

– Эй, послушайте! – Света бросилась к костру. – Руки

вверх, всем лечь на землю! Именем ковена, вы арестованы!

Ну, стихийное бедствие!

К счастью, аснатаров это явление Вахишты народу смутило не меньше моего. Один из них – тот, что помоложе, – неуверенно оглянулся. Старший, с лицом, словно высеченным из стиральной доски, бросил брюзгливо:

– Брат Майава, друдж бдит. Разберись!

– Слушаюсь, благой ашаван!

Юноша прыгнул к Свете и ударил ее ладонью в лицо. Смертельный удар, один из самых жестоких. В последний миг я успел толкнуть дзайану в сторону.

А вот это, дружочек, тебе аукнется.

Насмерть!

Я хлопнул цубой²¹ и прошел в ударе. Клинок распорол инквизитора как старую тряпку. Не давая опомниться ни себе, ни людям, я выскочил к костру.

– Армия друджа, за мно-ой! – заорал я. – Бей их!

Никого моя уловка не обманула. Жестянолицый расплылся вихрем; размазанное чудовище бросилось на меня и – я едва выкрутился в пируэте. Быстр, дэвяка!.. Но я двигался быстрее.

Меч – в позицию хасса. Лезвие катаны блеснуло алым.

Взмах – клинок чистый.

Еще – рубиновая пелена! Попал!

Вихрь разболтало, слепляя в человека. Аснатар схватился

²¹ Цуба – гарда японского меча.

за горло и рухнул на дорожку.

– Тренироваться надо лучше! – назидательно сообщила ему дзайана. Затем пошевелила туфелькой сжавшегося в комочек третьего аснатара: – Подымайтесь, святой отец! Просим!

Аснатар до разговора с нами не снизошел. Он пытался зарыться в землю, завывая:

– Друдж! Друдж грядет!

Я присел на корточки и потряс его за плечо:

– Не дурите, отче. Ваши братья напали без предупреждения, у меня не было выбора. Да Прекратите же выть, наконец! Где Иштван?!

– В-в-ва, ба-ба-башне!

– В башне?

– Друдж!! Армия дру-уджа!!!

Я окончательно потерял терпение. Каюсь, бить священнослужителя нехорошо, но как еще прекратить истерику? От пощечины голова аснатара откинулась.

– Придите в себя, отче! Где вы видите друдж?

Он сел и с остекленелыми глазами показал мне за спину:

– Там.

Света оглянулась.

– Ой... – краска отхлынула с ее лица. – Реш, смотри.

Со стороны парка кипящей волной надвигалась армия тьмы. Все – и чистые, и грязные – как один поднялись, чтобы убить нас.

– К башне безмолвия, – дрожащим голосом приказал ас-

натар. – Бегите, дети мои, я спасу вас! В вас и на золотник не наберется столько дружба, что в этих!

С трудом поднявшись, он двинулся навстречу мертвецам.

– Сдохните, твари Аримана! – донесся до нас боевой клич. – Семпер друдге перкутиатур!

За деревьями смутно чернел силуэт башни безмолвия – наша последняя надежда. Мы мчались со всех ног, стремясь оторваться от преследователей. Крики и рев зомби наполняли парк, отдаваясь в ногах вяжущей слабостью.

Конечно, стучало в висках, Тепех вряд ли занимался некромантией дома: занятие опасное, да и грязное. Зачем бы ему? Жену тревожить, то, се... А в башне молчания, куда перед погребением свозят мертвецов, сам бог велел. Там-то у него и лаборатория.

А раз инквизиторы так отчаянно защищали дорогу к башне, значит, и Иштван там.

И Юрий, если он еще жив.

От бега ночная фурия совсем выбилась из сил. Ноги ее заплетались, дыхание сбилось. Но вид ступенек, ведущих в башню, открыл второе дыхание. Последний рывок – и мы взлетели по лестнице к заветной двери. Дзайана без сил рухнула на пороге.

– Я... больше... не могу!..

– Ничего, ничего. Дальше передвигаемся только церемониальным шагом. Обещаю!

Я торжественно потянул ручку.

Дверь не шелохнулась.

– Может, от себя? – с надеждой предложила Света.

– Пробовал, она банально заперта. Похоже, Иштван не хочет нас видеть.

Я оглянулся. Меж деревьями уже маячили опасные тени, аснатару не удалось надолго задержать наших преследователь. Каких-то несколько минут – и они окажутся здесь.

– Ну вот. – Я вытащил меч. – Раз теория вероятностей против нас, совершим что-нибудь невероятное.

– Ты будешь с ними сражаться?! Со всеми?!

– Почему бы и нет? Тут же все просто: бьешь первых, остальные пугаются и убегают.

– Реш! Мертвые ничего не боятся!

– Это потому что они еще не все в жизни видели.

На Светиных щеках вспыхнул румянец. Как мало порой людям бывает нужно для душевного спокойствия!

– Знаешь, – сказала она, вглядываясь в нападающих, – я могу отчитать «Марш экзорцистов». Вот только что потом со мной будет...

– Так, давай без фанатизма. Оставим это на крайний случай.

– Ладно.

Света облизала губы:

– Реш... Ты это... Если что – рубани меня, чтобы им не досталась, хорошо?

– Обещаю, солнце.

Я перебросил клинок в ин-но камае. Очень уютная стойка: такая домашняя, мурлычащая. Противостоять обучающему мечнику я вряд ли смогу, но на нас нападает всего лишь толпа плохо вооруженных мертвецов. А на клинке – руны против мертвых.

Так что все складывается очень даже замечательно!

Пока я прикидывал, не спуститься ли к подножию лестницы, чтобы изрубить самых смелых и быстрых, на бетон выскочила заплесневелая крыса. Оглядевшись, она порскнула вниз по лестнице.

Дзайана тихонечко и как бы для пробы взвизгнула.

Из пустоты снегом повалили густые хлопья плесени. Их я отлично помнил еще по домику Литницкого.

– Ой, – прошептала дзайана. – Что это?!

– Кто-то ломится сюда из Истени, – равнодушно сообщил я. – Ну-ка, отойди.

С мечом на изготовку я стал возле двери. Кто бы там ни шел, ему не поздоровится. Дзайана же лихорадочно перерывала сумочку.

– Есть! Вот они! – крикнула наша фурия, выхватила блестящий пакетик и рванула его зубами. – Теперь держись!

Когда леденцы запрыгали по бетону, воздух завибрировал. В клубах зеленого дыма из пустоты вывалилась жуткая рожа с хоботом и круглыми глазами.

Я качнулся вперед, нанося удар. В последний миг, когда лезвие почти разрубило чудовище, рожа исчезла.

Не веря своим глазам, я шагнул в дымовую завесу.

– Реш, не поскользнись! – отчаянно крикнула дзайана.

Очень вовремя: леденец скрипнул под кроссовкой, и ноги разъехались в стороны. Чтобы не упасть, я отскочил назад и схватился за перила.

Дым рассеялся. На полу лежал человек – в военной форме, с тяжеленным ранцем за спиной. Во все стороны торчали стволы оружия: автомат, гранатомет, я даже разглядел нечто вроде футуристического бластера.

Ну Светка, ну ниндзя!.. Кому-то ее уловка с леденцами только что спасла жизнь.

Застонав, гость сел. Стянул с лица дыхательную маску (это ее я принял за хобот) и с кашлем схватился за грудь.

– Лешик?! – испуганно пискнула дзайана. – Но как... откуда ты здесь?!

Парень поднял мученический взгляд:

– Господи, как ты мне надоела... Когда ж ты, наконец, от меня отвяжешься?!

На Свету жалко было смотреть.

– Леш, прости! – жалобно сказала она. – Я на тебя приворот навела... Но, Леш, я же как лучше хотела!

Парень скривился, словно от зубной боли:

– Дура! Видеть тебя не могу!

Я деликатно кашлянул. Толпа мертвецов все приближалась; от подножия лестницы их отделяли считанные метры.

– Ребята, – попросил я, – кончаем Санта-Барбару, не вре-

мя. – И повернулся к парню: – Леш, вопрос жизни и смерти. Нам очень хочется туда. – Я показал на запертую дверь. – Тебе, наверное, тоже.

– Не вопрос. Но чтобы я потом эту идиотку не видел!

– Сам козел! Нужен ты мне больно!

– Брэк! Ямэ!

Я поймал дзайану, когда та бросилась выцарапывать парню глаза. Светка пищала, билась, и, наконец, пнула парня в лодыжку.

– Веди быстрее! – крикнул я ему. – Я не удержу долго!

Алексей кивнул. Башня оплыла утренней свечой; стены оделись копотью, и арматура, натужно скрипя, повыпрыгивала из бетонных плит. Где-то бушевало пламя; отблески огня превращали нашего проводника в арлекина.

– Ну, парень! – Я восхищенно огляделся. – И ты об этом всю жизнь мечтал? Силен!

– Болтай поменьше! – рявкнул тот и с невероятной быстротой сорвал с плеча штуцер. Эхо от залпа раскатилось среди изломанных стен. Откуда-то сверху рухнула тварь, удивительно похожая на чупакабраса.

А зверюшки эти, оказывается, по всей Истени водятся!.. И у Артема, и вон у Леша. Будь я магом, написал бы по этому поводу замечательную диссертацию. Мне мигом присвоили бы знатока, а то и мастера дзайанов. А там, глядишь, и до гранда недалеко...

Эх, накрылась моя мажеска карьера!

– Вам сюда. – Ствол штуцера указал на почерневшую от огня арку. – Здесь вы в безопасности. А теперь проваливайтесь!

– Спасибо, друг! – с чувством поблагодарил я.

Из пролома в стене выглянуло жирное чудовище с шестиствольными пулеметами вместо рук. Пулеметы закрутились, готовясь разнести нас в клочья, но тут плесенная метель вымела нас обратно.

В наш такой родной, уютный мир.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

*(Суббота, чуть позже,
рассказывает Игорь Колесничий)*

Оказавшись с той стороны запертой двери, мы некоторое время стояли, не двигаясь. Трудно было поверить, что все кошмары позади... Где-то тикали часы. Дремотный уют обволакивал нас.

– Все, солнце, отдых. Пошли присядем!

Мы плюхнулись на жуткого вида клеенчатую тахту (наплевав на то, кто или что отдыхало там до нас) и блаженно вытянули ноги.

– Шоколадку хочешь? – спросил я у дзайаны.

Она помотала головой и тут же протянула руку:

– Давай. Жрать хочу, умираю!

– Я тоже.

Мы дружно захрумкали шоколадом.

– Да-а, – протянула дзайана, пристраивая голову у меня на коленях. – Приключеньице!.. – Откусив дольку от своей плитки, она протянула мне остальное: – Ешь, я не буду! Фигуру берегу.

– Спасибо.

– Знаешь, Игорек, – вдруг сказала она, – мне вот подумалось... Я раньше все чего-то боялась. Ну там, тушь раз-

мажется, каблук сломаю. Или кто-нибудь гадость скажет. А сейчас, вроде опасность кругом, – а мне так хорошо!

– Ну, тут особо не разбоишься. – Я повозился, устраиваясь поудобнее. – Мертвецы снаружи, вход в башню только один, окон нет. Так что мы в безопасности. Разве только Иштван нас найдет.

Дзайана хихикнула:

– Реш, вообще-то это комплимент был.

– Да? Что-то я в последнее время туго соображаю...

– И прости, что я на тебя тогда наорала.

– Прощаю. А ты извини, что я тебе пендель отвесил.

Дзайана подняла голову:

– Это когда же?

– Ну там, после поединка с Лютенем.

– Так это ты был?! – Она возмущенно подскочила: – Блин, ну вы посмотрите! Я думала, это скелет, а он! У меня, показать, какой синячище на жопе будет?!

– Ну покажи.

Она нахмурилась:

– Не стану! И вообще, что ты меня психуешь?!

– О, – отметил я. – Уже ругаемся. Значит, отдохнули.

Идем дальше.

Светка закусил губу. В глазах ее появилось упрямое выражение:

– Никуда мы не пойдём! Ты еще не рассказал, что нужно Иштвану от Тепеха.

– Вот это. – Я достал кинжал. – Истинный Создатель.

– Кто?!

– Не кто, а что. Аль-Бариу. – Я подкинул кинжал на ладони. – «Истинный Создатель» в переводе с арабского. Двери Истени – это ведь для Тепеха не просто идеальные убийцы... И не ходячие источники маны. У каждого есть выход в другой мир. Представляешь: десятки людей, десятки миров... страшных и веселых, угрюмых и беззаботных, сереньких и расцветенных всеми цветами радуги. И каждый может в любой миг стать реальностью. Думаю, достаточно пронести в Истень аль-Бариу, и адью. Мир станет отражением чьей-то мечты.

– Ни фига себе! – выдохнула Света.

– Вот и я говорю. У ас-Саббаха, первого владельца кинжала, особого выбора не было. Все его помощники мечтали о выпивке и гуриях. Средневековые, что возьмешь... Но со временем люди научились мечтать поосновательнее. Их миры стали разнообразнее, и знаешь... в Истени Артема, например, я бы остался погостить. Ненадолго.

– Столько времени прошло... – задумчиво проговорила джайана. – Кинжал побывал во множестве рук. Наверняка и маги им владели! Почему же мир до сих пор цел?

– А ты думаешь, цел? Он сильно изменился с тех пор. Но, похоже, дело в другом. У самого Тепеха нет своей Истени. А стараться ради чужого человека – удовольствие маленькое. Думаю, он играл с Дверьми. Обещал, что сделает чью-то ре-

альность основной, не говоря чью и как. И ассасины включились в игру, они интриговали, сражались, а Тепех с удовольствием наблюдал за их паучьей возней в банке. Знаешь... возможно, он никогда и не держал аль-Бариу в руках. Ему хватало власти над манарами.

– Вот сволочь! А Иштван?

– Иштван – другое... Власть его не интересует, только идея. Похоже, наш замечательный святоша придумал, как осчастливить весь мир и себя не обойти.

– И мы пойдем за ним в башню...

– Обязательно. И вот что... – Я замаялся, подбирая слова: – Нам придется спуститься в лабораторию. Это логово некроманта, понимаешь? Там могут встретиться всякие ужасы. Все-таки он зомби создавал, и я боюсь...

Девушка засмеялась:

– Реш, ну какой ты смешной! Я же дзайана. Мы на лабораторках таких кошмаров насмотримся, что просто тумбочка дрожи!

У меня отлегло от сердца. Все-таки везет мне на интересных людей.

– Тогда идем. Только, солнце, вперед не лезь. Там еще Иштван где-то бродит.

– Спасибо, что предупредил. А то я не знала!

Путь в лабораторию мы отыскали быстро. Тепех спрятал люк под горой угля в котельной. Черный провал, чуть

подсвеченный лимонным отблеском ламп, глядел мертво и угрюмо. Иштван даже не позаботился прикрыть его.

– Как тогда, у деда... – зачарованно прошептала Света. – Помнишь?

– Ага. Боишься, солнце?

– Нет, просто... Неуютно немного.

– Значит, я первым пойду. Потому что мне ужасно страшно, а со страхами надо бороться. – И я спрыгнул вниз.

Мы зря пугали друг друга. Ничто в подвале не напоминало об ужасах некромантии. Просторный зал под витражным колпаком (несомненно, магическим), прилепившаяся к стене бело-синяя изразцовая галерея, широкая лестница... Внизу поблескивают медью машины, масляные блики дрожат на черных дверцах холодильников, а вон и плита Франкенштейна – неременный атрибут некромантской лаборатории.

Иштван побывал здесь совсем недавно. Раскуроченный сейф бесстыдно вывалил свои внутренности наружу; на полу белели разбросанные бумаги.

Когда я подошел к плите, бумажный сугроб рассыпался. Среди измятых окровавленных листов лежал человек, похожий на отощавшего сумоиста. Из одежды на нем осталась набедренная повязка. Тело раздуло так, что глаза превратились в щелочки. С огромным трудом я узнал человека, что беседовал вчера с Иштваном.

– Господин Тепех?!

Я бросился к нему на помощь. Вдвоем с дзайаной мы перевернули некроманта на спину. Судя по всему, аснатары пытали его в надежде отыскать кинжал.

– Придерживай его, я сейчас, – деловито приказала Света. Обшарив холодильники, она вернулась с аптечкой. – Эх, фотика, жаль, нет... – с мечтательными интонациями в голосе объявила она. – У нас теория пыток в следующем семестре. Говорят, преподша – зверь!

– Нафоткаешься еще, – безжалостно пресек я ее мечтания. – Достань самую большую таблетку. Ее пополам, четвертинка от верхней...

– Ты посвящен в великую тайну панацеи?! – Дзайана так и подскочила. – Но откуда?! Это же фамильный секрет рода Людеев!

– Ломай, ломай, детективщица... Мы ценного свидетеля теряем. А то и подозреваемого.

Больше дзайана ничего не спрашивала. Она аккуратно разломила панацею, разжала Тепеху зубы и протолкнула лекарство в горло. Брезгливо поморщившись, вытерла руки о его штаны.

– Жить будет, но кадавристо... Чуть подождем!

Через несколько минут опухоль начала спадать. Тепех со стоном пошевелился.

– Где она?.. – просипел он. – Куда унесли?..

– Тс-с! – Я накрыл ладонью его рот. – Сейчас куда важнее другой вопрос: где аснатары?

– Они... – Сил некроманту по-прежнему не хватало. – Они за кинжалом... Ох... Теперь конец...

– Зачем инквизиции аль-Бариу?

По лицу Тепеха пробежала дрожь:

– Жизнь по Ясне строят... Парнишку привели, в Двери посвятили... Жаль, поздно догадался... – Некромант устало прикрыл глаза. – Теперь всем каюк. По церкви жить будем, в аше...

– Игорек, – вопросительно посмотрела Света. – Что он болбочет?

– Позже, Светуль. Потом объясню. А теперь скажите, Юрий, для чего вы украли кинжал у Литницкого? Как я понимаю, орден Дверей Истени возник довольно давно. О свойствах аль-Бариу вы тоже узнали не сегодня. Для игры с манарами разрушать реальность не имело смысла...

На обескровленных губах Тепеха мелькнула тень улыбки.

– ...и вас вполне устраивало, что аль-Бариу хранится в коллекции Литницкого. Но потом вы зачем-то выкрали кинжал. Зачем?

– Помогите подняться.

Мы со Светой бережно подняли мага. Сломанные ноги не держали его, но сила воли творит чудеса. Оглядевшись, Юрий махнул в сторону плиты Франкенштейна.

– Там... под брезентом. Скорее!..

Чуть ли не бегом мы потащили Тепеха к плите. Гранит пестрел грязными багровыми разводами. У станины

неопрятной кучей горбился брезент – тоже весь в пятнах крови.

Света откинула ткань. В первый миг я даже не сообразил, что это передо мной. Лишь потом понял, что это женщина, привязанная к инвалидной коляске.

Аснатары пытались заживо сделать ее чистой.

– Вот скоты. – Дзайана опустила на колени перед Марией. – Вот уроды... Эй, она живая! Юрий, подождите!

Тихонечко подвывая, Тепех подполз к жене и обхватил ее руками. С ладоней его потекли золотистые струйки разрядов. Искалеченный маг совершал небывалое: манары почти не поддаются лечению! Но, сложившись с любовью, чудовищная сила повелителя мертвых творила чудеса.

– Остановите Иштвана, – обернулся к нам Тепех. – Остановите, иначе завтра будем кланяться аснатарам!

Дельно рассуждает. Приятно иметь дело с умными людьми.

– Да мы его одной левой! – Светка с гордостью вцепилась в мой локоть. – Игорек любого аснатара под рококо распишет! Пойдем!

– Куда? – Я с подозрением покосился на нее.

– Мир спасти!

– Мир как-нибудь выкрутится. Аль-Бариу здесь, у меня.

– Ой! – Дзайана густо покраснела. – Я забыла! Тогда куда же?

– Надо позвонить в маголовку. Поднимать оба ОМОНа²², церковников... дэвовщина! Даже не знаю, можно ли им теперь доверять. «Скоруую» точно надо вызвать.

И я двинулся к лестнице. Светка забежала вперед, на ходу вытаскивая мобильник из сумочки. Потыкав в кнопки, она разочарованно обернулась:

– Не работает! Магополе сигнал экранирует.

– Тогда наверх. Там поищем телефон.

Мысли в голове перемешались. Вот ведь насмешница судьба вертит людьми... Некромант Тепех действительно мечтал о рае. Но не для себя – для любимого человека! И теперь понятно, ради кого он украл аль-Бариу. То, что не смогли сделать расчет и честолюбие, сделала любовь.

А значит...

С грохотом захлопнулась крышка люка. Тени сложились в белое с черным и обрушились на девушку.

– Света!! – отчаянно крикнул я, но было поздно. Ладонь рвануло огнем. «Эфа», кувыркаясь, полетела вдоль галереи, стучаясь о столбики ограждения.

Я бросился вперед и замер.

Иштван стоял за плечом дзайаны с пистолетом в руках. Ствол с нежностью касался виска девушки. Оружие я узнал сразу: «Последний довод ашавана» – безотказная инквизиторская машинка. Только что пулей из «довода» у меня вынесло «эфу» из руки.

²² Второй ОМОН – отряд магов особого назначения.

– Ну здравствуй, сыне, – усмехнулся инквизитор. – Вот и встретились. Что ж ты, паскуда дружба, слов благих не слушаешь?! Сказано ж было – дома сиди!

– Да вот не сидится что-то, – пожал я плечами. – Люблю, знаете ли, отче, при луне по кладбищам болтаться. Как, впрочем, и вы. Нашли что-нибудь?

– Ой, сыне... – пожаловался тот. – Найдешь тут! Паства как на подбор: то олухи, то свиньи, то подлецы. Но тебя я недооценил. Кинжал с собой?

– Да.

– Отдай. Тогда отпущу девушку.

– Не отдавай! – отчаянно взвизгнула Света. – Он же всех погубит!

Вздохнув, я полез за кинжалом. Аснатар – человек святой... За идею может и жизнью пожертвовать – своей, если вдруг чужие закончатся. А у меня не так много друзей, чтобы ими разбрасываться за здорово живешь.

Достав аль-Бариу, я подбросил его на ладони:

– Узнаешь?

– Ты его, значит, и не прятал... Дурачок, дурачок!.. Что ж, тем лучше. – И, направив на меня пистолет, он нажал на спуск.

Магическая тишина разлилась вокруг. Тишина эта съела бормотание холодильников и грохот неродившегося выстрела. Побелев, как стиральный порошок, Света осела в руках Иштвана. Тот же недоуменно воззрился на предавший его

«ДОВОД».

И совершенно зря.

Я качнулся вперед, выбрасывая руку с кинжалом. Россыпь ламп пунктиром отразилась в летящем клинке. Лезвие вошло в глаз инквизитора, перечеркнув наискось.

Выпустив девушку, Иштван схватился за лицо.

– Фарра... – пробормотал он низким голосом и рухнул вниз с галереи. Кровавые бусины дождем осыпались на его рясу.

Я же бросился к дзайане.

Суматошный гул сердца понемногу успокаивался. Жива! Ну Светка, ну молодчина! Отдавший поводок дзайан колдовать может – но страшно рискует при этом. Уж не знаю, что за чару она навела, однако теперь я ее вечный должник.

С девушкой на руках я побежал к люку. Вот новости! – тот исчез, не оставив даже щели. И ничего похожего на замки или запоры. Немного озадаченный, я отправился вниз. Тепех здесь хозяин, уж он-то должен знать, как из лаборатории выбраться.

Пробегая по галерее, я не удержался и глянул вниз. Тело Иштвана лежало, раскинув руки и ноги в вечном беге – привет генералу А. Рядом возился некромант. Целительское усилие дорого ему стоило: окажись он в парке среди зомби, грязные, пожалуй, приняли бы хозяина за своего.

Вытащив из глазницы аснатара кинжал, маг торопливо пополз обратно.

– Эй, – крикнул я. – Юрий, стойте! Люк захлопнулся. Как отсюда выбраться?!

– Никак, – отвечал тот, продолжая ползти. – Изнутри лаборатория не открывается!

– Господин Тепех! – Я бросился следом.

– Идиоты! – Некромант, пыхтя, дополз до Марии и прижался к ногам жены. – Люк защищен, его нельзя захлопывать без пароля!

– А что будет?

Тепех устало прикрыл веки:

– Видите оранжевые отблески? Это элементали огня. Сторожевое заклятие выпустило их на волю. Они уничтожат все, и даже я не могу их остановить. Слишком поздно....

Я оглянулся. Юркая белочка элегантно потягивалась на перилах галереи. Вот она пробежала по краю, вот сиганула вниз праздничным бенгальским огоньком. Возле Иштвана задержалась. Обнюхала лужицу крови, подбежала к мертвецу и кокетливо толкнула носиком в бок: поиграй со мной!

Играть с элементом аснатар не захотел. По рясе его побежали прозрачные язычки пламени.

– Да-а. – Я покачал головой. – Тьфу, как по-дурацки все закончилось....

Мария повернула ко мне безглазое лицо:

– А жизнь, милый мой, вообще дурацкая штука. – Тихий голос ее походил на человеческий, как ленты станиоля похожи на дождь. – Подлецы становятся святыми и наоборот. –

Искалеченная оперлась о колено Тепеха, приподнимаясь. – Что ж, детектив, пришло время прощаться. Ты упрямец, но с огненными элементами тебе не справиться!

Тепех равнодушно смотрел на меня, баюкая кинжал. В этот миг я понял истинный смысл имени аль-Барю.

Не Создатель – убийца мира!

Многих миров.

– Маг, постой! – крикнул я. – Вы оставите нас здесь?!

Саламандры прыгали по бумагам, раскидывая оранжевые виноградины огня. За моей спиной что-то вспыхнуло и затрещало. Затылок обдало жаром.

– Что, страшно умирать, парень?.. – жадно поинтересовался дзайан.

Я спокойно выдержал его взгляд.

– Нет. Я не боюсь смерти. Сегодня я встречался с ней много раз. Но спасите хотя бы ее. – Я протянул Тепеху девушку. – Она же вам ничего не сделала!

Некромант покачал головой.

И я понял – это все.

Потому что я не успею – ни вырвать кинжал, ни отшвырнуть Тепеха от искалеченной Двери Истени. Да и что это даст? Они лишь погибнут вместе с нами.

Сейчас даже месть теряет смысл... Ведь месть для живых, а мы почти перешагнули грань бытия.

– Что ж... – Я прикоснулся губами к Светкиному лбу. – Прощай, солнце ненаглядное. И знаешь... Я не очень верю

в откровения святош, особенно сейчас... но если есть миры, куда мы уходим после гибели, пусть тебе достанется лучший!

В этот миг прозвучал тихий, почти бесплотный голос Марии:

– Возьмем их, Юра... Ты же видишь – это судьба. Я ма-
нара, я знаю толк в таких вещах! – И жуткая окровавленная
рука нежно коснулась ладони мага.

Выражение Тепехова лица не изменилось. Но я понял: мы
спасены.

– Подойди сюда, детектив. Дай руку.

Пламя охватило брезент. Марию обдало кипящими ис-
крами, и она закричала. Я прыгнул вперед, вцепляясь в ла-
донь Тепеха.

Башню разметало осенней моросью и дождем.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ, ПОСЛЕДНЯЯ

*(Наверное, тоже суббота, но я не уверен.
Рассказывает Игорь Колесничий)*

Мы стояли на склизкой булыжной мостовой, усеянной желтыми трупиками листьев. Прогрохотал грязный усталый трамвай с черной пятеркой на оскаленной морде. Люди с поднятыми воротниками шли мимо, не глядя на нас.

– Отпусти меня, – шепнула дзайана. – Со мной все хорошо.

Я поставил ее на землю, и дзайана застенчиво чмокнула меня в щеку. Потом показала язык Тепеху.

– Ну вот и все. – Мария откинула со лба непокорную челку. Веснушки ее словно вызывали бесцветье осени на дуэль. – Простите, что так вышло. Но это мой мир, и я люблю его. Наверное, вам тоже стоит его полюбить, иначе жить здесь станет невыносимо.

Света огляделась с презрением:

– Эту серятину? Фу!

– Дело ваше... Давайте прощаться.

Она повернулась к мужу и взяла его под руку:

– Не дуйся, хороший мой! Что ты так на них смотришь?

Тепех пригладил вновь отросшие усы. В глазах его мелькнуло тоскливое выражение. Ему тоже очень не нравится мир, о котором мечтает Мария, – понял я.

– Приношу свои соболезнования, барышня, – поклонился он Свете. – Здесь нет дзайанов, а магия... Магия в основном принадлежит болтунам из целительского центра. Того, что на перекрестке Складовской и Кюри.

– Какой ужас! – вырвалось у дзайаны.

– Вы же, Игорь, – взгляд некроманта скользнул по мне, – придетесь здесь ко двору. Местная преступность просто ужасающа и даст фору аскавской. Если хотите, мы похлопочем и найдем вам место.

Я покачал головой:

– Не надо. Я привык всего добиваться сам.

– Может, показать вам город? – робко предложила Мария.

– Спасибо, нет.

– Что ж... Тогда всего вам доброго!

– Прощайте.

И мы разбрелись в разные стороны. Мария с мужем отправились вдоль порта к бывшему зданию РТУ. Мы со Светкой зашагали к Старому городу.

Из промозглого тумана вырастали шпили с тусклыми золотыми петушками. Откуда-то я уже знал местную географию и названия улиц, знал, что город называется Ригой. Еще чуть-чуть, думал я, и мы начнем понимать язык, на котором говорят местные жители.

Светка шагала, низко опустив голову. На меня она не смотрела.

– Нам бы побыстрее убраться отсюда, – задумчиво сказал я. – Иначе... ты что, плачешь? Прекрати!

– Да?! – Она вскинула зареванное лицо. – А мне что делать?! Я теперь не магиня, я никто! – И она бросилась мне на шею: – Реш... не бросай меня! Пожалуйста! Не оставляй... этот город... я не выживу в нем!.. Я его уже ненавижу!..

– Ну хватит реветь! – Я растроганно обнял девушку. – Устроила трагедию на ровном месте.

– Мир же поги-и-иб!

– Ага, два раза. Чтобы Веден угробить, никакой магии не хватает! Не переживай, минут через сорок окажемся дома.

– Правда?! – Слезы мгновенно высохли. – Но как?

– Пойдем, расскажу. Заодно осмотрим город. Когда еще такая удача выпадет: целый мир на разграбление!

– Ты тогда давай по порядку, – деловито предложила она. – И про Иштвана, и вообще. Как ты догадался, что это он все устроил?

– О-о! Это история. В общем, слушай, как все было на самом деле.

И я принялся рассказывать.

...Тепех с давних времен мечтал о силе. Таланта бог не дал, так хоть маной взять. Неудивительно, что, переоткрыв секрет ас-Саббаха, он вцепился в него руками и ногами. Воссоздал структуру Дверей Истени, организовал манаров, впу-

тал в свои дела самого гранд-мастера...

Всего этого ему показалось мало. Обнаружив в древних арабских манускриптах упоминание о кинжале аль-Бариу, он не успокоился, пока не разнюхал все. Более того, он даже нашел, где и у кого аль-Бариу хранится.

Вот тут-то ему пришлось призадуматься. Потому что в руки попала не просто сила – могущество.

Монополия на чудеса.

Множество манаров – и у каждого своя вселенная... Тепех перебирал их, как ребенок разноцветные стеклышки. Очень скоро он понял, что глупо менять шило на мыло: ведь ни один из миров не пришелся ему по душе. И тогда он решил устроить гладиаторские игрища. Пустил слух, что Истень одного из ассасинов станет реальностью, и принялся наблюдать.

Наверное, это захватывающее чувство: ощущать себя богом, властителем миров... Вот только есть вещи, над которыми не властны даже боги.

Тепех встретил Марию – неудачливую манару, которая едва не погибла, пытаясь сбросить поводок. Мастер интриги влюбился как мальчишка. Он спас ее от разъяренного мага, чтобы тут же сделать ей предложение. Мария стала его женой, а по совместительству одним из самых отчаянных ассасинов.

В Дверях Истени настали тяжелые дни. Манары понимали, что конец света не за горами. Чьей же еще Истени быть,

как не Марииной?

И тогда эти великолепные ребята нанесли упреждающий удар. Скорее всего, вдохновителями стали дон Мигуэн и старый пройдоха-отравитель. Мария попала в автокатастрофу. Она выжила, но потеряла способность ходить.

– Ну ни фига себе! – не сдержалась Света. – Вот мерзавцы!

– А, забудь... Обычное дело. Интриги – их стихия.

Ледяной порыв ветра пробрался под тонкий свитер. Я пожегился. Ну и мирок... Интересно, что нашла здесь Мария? Почему из теплого, радостного Ведена она бежала сюда?

...Тепех страшно отомстил отступникам. Как это обычно бывает, главари вышли сухими из воды. Зато над рядовыми исполнителями маг покуражился вовсю. Именно тогда он решил освоить некромантию. Пережив страшные пытки, заговорщики поселились в башне безмолвия. Их уделом стали вечные страдания.

К сожалению, это не вернуло Марии здоровье. Тепех перепробовал все мыслимые и немыслимые средства, но ни медицина, ни магия не могли исцелить ее.

Оставалось одно. Мария выздоравливала, лишь выходя в свою Истень. И Тепех решил выкрасть у Литницкого аль-Бариу.

Странное дело: при всей своей жестокости и цинизме Тепех оказался удивительно сентиментален... Истень Марии ему отчаянно не нравилась, – да и кому здесь может по-

нравиться? – но ради любимой он согласился пожертвовать всем.

Для начала он сошелся с владельцем кинжала поближе. Это оказалось несложно. Литницкий и Тепех и раньше вели кое-какие дела, так что общие интересы у них нашлись. Тепех убедил Литницкого, будто защита его коллекции неэффективна, а переставляя защиту, намеренно оставил лазейку.

Затем он отыскал знаменитого аскавского вора. Тут дело пошло легче. Как и все аскавцы, Лютен считал магов недотепами. Он верил в свою ловкость и удачливость, а к волшебству относился с известной долей презрения. За это и поплатился. Кто же мог подумать, что какой-то недоТепех на голову превзойдет его в изворотливости?

Используя все свое мастерство, Лютен вломился в сокровищницу Литницкого. Как и следовало ожидать, защита оказалась на высоте. Кинжал аль-Бариу вырвался из рук вора и заколол его. Затем заклинание оживило труп, и мертвый Лютен вернулся к заказчику преступления. Тепех справедливо рассудил, что лучшего сейфа, чем оживший мертвец, не найти, и отправил вора в колонию зомби.

Аскавцы – народ деятельный. Лютен возглавил колонию; собственно, там, посмертно, он и нашел свое место в жизни, если позволителен такой каламбур. Тепеху оставалось лишь забрать у мертвеца кинжал и устроить свое грандиозное жертвоприношение. Во имя любви, естественно. Одна-

ко...

– Слушай! Но ведь дедову коллекцию давно ограбили! Чего же он столько-то времени провозился?

Я с одобрением посмотрел на девчонку. Умеет ухватить суть!

– Я тоже думал об этом. Знаешь, похоже, Тепеху нравилось мучить жену. Садистские наклонности, то, се... Вот только вместо того, чтобы нормально, по-человечески нацепить кожаное бельешко и взять плетку, он изводил ее ожиданием. А заодно прощался с Веденом и своей магией. Потому что рано или поздно, он знал, все это рухнет.

...Мимо нас на бешеной скорости пронесся черный «Кай-ен». Светка отпрыгнула, но неудачно. По штанинам джинсов потекли струйки грязной воды.

– Уроды!! – взвизгнула она. Уставилась, прищурившись, на мусорную урну, но та даже не шелохнулась.

– Блин! Ну что же это делается?! – затосковала она. – И не сделать же ничего!

– Наслаждайся, – рассмеялся я. – Это же приключение! Когда еще такое переживешь?

Светка посмотрела на меня с изумлением, а потом присоединилась к моему веселью. Так мы стояли под дождем – двое счастливых сумасшедших – и хохотали во все горло.

Вдоволь насмеявшись, мы двинулись к огромному зданию из стекла и металла.

– «Кока-кола плаза», – прочитала Света. – Это киношка!

Заглянем погреться?!

– Давай! – Мой взгляд упал на афишу кинотеатра. – Слушай, не могу прочесть. Что за фильм они крутят?

– Сейчас гляну. Пи... «Пираты Карибского моря». Фу-у! Документальный фильм! Идем отсюда!

– Солнце, мы же замерзнем.

– Да ну на фиг! Они бы еще о магическом университете сняли. Бя-я! – Дзайана скорчила уморительную гримаску. – Приходите к нам учиться, у нас привидения, волшебные палочки, метлы и преподши ведьмы. Ахбожемойящасумру бугага два раза! Все, идем отсюда!

И она выперла меня из кинотеатра. Очень некстати... Дождь на улице только усилился, а зонтик остался в Ведене.

– Ты рассказывай, рассказывай, – приказала она. – Мне очень интересно. Что дальше-то было?

...Между тем существовала еще одна сила, жаждавшая заполучить монополию на чудеса.

В один прекрасный день церковь Ведена обнаружила, что зло вдруг как-то само собой искоренилось. Чудовищная армия аснатаров оказалась не нужна. Обсудив вопрос, коллегия хавананов пришла к выводу, что инквизицию следует упразднить, а вместо нее оставить небольшой отряд священников-экзорцистов.

На деле это решение вызвало кое-какие трудности. В Ведене стало больше дэвов. Дзайанов зачем-то начали шанта-

жировать, а иногда и убивать. И хаванан решил убить двух зайцев одним выстрелом. Пусть аснатары, решил он, сослужат последнюю службу. Отца Иштвана наделили чрезвычайными полномочиями и отправили расследовать дэвовщину с дзайанами.

Хаванан просчитался.

Иштван оказался деятельным человеком. Он совершил то, что оказалось не под силу милиции и ковену. Он втерся в доверие к руководству ордена. Он проник в суть интриги и выяснил все, кроме одного: каким образом Тепех собирался сделать реальностью чью-либо Истень. Но это пустяки, которые смутить бывалого инквизитора никак не могли.

Столкнувшись с монополией на чудеса, Иштван понял, что это его шанс. Любой мир на любой вкус... разве не в том мечта всех творцов религий? И аснатар решил создать вселенную, в которой инквизиция играет главную роль.

Сделать это оказалось непросто. Ассасины церковь Ясны и в грош не ставили. Язычники среди них были, агностики, атеисты – яснийцев не нашлось.

Так что аснатар решил не ждать милостей от природы и создать нужный мир самому. Истинная вера, знал он, рождается в опасности. Ему требовался человек, живущий заповедями Ясны не по привычке, а по велению души.

Для этого Иштван отыскал Алексея и объявил его друджвантом. Аснатар здорово рисковал: ведь любой священник мог его разоблачить. Но инквизицию уважали, так что все

прошло гладко.

Уж не знаю, какие чудеса Иштван показал парню, однако к последнему дню обряда тот проникся важностью происходящего. Он считал себя конченным друджвантом и за спасение мог поверить во что угодно. Инквизиции он принадлежал душой и телом.

Все бы прошло удачно, однако интересы сторон столкнулись. Узнав, что кто-то терроризирует Литницкого, Иштван встревожился. Он отправился на дачу, но тут мы проявили невиданную прыть и едва не поймали его врасплох, когда он влез в сейф с документами Литницкого.

Опасаясь разоблачения, Иштван натравил на нас цербера. Ему опять не повезло: мы едва не убили чудовище. Чтобы отвести от себя подозрения, аснатару пришлось вмешаться и «спасти» нас.

Изучив украденные бумаги, Иштван пришел к выводу, что дневники не все. Вторая часть хранилась у дзайана-учителя, Алексея Петровича Марченко. Добраться до мага, даже такого бестолкового, как Марченко, сложно. Иштван смог.

Один из учеников Марченко – Артем – терроризировал своего учителя. Когда Алексей Петрович звонил в инквизицию, умоляя избавить его от дэва, Иштван оказался ближе других аснатаров. Он ворвался в квартиру, разнес дверь и убил дэва. «Освободив» учителя от опасности, он обыскал квартиру, но дневников так не нашел. Что ему оставалось? Только пытки. Представляю, как он был разозлен! Искром-

сав труп, чтобы придать убийству вид дэвовского нападения, Иштван убрался с места преступления.

Дел у него скопилось выше крыши. Следить за Озерским, следить за Тепехом, меня разыскивать – ведь дневники-то были у меня! Выйти на мой след ему удалось лишь через несколько дней. За это время я успел уничтожить орден Дверей Истени ч опасно приблизиться к Тепеху.

Меня следовало убрать – чем скорей, тем лучше. Для этого Иштван сговорился с Тепехом. Некромант отправил за мной зомби, а инквизитор – своего служку. О, это был отличный план! Аснатар выигрывал в любом случае. Убей меня мертвячка или погибни сама – аснатарам пришлось бы освящать место боя. Так или иначе дневники попали бы к Иштвану.

Но я опять умудрился все испортить. Я убил зомби и поперся к Тепеху с бумагами. А там еще и попал в лапы к подданным барона...

– Блин! – опять не выдержала Светка. – А я этого козла чуть ли не на коленях упрашивала тебя спасти!

– В общем-то правильно... Помочь мне мог только Иштван. Аснатар чувствовал, что я сумасшедший настолько, что могу таскать бесценные дневники с собой. А ради них он был готов на все: разнести по кирпичику башню молчания, перебить армию тьмы, совратить привидение! Самое смешное, что он стоял в шаге от Лютена! Стоило протянуть руку – и кинжал аль-Бариу оказался бы у него.

...Темный город задрожал. При каждом шаге мои ноги обвивали пряди плесени. Дома заколебались, как воздух над асфальтом в жаркий день.

– Скоро домой. – Я легонько сжал Светину ладонь. – Держись поближе. Когда нас выкинет обратно, ты потеряешь сознание.

– А что будет с ними?.. Ну, с Тепехами?..

– Скорее всего погибнут, – равнодушно ответил я.

– Бр-р-р! – поежилась дзайана. – Какой ужас! А может, им повезет? Может, они просто останутся здесь?

– Что ж, так даже лучше. От души желаю им этого.

...Даже получив из моих рук бумаги, Иштван не смог проникнуть в тайну кинжала. Средневековый шифр оказался ему не по зубам. Оставалось последнее средство: выцарапать секрет у Тепеха. Грязно, некрасиво, но... не можешь победить эффектно – просто победи.

Операцию Иштван выстроил с хирургической точностью. Все-таки он гений! Я понятия не имею, как он отвлек армию мертвых. Не знаю, чем нейтрализовал Марию, но когда аснатары бились с Тепехом, та не смогла прийти мужу на помощь.

Тепех оказался в руках инквизиторов. Несмотря на пытки, он держался до конца. Он понимал, чего хочет Иштван. Мы с тобой видели Истень, которая открылась Лешке после инквизиторской психоломки. Дэв на дэве, монстр на монстре... Аснатары там пришлись бы весьма кстати. Вот только

как жить в мире, находящемся под властью чудовищ?

Тепех все это прекрасно понимал. Но он сломался, когда аснатары у него на глазах изувечили Марию. Без жены все краски мира потеряли для него ценность. Знаешь, я поражаюсь – такая любовь! Некромант «сдал» Лютена, и аснатары отправились за кинжалом. Тепех и его любимая остались умирать в лаборатории.

Что дальше, ты знаешь. Остается добавить лишь одно: кинжал аль-Бариу больше не губит миры. Когда мы убежали от зомби, я выломал рубин из рукояти.

Дзайана посмотрела на меня с уважением:

– Ты страшный человек, лапа. Честно! Я тебя боюсь!

Я рассмеялся и взъерошил ей волосы. Она пихнула меня локтем и показала язык. Так, дурачась, мы брели по городу. Проходя мимо лотка с безделушками, я стянул янтарную пирамидку. Раз уж мародерствуем, надо запастись сувенирами.

Дзайана подняла на меня немного испуганный взгляд:

– Рек... кажется, началось!

– Что началось?

Она не ответила. Мир дождя рухнул вместе с дзайаной. Вот только Светку я успел подхватить, а спасти унылую промозглую реальность оказалось некому.

Дома рухнули, чтобы подняться вновь – чистыми и праздничными.

В синем небе Ведена вспыхнуло солнце.

Я плелся нога за ногу по разноцветной мостовой города, – одурелый от радости, бродяга между мирами, – а от моих джинсов и куртки шел пар. Дзайана спала, уткнувшись носом в мое плечо. Светлые кудряшки подпрыгивали при каждом шаге.

Исчезла вонь мазута и бензиновой гари. Воздух пахнул поздними магнолиями – как я не замечал этого до сих пор?! Люди, шедшие мне навстречу, улыбались – а мне казалось, что я совсем отвык от улыбок за неполный час в темном мире.

– С девушкой что-то случилось? – поинтересовался сидящий на крыльце великан. Я узнал в нем кадавра из Ксанаду. – Если нужна помощь – не стесняйся.

– Спасибо, – улыбнулся я. – Она просто устала... Тяжелая выдалась ночь.

– Ночка действительно опасная, – согласился кадавр. – Ночь всех зол, тридцать первое октября. Рад, что она подошла к концу.

От глаз его разбежались лучистые морщинки. Мне подумалось, что уж этот удивительный парень знает все: о мертвецах, о моем соревновании с Лютеном, о зарубленных аснатарах.

О Тепехе и Иштване.

О других мирах.

– Вот и все, – объявил я, глядя в равнодушные слепые глаза. – Дело о монополии на чудеса закончилось.

– Не совсем. Остался еще один невыплаченный должок.

Воздух сгустился и потемнел. Из пустоты выскальзывали тени: армия тьмы, которую я оставил у подножия башни, пришла за мной. Безмолвные фигуры окружили нас.

– Ну, господа, – улыбнулся я. – Это уж слишком! Ваше время – ночь, уходите! Вы ничего не сможете мне сделать.

Тени обрели лица. Людей, Иштван, Белая Венди... Марченко, Лютен, ассасины – все они шли ко мне, и в их глазах застыл мрачный вызов.

Ненависть и талант – страшная сила. Прощальное проклятие некроманта настигло меня.

– Что мне делать? – обернулся я к перевозчику.

– А ты как думаешь? – пожал плечами тот. – Освободи их! Иначе тебе никогда не расстаться с этими тенями.

Что ж, решил я. Это будет правильно.

И шагнул навстречу темному воинству.

– Эта история закончена, ребята! – сообщил я им. – Всем спасибо, друзья. Счастливого небытия!

Призраки недоуменно переглянулись.

– Мы свободны?

– Ну конечно!

Грянула музыка: залихватская и веселая, бравурная и жизнерадостная – та, что сверкающей нитью пронизывала эту историю. Сияние вечности развернулось над армией тьмы. Чистые и грязные, убийцы и святоши – все отбивали чечетку, празднуя счастливый конец романа.

Откуда-то сами собой родились слова:

Венди, хватит трагичного вида!

Знай: любви не страшны кинжалы.

И забудь эту глупую придурь:

Создавать и искать идеалы!

Синее небо развернулось над башнями Ведена. Прозрачный шелк облака зацепился за шпиль, да так и повис на нем.

– Мы уже дома? – спросила Света, приоткрыв один глаз.

– Дома.

– Чарово! Никогда не думала, что так люблю Веден. Не буди меня, ладно? И купи пирожков каких-нибудь, жрать хочу – просто умираю!